

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (169) 2014 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2014

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Жарский Иван Михайлович, ректор, профессор, кандидат химических наук

Редакционная коллегия номера:

П. А. Водопьянов, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор кафедры философии и права, доктор философских наук, профессор (главный редактор номера);

Н. В. Трус, заведующий кафедрой белорусской филологии, кандидат филологических наук, доцент (заместитель главного редактора номера);

Н. М. Забавский, декан исторического факультета БГПУ имени Максима Танка, доктор исторических наук, профессор;

Т. П. Короткая, профессор кафедры философии БГЭУ, доктор философских наук, профессор;

С. В. Решетников, заведующий кафедрой политологии БГУ, доктор политических наук, профессор;

И. А. Черота – заведующий кафедрой славянских литератур БГУ, доктор филологических наук, профессор;

В. М. Острога, доцент кафедры истории Беларуси и политологии, кандидат исторических наук, доцент (секретарь).

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32,

главного редактора номера – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

*Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований»*

Редактор О. А. Кузьмич

Компьютерная верстка: С. С. Белявская, О. Ю. Шантарович

Корректоры: А. С. Аристова, А. Д. Микитюк

Подписано в печать 26.08.2014. Формат 60×84¹/₈.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 27,6.

Тираж 110 экз. Заказ 331.

Издатель и полиграфическое исполнение: УО «Белорусский государственный технологический университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/227 от 20.03.2014. ЛП № 02330/12 от 30.12.2013.

Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

ИСТОРИЯ

УДК 930:94(470)(476)''17/18''

П. С. Крючек, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ); **В. Н. Сергеев**, ассистент (БГТУ)

ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В конце XVIII века в результате разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. С этого момента перед исторической наукой была поставлена задача научно обосновать законность включения белорусских и украинских земель в состав России. В статье рассматривается вопрос о том, как решалась проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX века.

Belarusian lands were included into the Russian Empire at the end of the 18th century as a result of the Polish-Lithuanian Commonwealth's Partitions. From that time, historical studies were targeted to prove scientifically that Belarusian and Ukrainian lands went to Russia legally. The article is devoted to the topic how this problem was solved in historiography at the end of 18th and the beginning of the 19th century.

Введение. В конце XVIII в. начался новый этап в истории Беларуси. В результате разделов Речи Посполитой все белорусские земли были включены в состав Российской империи. С этого момента главной задачей царских властей стала скорейшая интеграция вновь присоединенных земель в российский государственный механизм. Была ликвидирована шляхетская анархия, отменены привилегии местных магнатов, в частности право иметь собственные вооруженные силы, вводилась единая податная система, проведено новое административное деление и другие государственные мероприятия, направленные на выполнение поставленной задачи.

Особая задача в этом плане ставилась перед исторической наукой, которая должна была обосновать законность разделов Речи Посполитой и правомерность включения белорусских и украинских земель (как земель «исконно русских») в состав России.

Следует отметить, что белорусское население в этот период было расколото по конфессиональному признаку. Социальные верхи общества являлись в основном католиками и относили себя к полякам. В то же время православное население Беларуси, основную массу которого составляли крестьяне, считалось русским. Такая ситуация, которую активно поддерживали и православное, и католическое духовенство, не способствовала консолидации белорусского этноса и отрицательно сказывалась на этническом самосознании белорусского народа. В таких сложных условиях и происходило становление белорусской историографии.

Основная часть. До середины XIX в. и в русской, и в польской научной среде широко быто-

вало мнение, что язык жителей Беларуси является несамостоятельным, промежуточным между русским и польским. Такое положение было связано не только с плохим знанием истории края, но и со стремлением представить вошедшие в состав Российской империи земли, с одной стороны, как извечно польские, а с другой стороны, как «воссоединение с Россией ее исконных земель Белой Руси».

Правительственная точка зрения на этот вопрос нашла свое отражение уже в 1780 году в официальном путеводителе, который был приурочен к путешествию Екатерины II по Беларуси. В нем, в частности, утверждалось, что «некогда эта земля принадлежала великим русским князьям. Потом она была расхищена на части, но русские государи, начиная с Ивана III, стремились присоединить оторванные части». И лишь в 1772 году «потерянное приобщено и утверждено под державу Екатерины» [1, с. 42–43].

Конец XVIII – начало XIX в. были для Российского общества периодом первого знакомства с Беларусью. Начались ознакомительные поездки по краю, стали появляться первые исследования по истории «Западной Руси».

В целом изучение Беларуси и белорусов в первой трети XIX столетия развивалось по восходящей линии. Возникли первые научные центры, занимавшиеся историческими исследованиями (прежде всего Виленский университет и Полоцкая иезуитская академия), расширилась источниковая база, появились первые концепции исторического развития Беларуси.

Важнейшим научным центром, изучающим историю Беларуси и Литвы в этот период, становится Виленский университет, ректором которого долгое время являлся выдающийся

просветитель Я. Снедецкий. В первой четверти XIX в. университет превратился в настоящий очаг вольнодумства. В этот период здесь работала целая плеяда выдающихся историков, среди которых, прежде всего, необходимо назвать И. Лелевеля, И. Даниловича, И. Ярошевича, И. Онацевича и некоторых других. Известный польский историк И. Лелевель внес огромный вклад и в изучение истории Беларуси и Литвы. Труды ученого отличались антифеодальной направленностью, враждебностью к национализму и клерикализму, осуждали национальное угнетение белорусского и украинского народов в Речи Посполитой. В своей работе «История Литвы и Руси вплоть до Люблинской унии 1569 года» историк писал о роли народных масс в истории, о развитии восточнославянской культуры, показал значение старобелорусского языка в Великом Княжестве Литовском. Позднее под влиянием идей И. Лелевеля формировались взгляды польских и белорусских революционеров-демократов и прежде всего З. Сероковского и К. Калиновского.

Другим видным исследователем истории Великого Княжества Литовского являлся выпускник, а затем и профессор Виленского университета И. Данилович. Он являлся одним из первых исследователей летописных и законодательных памятников по истории Литвы и Беларуси, занимался сбором, изучением и публикацией важнейших источников по истории этих народов. Среди прочего ученый впервые описал все рукописные и напечатанные экземпляры Статутов Великого княжества Литовского, подготовил первое издание Статута ВКЛ 1529 года. В своей работе «Исторический обзор Литовского законодательства» И. Данилович проанализировал историю развития права в Беларуси и Литве, выявил его связь с древнерусским и западноевропейским законодательством. При этом он подчеркивал самобытный характер белорусско-литовского права. До конца своей жизни ученый мечтал о возрождении литовско-белорусского государства и языка Статутов ВКЛ.

Известным исследователем истории Беларуси являлся профессор права Виленского университета И. Ярошевич. Ученый активно занимался сбором материалов в архивах Беларуси и Литвы, которые и легли в основу его трудов. Опираясь на исследования М. Стрийковского, Т. Нарбута и некоторых других исследователей, И. Ярошевич изучал происхождение племен, которые проживали на территории Беларуси, фольклор и этнографию белорусского населения. Правда, следует отметить, что в некоторых его работах явно просматривается полонизаторская тенденция.

Выдающимся ученым-славистом являлся профессор Виленского университета М. Бобровский. С 1817 по 1822 г. по направлению Виленского университета он находился в зарубежной научной командировке, в результате которой ознакомился с архивами и библиотеками Австрии, Италии, Франции и некоторых других европейских стран. Ученый исследовал историю славянского книгоиздательства, собирал материалы о деятельности Ф. Скорины, И. Федорова, П. Мстиславца. В ходе командировки М. Бобровский посетил земли западных и южных славян, изучил и описал многие славянские древности, сделал описание древних славянских литературных памятников из собраний Ватиканской библиотеки. Ученый по существу первым открыл для европейской и белорусской науки имя Ф. Скорины, сведения о котором собирал на протяжении всей своей жизни. Кроме того, М. Бобровский собрал богатую библиотеку памятников славянского книгоиздания. Некоторые из этих изданий сегодня хранятся в хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга и Вильнюса. К сожалению, большая часть научного наследия ученого после его смерти безвозвратно исчезла. Не был опубликован и главный труд ученого «История славянских книгопечатен в Литве». Таким образом, деятельность М. Бобровского стала началом современного славяноведения.

Следует отметить, что в первой трети XIX в. Виленский университет не являлся единственным центром, изучающим историю Беларуси. В этот период на ниве изучения Беларуси и белорусов работали и другие энтузиасты. Среди них можно назвать братьев К. и Е. Тышкевичей, белорусских литераторов Я. Чечота, Т. Зана и А. Мицкевича и многих других. В частности, в Петербурге и Гомеле под покровительством графа Н. Румянцева работала целая группа исследователей, которые развернули активную деятельность по поиску древних славянских рукописей и предметов «западнорусской» старины. Эта группа вошла в историю под названием «Румянцевский кружок». Среди его членов следует отметить, прежде всего, выдающегося историка и археографа И. Григоровича. Благодаря финансовой поддержки со стороны Н. Румянцева И. Григорович занялся изучением архивов, прежде всего Восточной Беларуси. Собранные материалы были опубликованы в 1824 г. в Москве под названием «Белорусский архив древних грамот. Ч. 1». Главной ценностью издания было то, что все опубликованные в нем документы впервые касались исключительно Беларуси. Материалы, представленные в издании, должны были свидетельствовать о тех притеснениях, которые испытывало

православное население Беларуси со стороны католиков. После выхода книги И. Григорович с удовлетворением отмечал, что теперь «и наша Белоруссия не совсем исчезнет с лица земли, но да ведает свет, что были времена, когда она была славнее и добродетельнее, нежели ныне» [2, с. 28]. К сожалению, планируемые вторая и третья части издания так и не были осуществлены. Позднее И. Григорович принимал активное участие в деятельности Археографической комиссии. В частности, при его активном участии было подготовлено пятитомное издание «Акты Западной России». А в конце своей жизни он по предложению министра народного образования П. Ширанского-Шахматова занимался составлением словаря белорусского языка.

В тоже время главной задачей официальных властей по-прежнему являлась скорейшая интеграция западных земель в состав Российской империи. Поэтому в Петербурге с определенными опасениями наблюдали за ситуацией в крае. Особенно эти опасения усилились после событий 1830–1831 г. В результате самодержавие усилило репрессивную политику, в том числе и в сфере науки и культуры. Первым шагом на этом пути стало закрытие Виленского университета. Печально известный в Беларуси российский государственный деятель М. Муравьев, который в те годы только начинал свою карьеру, в своей записке правительству призывал «решительно уничтожить гнездилище Литовского вольнодумства рассказыванием Виленского университета по разным училищам во внутрь империи, преобразовав постепенно всю учебную часть на основании российских учебных заведений ...» [3, с. 592].

Однако наиболее дальновидные представители российской администрации понимали, что одними репрессиями изменить общественно-политический климат в крае невозможно. Необходимо создать и научные центры, и учреждения, способные нейтрализовать польское влияние. Такими центрами стали созданные в конце 30-х годов губернские статистические комитеты. Главной целью их деятельности являлся сбор информации о прошлом и настоящем хозяйства, населения и историко-бытовых особенностей западных губерний. Собранные ими материалы нашли свое отражение в «Памятных книгах губерний», которые издавались с конца 40-х гг. XIX в. В неофициальных их частях нередко публиковались историко-краеведческие очерки, заметки, исторические документы [3, с. 30].

В целях оперативной подготовки материалов историко-статистического характера администрация края была вынуждена заняться упорядочением архивного фонда Беларуси и Литвы.

С этой целью были созданы специальные учреждения – Виленский и Витебский центральные архивы древних актов книг. Вильно фактически превратился в главный центр по хранению и публикации материалов, касающихся истории Великого Княжества Литовского. Для обработки и публикации источников здесь была создана Археологическая комиссия. Ее председателем был назначен известный исследователь Е. Тышкевич, который пожертвовал комиссии свою богатейшую коллекцию древностей. Экспонаты комиссии комплектовались за счет актов и рукописей, ранее принадлежавших упраздненным католическим монастырям, а также частично за счет материалов, ранее входивших в состав частных коллекций. Для обработки и публикации материалов были привлечены такие местные историки и любители старины, как Т. Нарбут, А. Киркор, И. Крашевский и др. В 1858 г. комиссия подготовила и издала «Собрание государственных и частных актов, касающихся Литвы и соединенных с нею владений (1387–1710)». Правда, следует отметить, что царская администрация настороженно наблюдала за деятельностью комиссии, не без основания усматривая в ней гнездо польского и литовского сепаратизма.

После восстания 1831 г. среди образованной молодежи Беларуси под влиянием освободительных идей в Западной Европе стал развиваться интерес к местному фольклору и быту, появляется идея обращения к народу на его родном языке. Эта молодежь активно участвовала в издании общественно-политических журналов, которые в большом количестве выходили в Вильно в 30–50-х гг. XIX в. Эти журналы издавались в основном на польском языке под редакцией И. Крашевского, А. Киркора и некоторых других издателей. На страницах этих журналов публиковались материалы по истории и археологии, философии и этике, а также художественная литература. В частности, И. Крашевский в своем журнале «Атенеум» опубликовал целый цикл материалов по истории Великого Княжества Литовского, а также несколько интереснейших очерков, написанных по материалам его путешествий по Беларуси.

Сразу несколько научно-литературных журналов в 40–50-х гг. издавалось под редакцией известного белорусского и польского историка и этнографа А. Киркора. В своих работах ученый пропагандировал идею славянского единства. Все его творчество проникнуто чувством любви к своей Родине – Беларуси. Кстати, именно А. Киркор впоследствии в своих работах «Белорусское Полесье» и «Литовское Полесье», написанных для третьего тома «Живописной России», познакомил широкую российскую

общественность с историческими и культурными особенностями белорусского народа, а также показал особенности и самобытность белорусского языка.

Активной исследовательской деятельностью в сфере истории Беларуси в этот период занимался Т. Нарбут. Он являлся автором множества исторических и краеведческих работ, в которых идеализировал историю Великого княжества Литовского, отрицательно характеризовал политику польских феодалов в ВКЛ, признавая, тем не менее, роль польской культуры и католической церкви в жизни Беларуси. При этом Т. Нарбут собрал и проанализировал огромный фактический материал по истории Беларуси, который впоследствии использовали другие исследователи.

Такая тенденция в исследовании прошлого Беларуси естественно вызывала обеспокоенность властей. Поэтому большое внимание истории «Западной Руси» в этот период стала уделять и российская дворянская историография. В частности, в работах Н. Устрялова была заложена основа великодержавной версии истории Беларуси, которая стала господствующей на долгие годы. Одновременно было организовано комплексное изучение края, для чего были привлечены более полусотни человек. Они были вынуждены констатировать, что в научном освещении Беларуси по-прежнему преобладает польское влияние. Генерал П. Батюшков впоследствии писал в предисловии к своей книге «Белоруссия и Литва», что «в конце 50-х гг. ни в одном центральном учреждении империи не имелось систематических известий по статистике и этнографии западных губерний. Русская историческая литература и периодическая печать верили на слово источникам польского происхождения, часто вымышленным и всегда тенденциозным. Искжая бытовые данные и тем самым отрицая самобытность древних элементов Западной России, польская печать, а за ней русская, в известной ее части, не признавали бесспорных ее прав России на западные окраины» [4, с. 15]. Для решения этой проблемы правительство организовало издание работ, отражавших различные аспекты белорусской истории.

Наиболее значительной из них стала работа О. Турчиновича «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен». Несмотря на описательный характер, работа О. Турчиновича имела огромное значение. История Беларуси впервые рассматривалась в ней не как составная часть истории Литвы, Польши или России, а как история непосредственно белорусского края и белорусского народа. Ценные материалы

содержала и работа М. Без-Карниловича «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся». Материалы, подобранные из летописей, польских хроник, сообщений историков XVIII – начала XIX вв., должны были формировать у читателей представления о Беларуси как неотъемлемой части Российской империи. Тем не менее, работа содержит ценные сведения о политической истории Беларуси до середины XIX в. Кроме того, автор дает интересные материалы о положении белорусского крестьянства, этнографической ситуации в белорусских городах и местечках и др.

Заключение. Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. была заложена великодержавная концепция истории Беларуси, где включение белорусских земель в состав Российской империи рассматривалось как восстановление исторической справедливости. Тем не менее, наряду с официальной точкой зрения на эту проблему существовала и альтернативная точка зрения. Так, в работах А. Киркора, И. Ярошевича, Т. Нарбута была сформулирована несколько иная концепция исторического прошлого Беларуси. В их трудах преобладала полонофильская тенденция, хотя и стали проявляться и «литвино-патриотические» взгляды на историю края.

В целом следует отметить, что, несмотря на определенные успехи, белорусоведение в первой половине XIX в. широкого развития так и не получило. Беларусь по-прежнему оставалась краем слабоизученным, а в историографии преобладали великорусская и великопольская концепции. Причем в общественном мнении явно преобладала последняя.

Литература

1. Топографические примечания на знатнейшие места путешествия ее императорского величества в Белорусские наместничества. 1780. СПб., 1780. 138 с.
2. Карев Д. В. Белорусская историография в конце XVIII – начале 60-х годов XIX в. // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П. Т. Петриков [и др.] Минск: Наука и техника, 1996. С. 24–38.
3. Две записки [графа] М. Н. Муравьева о Северо-Западном крае // Русский архив. 1902. С. 589–598.
4. Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы СевероЗападного края. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1890. 376 с.

Поступила 15.03.2014

УДК 930.1(476)«1917/1918»

М. Я. Сяменчык, доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры (БДТУ)

САВЕТЫ РАБОЧЫХ, САЛДАЦКІХ І СЯЛЯНСКІХ ДЭПУТАТАЎ БЕЛАРУСІ (САКАВІК 1917 – САКАВІК 1918 ГГ.) У АСВЯТЛЕННІ АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Артыкул асвятляе айчынную гістарыяграфію Саветаў рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.). Вызначана гістарыяграфічная перыядызацыя, ахарактарызаваны асаблівасці кожнага з яе этапаў. Названы творы айчынных аўтараў, якія ўнеслі найбольшы ўклад ва ўкараненне канцэпцыі аб ролі Саветаў як органаў дыктатуры пралетарыяту і сялянства ў рэвалюцыйных працэсах 1917–1918 гг. Паказаны сучасны стан і тэндэнцыі вывучэння пытання аб дзейнасці Саветаў Беларусі.

The article showcases domestic historiography of the Soviets of workers, soldiers and peasants deputies of Belarus during the February and October revolutions (March 1917 to March 1918). Defined historiography periodization, described the peculiarities of each of its steps. Named works of domestic authors, which have made the largest contribution to the implementation of concept on the role of the Soviets as bodies of the dictatorship of the proletariat and the peasantry in the revolution 1917–1918. Shows the current status and trends of the study of the Soviets of Belarus.

Уводзіны. У свядомасці грамадзян СССР 1917 год трывала асацыяваўся з Савецкай уладай, усталяванай рабочымі, салдатамі і сялянамі на чале з ленінскай партыяй. Значную ролю ў фарміраванні такога аб ім уяўлення адыграла і айчынная гісторыя. Гісторыя саміх Саветаў асвятлялася ў кантэксце дзейнасці партыі большавікоў. Невыпадкова ні адзін айчыны гісторык не абмінуў Мінскага Савета ў той час, як Магілёўскаму і некаторым іншым Саветам да апошняга часу не нададзена належнай увагі.

Асноўная частка. Вывучэнне і асвятленне дзейнасці Саветаў праходзіла ў некалькі этапаў і працягваецца ў наш час. На першым з іх – у 1920-х – першай палове 1930-х гг. аўтарамі публікацый аб Саветах з’яўляліся большавікі Віцебска, Мінска [1], Гомеля, Магілёва, Мазыра, Оршы [2]. Характэрна, што Саветы дакастрычніцкага часу падаваліся як грамадска-палітычныя арганізацыі, якія абаранялі новы лад, а таксама інтарэсы працоўных і салдат. Пасля Кастрычніка рабочыя Саветы апынуліся ў апазіцыі да большавікоў і былі разлаганы [3, с. 197–215].

Другі этап вывучэння Саветаў меў месца з канца 1930-х да другой паловы 1950-х гадоў, калі ўзнікла і ўкаранілася партыйная канцэпцыя Кастрычніка, якая абапіралася на ленінскую тэарэтычную спадчыну і сталінскую «Історию ВКП(б). Краткий курс». Палітычна адукаванаму чалавеку належала ведаць, што Саветы рабочых і салдацкіх дэпутатаў з’яўляліся «органами саюза рабочых і сялян супраць царскай улады і разам з тым – органам іх улады, органам дыктатуры рабочага класа і сялянства» [4, с. 27]; што з сакавіка па ліпень у Расіі існавала «двоеўладдзе» ў асобе Часовага ўрада і Саветаў; што ў ліпені ў выніку здрады згоднікаў уся ўлада перайшла ў рукі буржуазіі і г. д.

Вывучэнне Саветаў Беларусі ў азначаных рамках ускладнялася мізэрнай колькасцю

пралетарыяту, падтрымкай Саветамі Часовага ўрада і іх суцэльным падарадкаваннем меншавікам, эсэрам і бундаўцам. Ускладняла становішча і тая акалічнасць, што пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі пераважная маса Саветаў адмовілася прымаць уладу, аддаючы перавагу нядаўна абраным органам самакіравання.

Недахоп фактаў і аргументаў на прадмет пацвярджэння тоеснасці рэвалюцыйных працэсаў у Беларусі і астатняй Расійскай імперыі з лішкам кампенсаваліся айчыннымі гісторыкамі шляхам актыўнага цытавання прац Леніна, Сталіна і палажэнняў «Краткого курса». Творы ж 1920-х – пачатку 1934 г. не ўкладваліся ў рэчышча новай канцэпцыі, папросту знішчаліся.

Такія навацыі можна знайсці ў манаграфіі Ф. Папова, прысвечанай М. Фрунзе, дзе Саветы называліся «другім урадам», «органами саюза рэвалюцыйнага рабочага з рэвалюцыйным салдатам» [5, с. 27]. Тыя ж падыходы, тэрміналогія і ацэнкі падзей 1917 г. знайшлі адбітак у манаграфіі Л. Гапоненкі [6]. У гэтай працы Мінскі Савет падаваўся як «адзіна народная ўлада». Паведамлялася, быццам меншавікі, эсэры і беларускія нацыяналісты імкнуліся захапіць кіраўніцтва Саветам «і ператварыць яго ў дадатак Часовага ўрада» [6, с. 35]. Аўтар сцвярджаў, што пасля перамогі ўзброенага паўстання ў Петраградзе «войскі Заходняга фронта пайшлі за рэвалюцыйным рабочым класам і разам з ім пад кіраўніцтвам большавіцкай партыі ўзняліся на расшчы бой за ўладу Саветаў» [6, с. 118].

З асуджэннем сталінізму выкарыстанне даследчыкамі схем «Краткого курса» не перапынілася. Тым не менш, вывучэнне Саветаў у кантэксце дзейнасці партыі большавікоў зрабілася больш праўдзівым. Так, І. М. Ігнаценка ў сваёй манаграфіі [15] прывёў звесткі аб буйнейшых на той час Саветах, указаў на гіпербалізацыю асобнымі аўтарамі ролі большавікоў у арганізацыі

і працы Саветаў [7, с. 13–15], назваў тыя з іх, якія асудзілі анарха-бальшавіцкае выступленне 3–5 ліпеня. Аўтар першым з айчынных гісторыкаў указаў на тое, што ў беларускіх гарадах не было «рэвалюцыйнага пралетарыята», што асобныя Саветы Беларусі адмовіліся браць уладу пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі [7, с. 326–329].

Чарговым крокам у даследаванні рэвалюцый 1917 г., у тым ліку дзейнасці Саветаў, стаў выхад у 1967 г. калектыўнай манаграфіі «Победа Советской власти в Белоруссии». У пацвярджэнне схем з «Краткого курса» аўтары паведамілі, што ў сакавіку ў Мінску ўзнікла двоеўладдзе ў асобе Савета і грамадскага камітэта [8, с. 77]. Аўтары адзначылі, што ініцыятарамі стварэння Саветаў былі меншавікі і бундаўцы, але ў высновах гэтую ініцыятыву яны пакінулі «народным масам» [8, с. 86]. У пацвярджэнне тэзіса аб Саветах як «органах народнай улады» аўтары даводзілі факты аб устанавленні Саветаў васьмігадзіннага працоўнага дня, утварэнні прафсаюзаў, фарміраванні міліцыі, правядзенні агітацыйна-прапагандысцкай і асветніцкай працы. Разам з тым, аўтары занадта перабольшвалі ролю Саветаў у барацьбе з карнілаўшчынай і тэмпы іх бальшавізацыі [8, с. 30, 81, 219]. Імі зроблена выснова, што ў кастрычніку не толькі Мінскі Савет, а і Мінскі камітэт РСДРП(б) зрабіліся палітычным і арганізацыйным цэнтрам падрыхтоўкі ўзброенага паўстання ў Беларусі» [8, с. 242].

У цэлым, аўтары манаграфіі выкарысталі велізарную колькасць новых, пераважна дакументальных матэрыялаў, а таксама існуючую гістарычную літаратуру, за выключэннем даваеннай, для таго, каб на мясцовым матэрыяле пацвердзіць распрацаваную У. Леніным канцэпцыю аб гістарычнай заканамернасці і непазбежнасці Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, дэмакратычным характары ўсталяванай улады Саветаў і вызначальнай ролі ў тым партыі бальшавікоў. Гэтыя палажэнні ляглі ў аснову такіх абагульняючых прац, як «Очерки истории КПБ» (1968), «Гісторыя Беларускай ССР» (1973), «История рабочего класса Белорусской ССР» (1984) і да нашых дзён натхняюць пракамуністычных прапагандыстаў.

У 1987 г. выйшла ў свет манаграфія П. К. Башко, адмыслова прысвечаная Саветам Беларусі [9]. Аўтар правёў даследаванне на аснове дасягненняў гістарычнай навукі Расіі і БССР, увёў у навуковы ўжытак знойдзеныя ў многіх архівах СССР матэрыялы і выкарыстаў велізарны пласт тэарэтычнай спадчыны У. Леніна. Менавіта ленінская трактоўка Саветаў як увасабленне непасрэдных органаў улады народа, органаў рэвалюцыйна-дэмакратычнай дыктатуры

пралетарыята і сялянства [9, с.12] праходзіць праз усю манаграфію.

П. К. Башко слушна адзначыў, што небальшавіцкае кіраўніцтва Саветаў лічыла іх часовымі арганізацыямі, якія абавязаны выконваць у асноўным функцыі кантролю за дзеяннем органаў Часовага ўрада да склікання Устаноўчага сходу [9, с. 33]. Ён са спасылкай на У. Леніна аспрэчыў тэзіс, «нібыта ініцыятарам стварэння Саветаў у ходзе Лютаўскай рэвалюцыі былі дробнабуржуазныя партыі» [9, с. 11], і сцвярджаў, што «застрэльшчыкам арганізацыі Саветаў у Беларусі быў рабочы клас на чале з бальшавікамі» [9, с. 818].

У выпадку з характарыстыкай сацыяльнага складу сялянскіх Саветаў аўтар таксама абапіраўся на творы У. Леніна, які атаясамлівае іх з Саветамі салдацкіх дэпутатаў таму, што «асноўную масу салдат складалі сяляне» [9, с. 51]. У такім выпадку П. К. Башко варта было б патлумачыць, навошта салдаты стваралі ўласныя Саветы, а не карысталіся сялянскімі.

Аўтар падзяляў ленінскую ацэнку двоеўладдзя і пацвярджаў яго існаванне ў Беларусі на прыкладзе Саветаў і грамадскіх камітэтаў (пазней – камісарыятаў Часовага ўрада) [9, с. 64]. Ён падаваў азначаныя камітэты і камісарыяты як буржуазныя органы, нягледзячы на тое, што ў іх уваходзілі прадстаўнікі Саветаў.

Важнай часткай працы, якая сведчыць аб Саветах як органах улады, з'яўляецца матэрыял аб іх удзеле у выдаленні варажых ім элементаў з камісарыятаў, гарадскіх дум і земстваў, барацьбе супраць пагромаў, распаўсюджання рэакцыйнай літаратуры і г. д. [9, с. 66, 69–71, 82]. Але варта было б дадаць, што гэтыя акцыі не супярэчылі палітыцы органаў Часовага ўрада і адбываліся ў адным з ёй рэчышчы.

Аўтар станоўча ацэньваў тых Саветаў, якія дзейнічалі да ліпеня 1917 г. Ён адзначыў, што «ў сувязі з ліпеньскімі падзеямі двоеўладдзе было ліквідавана і ўсталявана дыктатура буржуазіі» [9, с. 134], што пад уплывам дробнабуржуазных партый Саветы прыйшлі ў заняпад» [9, с. 150]. Але такога не магло адбыцца, бо, як пісаў аўтар, у канцы жніўня «многія Саветы Беларусі адыгралі надзвычайную ролю ў падаўленні карнілаўскага мяцяжа» [9, с. 220].

П. К. Башко яўна перабольшваў папулярнасць лозунга «Уся ўлада Саветам». «Напярэдадні Кастрычніка тыя Саветы, – піша ён, – якія пазбавіліся ад дробнабуржуазнага згодніцтва, саспелі да такога ўзроўню, што былі гатовы засяродзіць усю паўнату дзяржаўнай улады ў сваіх руках».

Заўважым, што восенню ў Беларусі з агульнай колькасці Саветаў (больш за 100) ўзяць уладу былі здольныя толькі 3–4 [9, с. 183]. Аб іх

«спеласці» сведчаць і далёка не мірныя спосабы пераходу ўлады да іх пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі [9, с. 215].

У цэлым, манаграфія П. К. Башко ўвабрала ў сябе лепшыя дасягненні тагачаснай партыйна-гістарычнай думкі аб Саветах у перыяд з Лютаўскай па Кастрычніцкую рэвалюцыю. Яго істотнай заслугай з’яўляецца падрабязны падлік і класіфікацыя ўсіх Саветаў Беларусі.

З улікам татальнага панавання КПСС выкладзены аўтарам палажэнні цалкам адпавядалі ленінскаму вучэнню аб сацыялістычнай рэвалюцыі і ў многім – «Краткому курсу ВКП(б)». Адсюль і тэзісы аб Саветах як органах дыктатуры пралетарыяту і сялянства, перапляцення дыктатур, мірным развіцці рэвалюцыі, двоеўладдзі, буржуазным Часовым урадзе і інш. Раскрыццё тэмы адбывалася з класава-партыйных падыходаў пры абсалютызацыі прынцыпу партыйнасці. Выкарыстоўваючы мясцовы матэрыял, аўтар паказаў вядучую ролю ленінскай партыі ў стварэнні Саветаў Беларусі, іх далейшы ўдзел у разгроме карнілаўшчыны, працэс бальшавізацыі і саспявання да ўзяцця дзяржаўнай улады і ўсё тое, што дыктавалі ўмовы таго часу.

Адначасова выразна паказана антынародная дзейнасць буржуазнага Часовага ўрада, здрадніцкая роля эсэраў, меншавікоў, бундаўцаў, беларускіх буржуазных нацыяналістаў, якія перашкаджалі працоўным і рэвалюцыйным салдатам на чале з партыяй бальшавікоў змагацца за ўладу Саветаў.

Не менш важныя высновы аб тым, як адбывалася ператварэнне Саветаў у органы ўлады пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі, змяшчаліся ў манаграфіі А. І. Несцярэнка і У. П. Асмалоўскага [10]. Паводле аўтараў, «Саветы адыгралі рашаючую ролю ў падрыхтоўцы і правядзенні ўзброенага паўстання і ўстанаўленні дыктатуры пралетарыята» [10, с. 204]. Звергнуўшы ўладу буржуазіі і памешчыкаў, – запісалі аўтары, – працоўныя Беларусі пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі ў кароткія для гісторыі тэрміны стварылі сістэму пралетарскіх дзяржаўных органаў – Саветаў рабочых салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў» [10, с. 203]. У пацвярджэнне сваіх высноў аўтары выкарысталі тыя ж, што і П. Башко, «першакрыніцы», метадалогію і г. д.

Які сэнс укладалі аўтары ў тэрмін «пралетарскія дзяржаўныя органы», якім чынам яны апынуліся ў непралетарскай Беларусі, які лёс напаткаў Саветы як грамадска-палітычныя арганізацыі і многае іншае, выразна выявілася толькі пасля краху КПСС і адмовы Беларусі ад савецкай і сацыялістычнай перспектывы.

Менавіта з гэтага часу, пачатку 1990-х гадоў, бярэ адлік чацвёрты этап вывучэння гісторыі

Саветаў з уласцівымі яму зменамі навуковых парадыгм, адмовы ад ідэалагем «Краткого курса» і марксісцка-ленінскай метадалогіі. Навукоўцы атрымалі доступ да забароненай раней літаратуры, у тым ліку апублікаванай у 1920–1930-х гг., значна пашырылі кола вывучаемых крыніц і інш. Але трактоўка падзей 1917 г. у новай літаратуры заставалася амаль нязменнай. Такой яна, па сутнасці, засталася і ў чарговай манаграфіі акадэміка І. М. Ігнаценкі, за выключэннем хіба таго, што ў ёй адмаўлялася наяўнасць у беларускіх губернях двоеўладдзя [11, с. 34]. З цягам часу пра адсутнасць двоеўладдзя заявілі выконваючы абавязкі дырэктара Інстытута гісторыі НАН Беларусі М. С. Сташкевіч і член-карэспандэнт НАН Беларусі і П. Ц. Петрычак [12, с. 258].

Прызнанне адсутнасці двоеўладдзя ў Беларусі пасля Лютаўскай рэвалюцыі, акрамя іншага, дазваляе ацаніць прызначэнне Саветаў, іх сапраўдную ролю ў дэмакратызацыі ладу, рэвалюцыянізаванні мас, вызначэнні сацыяльнай апоры бальшавікоў падчас Кастрычніцкай рэвалюцыі.

На аснове шырокага кола архіўных крыніц, апублікаваных дакументаў, тагачаснай перыядычнай прэсы, новай гістарычнай літаратуры расійскіх і замежных аўтараў, «вызваленых» са спецсховішчаў прац першага пакалення савецкіх гісторыкаў, эмігрантаў і інш., аўтару ўдалося апублікаваць аб’ектыўныя, навукова абгрунтаваныя матэрыялы аб гісторыі Саветаў Беларусі азначанага перыяду [13]; [14] і стане айчынай гістарыяграфіі 1917 г. [15]. У яго працах асветлены найбольш значныя акалічнасці іх стварэння: час, ініцыятары, сацыяльны і партыйны склад, узаемаадносіны з уладай і вышэйшымі органамі рэвалюцыйнай дэмакратыі і многае іншае, што дазваляе вызначыць іх месца і ролю ва ўсталяванні новага ладу пасля зваржэння самадзяржаўя. Аўтару ўдалося адысці ад міфалагізаваных уяўленняў аб бальшавіках у рэвалюцыйным працэсе і ўсенароднай падтрымцы Саветаў як органаў дыктатуры пралетарыята. З новых падыходаў гэтыя ж аспекты асветлены ў 4 і 5 тамах «Гісторыі Беларусі» (2005, 2006).

Заклучэнне. Такім чынам, даследаванне на розных этапах гісторыі Саветаў Беларусі перыяду Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый мела важныя для свайго часу вынікі, што знайшло ўвасабленне ў асобных працах. Усе яны, напісаныя ў 1950–1980-х гадах пад пільным наглядом КПСС, маюць пераважна ідэалагічны характар. З улікам з’яўлення ў 2000-х гадах абагульняючых, свабодных ад ідэалагем «Краткого курса» прац па гісторыі Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый сучасны этап вывучэння

Саветаў спрыяе вылучэнню азначанай тэмы ў самастойную галіну даследаванняў і ўзбагачэнню айчыннай гістарыяграфіі аб'ектыўнымі навуковымі творами.

Літаратура

1. Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Смоленск. 1920. 10 с.; Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи / сост.: Н. В. Кузнецов [и др.]. Минск: "Беларусь", 1990. С. 303.
2. Дмитриев И. Октябрь в Орше // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 408–424; Костенко А. Из истории Речицкой организации РКП (б) // Изв. Гом. Губкома РКП(б). 1922. № 27. С. 31–35; Клебанов С. Могилев в 1917 году. // Изв. Гом. Губкома РКП(б). 1924. № 63/64. С. 95–98; Кастрычнік на Беларусі. Зб. артыкулаў і дакумэнтаў / улажыў С. Агурскі. Менск: ДВБ, 1927. 488 с.; Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі. Зб. успамінаў і артыкулаў / пад рэд. Прусліна. Менск: ДВБ, 1934. 120 с.
3. Красная быль: Большевики в Витебске. Сб. ст., воспоминаний и материалов. Витебск: 1923. 220 с.
4. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., Изд-во политической литературы. 1938. 360 с.
5. Папоў Ф. О. Дзейнасць М. В. Фрунзе ў Беларусі ў перыяд падрыхтоўкі Вялікай Кастрычніцкай сацыялітычнай рэвалюцыі. Мінск, Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя палітычнай літаратуры, 1951. 132 с.
6. Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 196 с.
7. Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции (1917–1918 гг.).

Минск: Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962. 500 с.

8. Победа Советской власти в Белоруссии. Минск.: Наука и техника, 1967. 508 с.
9. Башко П. С. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.) / под ред. И. М. Игнатенко. М.: Наука и техника, 1987. 254 с.
10. Нестеренко Е. И., Осмоловский В. П. Советы Белоруссии, окт. 1917 – янв. 1919 г. / под ред. И. М. Игнатенко. Минск: Наука и техника, 1989. 232 с.
11. Ігнаценка І. М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: асаблівасці і вынікі. Мінск: БелНДЦДАС, 1995. 270 с.
12. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е начало 2000-х годов). Минск : Беларус. наука, 2007. 292 с.
13. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. Мінск: БДПУ, 2001. Ч. I: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. 200 с.
14. Сяменчык М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. Мінск: БДПУ, 2001. Ч. II: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. 160 с.
15. Сяменчык М. Я. Асвятленне рэвалюцыйных падзей у сучаснай гістарычнай літаратуры // Методология исследований истории Беларуси: проблемы достижения, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 окт. 2008 г. / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2009. 256 с. (184–188).

Паступіў 11.03.2014

УДК 94(476):323.17«1917»

А. А. Райчонак, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ ПАСЛЯ КАСТРЫЧНІЦКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 Г.

У артыкуле разглядаецца гістарыяграфія беларускага нацыянальнага руху пасля Кастрычнiцкай рэвалюцыі. Аналізуюцца падыходы прадстаўнікоў розных палітычных плыняў да асэнсавання гістарычных падзей, што прывялі да рэалізацыі права беларускай нацыі на самавызначэнне. Вылучаюцца асноўныя накірункі, што існавалі ў беларускай гістарыяграфіі ў перыяд 1917–1927 гг.

The article discusses the historiography of the Belarusian national movement after the October Revolution. The approaches of representatives of various political trends to understanding the historical events led to the realization of the right to the Belarusian nation self-determination are analysed. The main areas existed in the Belarusian historiography in the period of 1917–1927 years are highlighted.

Уводзіны. Найважнейшай крыніцай у асветленні пытання ідэалагічнай барацьбы ў працэсе станаўлення беларускай дзяржаўнасці з’яўляецца літаратура, створаная прадстаўнікамі беларускага нацыянальна-дэмакратычнага руху. Каштоўнасць іх творчасці абумоўліваецца тым, што яны не толькі з’яўляліся сведкамі тых гістарычных падзей, але непасрэдна ўплывалі на іх. З другога боку, гэтым абумоўлены і іх галоўны недахоп – суб’ектыўнасць у трактоўцы гістарычных падзей. Трэба зазначыць, што дадзены недахоп у меншай ступені закранае акалічнасці ідэйнай барацьбы вакол праблемы беларускай дзяржаўнасці.

Асноўная частка. Адно з першых выданняў, што выйшла ў 1917 г., – гэта брашура старшыні Рады Народных Міністраў БНР у 1918–1919 гадах, А. І. Луцкевіча – “Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух” (“Эканамічная эвалюцыя і беларускі рух”), якая ўяўляе сабой рэфэрат, прачытаны ім у Беларускам Клубе ў Вільні 29.10.1917 г.[1].

Публікацыя цікава тым, што ў ёй не толькі падкрэсліваецца неабходнасць стварэння незалежнай дзяржаўнасці, але і аналізуюцца неабходныя для гэтага эканамічныя перадумовы. Увогуле А. Луцкевіч пакінуў пасля сябе даволі багатую літаратурную спадчыну, якая з’яўляецца важнай крыніцай у даследаванні не толькі праблемы станаўлення беларускай дзяржаўнасці, але і беларускага нацыянальнага руху ўвогуле. Яго пярэ, акрамя ўзгаданай працы, належаць: выдадзеная пад крыптонімам “А. І.” брашура “Усходняя Беларусь: Статыстычныя і гістарычныя матэрыялы” [2], дзе даецца аналіз абстаноўкі на ўсходзе Беларусі пасля Лютаўскай рэвалюцыі, а таксама прыводзяцца 106 прозвішчаў дзеячаў беларускага нацыянальнага руху, згрупаваных па прафесійнай і сацыяльнай прыкмеце; “Польская акупацыя на Беларусі” [3], якая распавядае пра беларуска-польскія дачыненні часоў савецка-польскай вайны; “Палітычныя лозунгі беларускага руху”, змешчаныя ў зборніку “Наша Ніва” [4], дзе падаецца эвалюцыя по-

глядаў прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху ў перыяд з 1916 па 1920 гг. і даецца характарыстыка першага этапу станаўлення беларускай дзяржаўнасці і напрамкі яе магчымага развіцця; “За дваццаць пяць гадоў” – фактычна першая спроба стварэння абагульняючай працы па гісторыі беларускага руху першай чвэрці XX стагоддзя, у якой ён сцвярджае, што БССР толькі часткова здзейсніла дзяржаўны ідэал, а таксама дае тлумачэнне ролі ў дзяржаватворчым працэсе акта абвяшчэння незалежнасці БНР [5]. Таксама мае цікавасць дзённік А. Луцкевіча [6] і “следчая справа Антона Луцкевіча” [7], у якой змяшчаюцца яго ўласнаручныя паказанні, якія ўтрымліваюць шмат звестак, што не ўвайшлі ў іншыя выданні.

Цікавасць выклікаюць і публікацыі Я. Я. Варонкі, які з лютага па ліпень 1918 г. з’яўляўся старшынёй Народнага сакратарыята Беларусі, а са снежня 1918 г. па красавік 1920 г. – міністрам беларускіх спраў і членам кабінета міністраў Літвы. Апошняе надавала пэўную афарбоўку яго творам. У кніжках “Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции: Ист.-полит. очерк” [8] і “Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: Кароткі агляд” [9] ён выступае прыхільнікам канцэпцыі “двух ворагаў” – Польшчы і Расіі, якія ў аднолькавай ступені пагражаюць дзяржаўнай незалежнасці Беларусі.

Знайшла сваё адлюстраванне праблема беларускай дзяржаўнасці і ў працах актыўнага дзеяча нацыянальнага руху, прэм’ер-міністра ўрада БНР у 1923–1925 гг. А. І. Цвікевіча.

У брашуры – “Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики” [10] ён дае сціслы аналіз перадумоў абвяшчэння БНР, а таксама характарызуе развіццё беларускага руху. У якасці прадмовы да гэтай брашуры змешчаны артыкул М. Доўнар-Запольскага.

У палітычным нарысе “Беларусь” [11], А. Цвікевіч развівае папярэднія палажэнні, пры гэтым большы ўхіл робіць у бок разгляду адносін паміж Беларуссю, Расіяй і Польшчай.

Але найбольш грунтоўнай сярод разглядаемых намі прац з'яўляецца кніга “Адраджэнне Беларусі і Польшча” [12], у якой аналізуецца перыяд з 1772 па 1920 год. У выніку дадзенага аналізу аўтар прыходзіць да высновы, што Беларусь – цалкам самабытны край, і таму, як і іншыя народы, беларусы маюць права на стварэнне ўласнай нацыянальнай дзяржаўнасці, якая павінна пазбавіць беларусаў ад залежнасці і пакласці канец анексіўным памкненням з боку суседзяў.

Таксама мае прамое дачыненне да разглядаемай тэмы кніга А. Цвікевіча “Западно-руссизм” [13], у якой ён разглядае ўплыў, які аказала дадзеная ідэалогія на працэс развіцця нацыянальнага руху і станаўленне беларускай дзяржаўнасці.

Разгляду беларуска-польскіх дачыненняў прысвечана кніга К. Езавітава “Беларусы і палякі. Дакументы і факты з гісторыі акупацыі Беларусі палякамі ў 1918–1919 гадах” [14], якая складалася з дзвюх частак. Першая была прысвечана беларуска-польскім адносінам, а другая складалася з пададзеных у храналагічным парадку 33 дакументаў, прысвечаных польскаму гвалту на Беларусі.

У 1918 годзе патрыярхам беларускай гістарычнай навукі М. В. Доўнар-Запольскім была напісана невялікая брашура – “Асновы дзяржаўнасці Беларусі” [15], перакладзеная на розныя мовы і разасланая прадстаўнікам БНР за мяжой. Гэтая брашура служыла ідэйным абгрунтаваннем права беларусаў на ўтварэнне ўласнай дзяржаўнасці.

Праблемы беларускай дзяржаўнасці разглядаліся ім і ў наступных працах. У прыватнасці, гэтакім прысвечана глава “Барацьба за дзяржаўнасць” змешчаная ў “Гісторыі Беларусі” [16]. У ёй гісторык выводзіць беларускую дзяржаўнасць з шырокага, у першую чаргу сялянскага, нацыянальнага руху. Характарызуючы ўтварэнне БССР, ён зазначае: “Так пад савецкай [эгідай] адлілася беларуская дзяржаўнасць, класавыя пошукі пераважнай масы насельніцтва атрымалі сваё прызнанне.” Зразумела, такі падыход не мог задаволіць бальшавіцкае кіраўніцтва. Кніга была абвешчана маніфестам нацыянальна-дэмакратызму, і рукапіс надоўга быў схаваны ў архіве.

Акрамя гэтага, можна ўзгадаць публікацыі В. Гадлеўскага, М. Краўцова, А. Станкевіча, якія ў розных аспектах закранаюць праблему пошуку шляхоў для ўвасаблення беларускай дзяржаўнасці [17].

Сярод прац, якія выйшлі ў той час, таксама цікавасць выклікаюць кнігі Я. Канчара і Ф. Турука, якія не з'яўляліся дзеячамі БНР, але непасрэдна ўдзельнічалі ў беларускім руху. Хаця яны па сваіх поглядах былі бліжэй да прадстаўнікоў

камуністычнага напрамку, але іх пазіцыя мела і значныя разыходжанні з апошнімі.

Асаблівую цікавасць выклікае спадчына непасрэднага ўдзельніка падзей і старшыні Беларускага абласнога камітэта (БАК) Я. Канчара. У 1918 годзе выходзіць яго нарыс “Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов” [18]. У ім даецца падрабязнае апісанне I Усебеларускага з'езда з пункту гледжання яго непасрэднага арганізатара і ўдзельніка. На аўтарскую характарыстыку падзей, безумоўна, уплывала ўласная палітычная пазіцыя (Я. Канчар быў прыхільнікам аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай Федэрацыі), што прадвызначыла адмоўную ацэнку дзеянням як прыхільнікаў абвяшчэння незалежнасці, так і мінскіх бальшавікоў, якія разгадалі з'езд.

У кнізе Я. Канчара – “Белорусский вопрос” [19] закранаецца шырокае кола пытанняў. Аўтар спрабуе асвятліць беларускі рух з усіх бакоў. Таму тут змяшчаюцца і статыстычныя даныя, і гістарычны агляд, і аналіз культурных асаблівасцяў беларускага народа. Але галоўную ўвагу аўтар надае разгляду беларускага нацыянальнага руху, вылучэнню яго асноўных патрабаванняў і абгрунтаванню права беларускага народа на самавызначэнне.

Што тычыцца працы Ф. Турука “Белорусское движение” [20], то ў ёй даецца кароткі агляд беларускага нацыянальнага руху, асобныя главы прысвечаны ўтварэнню БНР і БССР, даецца іх агульная характарыстыка і напрамак развіцця. Акрамя аўтарскага тэксту, у ёй маецца дадатак у выглядзе 31 дакумента. Для кнігі характэрна дыферэнцыяцыя беларускіх партый па іх блізкасці да РКП(б).

Літаратура, створаная прадстаўнікамі беларускага нацыянальнага руху, мае велізарнае значэнне для вывучэння першага этапа стварэння беларускай дзяржаўнасці. Напісаная непасрэднымі ўдзельнікамі лёсавызначальных для беларускай дзяржаўнасці падзей, нягледзячы на пэўны суб'ектыўзм у выкладанні тых ці іншых эпизодаў, яна ўтрымлівае не толькі каштоўныя звесткі, але і дае магчымасць зразумець усю разнастайнасць і складанасць падыходаў розных палітычных колаў да праблемы стварэння беларускай дзяржаўнасці.

Інакш ацэньваюцца падзеі ў артыкулах і кнігах прадстаўнікоў бальшавіцкай плыні, якія выйшлі ў БССР у 20-х гадах. Для іх характэрна непрыняцце іншых поглядаў на працэс стварэння беларускай дзяржаўнасці. Калі напачатку 20-х гадоў дапушчаўся яшчэ пэўны плюралізм, то напрыканцы ўсе прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху, якія не перайшлі на пазіцыі камуністычнай партыі, пачынаюць агульна абвінавачвацца ў контррэвалюцыйнасці.

Але, нягледзячы на вышэй сказанае, менавіта ў гэтыя гады быў закладзены падмурак савецкай гістарыяграфіі дзяржаўнасці Беларусі. Першынясто належыла першаму кіраўніку ўрада БССР З. Х. Жылуновічу. На працягу 1922–1928 гадоў у часопісе “Польмя” ім быў надрукаваны цэлы шэраг артыкулаў, прысвечаных вышэйадзначанай праблематыцы. Галоўная каштоўнасць дадзеных публікацый, на наш погляд, у тым, што яны закранаюць амаль усе аспекты дзяржаўнага будаўніцтва Беларусі. Напісаныя непасрэдным удзельнікам падзей, яны паказваюць развіццё беларускага нацыянальнага руху з пункту гледжання прадстаўнікоў яго левага крыла. Яму ж належыць артыкул “Люты – Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху” [21]. Змешчаны ў зборніку “Беларусь”, ён прысвечаны праблеме размежавання беларускага нацыянальнага руху і выкрышталізацыі палітычных патрабаванняў розных яго накірункаў.

Увогуле дадзены зборнік выпушчаны да пяцігоддзя абвяшчэння БССР, змяшчае цэлы шэраг артыкулаў, прысвечаных розным бакам дзяржаўна-нацыянальнага будаўніцтва. У ім жа змешчаны артыкул В. Г. Кнорына “Камуністычная партыя на Беларусі” [22], у якім аўтар спрабуе прааналізаваць як становішчы, так і адмоўныя бакі дзейнасці кампартыі на Беларусі, адносячы да апошняга фактычнае ігнараванне беларускага нацыянальнага пытання ў 1917–1918 гадах Паўночна-Заходнім камітэтам РКП(б).

В. Г. Кнорын таксама прысвяціў шмат публікацый і іншым пытанням партыйнага і дзяржаўнага будаўніцтва ў БССР. Характарызуючы яго працы, трэба зазначыць, што пытанне пабудовы беларускай дзяржаўнасці ён разглядае выключна праз прызму класавога падыходу і камуністычнай ідэалогіі. Нягледзячы на значную эвалюцыю ў сваіх поглядах – ад адмаўлення існавання беларускай нацыі да прызнання за беларусамі права на самавызначэнне, ён разумеў гэтае самавызначэнне выключна на класавай аснове і ідэалагічным грунцём бальшавізму. Стварэнне БССР разглядаў як апагей развіцця беларускага нацыянальнага руху і як адзіную магчымую форму рэалізацыі ідэі беларускай дзяржаўнасці. Ставіўся крайне негатыўна да іншых поглядаў на зазначаныя працэсы, залічваючы ў стан контррэвалюцыянераў усіх, хто не падзяляў поглядаў бальшавікоў [22].

Прыблізна тая ж погляды былі характэрны і для А. Чарвякова. У кнізе “За Савецкую Беларусь” [23] сярод іншых пытанняў ім разглядаецца і праблема стварэння беларускай дзяржаўнасці. Як і ў працах В. Кнорына, тут назіраецца прыярытэт класавых пытанняў над нацыянальнымі. Рэакцыйным падаецца не толькі імкненне да незалежнасці, але і да аўтаноміі

Беларусі, а і Усебеларускі з’езд, на думку аўтара, складаўся выключна з ворагаў савецкай улады. Але тут трэба зазначыць, што, нягледзячы на пэўнае падабенства ў падыходах, А. Чарвякоў і В. Кнорын з’яўляліся прадстаўнікамі розных плыняў у ВКП(б).

Апошняй у дадзеным шэрагу прац можа лічыцца артыкул Г. Парэчына “Ідэя беларускай дзяржаўнасці перад утварэннем Савецкай Беларусі” [25]. Фактычна гэта першая абагульняючая праца прадстаўніка савецкага кірунку па гісторыі развіцця і эвалюцыі ідэі беларускай дзяржаўнасці. У ёй разглядаецца перыяд ад XIX стагоддзя па 1919 год, прасочваецца паслядоўнае развіццё ідэі беларускай дзяржаўнасці ад патрабавання аўтаноміі да патрабавання незалежнасці. У ёй ёсць і недахопы, абумоўленыя ідэалагічнымі патрабаваннямі. Так, БНР характарызуецца як “буржуазна-абшарніцкая” дзяржава, а БССР як “вольная, незалежная савецкая дзяржава”, што відавочна з’яўляецца перабольшваннем.

Заклучэнне. Характарызуючы перыяд 20-х гадоў увогуле, можна зазначыць, што яму ўласціва паступовая эвалюцыя ад мірнага суіснавання розных думак і поглядаў на праблему стварэння беларускай дзяржаўнасці да панавання бальшавіцкага погляду на дадзеную праблему і пачатак барацьбы з любымі праявамі іншадумства.

З агульна-метадалагічных праблем, характэрных для гэтага перыяду, на наш погляд, галоўнымі з’яўляюцца наступныя: блізкая адлегласць публікацый ад падзей, якія ў іх аналізаваліся, што ў поўнай меры не дала магчымасці ацаніць гістарычную значнасць тых ці іншых фактаў, і пэўная ідэалагічная ангажаванасць іх аўтараў, што ў сваю чаргу, замінала непрадузята ацэньваць як свае ўласныя дзеянні, так і дзеянні сваіх палітычных апанентаў. На нашу думку, тут да месца будзе прыгадаць выказванне А. Луцкевіча з прадмовы да кнігі “За дваццаць пяць гадоў”: “Дык няхай даследчыкі нашага адраджэння не шукаюць у гэтых успамінах адказу на зусім натуральнае пытанне: чаму тое ці іншае сталася, бо выкрыць прычыну гэтага – задача гісторыка”.

Літаратура

1. Luckiewi A. Ekonomijnaja ewolucija i bielaruski ruch. (Referat, iytany u Bielaruskim Klube 28.X.1917). Sl. 1917.
2. А. І. Усходняя Беларусь: Статыстычныя і гістарычныя матэрыялы. Менск: Выданне Народнага Сэкрэтэрства Міжнародавых Справаў. 1918. 13 с.
3. А. І. Польская акупацыя на Беларусі. 1920.
4. Новіна Ант. (Луцкевіч А.). Палітычныя лозунгі беларускага руху // Зборнік “Наша Ніва”. Вільня: Бел. выд. т-ва, 1920. С. 2–14.

5. Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў / 1903–1928: Успаміны аб працы першых беларускіх арганізацыяў: Беларуская рэвалюцыйная грамада, Беларуская сацыялістычная грамада. Вільня. Белар. выдавецкае тав-ва, 1928. 52с.
6. Луцкевіч А. Дзённік / Публікацыя А. Сідарэвіча // Польша. 1991, №4. С. 215–224, №5 С. 168–192.
7. «Дело» Антона Луцкевича // Становление и крушение однопартийной системы в СССР. Гомель 1995. 506 с. С. 266–320.
8. Воронко И. Я. Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции: Ист.-полит. очерк. Ковна, 1919. 59 с.
9. Варонка Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: Кароткі агляд. Коўна 1920. 29 с.
10. Цвікевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев. 1918. 16 с.
11. Цвікевич А. Беларусь: Политический очерк. Берлин. 1919.
12. Цвікевіч А. Адраджэнне Беларусі і Польшча. Мінск; Вільня; Берлін: выд. т-ва “Вызваленне”. 1921. 192 с.
13. Цвікевіч А. «Западно-русизм»: нарысы з гісторыі грамадзянскай мыслі на Беларусі ў XIX і пач. XX ст. 2-е выд. Мінск, 1993.
14. Езовитов К. Белорусы и Поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 годах. Ковна. Изд-во им. Ф. Скорины, 1919. 124 с.
15. Доўнар-Запольскі М. В. Асновы Дзяржаўнасці Беларусі. Мінск: ВПП Дзяржэканомплана Рэспублікі Беларусь, 1994. 23 с.
16. Доўнар-Запольскі М. В. Гісторыя Беларусі. Мінск: БелЭН, 1994. С. 468–496
17. Гадлеўскі В. З беларускага палітычнага жыцця ў Мінску ў 1917–1918 гг. // Беларуская крыніца. 1934. 2–29 красавіка. (перадрук: Спадчына. 1997. №5. С. 18–39); Краўцоў М. Усебеларускі з’езд 1917 г. // Беларускі звон. 1921. 9–30 верасня. (скарочаны перадрук: Наша Ніва. 1997. 20 кастрычніка); Станкевіч А. Да гісторыі беларускага палітычнага вызвалення. Вільня, 1935.
18. Канчер Е. С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть II. История возникновения и деятельность организаций. Выпуск первый // Неман. 1993, № 1 С. 136–167.
19. Канчер Е. С. Белорусский вопрос. Сборник статей. Петроград, 1919.
20. Турук Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Госиздат, 1921. 144 с.
21. Жылуновіч З. Люты – Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і вызваленчага руху. Мінск, 1924. С. 182–194.
22. Кнорын В. Г. Камуністычная партыя на Беларусі // Беларусь. С. 215–222.
23. Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Ч.1. Смоленск. 1920; Кнорин В. 1917 год в Беларуси и на Западном фронте. Минск, 1925; Кнорин В. За культурную революцию. Минск, 1928.
24. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Менск, 1927.
25. Парэчын Г. Ідэя беларускай дзяржаўнасці перад утварэннем Савецкай Беларусі // Запіскі адзелу гуманітарных навук. Працы кафедры сучаснага права. Т. 1. Мінск, 1929. С. 1–35.

Паступіў 30.03.2014

УДК 930(470)(476):94(476)''18/19''

В. Н. Сергеев, ассистент (БГТУ); **П. С. Крючек**, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)

ОБРАЗ БЕЛАРУСИ И БЕЛОРУСОВ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИСТОРИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Вторая половина XIX века – это период становления белорусской исторической науки, который проходил в сложных и противоречивых исторических условиях. Специфику развития белорусской историографии указанного периода в значительной степени определял не столько исследовательский интерес научного сообщества, сколько политические задачи, стоящие перед руководством Российской империи. Под влиянием указанных факторов сформировались три основных течения исторической науки, с характерными подходами к оценке белорусских истории и культуры. Характеристике целей и принципов каждого из них посвящена данная статья.

The second part of the 19th century is the period when Belorussian historical studies were formed under the influence of hard and contradictory historical conditions. The main features of the Belorussian historiography were mostly defined not by the research interest of the scientific community but by the political aims described by the authorities of the Russian Empire. Three branches of the historical studies were created with their own view on the Belorussian history and culture under the influence of these factors. This article covers the characteristics of each branch which also includes their approaches and aims.

Введение. Вторая половина XIX века – это период становления белорусской исторической науки. Этот процесс проходил в сложных и противоречивых исторических условиях. Специфику развития белорусской историографии указанного периода в значительной степени определял не столько исследовательский интерес научного сообщества, сколько политические задачи, стоящие перед руководством Российской империи, которое стремилось к нейтрализации польского влияния на белорусских землях. Особенно небывалый до этого интерес к белорусской тематике вызвали события 1863–1864 годов. В результате именно в этот период и происходит, по существу, формирование белорусской исторической науки. Это проявилось не только в расширении круга исследуемых проблем, но и в фактическом оформлении трех основных направлений в историографии – официально-консервативного, либерального и демократического.

Основная часть. Первыми к изучению истории Беларуси обратились представители официально-консервативного направления, которое занимало ведущие позиции в историографии второй половины XIX – начала XX века. Именно историками этого направления при непосредственном содействии российских властей была сформулирована концепция западноруссизма. Идеологи западноруссизма подчеркивали, что белорусы являются не самостоятельным славянским народом, а западной ветвью «единого русского народа» наряду с «великороссами» и «малороссами». Поэтому Беларусь должна рассматриваться как составная часть единой России, ее западный край. Поэтому перед историками была поставлена задача обоснованно доказать, что «западный

край является исконно русским, однако возвращенным узурпаторами-поляками» [1, с. 92].

Сразу же после подавления восстания под эгидой Министерства внутренних дел и военного ведомства было издано несколько работ, посвященных истории «Западной России». Эти работы, основанные на данных, полученных от МВД, носили явно пропагандистский характер и имели своей целью дать «исторический ответ запросам и версиям западноевропейской дипломатии и прессы». Поэтому вполне естественно, что концепция истории края, представленная в этих работах, полностью совпадала с правительственной версией. Беларусь в них изображался как край, который веками пребывал под «иноверным и иноплеменным владычеством» и только в результате включения в состав Российской империи вернулся к своим историческим корням.

Широкое распространение белорусская тематика получила в 60–70-е гг. XIX века и в официальной печати. Особенной активностью в этом плане отличались представители российского славянофильства. В частности, И. С. Аксаков провозгласил в качестве важнейшей цели российской интеллигенции «нравственное завоевание западного края России» [2]. В качестве главного эксперта по истории западной России славянофилы пригласили профессора Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, который выступил с призывом к издателям газет и журналов публиковать на своих страницах материалы об истории и этнографии «Западной России». При этом все, кто по каким-либо причинам не желал участвовать в срежесированной властями антипольской пропаганде, объявлялись «предателями и изменниками России» [3, с. 88].

В своих работах М. О. Коялович отмечал, что в противовес польской истории, отличающейся насилием и религиозной нетерпимостью, западнорусская историческая жизнь есть жизнь простого народа, отстаивающего свою народность и веру и ищущего свободного их развития, есть история демократизма, ищущего свою родную аристократию (т. е. русскую православную аристократию). Эта же теория мирного сосуществования различных сословий в русской жизни в противовес западной, выдвинутая еще сторонниками теории официальной народности, поддерживалась Д. И. Иловайским, П. Д. Брянцевым.

Официальная историография исходила из славянофильского тезиса об извечной борьбе католичества и православия, о невозможности принятия славянскими народами как протестантизма – поляками, так и русскими – католичества, даже в форме униатства.

Позиция М. Кояловича о православии как смысле жизни белорусов и русских и возможности принятия одной только веры – православия была общей для консервативной историографии. Так, Н. Я. Данилевский писал, что для славян православная религия составляет смысл жизни. Терпимость, свойственная православно-церкви, составляла отличительную особенность России в самые грубые времена. Эта черта славянского характера, по Данилевскому, сохранилась даже у славян, принявших вследствие германского насилия католичество. Они, утверждал он, никогда не проявляли религиозной нетерпимости: «...только терпели, а не сами заставляли терпеть». Одно только, считал Данилевский, было исключение – «...поляки, они представляют действительное и гнусное исключение. Насильственность и нетерпимость отметили характер их истории» [4, с. 188].

Именно такие аргументы были характерными для подхода к истории славян для русской консервативной славянофильской историографии, и во многом они оказали в какой-то степени влияние и на либеральную историографию. Русская как консервативная, так и либеральная историография исходила из тезиса о постоянной цивилизационной вражде западных и восточных начал, и прежде всего по конфессиональной причине в Речи Посполитой.

Как существенный элемент этноконфессионального образа Беларуси, а вместе с тем и препятствие для возрождения белорусов М. Коялович рассматривал евреев. Здесь его антисемитские позиции наиболее близки к взглядам Д. И. Иловайского, а впоследствии – к «Союзу русского народа». Евреи, утверждал М. Коялович, сыграли негативную роль в жизни русского (белорусского) народа как во времена

Речи Посполитой, так и после присоединения Белоруссии к России. Он соглашался с мнением наиболее консервативной части русского общества, которая утверждала, что только Восточная Россия (то есть Москва) способна ассимилировать в себя «жидовство», и поэтому призывал к переселению евреев с территории Белоруссии в Россию для добра белорусского народа. В целом же, по мнению М. Кояловича, русские задачи в Западной России – это «спасти русский и литовский народы Западной России от польской шляхты и еврейства и оправдать свое историческое призвание перед славянами» [5, с. 393].

Такая концепция исторического прошлого белорусского народа была подвергнута критике в конце XIX – начале XX вв. в работах историков либерального направления. Надо отметить, что по сравнению с Россией и Украиной либеральное направление в белорусской историографии представлено менее ярко. Это было связано, прежде всего, с тем, что в Беларуси отсутствовали свои научные и университетские центры, в которых и преобладает, в основном, либеральная интеллигенция. Поэтому большинство белорусских историков были вынуждены работать за пределами края – в университетских центрах Российской империи. Среди таких ученых либерального направления можно назвать, прежде всего, Я. Карского и М. Любавского.

Обстоятельные историко-филологические исследования позволили Е. Карскому обратиться к решению проблемы этногенеза белорусского народа. Особое место в этом смысле занимает трехтомный труд ученого «Белорусы» – фундаментальное исследование по истории белорусского языка и литературы. Эта работа базировалась на большом количестве письменных и этнографических источников, что дало ученому возможность точно определить территориальные границы распространения белорусского языка, а это в свою очередь позволило составить карту расселения белорусского этноса. В первом томе своей работы Е. Карский приходит к выводу, что уже к XIV в. на основе древнерусских племен кривичей, дреговичей и радимичей сформировалась белорусская народность, а белорусский язык является не диалектом русского или польского языков, а самостоятельным славянским языком со своими фонетическими и грамматическими особенностями [6, с. 112].

Наиболее сильный удар по «западнорусистской» версии истории Беларуси нанесли работы российского либерального историка М. Любавского, большинство научных работ которого посвящены исследованию различных аспектов белорусской истории. Историк выделил четыре периода в белорусской истории:

1. Киевский (IX–XII вв.); 2. Литовский (XIII–сер. XVI в.); 3. Польско-литовский (вторая половина XVII–XVIII вв.); 4. Русский (XIX–нач. XX в.). Как видно, за критерий своей периодизации историк взял фактор вхождения белорусских земель в состав того или иного государства.

Родоначальником белорусов ученый считал восточнославянское племя кривичей, которое населяло бассейны Западной Двины и верховье Днепра. Зачатки белорусской государственности историк видел в Полоцком княжестве. Он отмечал, что полоцкие князья всегда являлись заклетыми врагами Киева и стремились к полной независимости от него. Истоки этого сепаратизма М. Любавский видел в настроениях самого населения Полоцкой земли, которые имели свои собственные экономические и торговые интересы и в связи с этим не желали считаться с интересами остальной Руси.

Основное внимание М. Любавский уделял исследованию истории Великого Княжества Литовского. По мнению ученого, ВКЛ являлось государством не просто литовским, а литовско-русским. При этом под термином «русский» ученый понимал тот славянский элемент, который проживал на территории современной Беларуси и Украины и в дальнейшем стал основой для формирования белорусской и украинской народностей [7, с. 1].

М. Любавский подчеркивал, что история ВКЛ являлась непосредственным продолжением истории Киевской Руси, так как литовско-русское государство сохранило гораздо больше традиций и черт Киевского периода, чем Русь Владимиро-Суздальская, которая строила свою жизнь на совершенно иных началах, сложившихся под влиянием монголо-татарского нашествия.

Историк рассматривал образование ВКЛ как своеобразное возрождение Киевской Руси, восстановление нарушенного единства. Как собирательница русских земель ВКЛ более чем на сто лет опередила Московское государство [7, с. 37]. Такие выводы не совпадали с взглядами официальных российских историков, которые утверждали, что только Московское государство стало законным наследником традиций Киевской Руси.

Анализируя социально-политические системы ВКЛ и Московского государства, М. Любавский пришел к выводу, что они развивались в противоположных направлениях. Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма и административного централизма. В результате оно приобрело форму наследственной и неограниченной монархии с сильным центральным аппаратом. ВКЛ в свою

очередь развивалось в направлении конституционализма и федерализма. Его политическая система приобрела форму выборной монархии, ограниченной Радой и Сеймом. При этом местное управление играло в ВКЛ значительную роль и имело черты автономии.

Таким образом, в работах историков либерального направления впервые была опровергнута официально-клерикальная концепция истории Беларуси. Позднее эти идеи получили свое дальнейшее развитие в трудах представителей национально-демократического направления в белорусской историографии, яркими представителями которого являлись М. Довнар-Запольский и В. Ластовский.

Первые исторические публикации М. Довнар-Запольского появились в 1888 году в газете «Минский листок». Это был цикл статей под общим названием «Белорусское прошлое». В своих статьях ученый подчеркивал, что белорусы являются самостоятельным славянским народом со своей самобытной историей. Поэтому этот народ, который не утратил свою самобытность, должен снова выйти на арену политической и культурной жизни. Главную задачу в этом направлении М. Довнар-Запольский видел в развитии исторических знаний о прошлом и настоящем Беларуси. В то время, когда соседние народы уже стали на путь национального возрождения и выдвинули целый ряд известных деятелей, которые обосновали их права на самостоятельное существование, история и этнография Беларуси оставались почти не изученными. Это привело к такой ситуации, что в 80-е гг. XX в. поляки считали Беларусь Польшей, русские – Россией, и даже украинцы в некоторых своих работах «признали белорусов почти малорусами» [8, с. 36]. Поэтому М. Довнар-Запольский призывал в своих статьях создать в Беларуси научное общество и широко изучать все стороны культуры и быта белорусского народа. В первую очередь было необходимо организовать специальное издание, посвященное Беларуси. Таким изданием стал «Календарь Северо-Западного края», который выходил в 1889 и 1890 гг. под редакцией М. Довнар-Запольского. Главная цель издания – распространять в обществе истинные сведения о Беларуси на основе науки. Поэтому в «Календаре» печатались статьи по истории, этнографии, статистике и экономическом состоянии Беларуси. Беларусь в этих работах рассматривалась как край, совершенно отличающийся от соседей как в историческом, так и в этнографическом плане. Эти идеи проводились в очень осторожной форме, минуя цензурные запреты. Тем самым благодаря легальности издания оно было широко известно в обществе и сыграло важную

роль в формировании мировоззрения будущих деятелей белорусского возрождения.

Большое внимание М. Довнар-Запольский уделял изучению различных аспектов политической, социально-экономической и культурной истории Великого Княжества Литовского. То, что в состав ВКЛ вошли более развитые в политическом и культурном плане белорусские земли, наложила свой отпечаток на социальную структуру и политическое устройство всего государства, способствовало становлению его федеративного строя.

Значительное внимание М. Довнар-Запольский уделял национально-религиозному вопросу в ВКЛ. По его мнению, на первом этапе существования этого государства славянский культурный элемент играл в нем ведущую роль. Более развитые система права, язык и религия белорусских княжеств распространялись и на литовские земли. Но после заключения Кревской унии ситуация изменилась. Уния открыла путь в княжество католичеству, что положило начало многовековому религиозному противостоянию в государстве. Особенно обострилась это противостояние после заключения Люблинской и Брестской уний, которые М. Довнар-Запольский считал одними из самых больших поражений, нанесенных белорусскому народу [8, с. 95]. Этой ситуацией в дальнейшем и воспользовалась Россия, взявшая на себя дело защиты прав православного населения Речи Посполитой, и в итоге присоединила белорусские и украинские земли к себе. М. Довнар-Запольский подчеркивал, что включение белорусских земель в состав Российской империи не принесло свободы и счастья белорусскому народу. Полонизация сменилась политикой русификации, а за белорусским народом по-прежнему не признавалось право на самостоятельное существование. Поэтому М. Довнар-Запольский и другие представители национально-демократического направления в белорусской историографии видели своим долгом популяризацию объективной истории белорусского народа, что должно стать основой для будущего культурного и национального возрождения Беларуси.

Тем не менее, теория западнорусизма не была сдана в архив и в начале XX в. Причиной ее идеологической и политической живучести была заинтересованность в ней правящих кругов России, для которых такая версия истории Беларуси давала наукообразную аргументацию,

обосновывающую присоединение этих земель к Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой. Уже накануне первой мировой войны минский губернатор Гирс в докладной записке на имя министра внутренних дел писал, что «прошлое Белоруссии представляет собой богатый материал для воспитания русского патриотического чувства, для воспитания любви и преданности к России и русским Самодержцам, спасшим белорусское племя от окончательного поглощения поляками [6, с. 101].

Поэтому концепция М. Кояловича и его последователей являлась господствующей в дооктябрьский период развития белорусской историографии.

Заключение. Таким образом, включение белорусских земель в состав Российской империи способствовало активизации научных исследований прошлого Беларуси и белорусов. В результате, несмотря на неблагоприятные условия (сдерживающая политика имперских властей, сильное влияние польской культуры, отсутствие собственных университетских центров, незавершение процесса формирования белорусской нации и др.), с помощью российской либеральной и университетской исторической науки в начале XX в. произошел процесс формирования белорусской исторической науки.

Литература

1. Карев Д. В. Западнорусизм и его представители // Вестник Гродненского государственного университета. Серия 1. Гродно, 2009. № 2. С. 90–102.
2. Московские ведомости. 1864. № 126.
3. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России / оставил и издал С. Шолкович. Вильно, 1867. 234 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1871. 321 с.
5. Коялович М. О. Лекции по истории Западной России. СПб., 1864. 393 с.
6. Карский Е. Ф. Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности. Т. 1. Варшава, 1903. 324 с.
7. Любавский М. К. Очерки истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. 278 с.
8. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев, 1909. 307 с.

Поступила 15.03.2014

УДК 39(476):94(476)''17/18''(470.62)

О. В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор
(Краснодарский государственный университет, г. Краснодар, Россия)

БЕЛОРУСЫ НА КУБАНИ И В ЧЕРНОМОРЬЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Большую роль в складывании этнокультурного пространства на Кубани и Черноморском побережье Северного Кавказа сыграли восточные славяне. В статье рассматривается проблема освоения Кубани и Черноморья переселенцами из белорусских губерний в конце XVIII – начале XX в., а также процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках Российской империи.

The East Slavs played a great role in the formation of the ethnos and the culture in Kuban and the North of Caucasian Riviera. The article is devoted to the problem of Kuban and Black Sea region's reclaiming by the settlers from Belorussian provinces from the end of 18th till the beginning of the 20th century. It also covers the process of integration by the Belorussians not only into ethnic related the East Slavic community but also into the religious commonness of the Russians as part of the Russian Empire.

Введение. Роль восточных славян в складывании этнокультурного пространства Кубани и Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа трудно переоценить. Тем не менее, многие вопросы, связанные с формированием традиционного состава населения края, остаются слабо изученными. К их числу относится участие в этом процессе представителей средней части восточного славянства – белорусов. Имеется лишь несколько статей справочного характера, где дана самая общая характеристика представителей белорусского этноса в региональном контексте [1]. В статье предпринята попытка рассмотреть особенности освоения Кубани и Черноморья переселенцами из белорусских губерний в конце XVIII – начале XX в. Статья написана при поддержке РГНФ проекта 12-23-01002 «Народы России и Белоруссии: исторический опыт и современные проблемы взаимопознания».

Основная часть. Современное этнокультурное пространство края начинается со второй половины XVIII в. В этот период этнического самосознания белорусов как такового не существовало, имелись лишь его элементы, связанные прежде всего с идентичностями сословного и конфессионального характера, региональной принадлежностью. Сохранялись многочисленные локальные этникионы – витебцы, могилевцы, гомельцы, пинчуки, бужане, литвины, чернорусы, тутейшие и т. д. Принадлежность основной массы населения западных губерний к православию (за исключением магнатов и шляхты) также означала включение элементов этнического самосознания белорусов в более широкую категорию русского. Поэтому в источниках конца XVIII – первой половины XIX в., освещающих миграционные процессы на Кубани, выявить белорусский

компонент можно зачастую лишь основываясь на указании мест выхода переселенцев. Этот признак в ряде случаев не вполне надежен, поскольку не всегда характеризует этническую принадлежность выходцев из белорусских поветов Северной Украины, Смоленской, Псковской, Витебской, Гродненской, Минской, Ковенской, Могилевской губерний. Не всегда работают и антропонимические характеристики: под «характерными», этномаркирующими фамилиями могли скрываться не обязательно белорусы, но и украинцы, русские, поляки, евреи. Поэтому при работе с документами этого времени необходим системный подход, основанный на анализе всего комплекса территориальных, сословных, конфессиональных, антропонимических и других данных.

Очевидно, значительная часть белорусов (в документах первой половины XIX в. – «литвины») осела на Кубани в ходе организованных правительством переселений малороссийских казаков в 1792–1849 г. «Литвины», жители северной Украины, присутствовали в составе Черноморского казачьего войска в 1792 г. В переписи 1794 г. практически в каждом курене Области Войска Черноморского встречаются представители этномаркирующей фамилии Литвин (Литвын) [2, с. 28, 35, 39, 45, 49, 78, 81, 82, 103, 112, 146, 151, 153, 158, 181, 184]. Материалы казачьей антропонимии позволяют косвенно судить о местности, из которой прибыл человек в Войско. Так, в Кисляковском курене в 1794 г. числился казак Могилевец Моисей, в Кореновском – Могилевец Иван, в списках Вышестеблиевского куреня значится Полещук (полещук / полищук – житель Полесья) Иван [2, с. 232–292]. Нередко встречаются в переписи и характерные для белорусов фамилии на *-ович/-евич* и на *-ский/-цкий*, однако установить

этническую принадлежность их носителей весьма проблематично.

Более выразительно белорусы были представлены в Черномории в ходе организованного правительством переселения 1821–1825 гг. Речь идет о белорусских поветах Черниговской губернии, которые приняли активное участие в колонизационном движении на Кубань. К сожалению, в многочисленной историографии, посвященной переселенцам из малороссийских губерний на Северо-Западный Кавказ в первой половине XIX в., этот интересный вопрос специально не рассматривался. Между тем, еще подполковник Генерального штаба М. Домонтович, составивший в 1865 г. статистико-этнографическое описание Черниговской губернии, отмечал, что в Суражском, Ново-зыбковском, Стародубском и Городнянском уездах этой губернии был представлен «чистый тип белоруса в полной силе» [3, с. 533].

Вероятно, определенная часть «черниговских литвин» оседала и в казачьих станицах Старой и Новой линий. Очевидно, и офицерский состав Кавказского Линейного казачьего войска нередко пополнялся в первой половине XIX в. представителями белорусской шляхты. Так, в 1849 г. в конноартиллерийскую батарею № 15 Кавказского Линейного казачьего войска был переведен И. Ф. Ростковский. Игнатий Феликсович Ростковский родился в 1811 г., происходил из дворян Могилевской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, служил в артиллерийских частях, в 1856 г. был прикомандирован ко 2-му Лабинскому полку, а 3 октября 1859 г. получил чин войскового старшины. И. Ф. Ростковский был кавалером орденов Св. Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени с императорской короной, имел бронзовую медаль за войну 1853–1856 гг. В 1-м Кавказском пешем казачьем батальоне служил войсковой старшина Иван (Ян) Сенявский. Он происходил из дворян Витебской губернии римско-католического вероисповедания. Служил в Эриванском карабинерном полку, «за отличие против турок произведен в подпоручики». 4 июня 1851 г. майора Сенявского переводят в Кавказское Линейное казачье войско с переименованием в войсковые старшины. 22 января 1856 г. Ян Сенявский стал председателем комиссии военного суда 3-й бригады. Он имел ордена Св. Георгия 4-й степени за 25 лет беспорочной службы, Св. Анны 2-й степени, 3-й степени с бантом и 4-й степени [8, л. 112].

«Белорусскую» идентичность этих офицеров выявить достаточно сложно, поскольку дворянство западных российских губерний в этот период оставалось во многом ориентированным на польскую культуру и католицизм. Если

воспользоваться удачным термином Д. Сталюнаса, белорусская шляхта считалась «потенциально» польской [4, с. 280]. Преобладающими для белорусских помещиков являлись идентичности религиозного и сословного характера, поэтому самосознание этнических белорусов-католиков, которое на протяжении десятилетий формировалось польскоязычным костелом, можно было выразить в терминах: «Я – католик, значит, я – поляк». Однако это не мешало им быть храбрыми казачьими офицерами и незаурядными администраторами, гармонично включавшимися в формируемое кубанское этнокультурное пространство.

Так, Войцех Фомич Побоевский из дворян Минской губернии стал начальником Воздвиженской станицы. В 1860 г. начальником ст. Михайловской был хорунжий Иосиф Игнатьевич Садлуцкий из дворян Могилевской губернии Мстиславского уезда [5, Л.Л. 169 об.].

Условия местного этнокультурного пространства формировали относительную религиозную терпимость и подвижность, о чем наглядно говорят сведения формулярных списков о межконфессиональных браках.

Помимо казачьих подразделений, немало выходцев из Виленской, Минской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний служили в регулярных частях Отдельного Кавказского корпуса, в гарнизонах Черноморской береговой линии. В боях и походах Кавказской армии белорусы хорошо вписывались в местные условия, становились обладателями общенациональной идентичности. О стрелке 1-й роты 19-го стрелкового батальона Алексееве дореволюционный военный историк С. С. Эсадзе писал: «Он был родом белорус, солдат бедный; закалившись в своих родных лесах, Алексеев одарен был железным здоровьем и во время действий батальона в лесах он чувствовал себя как у себя дома: при наступлении всегда был впереди, при отступлении всегда из последних показывалась его сухая фигура и улыбающееся лицо. Его примерная служба всем в батальоне была известна, и вот когда прислали командиру один Георгиевский крест, то командир наградил им Алексеева» [6, с. 91]. В процитированном тексте примечательны два обстоятельства. Во-первых, отмечена способность солдат из западных лесных губерний адаптироваться к кавказской природно-географической среде. В современных исследованиях справедливо отмечается, что адаптация к внешней среде, основанная на традиционном природопользовании, способствует формированию нового этнокультурного пространства. Во-вторых, мы видим, что белорус Алексеев полностью усвоил систему ценностей и своеобразный кодекс Георгиевских кавалеров Российской Императорской армии и, несмотря на бедное происхождение, обладал высоким

чувством собственного достоинства. С. С. Эсадзе сообщает, что рота очень была недовольна награждением Алексева и встретила нового кавалера недружелюбно. Дело в том, что по обычаям кавказских войск раздачу крестов поручали самой роте. При этом обычно «выбор падал на отличившегося солдата из старослужащих, которые обязаны были после оказанной им чести устроить роте магарыч – угостить водкой». Сводивший концы с концами Алексеев не мог позволить себе организовать такую пирушку. Однако вскоре он сумел доказать, что товарищи к нему несправедливы. При штурме устроенного горцами завала он бросился один против трех горцев, одного застрелил, другого заколол, а третьего обратил в бегство. После этого геройского подвига Алексеев пользовался общим уважением батальона» [6, с. 178].

Как и казацкие офицеры, выходцы из западных губерний, служившие на Черноморской береговой линии, легко вступали в браки с православными. Так, подпоручик Михаил Адамович Протасов, из дворян Минской губернии, римско-католического исповедания, был женат на дочери чиновника Витковского, Анне Васильевне, имеющей православное вероисповедание. Командир 3-й линейной роты поручик Андрей Иванович Красовский, из дворян Белостокской области, римско-католического вероисповедания, был «женат на черкешенке, принявшей Св. Крещение Софье Ивановой, у них сын Леонид, родившийся 26 марта 1851 года исповедания православного». Капитан Наполеон Матеушович Довнарлович, из дворян Минской губернии, римско-католического вероисповедания, был женат на дочери имеретинского дворянина Кажгерды, Анне Давыдовой, православного исповедания [7, л. 7].

Заключение. Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. мы видим несомненные следы присутствия выходцев из белорусских земель на территории Кубани и Черноморского побережья Кавказа. Однако в источниках этого времени не обнаруживается проявлений этнического самосознания белорусов в крае. Последнее распределялось между сословными и общенациональными идентичностями в рядах казачества, в Кавказской армии, в духовном звании. При этом речь вовсе не шла об ассимиляции и насильственной переделке белорусов в великороссов. Господствующее в «национальной» историографии понимание этничности как жесткой нормы единственной, обязательной и кров-

ной национальной принадлежности здесь не работает. В действительности происходил процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках империи. Этот процесс протекал на основе либо общих конфессиональных и этнокультурных славянских ценностей, как это было в случае с православными белорусами, либо на основе ценностей служилых, сословных, как это имело место с белорусами-католиками. В иерархии идентичностей элементы самосознания белорусский – кубанский – русский не исключали друг друга, а составляли множественность, вбирающую в себя все более высокие уровни.

Поэтому в условиях Кубани белорусы гармонично включались вместе с представителями южнорусской и украинской этнографических групп в совместные усилия по созданию единого этнокультурного пространства.

Литература

1. Черницын С. В. Белорусы // Энциклопедия культуры Юга России: В 9 т. Т. I. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. 432 с.; Бондарь Н. И., Матвеев О. В, Ракачев В. Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4 / науч. ред., сост. О. В. Матвеев. Краснодар, 2008. С. 43–98.
2. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: исторические документы. Краснодар, 2008. 488 с.
3. Домонтович М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Черниговская губерния. СПб., 1865. 580 с.
4. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 277–286.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 180
6. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и на Черноморском побережье. Майкоп, 1993. 178 с.
7. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 975.
8. ГАКК. Ф. 218. Оп. 1. Д. 526.

Поступила 12.03.2014

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад, старшы выкладчык (БДТУ)

АСАБЛІВАСЦІ ДЗЕЙНАСЦІ ДВАРАНСКІХ ДЭПУТАЦКІХ КАМІСІЙ У БЕЛАРУСІ І УКРАЇНЕ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.

У канцы XVIII ст. беларускія і ўкраінскія тэрыторыі ўвайшлі ў склад Расійскай імперыі. З таго часу тут распаўсюджваюцца нормы дваранскага самакіравання. Практыка працы дваранскіх дэпутацкіх сходаў паказала спецыфічныя злоўжыванні і асаблівасці, якія былі засяроджаны вакол прызнання дваранскага статусу з аднаго боку і імкнення ўладаў аказваць уплыў на прымаемыя рашэнні.

Belorussian lands were included into the Russian Empire at the end of the 18th century as a result of the Polish-Lithuanian Commonwealth's Partitions. Since that time russian norms of noble self-government where extend. Work practice of these establishments showed specifics of abuses and feature which were concentrated round confirmation of the noble status and desire of the authorities to have impact on decision-making.

Уводзіны. Беларускія і ўкраінскія землі ў першай палове XIX ст. сталі арэнай супярэчлівай, але адначасова мэтанакіраванай палітыкі расійскага ўрада па нівеліроўцы спецыфічных асаблівасцяў, што існавалі тут з часоў Рэчы Паспалітай. Раздаючы дзяржаўныя землі, працягваючы эксплуатацыю сялянства, самадзяржаўе, тым не менш, не магло не ўлічваць ролю мясцовага дваранства ў жыцці краю. Напалеонаўскія войны паказалі, што значная частка шляхты яшчэ жыве «сармацкім» рамантызмам. З іншага боку паступовае развіццё капіталізму і неабходнасць перабудовы гаспадаркі вялі да фактычнай дэкласацыі гэтай часткі грамадства. У такіх умовах і разгортвалася дзейнасць створаных паводле падабенства з такімі ж ва ўнутраных губернях Дваранскіх дэпутацкіх сходаў.

Асноўная частка. Дваранскае самакіраванне ў Расійскай імперыі было замацавана толькі ў час кіравання імператрыцы Кацярыны II. Распачалі вырашаць гэтую праблему яшчэ пры Пятры I, аднак канкрэтныя вынікі працы па стварэнні дваранскіх саслоўных органаў з'явіліся толькі з прыняццем у 1785 г. «Жалаванай граматы дваранству». Між тым, на тэрыторыі беларускіх і ўкраінскіх губерняў з XVI ст. існавала грамадская і прававая традыцыя шляхецкіх павятовых соймаў. Таму дваранскія павятовыя сходы не сталі чымсьці новым для мясцовага шляхецтва. Важным, на нашу думку, бачыцца праблема выкарыстання магчымасцяў новых саслоўных органаў прадстаўнікамі мясцовай шляхецкай грамады.

Адным з найважнейшых аспектаў дзейнасці Дваранскіх дэпутацкіх сходаў стала вызначэнне дваранскага статусу шляхты былой Рэчы Паспалітай. Такая праца пачалася яшчэ з першага падзелу, а са з'яўленнем сістэмы дваранскага самакіравання была перададзена менавіта дэпутацкім сходам. Вядома, што вялікая колькасць прэтэндэнтаў на афіцыйны дваранскі статус на тэрыторыі Беларусі і правабярэжнай Украіны

непакоіла афіцыйныя дзяржаўныя органы. Аднак праблема ўскладнялася і тым, што асноўную масу мясцовай шляхты ўключалі ў шостую частку радаслоўных кніг. Пытанне аб нейкім замежным паходжанні ў дачыненні да дваранскай асобы практычна любой са славянскіх нацыянальнасцяў тады практычна ўвогуле не ставілася. Такім чынам, тытулаваныя фаміліі праходзілі па пятай частцы кніг, а нетытулаваныя шляхта ў асноўнай сваёй масе ўпісвалася ў шостую частку. Так, у дваранскіх спісах Гродзенскай губерні падаўляючая большасць шляхты праходзіла менавіта па 1-й і 6-й частках (364 і 385 родаў адпаведна) [1, с. 4, 16]. Гэта складала 91,5 % ад іх агульнай колькасці. У Магілёўскай губерні ў гэтых частках радаводнай кнігі ўнесены 273 і 641 шляхецкія роды адпаведна (66%). Выпадкі ж атрымання асабістага дваранства, празванага князем М. М. Шчарбатавым «поподленным», па выслузе, вайскавай ці «статскай», практычна, выключныя [2, с. 24]. Такім чынам, новай уладай мясцовае дваранства разглядалася ўвогуле як гістарычная частка расійскага, што фармальна павінна было ўключаць першае ў склад апошняга проста аўтаматычна. Але на практыцы ўсё аказалася значна складаней.

Гісторыя выбарных шляхецкіх устаноў паказала ўсе хібы ў паводзінах прадстаўнікоў «палітычнай эліты». Не адмовіліся ад такой практыкі і пры выбарах у дваранскія дэпутацкія сходы. У прыватнасці, падчас выбараў у дваранскі сход Падольскай губерні ў 1808 г. паліцыя арыштавала значную частку дэпутатаў, звольніла губернскага маршалка і віцэ-губернатора. У 1809 г. выбары ў Віленскай губерні ўвогуле не адбыліся па прычыне знішчэння спісаў выбаршчыкаў і скрыні з бюлетэнямі [4, с. 335]. Увогуле ў адзначаны перыяд тэрыторыя былой Рэчы Паспалітай лічылася месцам канцэнтрацыі такіх парушэнняў і злоўжыванняў, дзе шляхта бясчынствавала і ўжывала гвалт. Рэвізіі паказвалі, у прыватнасці, што ў беларускіх

і ўкраінскіх губернях дваранскія сходы ўносілі ў дваранскія спісы асоб без права на такі статус. Аднак справядліва будзе адзначыць, што падобныя праявы беззаконня і гвалту мелі месца і ў іншых рэгіёнах. Напрыклад, арышты дэпутатаў за бойкі і парушэнне парадку выбараў, унясенне ў дваранскія спісы пабочных асоб мела месца ў Арлоўскай, Тульскай і Курскай губернях [4, с. 335].

Увогуле ў Дваранскіх дэпутацкіх сходах беларускіх, літоўскіх і ўкраінскіх губерняў рашэнні па прызнанні ў шляхецкай годнасці сталі адным са значных аспектаў працы. Улады імкнуліся зрабіць іх надзейным элементам на шляху змяншэнні колькасці асоб шляхецкай годнасці ў заходніх губернях. Грунтаваліся гэтыя рашэнні на прадстаўленых доказах. Напрыклад, род Карповічаў меў прывілей караля Станіслава Аўгуста ад 1775 г. на шляхецтва і купчую на маёнтка Быкаўшчызна з сялянамі. На падставе дакументаў дэпутацкі сход зацвердзіў у шляхецтве адзначаны род яшчэ 8 снежня 1798 г. [5, л. 1–2]. У архіўнай справе маюцца два фармулярныя спісы, якія сведчаць, што Антон Міхайлавіч Карповіч дасягнуў па ваеннай службе звання палкоўніка, узнагароджаны ордэнамі Св. Георгія 4-й ступені, Св. Уладзіміра 4-й ступені «з бантам», Св. Ганны 2-й ступені, залатой шпагай з надпісам «за храбросць», медалямі ў памяць 1812 г. і за ўзяцце горада Парыжа ў 1814 г., і, акрамя таго, з'яўляецца камандзірам Чацвёртага Егерскага палка. Ягоны бацька Міхаіл Восіпавіч таксама служыў у расійскім войску: у Віленскім пяхотным палку ён быў паручыкам [5, л. 7]. Узнагароджанне Антона Карповіча адзначанымі ордэнамі паспрыяла прызнанню правоў ягонага роду, паколькі кожны з іх сам па сабе ўжо даваў права на спадчыннае дваранства. У першай палове XIX ст. у Расійскай імперыі канчаткова склаўся сістэма ордэнаў. Прычым да сярэдзіны 1820-х гг. узнагароджанне ордэнамі Андрэя Першаазваннага, Св. Кацярыны, Св. Аляксандра Неўскага, Св. Ганны, Георгія Пабеданоснага, Св. Уладзіміра давала спадчыннае дваранства любой асобе незалежна ад сацыяльнага статусу. У 1831 г. да гэтых ордэнаў дадалі яшчэ два, заснаваных у Царстве Польскім, – Белага арла і Св. Станіслава. З гэтага вынікае, што прызнанне ў 1842 г. Герольдыяй сыноў чыноўніка 12 класа Івана-Бернгарда Ягоравіча Утгофа, узнагароджанага ў 1834 г. ордэнам Св. Ганны трэцяй ступені, у спадчынным дваранстве Расійскай імперыі сведчыць аб прыналежнасці да вышэйшай сацыяльнай групы яшчэ да выдання гэтых юрыдычных актаў. Запісаны Утгофы былі ў радаводную кнігу Гродзенскай губерні, паколькі мелі родавы маёнтка у пружанскім павеце [1, л. 4].

Важным у дзейнасці дваранскіх дэпутацкіх сходаў стала імкненне дзяржаўнай адміністрацыі абмежаваць іх кампетэнцыю і аказваць уплыў на працу. Галоўнай зацікаўленай асобай былі, безумоўна, губернатары. У цэлым па краіне вядома шмат выпадкаў умяшання губернскай адміністрацыі ў справы дваранскіх сходаў. Нягледзячы на тое, што атачэнне Аляксандра I пастаянна прапаноўвала абмежаваць паўнамоцтвы органаў дваранскага самакіравання, улады вымушаны былі ісці нават на арышты і крымінальныя пераследаванні некаторых губернатараў, напрыклад у Калужскай губерні. Такіх выпадкаў на тэрыторыі Беларусі і Украіны не было, бо спецыфічныя мясцовыя ўмовы прыводзілі нават да перавышэння кампетэнцыі самімі дваранскімі сходамі. Шырока вядомай стала прапанова Віленскага дваранскага сходу вызваліць сялян ад прыгону. Рэакцыя Аляксандра I была жорсткай: вымову аб'явілі губернатару і яго намеснікам, а непасрэдна дэпутатам было ўказана на недапушчальнасць умяшання ў дзяржаўныя справы [4, с. 337]. Тэндэнцыя да абмежавання ўплыву дваранскіх сходаў прасочвалася нават у пытаннях узнагароджання дваранскіх маршалкаў. Так, гэтая працэдура ў Кіеўскай губерні яшчэ з пачатку XIX ст. была пастаўлена ў залежнасць ад губернатара. Немагчымасць выражаць свае карпаратыўныя інтарэсы зніжала імкненне да працы ў дваранскіх сходах. Напрыклад, на выбары ў Валынскай губерні ў 1809 г. з'явілася толькі 78 чалавек.

Змены ў палітыцы адносна шляхты заходніх губерняў пасля паўстання 1830–1831 гг. і пад асабістым уплывам імператара Мікалая I прывялі да змянення парадку правядзення дваранскіх выбараў у заходніх губернях. Незадаволенасць царскай адміністрацыі нежаданнем мясцовай шляхты служыць на цывільнай і вайскавай службе вылілася ў кастрычніку 1835 г. у спецыяльнае распараджэнне аб выбарах ў гэтых губернях. Паколькі асноўная маса выбарных пасад займалася асобамі, якія або не служылі ўвогуле, або служылі кароткі тэрмін, «высочайшым» распараджэннем у Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, Валынскай, Падольскай губернях і Беластоцкай вобласці прадугледжвалася забарона на абранне тых, хто праслужыў дзяржаве менш за 10 год, а на вакантныя месцы патрабавалася прызначаць чыноўнікаў паводле распараджэння міністра ўнутраных спраў. Адзінае выключэнне было зроблена для асоб, якія праслужылі два трохгадовыя тэрміны па выбарах. Яшчэ раней, у 1831 г., было прынята «Палажэнне аб выбарах і сходах». Гэтым дакументам уведзіўся маёмасны ценз на ўдзел у выбарах. Голас мелі тыя дваране, якія валодалі не менш чым 100 душами прыгонных або не менш

трыма тысячамі дзесяцін зямлі. Самае цікавае, што тыя шляхціцы, які не дасягалі цэнзу, дэлегіравалі на дваранскія выбары ўпаўнаважаных. Маёмасць немаможных шляхецкіх родаў складалася да патрабуемай цэнзам колькасці. Гэта, відавочна, нагадвала старыя традыцыі выбару паслоў на сойм з адной агаворкай: калі ў часы існавання Рэчы Паспалітай мясцовы сход вызначаў дэлегатаў з агульнадзяржаўнымі паўнамоцтвамі, то цяпер мясцовая шляхецкая карпарацыя выбірала прадстаўнікоў на губернскім узроўні. Каб зразумець, наколькі вялікім быў цэнз, трэба зразумець, што такой вялікай колькасцю прыгонных нетытулаванага шляхта ў сваёй большасці не валодала. Так, у Лідскім павеце адным з нешматлікіх выключэнняў, які меў неабходны для выбараў цэнз, былі Расудоўскія. Ім належала 310 рэвізскіх душ прыгонных.

Пасля 1831 г. можна заўважыць таксама і праявы пэўных перагібаў у адносінах да часткі шляхты. Так, паводле С. Л. Лугаўцовай, асабліва ўвага ўдзялялася чыноўнікам з мясцовых дваран. Даследчыца прыводзіць прыклад адхілення ад службы засядацеля Полацкага суда Свірцэўскага толькі па падазрэнні ў спачуванні паўстанцаў [6, с. 13]. Ілюстрацыяй неспаспяхоўнасці палітыкі ў адносінах да небагай шляхты беларускіх зямель можа служыць імкненне прыцягнуць яе на ваенную службу. Стварэнне Медыка-хірургічнай акадэміі павінна было вырашыць праблему недахопу ваенных урачоў. Сучасны даследчык А. М. Лукашэвіч сведчыць, што «асобое внимание уделялось претендентам из «польских» губерний: «Как вероятно в губерниях от Польши присоединенных трудно будет найти людей, основательно российский язык знающих; то и достаточно будет, если молодые люди сии разумеют российский язык будут; ибо ученье преподаётся на языке сем и на латинском» [7, с. 10].

Так, агульнаімперская сістэма дваранскіх выбараў шляхтай беларускіх зямель была ўспрынята як нейкі новы варыянт выбарнай соймавай сістэмы, што існавала ў скасаванай Рэчы Паспалітай. Высвятляюцца нават факты стварэння на павятовым узроўні нечага накшталт шляхецкіх міні-ці нават мікракарпарацый. З гэтага вынікае, што адной з перашкодаў на шляху да поўнай інтэграцыі нетытулаванага шляхты ў склад расійскага дваранства была жывучасць старых соймавых традыцый. У гістарычнай перспектыве гэта замаруджвала нівеліроўку мясцовых асаблівасцяў, а ў практычным плане ўскладняла працу дваранскіх выбарных органаў заходніх губерній Расійскай імперыі. Аднак новыя пакаленні мясцовай шляхты, якія ўжо не прытрымліваліся палітычных традыцый колішняй Рэчы Паспалітай, у цэлым удала адаптаваліся

да новых умоваў. Але калі маёмасныя і кар’ерныя чаканні шляхты былой Рэчы Паспалітай не спраўдзіліся або, ва ўсякім выпадку, спраўдзіліся не цалкам, яе антыпатыя да новай улады, мусіць, прапарцыянальна павялічвалася.

Указ 19 кастрычніка 1831 г. замацоўваў ускладнены двухступенны парадак пацвярджэння дваранскіх праў шляхтай спачатку ў дваранскіх дэпутацкіх сходах, а затым у Герольдыі Сената. Тым, хто здолеў пацвердзіць сваё дваранства, гарантаваліся ўсе правы і перавагі дваранства Расійскай імперыі. Для тых прадстаўнікоў шляхты заходніх губерняў, якія не даказалі дваранства, спецыяльна быў створаны новы грамадскі стан аднадворцаў заходніх губерняў. Такія асобы і імкнуліся рознымі спосабамі трапіць у лік дэпутатаў, каб мець магчымасць захаваць дваранскі статус.

Паказчыкам загрузанасці такой працай дваранскіх сходаў стала колькасць разгледжаных спраў у Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губернях: за 1798–1833 гг. Было выдадзена 16 163 дэкрэтаў аб пацвярджэнні шляхецтва [8, с. 20].

Само па сабе прадстаўленне дакументаў аб шляхецкім паходжанні не заўсёды дазваляла атрымаць статус двараніна Расійскай імперыі. Напрыклад, шляхцічы Гродзенскай губерні Грыгаровічы прыступілі да працэсу даказвання паходжання яшчэ ў пачатку XIX ст. Аднак, нягледзячы на прызнанні губернскім дэпутацкім сходам дваранскіх правоў у 1802 і 1838 гг. Герольдыяй, Грыгаровічам двойчы ж было адмоўлена.

Прычым губернскаму дваранскаму сходу асобна прадпісвалася прадставіць звесткі, «в какой разряд поступил». Падобны лёс напачкаў Івана Катоўскага, які ў 30-я гг. XIX ст. быў запісаны ў мяшчане. У 1835 г. ён здолеў даказаць сваё шляхецтва на губернскім узроўні, але ў лістападзе 1840 г. быў выдадзены ўказ Сената, дзе гаварылася, што «Временное присутствие Герольдии не может признать Котовского в дворянском достоинстве». Матывацыя адмоўнага рашэння таксама грунтавалася на тым, што Катоўскія не маюць ва ўласнасці маёнтка. Не мелі сваёй зямлі і Маслоўскія з Дзісенскага павета. З рашэння дваранскага сходу ад 1802 г. аб прызнанні Маслоўскіх у шляхецкай годнасці вынікае, што яны арандавалі зямлю ў памешчыцы Грабніцкай. У 1834 г. Васіль Сямёнавіч Маслоўскі разам з сынамі Амброзіем і Францам яшчэ фігуруе як шляхціч. Падрабязнасці пазбаўлення іх дваранскіх правоў невядомы, але ў 1862 г. Франц Маслоўскі, трыццацідвухгадовы шараговы жаўнер Віцебскага пяхотнага палка, які размяшчаўся ў г. Чанстахоў, звярнуўся да камандзіра гэтай вайскавай часткі

з дакументамі на дваранства. Зразумела, што нават пасля перасылкі гэтых дакументаў у дваранскі сход яго саслоўны статус застаўся без змен. Інакш складваўся працэс пацвярджэння шляхецкіх правоў роду Івашкевічаў. Справа ў тым, што ў іх не было дакументаў на маёнткі Хадаркевічы і Парадневічы, хаця дэ-факта гэтыя ўладанні ім належалі. Гэта пацвярджалася сведчанямі «от дворян и помещиков Минской губернии», на аснове якіх, а таксама іншых дакументаў губернскі дваранскі дэпутацкі сход двойчы, у 1802 і 1809 гг., выносіў рашэнні аб захаванні шляхецтва Івашкевічаў і ўнясенні іх у першую частку радаводнай кнігі.

Цікава, але большая частка дваранскіх спраў пасля разгяду на губернскім узроўні ў Герольдыю не перадаваліся. З усёй колькасці названых вышэй дэкрэтаў па трох губернях у Санкт-Пецярбург перадалі толькі 976 [8, с. 20]. Адною з прычынаў такой сітуацыі было і тое, што сярод перададзеных дакументаў былі выяўлены падробкі. У выніку тармазіўся працэс замацавання ў дваранскім статусе прэтэндэнтаў, што вымагала ад уладаў пастаянна падаўжаць яго канчатковы тэрмін пасля скаргаў мясцовых губернскіх маршалкаў.

Заклучэнне. Такім чынам, дзейнасць дваранскіх дэпутацкіх сходаў у першай палове XIX ст. была засяроджана вакол вырашэння «шляхецкага пытання». У Беларусі іх дзейнасць змяняла характар толькі ў час кіравання генерал-губернатора М. Мураўёва. Ва ўкраінскіх губернях ініцыятарам стварэння інвентарных камісій, якія ў тым ліку правяралі адпаведнасць дакументаў рашэнням дваранскіх дэпутацкіх сходаў, стаў прызначаны генерал-губернатарам Кіеўскай губерні Д. Г. Бібікаў. Убачыўшы ягоную руплівасць у процідзеянні карпаратыўным інтарэсам шляхты заходніх губерняў, Мікалай I зрабіў яго таксама генерал-губернатарам Падолля і Валыні. Вынікам такіх мерапрыемстваў стала больш значная у параўнанні з Беларуссю колькасць асоб, якія так і не зацвердзілі свой дваранскі статус. Пікавымі гадамі ў такім «сумным» для шляхецкай грамады рэчышчы стала менавіта дзейнасць ва Украіне Бібікава. Гэта дазваляе зрабіць выснову аб значнай ролі чала-

вечага фактара ў кантэксце дзейнасці дваранскіх дэпутацкіх камісій і выніках іх працы.

Літаратура

1. Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу. Гродно: Губ. тип., 1900. 17 с.
2. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: «Наука», 1979. 303 с.
3. Тумилович Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 1995. 20 с.
4. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб.: тип. Тренке и Фресно, 1906. 722 с.
5. ЛДГА. Ф. 391. Воп. 5. Спр. 281. «Дело об установлении дворянского происхождения рода Касперовичей Лидского уезда герба Янина». 170 л.
6. Луговцова С. Л. Власть и общество: противостояние правительственных чиновников и местного дворянского общества белорусских губерний (30–40-е годы XIX в.) // Актуальные проблемы сацыяльнай гісторыі Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.): да 90-годдзя Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.: матэрыялы Рэсп. навукова-тэарэт. канф., Мінск, 23 лют. 2007 г. / БДПУ; рэдкал.: А. І. Андрала [і інш.]; навук. рэд. А. П. Жытко. Мінск: БДПУ, 2007. С. 12–16.
7. Лукашевич А. М. Мелкопоместная шляхта Беларуси в стратегических планах военного ведомства России в начале XIX в. // Актуальные проблемы сацыяльнай гісторыі Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.): да 90-годдзя Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г.: матэрыялы Рэсп. навукова-тэарэт. канф., Мінск, 23 лют. 2007 г. / БДПУ; рэдкал.: А. І. Андрала [і інш.]; навук. рэд. А. П. Жытко. Мінск: БДПУ, 2007. С. 8–12.
8. Sikorska-Kulesza, J. Deklasacja drobnej szlachty na Litwie i Białorusi w XIX wieku. Warszawa: «Ajaks», 1995. 116 s.

Поступила 15.03.2014

УДК 37(476):94(476)«18/19»

В. М. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)**ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

В статье рассматриваются проблемы истории народного образования и учительской интеллигенции Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., которые изучались дореволюционными исследователями. В данный период был собран огромный фактологический и статистический материал, который отражал общие вопросы истории развития начальной школы и мероприятия государства в этой сфере, проблемы подготовки учительских кадров, их материальное и правовое положение. В трудах сравнивается статус просвещения в России и странах Европы, дается характеристика основным направлениям и тенденциям общественно-педагогического движения. В начале XX в. поле исследований значительно расширяется (вопросы женского и педагогического образования, деятельность учительских обществ, развитие национальной культуры и др.).

The problems of history of public education and teachers' intelligentsia of the second half of the XIX – the early XX centuries in Belarus studied by pre-revolutionary researchers is discussed in this article. The huge factual and statistical material reflecting the history of the common questions of primary school and activities of the state in this area, the problems of teaching staff training, their financial and legal status was accumulated during this period. The collected material compares status of education in Russia and Europe, describes the main trends and directions of socio-pedagogical movement. At the beginning of the XX century the research field is significantly expanded. It includes questions of women's education, pedagogical activities of societies, and the development of national culture.

Введение. Буржуазные реформы 1860-х–70 х гг., новые экономические и общественно-политические отношения дали толчок для широкого развития народного просвещения, стимулировали создание системы учебных учреждений разных типов и обеспечение их педагогическими кадрами. Существующая система образования вступила в противоречие с требованиями того времени. Проблемы государственной школьной политики стали предметом дискуссии среди представителей различных слоев российского общества, в том числе и в педагогической среде.

Основная часть. Вторая половина XIX в. явилась новым периодом в истории России, а вместе с тем и новым этапом в русской историографии. Все процессы и явления в политической и социально-экономической жизни оказывали воздействие на общественную мысль. Они влияли и на развитие исторической науки, определяя ее основные направления, взаимоотношения и борьбу между ними. Сама проблематика, трактовка важнейших вопросов, круг привлекаемых источников и методы их использования диктовались условиями эпохи. Появляются специальные исторические журналы, публикующие как исследования, так и источники, общий поток исторической литературы непрерывно растет. В отличие от предыдущего периода, наблюдается оживление исследований и появление достаточно крупных работ по истории становления системы народного образования и определении приоритетных ее направлений, о влиянии политических и исторических

событий на школьную политику государства, по вопросам просветительской деятельности земств, подготовки учительских кадров, методике преподавания, состояния учебного дела за рубежом.

Первые шаги в осмыслении основных тенденций и изучении развития образования в северо-западных губерниях России были сделаны тогдашними исследователями – современниками и свидетелями происходящих исторических событий. В этот период сложились два исследовательских направления: правительственное, которое поддерживало, научно обосновывало и защищало официальную политику царизма в сфере народного образования; и национальное, представители которого изучали культурно-историческое и педагогическое наследие Беларуси, ставили задачу разработать основы собственной системы образования. Это были немногочисленные исследования в основном описательного характера. Хронологическое большинство их приходится на конец 1890-х–1910-е гг.

В работах официальных лиц рассматривалось положение начальной школы на территории Беларуси, основные направления и особенности правительственной политики в области образования, обеспечение учебных учреждений учительскими кадрами и др. Специфику реформы в сфере образования они связывали с социально-политической историей.

Попытку проанализировать развитие народной школы за сорок лет сделал А. Белецкий. Опираясь на официальные статистические данные,

он называет определенные достижения, в первую очередь, со стороны государства в количественных показателях: повышение уровня образования местного населения, открытие учебных заведений, в том числе и педагогических, материальные затраты на нужды просвещения и др. История народного образования рассматривается им на фоне общественно-политических событий, которые происходили в Северо-Западном крае во второй половине XIX в. Он полностью разделяет опасения проправительственных кругов в том, что «польскому дворянству и римско-католическому духовенству края удастся захватить в свои руки дело народного образования, что народная школа края будет служить не русским, а польским интересам» [1, с. 3].

Такой же точки зрения придерживался и И. Корнилов, который утверждал, что «учащими» должны быть только уроженцы центральных губерний России и православное духовенство, а польских преподавателей необходимо уволить, ибо «достаточно присутствия одного учителя-поляка, чтобы лишить педагогический совет всякой силы» [2, с. 82]. А. Миловидов подчеркивал, что причину революционной активности молодежи, которая получала образование, генерал-губернатор М. Муравьев видел во влиянии на нее общества и самой школы, поэтому «очень доброжелательно относился к юным мятежникам, никогда не применял к ним строгих наказаний» (с чем, разумеется, трудно согласиться). Вместе с тем, как отмечает автор, школа края еще с начала XIX в. «начала служить целям не просветительным, а прежде всего политическим и сделалась главным очагом революционного движения». А. Миловидов полностью разделяет мнение М. Муравьева в кадровом вопросе («в гимназиях Виленского учебного округа правительство, тратя на содержание их (польских учителей) значительные суммы, воспитывало врагов себе и России») и поддерживает необходимость принятых правительством и генерал-губернатором мер [3, с. 4, 16].

В монографиях М. Чехова [4] и С. Рождественского [5] находят отражение деятельность Министерства народного образования, освещаются некоторые аспекты условий жизни и труда сельских, городских и земских учителей, сравнивается статус просвещения в России и странах Европы, дается характеристика роли общественности в развитии системы образования, ее основных направлений и тенденций. Г. Фальборк и В. Чарнолуцкий критически оценивают достигнутые результаты и обращают внимание на необходимость увеличения финансирования народного просвещения. Они подчеркивают, что «показатель внимания государства к нуждам

образования увеличился у нас на самую незначительную величину»: с 1,6% в 1866 г. до 2,05% к концу XIX в., в то время как суммы расходов на содержание дирекций и инспекций выросли в пять раз [6, с. 79].

И. Кукушкин рассматривает деятельность Витебской дирекции народных училищ в деле образования в конце XIX в., материальное обеспечение школ и учителей, анализирует мероприятия созданного в Витебске педагогического общества взаимопомощи – практически первого профессионального объединения учителей. Особенно выделяются положительные сдвиги: рост количества народных школ, пополнение библиотек, приводятся примеры роста просветительского значения школы и ее влияния на население. Но исследование практически не содержит критических оценок многочисленных недостатков и просчетов в сфере народного просвещения [7].

В рассматриваемый период определенное внимание отводится изучению среднего образования, и особенно гимназического (С. Зенченко [8], К. Шпаковский, И. А. Алешинцев [9], И. П. Максимов и др.). Активно ведется исследование истории гимназий (составляются исторические записки), анализируется значение реформы средней школы, поднимается вопрос о подготовке преподавателей. В работах содержится огромное количество фактического материала. Поле исследований несколько расширяется проблемами женского образования и профессиональной подготовки молодежи в связи с новыми запросами всех отраслей народного хозяйства в квалифицированных специалистах. На страницах периодической печати все чаще появляются сведения об открытии новых типов учебных учреждений в Виленском учебном округе. Так, Г. Киприанович изучал вопросы женского образования в России: открытия и деятельности министерских гимназий и гимназий императрицы Марии, педагогического класса Виленской женской гимназии, пытался проанализировать правила поступления в эти учебные заведения, учебные планы и программы, внутренний распорядок и др. [10]. Некоторые исследователи обращаются к вопросам профессиональной подготовки учителей. А. Ярушевич изучает причины открытия и организацию учебного процесса в Молодечненской учительской семинарии [11]. Е. И. Смирновым готовится историческая записка о деятельности Полоцкой учительской семинарии за 30 лет ее существования [12].

Особого внимания заслуживает работа священника М. Родевича, который делает эмоциональное и достаточно подробное описание эволюции отношения крестьян и их детей к школе

и народным учителям. Автор поднимает вопрос о том: «Какая же сила может притянуть мальчиков практически босых и наполовину одетых в двадцатиградусные морозы в школу». Ответ дает сам, акцентируя внимание на стремлении «вырваться из тьмы и приблизиться к науке, к знаниям в чистых натурах» [13, с. 105]. Будучи знатоком этнографического материала, приводит интересные факты из повседневной жизни местного населения и сельского учителя.

В рассматриваемое время поверхностное освещение получили проблемы «экономики просвещения». В историографии встречаются только единичные публикации. Среди них работа И. Самойловича, которая затрагивает вопросы экономического значения народного образования [14]. Он сравнивает количество школ и образованных людей в России и на Западе, называет необходимые цифры отчислений со стороны государства на этот предмет, делает попытки проанализировать материальное положение училищ в Витебской губернии и средства, которые отпускались на их содержание.

С 1890-х гг. начинается изучение церковного образования. Определенный интерес был вызван активным насаждением церковноприходских школ в противовес народным школам. В начале XX в. появляются коллективные труды [15, 16], в которых рассматривались вопросы развития школ грамоты и церковноприходских, а также церковно-учительских и второклассных школ для подготовки соответствующих преподавателей. Вместе с тем основное внимание сосредотачивалось не на качественных, а на количественных показателях.

Историография этого периода дополняется работами, в которых дается критическая оценка многочисленным направлениям деятельности правительственных учреждений и институтов, показывается некоторая двойственность и непоследовательность реформе в сфере образования. Так, Е. Звягинцев попробовал с разных сторон оценить деятельность корпуса инспекторов народных училищ. Отмечая позитивные стороны работы, автор подчеркивает их основную функцию надзора (роль «полицейской безопасности») в сфере просвещения, что проявляется в превышении служебных полномочий, предвзятом отношении к учителям и их ученикам [17]. Критический взгляд на тогдашнее положение народного образования на территории Беларуси высказывали в своих публикациях П. Саломатин [18], А. Гартвиг [19], М. Сперанский [20] и др. Темнота и бедность народа, «курные хаты» в качестве училищ, отсутствие необходимых учебников и канцелярских принадлежностей, материальная необеспеченность и правовая зависимость педагогов – главные

направления их исследований. А. Б. Петрищев с уверенностью писал: «раз нет большого количества ученых людей, раз народ неграмотен, наша родина неизбежно попадет под власть иностранцев и перестанет существовать как самостоятельное государство... Школы, конечно, настоящие, а не поддельные, для нас дело жизни и смерти» [21, с. 95]. В. В. Розанов справедливо критиковал кадровую школьную политику, при которой «личность учителя не играла никакой роли..., лишь бы человек обладал знанием предмета, правительственным удостоверением в этом знании – этого было совершенно достаточно» [22, с. 171].

В начале XX в. формирование нового варианта белорусской культуры шло на основе разграничения двух главных противоборствующих доктрин: первая исходила из самобытности национальной культуры, ее традиций и специфических особенностей формирования и развития; вторая воспринимала белорусскую культуру как часть российской имперской культуры. С демократических позиций характеризуют политику царизма в сфере образования деятели белорусского национального возрождения, среди которых Я. Купала, Я. Колос, А. Пашкевич, С. Полуян, А. Луцкевич, Я. Лесик и др. Так, в 1909 г. в статье «О национальной школе в Беларуси» С. Полуян отмечал, что в такой школе образование должно вестись на родном языке, а его содержание содействовать развитию национального самосознания молодого поколения и «вывести учеников с такого тупика, в который завязали его наши собственные слои своей антинародной политикой и поставить его на путь общечеловеческого развития» [23, с. 325].

Прогрессивная общественность считала, что «инородческая школа», в том числе и белорусская, это «болезненная кровотокающая рана в могучем организме русского государства». «Бодро, неудержимо разрастается национальное возрождение при отсутствии стеснений, но глухо замирает это красивое плодотворное народное движение перед дверями школы. Эти двери наглухо заколочены, например, для белорусов... там нет места ни слову родному, ни песни народной, ни стиху национального поэта» [24, с. 22]. А для педагога вопрос права родного языка получил азбучный характер еще со времен Я. А. Каменского: обучение должно начинаться на родном языке.

Заключение. Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. были сделаны первые попытки изучения положения народного образования и учительства Беларуси. Тематическое поле было занято общими вопросами истории развития начальной школы и мероприятиями государства в этой сфере, собрано

много фактического и статистического материала. Особой заслугой дореволюционных ученых является осознание остроты проблемы, отражение борьбы разных направлений в осуществлении школьной реформы, показ прогрессивного значения общественно-педагогической деятельности в противовес государственной. Труды названных авторов создали основу для дальнейших исследований в области образования.

Литература

1. Белецкий А. В. Сороколетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1905. 64 с.
2. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб.: тип. А. Суворина, 1908. Вып. 1. 504 с. С. 82.
3. Миловидов А. Деятельность гр. М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863–1865). Харьков: тип. Губ. правления, 1900. 100 с.
4. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М.: Польза, 1912. 224 с.
5. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб.: тип. А. В. Арлова, 1902. 579 с.
6. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. СПб.: изд-во Попова, 1900. 264 с.
7. Кукушкин И. П. Последнее десятилетие в истории Витебской дирекции народных училищ. 1891–1901. Витебск: Губ. тип., 1904. 59 с.
8. Зенченко С. О подготовке преподавателей средних учебных заведений к педагогической деятельности. М.: тип. Тов-ва И. Н. Кушнерев и К., 1898. 34 с.
9. Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: тип. О. Богданава, 1912. 346 с.
10. Киприанович Г. Я. К истории женского образования в Западной России: Историческая записка к дню 50-летия Виленской, Гродненской и Ковенской гимназий, 1860–1910. Вильно: Губ. тип., 1910. 70 с.
11. Ярушевич А. Молодечно и его учебные заведения: К пятидесятилетию Молодечненской семинарии. 1864–1914. Вильна: Русский почин, 1914. 70 с.
12. Смирнов Е. И. Полоцкая учительская семинария за 30 лет ее существования (1872–1902). Историческая записка. Витебск: Губ. тип., 1902. 67 с.
13. Родевич М. Белорусские народные школы. Б. м., Б. г. – 119 с.
14. Самойлович И. А. Экономическое значение народного образования, положение последнего и его нужды в Витебской губернии. Витебск: Губ. тип., 1903. 82 с.
15. Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884–1909). СПб.: Синод. тип., 1909. 686 с.
16. Народное образование в церковно-приходских школах Могилевской епархии в 1913/14 уч. г. Могилев: тип. И. Б. Клаза и М. Л. Кагана, 1915. 115 с.
17. Звягинцев Е. А. Инспекция народных училищ. М.: тип. О. Л. Сомовой, 1914. 132 с.
18. Саломатин П. Как живет и работает народный учитель (личные впечатления). СПб.: Прометей, 1911. 103 с.
19. Гартвиг А. Школьная реформа снизу. М.: т-во И. Д. Сытина, 1908. 201 с.
20. Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерев и К., 1910. 238 с.
21. Петрищев А. Б. Церковь и школа. СПб.: Русское богатство, 1906. 96 с.
22. Розанов В. В. Сумерки просвещения. СПб.: тип. М. Меркушева, 1899. 240 с.
23. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі канца XVIII – пачатку XX ст.: праблемы, здабыткі, перспектывы / Н. В. Анофранка [і інш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская. Мінск: Беларуская навука, 2006. 446 с.
24. Инородческая школа / под общ ред. Г. Г. Тумилина, В. А. Зеленко. Петроград: тип. Кюгельгент, Глич и К, 1916. 254 с.

Пастуніў 14.03.2014

УДК 94(476):94(470)«1920/1930»:325.11

В. Е. Козляков, доктор исторических наук, профессор (БГТУ)**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ ИЗ БЕЛАРУСИ
В ЮЖНЫЕ РЕГИОНЫ СССР (20–30-Е ГГ. XX В.)**

В статье раскрываются процессы, связанные с переселениями из Беларуси в южные регионы СССР в 20–30-е гг. XX в. Анализируются причины переезда жителей Беларуси на новые места проживания, деятельность органов власти по организации переселения в период новой экономической политики и начала коллективизации сельского хозяйства, а также проблемы адаптации прибывших к новым условиям и степень эффективности государственной переселенческой политики.

The processes associated with the migration from Belarus into the southern regions of the USSR in the 20–30-s of the XX century are developed in the article. The reasons for the moving of the Belarusians to the new places of residence, authorities activities aimed to resettlement at a time of new economic policy and the beginning of the collectivization of agriculture, and the problems of adaptation of arrivals to the new conditions and the degree of efficiency of state migration policy are analyzed in the paper.

Введение. Воины, революции, другие серьезные потрясения в России и Беларуси, происходившие в первой трети XX в., не могли не сказаться на интенсивности миграционных процессов, охвативших разные слои населения, в первую очередь крестьянство.

Переселения из Беларуси в глубь России в 20–30-е гг. XX в. проходили под воздействием нескольких факторов: малоземелье крестьянства, несмотря на реализацию уравнительного землепользования в ходе ликвидации помещичьих хозяйств; урбанизация сельских населенных пунктов, вызванная необходимостью укрепления обороноспособности страны (создание военных гарнизонов, полигонов, стрельбищ и др., что приводило к сокращению и даже ликвидации земельных наделов); дальнейшие социально-экономические изменения, обусловленные индустриализацией и коллективизацией. Эти вопросы в той или иной степени раскрыты в научной литературе [1, 2, 14]. Однако проблемы организации переселенческих процессов и степень адаптации переселенцев к новым условиям требуют дальнейшего изучения.

Основная часть. Если в период войн и революций причинами миграций стали стремления людей обрести спокойствие и обезопасить себя от опасности социальных потрясений, то наступивший период НЭПа дал возможность найти приемлемые условия для жизни и хозяйственной деятельности. Начало процесса переселения в массовом масштабе принято считать октябрь 1924 г., хотя миграции наблюдались и ранее. Но именно начиная с 1924 г. и на протяжении трех последующих годов, о желании переселиться из белорусского региона заявили 42 тыс. семей [1, с. 245].

Объектами для переселения становились разные регионы СССР. Но поначалу внимание переселенцев было обращено на районы,

расположенные ближе всего к индустриальным центрам страны, например к Среднему Поволжью. Например, из Витебской губернии в Саратовскую и Самарскую губернии с 19 января по 25 апреля 1924 г. отдельными эшелонами выехало 3854 человека. [2, с. 46].

Разумеется, советское государство было вынуждено вмешаться в переселенческие процессы и постараться осуществить регулирование миграции, направляя потенциальных переселенцев прежде всего в малонаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока. В этих целях постановлением Совета Труда и Обороны СССР от 17 октября 1924 г. был создан Центральный колонизационный комитет (Цеколком), который постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 апреля 1925 г. преобразован во Всесоюзный переселенческий комитет при ЦИК СССР. На этот орган возлагалось общее руководство переселенческой политикой Союза ССР.

Среди конкретных задач, стоявших перед Всесоюзным переселенческим комитетом, — определение квот и обеспечение финансирования для переселенцев из союзных республик в российские регионы. Одна из причин увеличения количества желающих выехать из БССР — малоземелье. При наделении земель по потребительско-трудовой норме, согласно переписи 1926 г., могло быть обеспечено лишь около 80% всех хозяйств, а остальные 20% — могли остаться вообще без земли [3, л. 12]. Вот почему руководство БССР постоянно просило увеличить квоты для переселенцев из БССР. Не всегда Москва шла навстречу Минску по вполне объективным обстоятельствам. Так, например, с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1928 г. из Беларуси поступило заявлений на переселение от 61 538 семейств (или от 382 012 душ), в то время как переселенческие фонды для Беларуси на этот период были рассчитаны на 74 202 души,

что составило только около 20% от количества поданных заявок [4, л. 29].

Но бывали случаи, когда власти не очень считались с настроениями и желаниями местного населения. Еще 28 сентября 1923 г. было принято постановление СНК СССР «О порядке отвода земель под лагерь, стрельбища, полигоны». На его основе Реввоенсовет СССР просил белорусское руководство выделить на севере республики земельные площади для артиллерийского полигона. В декабре 1923 г. начались разговоры о том, что для военных целей подошла бы территория около деревни Дретунь Витебской губернии.

Реввоенсовет СССР просил местное руководство провести выселение деревень весной 1925 г. Переселение в границах Витебской губернии было невозможным. Поэтому предполагалось переселить крестьян в другие районы СССР.

Разумеется, подобные решения вызвали протесты местных жителей. С 4 по 15 марта 1925 г. состоялась собрания во всех деревнях и хуторах, подлежащих выселению. Из 326 дворов согласилась переселиться на Северный Кавказ только 61 семья, остальные отказались по «климатическим условиям» и незначительной денежной компенсации. Однако сопротивление несогласных крестьян было все же, на первый взгляд, сломлено, но с помощью милиции. Бунтовщики были отправлены в Донскую область, однако вскоре вернулись в родные места. Тем не менее Дретунская история показала, что власть уже тогда не очень считалась с мнением и интересами конкретных людей. А если человек лишался земли и собственного крова, то ответственность за подобные деяния представители власти не несли [5, с. 246–255].

Несколько другая ситуация складывалась с еврейским населением, которые власти в массе своей старались привлечь к земледельческому труду и индустриальной деятельности. До революции в Беларуси еврейскими земледельцами обрабатывалось 10 263 десятин земли. После революции уже к 1924 г. обрабатываемая евреями земельная площадь увеличилась еще на 7780 десятин (т. е. на 76%) [6, л. 144]. Однако и в Беларуси, и в Украине ощущалась нехватка в пахотной земле. И тогда появился проект известного советского деятеля Ю. Ларина (Лурье) о создании Еврейской автономии в Крыму и переселении туда 280 тыс. евреев с предоставлением им земельных площадей. [7, с. 4].

Но в ноябре 1923 г. появился еще один проект, автором которого являлся один из руководителей Евсекции РКП (б) А. Брагин. По новому проекту предлагалось образовать автономную область евреев на территории Северного

Кавказа, южной степной полосы Украины и Черноморского побережья, вплоть до границ Абхазии. Центром этой области предполагалось сделать г. Одессу. Отмечалось, что громадные ресурсы (десятки миллионов долларов), необходимые для реализации этого плана, могут быть получены через еврейские американские и другие международные организации («Джойнт», ЕКО, Реконструктивный комитет в Лондоне и др.) [8, л. 21]. По сообщению Еврейского телеграфного агентства от 20 февраля 1923 г. этот проект одобрили советские руководители: члены Политбюро ЦК РКП (б) Л. Троцкий, Л. Каменев, кандидат в члены Политбюро Н. Бухарин и председатель Госплана СССР А. Цурюпа [9, л. 27].

Однако против этого проекта выступил ставший в июне 1923 г. Наркомом земледелия СССР А. Смирнов. По его мнению, еврейская колонизация наиболее выгодных для земледелия площадей вызовет обострение вражды со стороны местного населения, прежде всего украинского, которое само нуждается в земле. Еще одно возражение А. Смирнова заключалось в том, что «с социально-экономической стороны земледельческие навыки у массы еврейского населения России отсутствуют» [10, л. 27].

Вероятно, доводы А. Смирнова оказались тогда убедительными, и вопрос о создании Еврейской автономной области в Крыму был временно отложен. Однако все же тема еврейской колонизации в Крым получила дальнейшее продолжение. Для решения подготовленных в проектах Ю. Ларина и А. Брагина ряда вопросов, связанных с переселением евреев из местечек Украины и Беларуси, Президиум ЦИК СССР на своем заседании 29 августа 1924 г. постановил образовать Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) и Общественный комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ) [11, с. 6]. Основной базой переселения евреев КомЗЕТом была определена Крымская АССР.

По неполным сведениям, в Крым из Беларуси с 1926 по 1928 гг. (включительно) переселилось 1914 семей. Гораздо меньший поток еврейских переселенцев шел в дальневосточный Биробиджан, где была провозглашена Еврейская автономная область. В этот регион в 1928 г. из Беларуси переселилось лишь 240 еврейских семей [12, л. 12]. При этом половина прибывших из них, в виду «неудовлетворительной постановки переселения со стороны КомЗЕТа», вынуждена вернуться обратно.

Не так просто складывалась ситуация с переселенцами и в Крыму. Как и предполагал А. Смирнов, переселение евреев в Крым вызвало бурю недовольства местного населения, в первую

очередь татарского. Тем не менее 5 сентября 1930 г. решением Крымского ЦИКа г. Фрайдорф становится центром еврейского национального района. В 1931 г. ОК ВКП (б) и Крымское правительство в своих постановлениях констатировали, что «еврейское переселение в Крым себя политически и хозяйственно оправдало» [13, с. 6]. Однако такой вывод не соответствовал действительности. Многие евреи, оказавшиеся в Крыму, вскоре были вынуждены вернуться на прежнее местожительство.

Переход к политике коллективизации, осуществленной на основе так называемого «раскулачивания» более-менее зажиточного и среднего крестьянства, обусловил и серьезные изменения в переселенческих процессах. Теперь определенная часть «кулаков» подпадала под принудительные переселения в отдаленные регионы Сибири и Дальнего Востока.

Однако параллельно в этот период начался массовый выезд одиночников из БССР, продолжавшийся до начала 1935 г. В 1934 г. отмечался и самовольный выезд белорусских колхозников в Украину, Сибирь и на Северный Кавказ [14, с. 61].

Например, в письме секретаря Чериковского РК КПБ (б) на имя секретаря ЦК КПБ (б) Н. Гикало (от 12.06.1934 г.) отмечалось, что подобная тенденция особенно усилилась после переселения из Чериковского района в Одессу около 100 семей и больше десятка на Северный Кавказ. При этом уехавшие, отмечал автор письма, «забрасывали письмами оставшихся родных» о том, что на новом месте «чрезвычайно хорошо устроились». Несмотря на введенные запреты, некоторые хозяева уезжали «без ведома сельсовета и района» [15, л. 53–54].

О значительном увеличении количества ходатайств колхозников и одиночников перед ЦИК БССР о разрешении на переселение из республики в другие регионы СССР отмечал в марте 1934 г. А. Червяков в письме на имя Н. Гикало. При этом председатель ЦИК БССР ссылался на письма переселенцев о «хорошем обеспечении в колхозах Украины» [16, л. 93–94]. Это выглядит довольно странным на фоне уже начавшегося так называемого «голодомора» в этой южной республике.

Надо сказать, что особого восторга от переселившихся местные власти не испытывали, о чем свидетельствовало письмо уполномоченного Переселенческого комитета по Азовско-Черноморскому краю белорусскому руководству по поводу «массы ходоков от колхозов» из Беларуси. В письме содержалась просьба запретить местным белорусским организациям, колхозам выдавать справки на переселение, а также разъяснить, что «Азовско-Черноморский

край непланоных переселенцев не принимает». В свою очередь А. Червяков предлагал ЦК КПБ (б) обратиться с телеграфным предложением к крайвым партийным и советским организациям Украины и Северного Кавказа, чтобы они категорически запретили своим районным, сельским организациям и отдельным колхозам выдавать справки о принятии в колхоз людей сверх установленных и согласованных с белорусским руководством планов [17, л. 94–96].

Судя по всему, особой ясности по вопросам переселений не было и среди союзного руководства. Так, по поручению Сталина от 2 июля 1934 г. членам ЦК ВКП (б) была разослана записка секретаря ЦК партии П. Постышева по вопросам колхозного строительства. Автор коснулся и проблемы переселений: «Переселения надо последовательно осуществлять, а главное – обратить особое внимание на закрепление переселенцев, на их вращение в новую обстановку [18, л. 10].

Особое значение в этом процессе придавалось красноармейским переселениям. Красноармейцы-переселенцы призваны были стать опорой в проводимой политике коллективизации. Но для этого сначала была поставлена задача обучить красноармейцев еще до переселения навыкам колхозного производства. В июне 1929 г. Реввоенсовет, Колхозцентр и Всесоюзный переселенческий комитет издали совместную директиву «Об использовании красноармейцев и младших командиров в колхозном строительстве», в которой предлагалось во всех воинских частях организовать курсы по изучению основ сельскохозяйственного производства [19, с. 200].

Советская власть рассматривала красноармейские переселения в качестве важнейшего средства так называемого «расказачивания», осуществляемого в станицах Северного Кавказа в ходе сплошной коллективизации. Так, в период с 14 октября по 15 декабря 1933 г. в 111 эшелонах на Северный Кавказ прибыли 8007 красноармейских семей в составе 34 209 человек и 6072 одиноких красноармейцев – всего 40 281 человек. При этом из Белорусского военного округа – 4714 семей в составе 13 517 человек [20, с. 209].

Местное население по-разному встретило приезжих. Большинство – настороженно, а кое-кто даже враждебно. Однако по свидетельству других очевидцев, например, приезд переселенцев спас уничтожение станицы Уманской от голода. «Станица немного ожила, – писал И. А. Полежаев, житель Уманской. – Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд

равносилен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [21, с. 204].

Судя по всему, процессы адаптации выходцев из Беларуси к новым условиям проходили не просто. Были трудности не только в общении с местным населением, но и проблемах освоения особенностей сельскохозяйственного производства в условиях Северного Кавказа. Многие не выдерживали и возвращались обратно, хотя это сделать было крайне сложно. В результате возвращения переселенцев, а также процессов смены самоназвания в среде преобладающего русского населения численность белорусов в Кубанском крае еще в довоенный период сократилась почти вдвое. Например, если белорусов по переписи 1926 г. на Кубани насчитывалось 23 336 чел. (0,74% всего населения), то перепись 1939 г. дает цифру 11 523 белорусов (0,39% всего населения) [22, с. 118].

Заключение. Таким образом, переселения из Беларуси крестьян и представителей других слоев населения в российские регионы, в т. ч. южные, в 20–30-е гг. XX в. проходили в сложных условиях и во многом носили противоречивый характер. Государственное регулирование этого процесса не всегда учитывало интересы граждан, тем более конкретной личности. Однако даже в этих условиях русские и белорусы находили взаимопонимание, основой которого являлось уважение друг к другу, трудолюбие и взаимопомощь. Совместными усилиями многих народов был создан солидный экономический потенциал, который помог им выстоять в годы Великой Отечественной войны и обеспечить дальнейшее развитие страны.

Литература

1. Бяспалая М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921–1927 гг.). Мінск: Бел дзярж. ун-т культуры і мастацтва, 2009. 325 с.
2. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: из-во Томского ун-та, 1976. 284 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (в дальнейшем – НА РБ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 3889. Ч. 1.
4. НА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 581.
5. Бяспалая М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады НЭПа (1921–1927 гг.). Мінск: Бел дзярж. ун-т культуры і мастацтва, 2009. 325 с.
6. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 14.
7. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем РГАСПИ). Ф. 445. Оп. 1. Д. 19.
9. Там же.
10. Там же.
11. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
12. НА РБ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 91.
13. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. К истории одного проекта // www.moskaw-crimea.ru. Режим доступа: 09.04.2009.
14. Врублевский А. П., Протьюко Т. С. Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1929–1934 гг. / под ред. М. П. Костюка. Минск: Навука і тэхніка, 1992. 144 с.
15. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6203.
16. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7632.
17. Там же.
18. НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7524.
19. Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: из-во Томского ун-та, 1976. 284 с.
20. Там же.
21. Бондарь Н. И., Матвеев О. В., Ракачев В. Н. Материалы к историко-этнографическому справочнику «Народы Кубани»: Белорусы // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 4. Краснодар: изд. «Кубанькино», 2008. С. 201–207.
22. Ракачев В. Н., Ракачев Я. В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. / отв. ред. В. Н. Ратушник. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. Т. 2: 1930–1950-е гг. 267 с.

Поступила 14.03.2014

УДК 947.6«1917»

І. М. Рыжанкоў, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

**ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЕ ЖЫЦЦЁ НА ЭТАПЕ ПРАВЯДЗЕННЯ
ЗЕМСКІХ ВЫБАРАЎ: ПА МАТЭРЫЯЛАХ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ
(верасень – кастрычнік 1917 г.)**

У артыкуле асвятляецца праблема ажыццяўлення земскіх выбараў на этапе восеньскіх падзей 1917 г. Адзначаецца, што выбарчая кампанія з'явілася для сялянства – асноўнай часткі электарату – этапам палітычнай сацыялізацыі. Падчас выбараў сяляне сустрэлі масу агітатараў і мелі мажлівасць азнаёміцца з праграмамі іх партый, каб у далейшым здзейсніць свядомы выбар, пакінуўшы свой бюлетэнь у скрыню на выбарах ва Устаноўчы сход. Вядома, што падчас перадыбарчай кампаніі і на саміх земскіх выбарах праявіліся ўсе станоўчыя і адмоўныя рысы сялянства. Няма падстаў лічыць, што іх няўдзел у выбарах – гэта праява антыўрадавых або анты-памешчыцкіх настрояў. Да таго ж абсентэзізм быў уласцівай з'явай не толькі на вёсцы, але і ў горадзе. Безумоўна, гэта быў станоўчы вопыт іх свядомага ўдзелу ў дзяржаўных справах, які сведчыў і аб тым, што сялянства губляла рысы архаічнай, звязанай абшчыннай ментальнасцю масай, і паступова ўцягвалася ў рэчышча практычнага вырашэння не толькі саслоўных, але і агульнаграмадскіх інтарэсаў.

In article the problem of carrying out territorial elections at a stage of autumn events of 1917 is covered. It is noted that election campaign became for the peasantry as main part of electorate a stage of political socialization. In time elections peasants met the mass of propagandists and had opportunity to study programs of their parties further to make a conscious choice, having lowered the bulletin in a box on elections the Constituent assembly. It is known that in time the pre-election company and on territorial elections all positive and negative lines of the peasantry were shown. There are no bases to consider that their nonparticipation in elections is a manifestation antigovernmental or the antipomeshcheyikh of moods. Besides an absenteeism peculiar the phenomenon not only on the village, but also in the city. Certainly, it was positive experience of their conscious participation in public affairs which testified and that the peasantry lost lines the archaic, connected communal mentality weight, and was gradually involved to the course of the practical decision not only class, but also public interests.

Уводзіны. З падзеннем самадзяржаўя насельніцтва расійскай імперыі апынулася ў рэчышчы ўздзеяння дэмакратычных інстытуцый. Адбылася фарміраванне камісарыятаў, рознагаліновых камітэтаў грамадска-эканамічнага, гаспадарчага накірунку. Гэта азначала прыцягненне насельніцтва, у тым ліку раней пазбаўленага выбарчага права, да ўдзелу ў вырашэнні дзяржаўных і мясцовых спраў.

У справе дэмакратызацыі грамадска-палітычнага жыцця важная роля надавалася земствам, якія з вясны 1917 г. былі папоўнены прадстаўнікамі розных пластоў насельніцтва (сацыяльных, нацыянальных, канфесійных, прафесійных). Паводле ўрадавых пастаноў на восень былі запланаваны выбары земскіх гласных, у кампетэнцыю якіх трапілі пытанні аховы здароўя, адукацыі, камунікацыі, жывёлагадоўлі і ветэрынарыі, раслінаводства і аграноміі, землеўладкавання і інш.) [1].

Асноўная частка. З надыходам выбарчай кампаніі ў шэрагу публікацый карэспандэнты газет падкрэслівалі «малую дасведчанасць» сялян у тэхніцы выбараў, што давала падставу для сялянскіх сумненняў і недаверу адносна выбараў. Выразна стала выяўляцца адна з характэрных рыс сялянскай ментальнасці – неда-

вер, прычым недавер не толькі да памешчыкаў і былых чыноўнікаў, але і наогул да адукаваных людзей.

Недастатковасць прапагандысцкай працы грамадска-ўрадавых сіл на вёсцы па тлумачэнні выбарчых сістэм, сутнасці правілаў рэалізацыі выбарчага права пры агульным слабым адукацыйна-асветніцкім узроўні сялянства абумовіла яго рэзкае процідзеянне камісіі, асабліва ў выпадку з тайнай формай галасавання. Менавіта яна, тайная форма падачы галасоў, стала адной з галоўных прычын пратэстных настрояў і паводзін сялянства, паколькі супярэчыла традыцыі адкрытага галасавання на валасных сходах. Так, адкрытае ігнараванне «галасавання з дапамогай запісак» выявілі вясковыя выбаршчыкі Мінскага, Рэчыцкага, Навагрудскага і Віцебскага паветаў, у выніку цэлыя акругі адмаўляліся ад удзелу ў выбарах [2].

У шэрагу месцаў адбываліся інцыдэнты з выкарыстаннем прыцяснення ў адносінах да членаў камісіі. У ліку парушальнікаў згадваліся асобы, якія не трапілі ў кандыдацкія спісы. Прычым найбольш актыўныя з іх трапілі пад арышт і падлягалі судоваму пераследванню. З улікам таго што значная частка вясковага электарату складалася з жанчын, земская

выбарчая кампанія была для іх «...справай незнаёмай, яны не разумелі сутнасці выбараў» [3]. Як паведамляў Мінскі губернскі камісар Б. М. Самойленка, прычынай зрыву валасных земскіх выбараў у Самахвалавічах з'явілася адмова члена выбарчай камісіі Высоцкага «прыняць бюлетэнь ад незалічанай у спіс выбаршчыкаў жанчыны». Відавочна, што антыпамешчыцкія настроі сялян дзе-нідзе супярэчылі абвешчаным палітычным свабодам. Паводле бабруйскага кур'ера ад 25 жніўня хутаране павета не рызыкнулі выстаўляць свой спіс.

Натуральна, што ў такіх умовах у шэрагу валасцей Міншчыны земскія выбары не здзейсніліся. Так, у верасні вынікі выбараў у 12 валасцях Бабруйскага павета былі абскарджаны і знаходзіліся ў справядстве адміністрацыйных суддзяў, але ў 27 – сфармаваны валасныя земскія ўправы. Толькі да лістапада пасля праведзеных перавыбараў «валасныя земствы былі створаны ва ўсім павеце» [4]. На неакупіраванай тэрыторыі Навагрудскага павета выбары мелі месца толькі ў чатырох валасцях, у адной воласці выбары – касіраваны, а ў дзвюх – сарваны сялянамі. Па Барысаўскаму павету ў 27 валасцях былі створаны валасныя земскія ўправы, прычым у 12 валасцях выбары былі апаратэставаны. Трапляліся звесткі на старонках «Новое Варшавское утро» ад 10 жніўня аб праўленні сялянамі «свядомых адносін» да выбараў.

У выніку праведзеных давыбараў у кастрычніку – лістападзе 1917 г. склікаліся валасныя земскія сесіі і дзейнічалі ўправы. Так, 3 лістапада старшыня Бабруйскага павятовага харчовага камітэта паведаміў губернскай харчовай управе аб канчатковым фарміраванні валаснога земства. Варта адзначыць, што для беларускага краю перадача функцый дзяржаўных камітэтаў земскім установам не стала тыповай з'явай, яны працягвалі суіснаваць.

Лепшыя паказчыкі выбарчай актыўнасці выявілі паветы Магілёўшчыны. У некаторых валасцях падчас выбараў выявілася афармленне групак – «заможных» сялян і «бедных». Разам з тым, канчатковы падлік галасоў з выбарчых акруг паказаў, што на валасным узроўні ў сваёй падаўляючай большасці па прычыне ментальна-псіхалагічных асаблівасцей вясковага электарату гласныя з'яўляліся беспартыйнымі і не магілі быць іншымі. Як правіла, сярод іх пераважалі «пісьменныя сяляне», «людзі больш ці менш дзельныя, маладыя і свядомыя» [5]. У абранае валасное земства Сенніцкай воласці (35 гласных) «увайшлі сацыял-дэмакраты, эсэры і беспартыйныя». Сярод абраных – «дзядуля рускай рэвалюцыі» С. П. Кавалік, доктар Тамкоў, памешчык Вішнеўскі, яўрэй Н. Кучаль, астатнія сяляне» [6]. Такім чынам, на Магілёўшчыне

здзейсненыя давыбары дазволілі сфарміраваць валасныя земствы ў поўным складзе. «Могилевская жизнь» ад 6 кастрычніка паведамляла, што з 47 гласных Магілёўскага павета 35 было з ніжэйшай або хатняй адукацыяй, «у падаўляючай большасці выпадкаў прайшлі ў члены ўпраў сяляне».

У цэлым, як сведчыў «Мстиславский голос» ад 23 жніўня, працэнт удзелу асноўных выбаршчыкаў сялян у розных мясцовасцях – вагаўся ад 10 % да 60 %. Насуперак шматлікім заклікам тутэйшай «рэвалюцыйнай дэмакратыі» да згуртавання грамадзян перад наступнай выбарчай кампаніяй у павятовае земства, каб правесці гэтыя выбары «па-сапраўднаму, па ўсіх правілах і законах». Вясковыя жыхары Магілёўскай губерні па-ранейшаму інертна аднесліся да іх, бо «толькі ў трох губернскіх акругах былі здзейснены выбары, а ў астатніх трох нават ніхто не з'явіўся» [7]. Пэўную адказнасць за гэта неслі самі партыі і ўрадавыя структуры.

На Віцебшчыне працэс стварэння органаў самакіравання зацягнуўся да лістапада 1917 г. Так, пры першых выбарах у Віцебскім павеце былі абраны толькі 2/3 гласных. У ліку першых валасных земствы былі сфарміраваны ў Рэжыцкім, Веліжскім і Дрысенскім паветах. У Дзвінскім павеце былі абраны земскія гласныя ў 10 валасцях, у Себежскім павеце – 17 і толькі ў адной былі прызначаны дадатковыя выбары.

Як паведамляў Лепельскі павятовы камісар Валковіч у падначаленым яму павеце «выбары прайшлі з удзелам 60-ці працэнтаў насельніцтва, абраны ўсе больш пісьменныя людзі – сяляне». У Дрысенскім павеце выбары здзейсніліся «даволі добра», у гласныя «з сялянамі прайшлі настаўнікі, міравыя судзі, святары, некалькі жанчын і ёсць памешчыкі» [8]. Характэрна, што ініцыятыва апаратэставання вынікаў выбараў зыходзіла ад ўрадавых чыноў, бо менавіта яны пільна сачылі за парушэннямі, якія адбываліся пад сялянскім прымусам.

Практычна адначасова з давыбарамі валасных гласных у другой палове кастрычніка разгортваліся павятовыя. Тут у параўнанні з іншымі губернямі меліся свае асаблівасці. Так, значную выбарчую ініцыятыву выявілі «яўрэйскія абывацелі». У прыватнасці, на Веліжскіх павятовых земскіх выбарах з пераканаўчай большасцю галасоў перамог кандыдацкі спіс № 2 РСДРП і Бунд (627 галасоў), за ім спісы – № 5 на чале з былым старшынёй земскай управы (372 адпаведна), № 1 саюз служачых (360) [9]. Эсэры, нягледзячы на падтрымку вайскоўцаў, атрымалі ўсяго 147 галасоў.

Ёсць падставы меркаваць, што негатыўныя ацэнкі земскіх выбараў і роля ў іх сялян належаць, у першую чаргу, тым публіцыстам і аглядальнікам

(арыентаваным на класавую барацьбу супраць памешчыкаў і буржуазіі), якія імкнуліся за кошт вясковага электарату ўмацаваць свае партыйныя пазіцыі.

Тэндэнцыі, выяўленыя на Беларусі, супадалі з агульнарасійскім малюнкам. Так, у Самарскай губерні на выбары з'явілася не больш чвэрці насельніцтва. З цягам часу пад уздзеяннем цэнтральнай і мясцовай прэсы аўтарытэтных дзеячаў сялянская грамада набывала шанец пераканацца ў карысці земскіх устаноў для справы аховы здароўя, адукацыі, паляпшэння прадукцыйнасці сельскай гаспадаркі і г. д. Асабліва гэта праявілася падчас працы першых земскіх сходаў і дзейнасці адпаведных упраў.

Паводле газеты «Гомельская копейка» ад 2 кастрычніка 1917 г. на скліканым 23 верасня сходзе Насовіцкага земства Гомельскага павета была абрана ўправа і прыняты шэраг рэзалюцый, якія закраналі пытанні адукацыі, аховы здароўя, стану камунікацый і інш. На гэтым сходзе земскія гласныя выказалі свае погляды на вырашэнне агульнадзяржаўных задач, якія на справе адпавядалі ўрадавай палітыцы. У прыватнасці, яны выказаліся за перадачу зямельнай уласнасці ў загадванне зямельных камітэтаў, за заканчэнне вайны без анексій і кантрыбуцый.

Да прыкладу, тыповы паводле зместу для большасці валасных земскіх сходаў пратакол першага пасяджэння Красна-Будскай воласці ад 24 верасня. Намаганні 33 гласных была абрана земская ўправа (сялянская паводле складу), вырашана пытанне аб набыцці нафтаарухаючага млына, адкрыцці вышэйшага пачатковага вучылішча, рэарганізацыі харчовага і зямельнага камітэтаў і інш. [10]. Неўзабаве ва ўзгаданым артыкуле газеты «Новое Варшавское утро» ад 2 кастрычніка адзначаўся аптымістычны момант, маўляў, «адчувалася, што і жыхары вёскі ў стане весці свой маленькі парламент». Добра зразумела агітацыйная інтанацыя названага артыкула, паколькі земскія выбары папярэдзілі скліканне Устаноўчага сходу. Аб тым што сялянства паступова ўсвадамляла вартасць земскай інстытуцыі, сведчылі «шматлікія справаздачи валасных земстваў», гэта ж падкрэслівалася на старонках «Могилевской жизни» ад 7 кастрычніка.

Заклучэнне. Земскія выбары з'явіліся для сялянства этапам палітычнай сацыялізацыі. Адзіная справа, наколькі адукацыя адбылася паспяховым чынам. Падчас кампаніі сяляне сустрэлі вялікую колькасць агітатараў і мелі

мажлівасць пазнаёміцца з партыйнымі праграмамі іх партый. Безумоўна, у далейшым гэта садзенічала свядомаму выбару падчас галасавання на выбарах ва Устаноўчы сход. У час перадвыбарчай кампаніі і на саміх земскіх выбарах выявіліся ўсе станоўчыя і адмоўныя рысы тагачаснага сялянства. Так, абсентэзізм быў уласцівай з'явай не толькі на вёсцы, але і ў горадзе. У сваю чаргу, нізкую актыўнасць сялян на выбарах не варта адносіць да праяў антыўрадавых або антыпамешчыцкіх настрояў.

Такім чынам, слабая актыўнасць выбаршчыкаў, незавершанасць павятовых земскіх выбараў, затрымка з фарміраваннем губернскіх земстваў – усё гэта і іншае не дазволіла пабудаванне на месцах трывалыя ўладныя структуры, каб спрыяць стабілізацыі мясцовага гаспадарчага жыцця і прадухіліць масавы сялянскі рух. Мяркуем, што гэта быў станоўчы вопыт іх свядомага ўдзелу ў дзяржаўных справах, які сведчыў і аб тым, што сялянства губляла былыя рысы архаічных паводзін, якія шчыльна былі звязаны з абшчыннай ментальнасцю. Сялянства павольна ўцягвалася ў рэчышча практычнага вырашэння не толькі карпаратыўных, але і агульнаграмадскіх інтарэсаў.

Таму невыпадкова, што нават пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі земствы пэўны час працягвалі сваю працу і карысталіся прыкметным аўтарытэтам у насельніцтва.

Літаратура

1. Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычнае жыццё на этапе падрыхтоўкі да земскіх выбараў: па матэрыялах губерняў (вясна – лета 1917 г.) Труды БГТУ. №5. История, филология, филология. Выпуск XIV. 2013. С. 29–31.
2. Крестьянское движение в 1917 г. / под ред.: М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева. М.; Л.: Госиздат. 1927. 442 с. С. 304–305.
3. Могилевская жизнь. 1917. 6 сентября. 1917.
4. Нацыянальны Архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Фонд 640. Воп. 2. Спр. 10. Л. 159.
5. Могилевская жизнь. 1917. 6 сентября.
6. Новое Варшавское утро. 1917. 11 сентября.
7. Мстиславский голос. 1917. 8 октября.
8. Известия Витебского губернского совета крестьянских депутатов. 1917. 22 сентября.
9. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 243. Л. 399
10. Новое Варшавское утро. 1917. 2 октября.

Паступіў 20.03.2014

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

А. У. Дзянісаў, асістэнт (БГТУ)

УПЛЫЎ ЕЎРАПЕЙСКАГА РЭГІЯНАЛІЗМУ НА КРАЯЗНАЎЧЫ РУХ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ Ў 1920-Я ГГ.

У артыкуле праводзіцца аналіз уплыву еўрапейскага рэгіяналізму – шырокага навукова-інтэлектуальнага руху на дзейнасць краязнаўчай працы ў БССР у 1920-я гг. І краязнаўчы рух, і рэгіяналізм маюць пэўныя агульныя тэндэнцыі, аднак яны адрозніваліся пэўнай спецыфікай і ўмовамі сацыяльна-палітычнага і культурнага развіцця. Спроба параўнання гэтых дзвюх адметных з’яў робіцца ўпершыню. Трэба зазначыць, што, нягледзячы на спецыфіку палітычнага і ідэалагічнага клімату ў БССР, рабіліся спробы даследавання вопыту еўрапейскага рэгіяналізму і яго рэалізацыі на практыцы.

The article analyzes the impact of European regionalism on the development of local history movement Soviet Belarus in 1920. Despite the ideological orientation of Soviet society and the policy of the authorities, the European regionalism evoked great interest in the Belarusian local history. In addition, both movements had many common trends and principles of operation, primarily popularizing local history and culture, the study of the socio-economic conditions of the regions. However, this experience has not been used in local lore fully due to the specific policy BSSR.

Уводзіны. У сённяшніх умовах рэгіяналізм адыгрывае даволі вялікае значэнне ў разнастайных сферах: ад культурнай і эканамічнай да палітычнай (пашырэнне актыўнасці грамадства, фарміравання органаў мясцовага самакіравання, лакальнай дэмакратыі і інш.). Працэсы рэгіяналізацыі грамадства маюць выразнае культурнае вымярэнне, роля якога для Рэспублікі Беларусь з’яе непаўторнымі нацыянальнымі мясцовымі асаблівасцямі ўяўляецца даволі значнай. У сувязі з гэтым наспявае патрэба ў даследаванні гісторыі разнастайных рэгіянальных праектаў у Беларусі ў XX ст. Асаблівую цікавасць ўяўляе сувязь паміж еўрапейскім рэгіяналізмам і краязнаўчым рухам у Савецкай Беларусі ў 20-я гг. XX ст. Першая спроба правядзення пэўных паралеляў і вызначэнне ступені ўплыву была здзейснена даследчыкамі А. А. Гужалоўскім і І. І. Бамбешкам. Разам з тым аўтары, на нашу думку, паставілі пад спрэчнасць сцвярдзенне аб краязнаўчым руху БССР як унікальнай з’явы, што з’яўляецца не зусім дакладным [1, с. 61]. Калі казаць пра «ўнікальнасць з’явы краязнаўчага руху», то маецца на ўвазе ў першую чаргу яго масавасць (першае месца па колькасці ўдзельнікаў і па колькасці краязнаўчых арганізацый сярод рэспублік Савецкага Саюза), па-другое, па наяўнасці прадстаўнікоў інтэлектуальнай эліты і інтэлігенцыі (больш за 70%), па-трэцяе, па выніках працы як кіруючых органаў, так і краязнаўчых арганізацый на месцах (аб чым неаднаразова падкрэслівалася самой акадэмічнай навукай, у першую чаргу Інбелкультам), па-чацвёртае, па распрацаванай і дзейснай сістэме каардынацыі краязнаўчай працай па ўсёй тэрыторыі рэспублікі. Такім чынам, не адмаўляючыся ад феноменальнасці краязнаўчай справы дадзенага перыяду, мы, тым не менш, мы ставім мэтай прасачыць ступень уплыву

еўрапейскага рэгіяналізму на развіццё краязнаўчага руху ў БССР у 20-я гг. XX ст. Бо нават самая арыгінальная і самастойная ідэя ці з’ява не нараджаецца ў вакууме, а прарастае на ўжо аб’ектыўна існуючай інтэлектуальнай глебе, карані якой маюць цеснае перапляценне.

Асноўная частка. Падзел еўрапейскага кантынента на рэгіёны з’яўляецца адной з яго характэрных рысаў. Рэгіён – гэта геаграфічнае і этна-культурнае частка больш вялікага блоку, да якога ён, тым не менш належыць. Рэгіён уяўляе сабой прастору, якая падыходзіць да чалавечага жыцця, з’яўляецца спадкаемцай старажытнай гісторыі, забяспечвае самабытнасць, блізасць, еднасць і адыгрывае ролю проціваесу касмапалітычнаму і бюракратычнаму цэнтралізму. Рэгіяналізм як шырокі агульнаеўрапейскі інтэлектуальны рух сфарміраваўся ў XIX ст. у Францыі. Распачынальнікам дадзенага руху лічыцца французскі і правансальскі даследчык і літаратар Ф. Містраль. Трэба адзначыць, што ў дадзены перыяд у Францыі пачынаюцца тэндэнцыі глабалізацыі эканамічных адносін, якія выклікаюць заняпад мясцовых промыслаў, вытворчасці, ладу жыцця і народнай культуры. Гэта не магло не выклікаць занепакоенасць сярод інтэлектуальных колаў грамадства. Містраль на чале з інтэлектуаламі і буржуазіяй Праванса пачаў намаганні па захаванню культурных асаблівасцяў і папулярызацыі правансальскага дыялекту, у выніку чаго быў створаны музей Арлатэн, Музей правансальскай народнай культуры, выдадзены шэраг слоўнікаў, часопіс «Альманах Праванса», сабраны шматлікія калекцыі і інш.

Росквіт еўрапейскага рэгіяналізму прыйшоўся на 1920-я гг. Сярод мэтай, якія ставіліся рэгіяналістамі былі папулярызацыя навуковых ведаў і даследчай дзейнасці, стварэнне неабходных умлў для развіцця правінцый, абуджэнне

ініцыятывы ў мясцовага насельніцтва і ўцягванне яго ў самакіраванне. Важна падкрэсліць, што рэгіяналізм не тое, што сепаратызму, паколькі выступае за захаванне ўнікальных частак у фармаце адзінага цэлага. У кароткі перыяд было створана шмат розных праграм дзейнасці рэгіянальных арганізацый. Асноўнымі напрамкамі дзейнасці былі адміністрацыйны (пераразмеркаванне дзяржаўнай улады з цэнтра ў рэгіёны), эканамічны (развіццё мясцовай прамысловасці і рэгіянальнай эканомікі ў цэлым) і культурны (развіццё народнай мовы і культуры). Асабліва актыўна развіццё рэгіяналізму адбывалася ў дзяржавах Усходняй і Паўночнай Еўропы, якія атрымалі суверэнітэт па выніках Версальскага міру: Польшча, Чэхаславакія, Фінляндыя, Літва, Латвія, Эстонія. Праца рэгіяналістаў там была накіравана на аргументацыю ўласных нацыянальных асаблівасцяў, багацце айчынай культуры, развіццё мясцовых эканамічных і адміністрацыйных частак. Там рэгіянальныя даследаванні служылі мэце нацыянальнага адраджэння і эканамічнага развіцця асобных рэгіёнаў, маюць значную дзяржаўную патрымку.

У пачатку 1920-х гг. у Беларусі адбываецца зараджэнне і станаўленне сацыяльнай і культурнай з'явы – краязнаўчага руху. Асабліва роля ў гэтым працэсе належала нацыянальнай інтэлігенцыі, у першую чаргу працаўнікам асветы і навукі. Галоўным стымулам для актывізацыі дзейнасці краязнаўчых таварыстваў стала набыццё Беларуссю ўласнай дзяржаўнасці і перспектыва нацыянальнага і дзяржаўнага будаўніцтва.

Генезіс краязнаўчага руху ў БССР пачаўся ў 1920 г., калі ў добраахвотных краязнаўчых таварыстваў з'явілася магчымасць легалізаваць сваю даследчую дзейнасць. У 1924 г. пры Інбелкульце было створана Цэнтральнае бюро краязнаўства (далей – ЦБК), якое ажыццяўляла кіраўніцтва ўсёй краязнаўчай працай рэспублікі. У 1928 г. краязнаўчы рух БССР набыў масавы характар (каля 10 000 членаў краязнаўчых арганізацый па ўсёй рэспубліцы). Карысць у дзейнасці краязнаўчых таварыства прызнавала і кіраўніцтва рэспублікі, імкнулася аказваць ім палітычную падтрымку.

У 1925–1927 гг. намаганнямі Цэнтральнага бюро краязнаўства (ЦБК) была створана разгалінаваная сетка краязнаўчых арганізацый, якая паступова ахапіла ўсю тэрыторыю БССР. Навукова-даследчая дзейнасць краязнаўчых таварыстваў ажыццяўлялася па тэрытарыяльным прыцыпе (акруговае таварыства краязнаўства адказвала за вывучэнне акругі, раённае – за раён, гурток – за частку раёна). Інтэрэсы і накірункі дзейнасці мясцовых краязнаўцаў адрозніваліся надзвычайнай шырынёй, яны праводзілі маштабныя археалагічныя, этнаграфічныя, батанічныя,

геалагічныя экспедыцыі, ажыццяўлялі збіральніцкую, асветніцкую, выдавецкую, прыродна-і культура-ахоўную дзейнасць. Галоўнай мэтай дзейнасці краязнаўчых арганізацый было ўсебаковае вывучэнне Беларусі. Істотнай рысай краязнаўчага руху 1920-х гг. з'яўлялася яго непарыўная сувязь з культурным і грамадска-палітычным жыццём рэспублікі, актыўнымі ўдзельнікамі краязнаўчага руху з'яўляліся вядомыя дзеячы навукі і культуры.

Шматлікія прадстаўнікі інтэлігенцыі, якія з'яўляліся членамі краязнаўчых арганізацый і актыўна ўдзельнічалі ў краязнаўчым руху, з'яўляліся ў 1920-х гг. аб'ектамі дзяржаўнай палітыкі. Аўтар не ставіў мэту паказаць увесь аб'ём напрамкаў гэтай палітыкі, былі закрануты толькі тыя аспекты, якія адносіліся да краязнаўчага руху, кіраўніцтва і нагляду за яго развіццём і дзейнасцю.

На студзеньскім пленуме ЦК КП(б)Б 1925 г. было адзначана: «Лозунг, які КП(б)Б павінна прыняць у культурнай працы, – лозунг беларусізацыі» [2, с. 201]. Вывучэнне Беларускага краю, а ў першую чаргу яго гісторыі і культуры, мела ва ўмовах своеасаблівага «нацыянальнага адраджэння» пад кіраўніцтвам партыі надзвычайнае значэнне. Вынікі дзейнасці краязнаўчых даследаванняў маглі мець вялікую карысць у справе адраджэння Беларусі. Рэзалюцыя «Аб нацпалітыцы» пленума Цэнтральнага камітэта КП(б)Б, прынятая 1 кастрычніка 1925 г., адзначала: «Маючы на ўвазе выключнае значэнне Інбелкульта, пленум даручае Бюро ЦК узмацніць апошні партыйнымі работнікамі, а акружным камітэтам – звярнуць асабістую ўвагу на краязнаўчыя таварыствы і на вярбоўку карэспандэнтаў для Інбелкульта» [2, с. 181].

У той жа час правядзенне беларусізацыі пастаянна стрымлівалася кіраўніцтвам КП(б)Б з-за магчымасці ўзнікнення ў яе ходзе розных нацыяналістычных ухілаў. Перад партыйнымі арганізацыямі ставілася задача забеспячэння «бальшавіцкай лініі» у вырашэнні нацыянальнага пытання, беларусізацыі, узмацнення барацьбы супраць праяў варожай ідэалогіі.

Сярод тэндэнцый, якія зрабілі вялікі ўплыў на станаўленне краязнаўчага руху, можна з ўпэўненнасцю канстатаваць, што ў пачатку 1920-х гг. асноўнай крыніцай выступала краязнаўства РСФСР. У той жа час у РСФСР адбыліся у Маскве вызначальныя для расійскага краязнаўчага руху падзеі. 12–20 снежня 1921 г. адбылася першая Усерасійская краязнаўчая канферэнцыя. Арганізацыю і правядзенне гэтай канферэнцыі ўзяў на сябе ўтвораны ў лютым 1921 г. Акадэмічны цэнтр. Канферэнцыя насіла назву, «Першая Усерасійская канферэнцыя таварыстваў па вывучэнню мясцовага краю», якая, на думку

арганізатараў, павінна была паспрыяць аб'яднанню ўсёй краязнаўчай працы на аснове дзяржаўнага будаўніцтва. У ёй прымалі ўдзел як шматлікія прадстаўнікі краязнаўчых таварыстваў з правінцый, так і вядомыя дзеячы навукі, культуры і асветы. Сярод удзельнікаў канферэнцыі ў Маскве прысутнічалі і прадстаўнікі краязнаўчых таварыстваў іншых савецкіх рэспублік. Дэлегатамі ад Беларусі на канферэнцыі былі І. У. Пічэта і М. Г. Маслаковец. Безумоўна, ідэя аб'яднання ўсіх краязнаўчых сілаў краіны, стварэнне каардынацыйнага цэнтра па прыкладзе РСФСР выклікала ў беларускіх краязнаўцаў вялікую ініцыятыву. Аб уплыве маскоўскай канферэнцыі сведчаць наступныя падзеі.

10 студзеня 1922 г. адбыўся аб'яднаны сход прадстаўнікоў Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцяў Беларускага вольна-эканамічнага і Мінскага педагагічнага таварыства. На сходзе быў заслуханы даклад аб Першай краязнаўчай канферэнцыі і абмеркаваны яе вынікі. Было пастастаноўлена даручыць аб'яднанаму праўленню таварыстваў прыняць меры па скліканні Агульнабеларускай канферэнцыі краязнаўчых таварыстваў. Было створана і Часовае бюро краязнаўства, у якое ўвайшлі прадстаўнікі аб'яднанага праўлення. На канферэнцыі планавалася працаваць асноўна на прамакі дзейнасці краязнаўчых таварыстваў па вывучэнні Беларусі. Менавіта прыцып аб'яднання аматарскага краязнаўства пад кіраўніцтвам акадэмічнай навукі, усебаковага вывучэння як вытворчых сіл краіны, так і гісторыі, культуры краіны павінен быў рэалізавацца ў пачатку 1922 г.

Аднак тэндэнцыі пачынаюць змяняцца ўжо да сярэдзіны 1920-х гг. Спробы даследавання метадаў краязнаўчай працы, а значыць і рэгіяналізму ў краінах Еўропы, звязаны з асобай Мікалая Каспяровіча, асобы, якая грала выключную ролю ў краязнаўчым руху БССР. Яшчэ ў 19-гадовым узросце ён уключыўся ў беларускі нацыянальны рух. У лістападзе 1918 г. уступіў у шэрагі беларускай грамадска-палітычнай арганізацыі «Маладая Беларусь». Разам з гэтай арганізацыяй потым далучыўся да беларускіх эсэраў. У 1919 г. паступіў у Мінскі настаўніцкі інстытут, які потым быў рэарганізаваны ў Інстытут народнай асветы. У 1919–1920 гг. ён быў інструктарам Часовага нацыянальнага камітэта і Цэнтральнай беларускай школьнай рады, удзельнічаў у падполлі падчас польскай акупацыі. З 1922 г. ён ўваходзіў у склад Мінскага таварыства гісторыі і старажытнасцей. Менавіта гэтае таварыства выступіла ў 1922 г. ініцыятарам склікання першай Усебеларускай краязнаўчай канферэнцыі.

У пачатку жніўня 1924 г. па загадзе Наркомата асветы М. Каспяровіч быў пераведзены

ў Віцебск, а затым узначаліў краязнаўчае таварыства ў Віцебску. Актыўная дзейнасць на ніве краязнаўства не засталася незаўважанай. Восенню 1926 г. М. Каспяровіч пераехаў у Мінск, дзе заняў прапанаваную яму пасаду сакратара ЦБК. Там ён прысвяціў сябе арганізацыйна-метадычнай працы, шмат часу ўдзяляў этнаграфічным даследаванням, асветніцкай дзейнасці і прапагандзе ідэй краязнаўства. З 1929 г. заняў пасаду намесніка старшыні ЦБК.

Таксама М. Каспяровіч вельмі актыўна вывучаў дзейнасць краязнаўчых таварыстваў краін замежжа. З гэтай нагоды ім былі здзейснены камандзіроўкі ў Фінляндыю і краіны Прыбалтыкі. Вынікі гэтай паездкі і вывучэння вопыту краязнаўцаў былі надрукаваны ў часопісах «Наш край», «Краязнаўства» ЦБК РСФСР і іншых перыядычных выданнях. Асабліваю ўвагу Каспяровіч надаў вывучэнню краязнаўства Фінляндыі, метадам працы фінскіх рэгіяналістаў, стану музеяў і інш.

Матэрыялы навукова-даследчай працы па вывучэнні гісторыі краязнаўчага руху ў Беларусі і яго сучасных дасягненнях у БССР і за яго межамі нарэшце былі аб'яднаны М. Каспяровічам у манаграфію. Манаграфія «Краязнаўства. Нарысы» была выдадзена ў 1929 г. Яна змяшчала даследаванні гісторыі развіцця краязнаўства ў Беларусі, аналіз стану сучаснага краязнаўства ў БССР, а таксама метадычныя матэрыялы, якія займалі большую частку кнігі.

Ва ўводзінах М. Каспяровіч правёў акрэсленую мяжу паміж паняццямі «радзімазнаўства», «беларусазнаўства» і «краязнаўства». Па разурненні даследчыка першыя два тэрміны былі звязаны з вывучэннем і пазнаннем усёй Беларусі. А мэта краязнаўства – комплекснае вывучэнне менавіта «краю». Край трактаваўся, як адносна невялікая тэрыторыя, частка краіны. Тэрытарыяльна паняцце «краю» супадала з акругамі, на якія была падзелена тэрыторыя БССР.

На жаль, назапашаны да канца 20-х гг. ХХ ст. вопыт па вывучэнні еўрапейскага рэгіяналізму так і не быў выкарыстаны ў поўнай меры, хаця такія спробы М. Каспяровіч рабіў. У канцы 1929 г. пачынаецца рэзкі паварот да барацьбы з нацыянал-дэмакратызмам, крытыцы гэтых тэндэнцый у краязнаўчай працы. Сам Мікалай Каспяровіч у сувязі з абвінавачваннямі быў вызвалены са ўсіх пасадаў і апынуўся пад следствам. У гэтых умовах у дзейнасці ўсёй Беларускай акадэміі навук (далей – БАН) і ЦБК прыцыпы вывучэння вытворчых сілаў, асвячленне поспехаў сацыялістычнага будаўніцтва і яго галоўных дасягненняў – калектывізацыі і індустрыялізацыі выходзяць на першы план.

Высновы. Такім чынам можна казаць, што рэгіяналізм, яго прыцыпы і метады працы

не засталіся без увагі ў дзеячаў краязнаўчага руху Савецкай Беларусі ў 1920-я гг, у першую чаргу актыўнага дзеяча, тэарэтыка і практыка краязнаўства М. І. Каспяровіча, які прысвяціў вывучэнню рэгіяналізму некалькі афіцыйных камандзіровак за мяжу, а вынікі сваёй працы апублікаваў у шэрагу артыкулаў і прысвяціў гэтаму частку сваёй фундаментальнай грунтоўнай манаграфіі «Краязнаўства». Разам з тым, сярод асноўных уплываў на краязнаўчы рух можна па-ранейшаму канстатаваць расійскае краязнаўства і агульнасаюзныя тэндэнцыі ў навуковым, сацыяльна-культурным і палітычным развіцці.

Краязнаўчы рух меў даволі шмат агульных рысаў, якія аб'ядноўвалі яго з рэгіяналізмам. Абодва рухі з'яўляліся інтэлектуальнымі плынямі, абодва мелі сваёй мэтай комплекснае даследаванне тэрытарыяльнай адзінкі (паняцце край амаль тоесна паняццю рэгіён), праводзілі разнастайную дзейнасць па папулярызацыі, падтрымцы і захаванні мясцовых асаблівасцяў, вывучэнні мовы, культуры, прырода-геаграфічных умоў. Абодва ажыццяўляліся прадстаўнікамі інтэлектуальнай часткі грамадства (інтэлектуалы еўрапейскіх рэгіёнаў і інтэлігенцыя Савецкай Беларусі), абодва рухі падтрымліваліся дзяржавай. З адметных рысаў можна выдзеліць тое, што краязнаўчы рух БССР быў значна больш ідэалагізаваны і цэнтралізаваны ў адроз-

ненне ад шматлікіх, даволі аўтаномных рухаў і арганізацый Заходняй Еўропы. На жаль, з-за палітыкі савецкіх уладаў краязнаўцы пазбавіліся магчымасці выкарыстаць вопыт еўрапейскіх рэгіяналістаў.

Літаратура

1. Гужалоўскі А. А., Бамбешка І. І. Да пытання аб уплывах рэгіяналізму на дзейнасць краязнаўцаў Беларусі ў 1920-я гг. // *Образцы прошлого в историографии: белорусского-французский диалог. Сборник материалов к международной науч. практ. конф.: «Историография как объект исследования».* Минск, 21–22 мая 2008 г. / ред. кол.: А. Н. Алпеев [и др.]. Минск: ЗАО «Веды», 2008. 164 с.
2. Идеологическая деятельность компартии Белоруссии, 1918–1945: сб. документов. в 2 ч. Ч. 1. / сост. Н. С. Шашкевич [и др.]. Минск: Беларусь. 1990. 358 с.
3. Касперович Н. И. Краеведение в Финляндии // *Краеведение.* 1928. № 8. С. 482–490.
4. Касперович Н. Краеведение у западных соседей // *Советский работник.* 1928. № 5–6. С. 21–24.
5. Каспяровіч М. Аб краязнаўстве на Фіншчыне // *Наш край.* 1928. № 4. С. 10–21.
6. Каспяровіч М. Краязнаўства. Мінск: Бел. дзярж. выдавецтва, 1929. 160 с.

Паступіў 15.03.2014

УДК 821.161.3«1920/1930»

І. У. Каляда, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

ДЗЯРЖАЎНАЯ МОЎНАЯ ПАЛІТЫКА І СТАНАЎЛЕННЕ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў 1920–1930-Я ГАДЫ Ў БССР

Артыкул прысвечаны такой старонцы нашай гісторыі, як рэпрэсіі на Беларусі ў 1930-я гады. Засяроджаецца ўвага на вытоках гэтай трагедыі, а менавіта на барацьбе з «нацыянал-дэмакратызмам», у прыналежнасці да якога абвінавачвалі перш за ўсё беларускую інтэлігенцыю. Вынікам гэтай кампаніі сталі вялікія страты, якія панесла наша адукацыя, навука, мастацтва, увогуле культура. Аўтар спрабуе зразумець, чаму такі ўдар быў нанесены перш за ўсё па інтэлігенцыі, чым гэта абгрунтавалася афіцыйна.

The article is devoted to such a page of our history, as the repression in Belarus in 1930's. Focuses on the origins of the tragedy, namely the fight against national democracy, in which the accused belong to, first of all, the Belarusian intelligentsia. The result of this campaign were huge losses incurred by our education, science, the arts, the development of a national theater, the culture. The author tries to understand why such a blow was struck, first of all, intellectuals, what is the explanation the authorities.

Уводзіны. Вызначальным фактарам усяго грамадскага жыцця БССР 1920-х гг. стала палітыка беларусізацыі. Яе асноўным пытаннем з'яўлялася пашырэнне сферы дзейнасці беларускай мовы. Адзначым, што пры распрацоўцы мер па адраджэнні беларускай мовы неабходна было ўлічваць яе дыялектную стракатасць, незавершанасць працэсу фарміравання ў якасці літаратурнай, нераспрацаванасць навуковай, палітычнай, юрыдычнай тэрміналогіі. Адназначна вызначаліся і задачы: навуковая распрацоўка праблем беларускай мовы, яе гісторыі, удасканаленне лексікі і граматыкі, тэрміналогіі на аснове вывучэння беларускай мовы. Асноўная роля ў вырашэнні гэтых задач адводзілася Народнаму камісарыяту асветы, Інстытуту беларускай культуры, адпаведным універсітэцкім кафедрам.

Асноўная частка. У лютым 1921 г. была ўтворана Беларуская навукова-тэрміналагічная камісія, якая «павінна была апрацаваць беларускую тэрміналогію па ўсіх галінах навукі...» [1, с. 280].

У Камісію былі запрошаны спецыялісты ў розных галінах навукі, якія добра ведалі беларускую мову. Ужо 1 мая 1921 г. Камісія рабіла сваю першую справаздачу. За два з паловай месяцы яна здолела апрацаваць і канчаткова прыняць 2270 тэрмінаў і падрыхтаваць да зацвярджэння звыш 5000 тэрмінаў [2, с. 10]. Да 1922 г. была выдадзена навуковая беларуская тэрміналогія па гуманітарнай, прыродазнаўчай і матэматычнай галінах.

Аднак дзейнасць Навукова-тэрміналагічнай камісіі была абмежавана толькі тэрміналогіяй. А для больш шырокага развіцця беларускай мовы і культуры неабходна было стварэнне ўстановаў больш значнага маштабу. І ўжо ў 1922 г. на базе Навукова-тэрміналагічнай камісіі быў утвораны Інстытут беларускай культуры, асноўнай задачай якога была арганізацыя планамернага

вывучэння мовы, літаратуры, гісторыі, эканомікі Беларусі, каардынацыя навукова-даследчай работы ў рэспубліцы.

Над пытаннямі беларускай мовы і літаратуры ў Інбелкульце працавала некалькі камісій: «Камісія па складанню слоўніка жывой беларускай мовы», «Правапісна-тэрміналагічная камісія», «Літаратурная камісія» і «Секцыя беларускай мовы і літаратуры» [2, с. 33]. У кароткі тэрмін агульнымі намаганнямі былі падрыхтаваны і выдадзены тэрміналагічныя слоўнікі па асноўных галінах навукі, распрацоўкі па лексіцы і граматыцы беларускай мовы, дапаможнікі для школ, тэхнікумаў, інстытутаў. Менавіта тады былі закладзены асновы сучаснай беларускай мовы.

Выдатнай падзеяй стала Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі, скліканая па ініцыятыве Інбелкульту (14–21.11.1926 г., Мінск). Фактычна гэта была першая пастаноўка навуковых пытанняў па беларусазнаўстве на міжнароднай навуковай арэне (удзел у рабоце канферэнцыі шэрагу вядомых замежных вучоных надаў ёй міжнароднае гучанне). Канферэнцыя паказала, што працы па беларускаму мовазнаўстве робяцца набыткам усяго славянскага свету, што разам з ім і сама беларуская мова па праву пачынае займаць сярод іншых славянскіх моў належнае ёй роўнае месца [3, с. 251].

У комплексе распрацаваных мерапрыемстваў па беларусізацыі грамадскага жыцця ў рэспубліцы першачарговае значэнне надавалася сістэме народнай адукацыі.

Пры правядзенні беларусізацыі школ Наркамасветы кіраваўся наступнымі прынцыпамі: ніжэйшыя школы павінны працаваць на роднай мове працоўнага насельніцтва; выпускнікі тэхнікумаў і ВНУ павінны абслугоўваць насельніцтва на яго роднай мове; руская мова, як мова саюзная, абавязкова ва ўсіх навучальных установах,

нягледзячы на тое, на якой мове гэта ўстанова працуе (з дакладу наркама асветы А. В. Баліцкага на VIII Усебеларускім з'ездзе Саветаў) [4, с. 227]. У выніку ў 1925–1926 гг. у 4-гадовых школах выкладанне поўнаасцю вялося на беларускай мове, у 7-гадовых – першыя тры гады таксама цалкам былі пераведзены на беларускую мову, апошнія класы – на 40%. Да 1928 г. каля 80% школ было пераведзена на беларускую мову навучання. Поўнаасцю на беларускай мове ішло выхаванне ў дзіцячых дамах і садках [5, с. 72].

Большасць настаўніцтва, асабліва сельскага, ставілася да беларусізацыі добразычліва. Гарадское настаўніцтва ўспрымала беларусізацыю як неабходнасць. Можна сцвярджаць, што сярод інтэлігенцыі да 1927 г. склаліся ўжо даволі значныя кадры, якія актыўна прымалі ўдзел у культурным будаўніцтве.

Разам з тым і сярод настаўнікаў, і сярод вучняў былі такія, хто адносіўся да беларусізацыі ваража ці фармальна. Напрыклад, у некаторых школах назіраліся выпадкі нежаданна вывучаць беларускую мову: дзеці ў ананімных анкетах пісалі, што «нам больш падабаецца руская мова, бо на беларускай мове далей Мінску не паедзеш» (з паведамлення Мазырскай акружнай нацкамсіі ад 25.06.29) [6, с. 2, арк. 1]. На жаль, некаторыя факты давалі падставы для незадаволенасці – былі выпадкі, калі даходзіла да абсурду: у некаторых раёнах так пільна ўзяліся за беларусізацыю (напрыклад, на Магілёўшчыне), што нават спалілі ўсе падручнікі на рускай мове, што, зразумела, вызвала незадаволенасць насельніцтва, асабліва сельскага, бо іх дзецям цяжка было паступіць у 7-гадовыя школы, дзе патрабавалася валоданне рускай мовай.

У перыяд ажыццяўлення беларусізацыі адной з самых вострых была праблема адукаваных кадраў. Вырашаць яе трэба было неадкладна, таму ЦВК БССР звярнуўся да Рэўваенсавета рэспублікі і Наркамасветы РСФСР з просьбаю адкамандзіраваць у БССР настаўнікаў-ўраджэнцаў Беларусі; апублікаваў зварот да іх з заклікам уключыцца ў культурнае адраджэнне краіны (выдаваліся пад'ёмныя тым работнікам культуры, якія вярталіся на Беларусь). Дарэчы, дзякуючы гэтаму звароту, на Радзіму вярнуўся Я. Колас (у 1921 г.), адзін з першых арганізатараў беларускіх школ. Па запрашэнні Акадэмічнага цэнтра БССР у Мінск прыехаў Е. Р. Раманаў, у будучым вядомы беларускі мовазнаўца, этнограф, археолаг. У 1921 г. з Адэсы вярнуліся такія выдатныя дзеячы беларускай культуры, як С. Некрашэвіч, А. Баліцкі, Пётр і Юльян Ілючонкі, артыст А. Ляжневіч, прафесар М. Пятуховіч, Н. Грамыка, у 1922 г. – Я. Аляхновіч. У 1925 г. на радзіму вярнуўся славуты беларускі

гісторык і этнограф М. В. Доўнар-Запольскі, які ўзначаліў гісторыка-этнаграфічную камісію Інбелкульту, выкладаў у БДУ. Адзначым, што людзі прыязджалі не толькі па запрашэнні ці па ўласнай ініцыятыве, але і па загадзе, напрыклад, галоўнаму бібліятэкару адной з маскоўскіх бібліятэк А. Дабружынскаму Наркамасветы Беларусі «прапанаваў у два тыдні здаць усе справы і прыехаць у Мінск на работу ў Дзяржаўнай Беларускай бібліятэцы» [7, с. 526, арк. 26]. У большасці людзі-ўраджэнцы Беларусі вярталіся на радзіму, дзе ім прадастаўлялася жыллё і работа і дзе яны маглі плённа працаваць.

Аднак праблема адукаваных кадраў стаяла вельмі востра, і таму асабліва ўвага надавалася падрыхтоўцы настаўнікаў, якія б маглі весці выкладанне на беларускай мове, для чаго ў акругах і раёнах сталі адкрываць кароткатэрміновыя курсы (1,5–2,5 месяцы). Курсы мелі практычны характар і распрацоўвалі пытанні метадыкі і школьнай практыкі. Абавязковым дапаўненнем курсаў былі школы практыкі, ці абразцовыя школы, дзе слухачы курсаў вялі практычную работу па метадыках беларускай мовы, арыфметыкі, гісторыі Беларусі, геаграфіі і інш. Да 1927 г. праз такія курсы прайшло 75% настаўнікаў [8, с. 416]. Працавалі кароткатэрміновыя курсы (3 месяцы) спецыяльна па вывучэнні беларускай мовы. Праграма такіх курсаў уключала ў сябе наступныя палажэнні: кароткі агульны гістарычны агляд (адкуль з'явіўся, як жыў і рассяляўся беларускі народ); развіццё, заняпад, адраджэнне беларускай мовы; асновы беларускага правапісу і г. д. [9, с. 203, арк. 259].

З мэтай перападрыхтоўкі настаўнікаў у снежні 1923 г. у Мінску пачалі працаваць Вышэйшыя курсы беларусазнаўства. У навучальным плане курсаў значыліся такія дысцыпліны, як беларуская мова, гісторыя беларускай літаратуры, гісторыя Беларусі, геаграфія і этнаграфія Беларусі, беларускае мастацтва, метадыка мовы і літаратуры. На курсах чыталі лекцыі вядомыя прафесары з БДУ: Я. Лёсік (лекцыі па беларускай мове), А. Пятуховіч (гісторыя беларускай літаратуры), С. Азбукін (краязнаўства). 3 лекцыямі-дакладамі перад слухачамі курсаў выступалі супрацоўнікі Інстытута беларускай культуры – У. Ігнатойскі, А. Цвікевіч. Акрамя лекцый, праводзіліся практычналабараторныя заняткі, гутаркі-дыскусіі на канферэнцыях, экскурсіі ў дзяржаўнае выдавецтва, друкарню, цынкаграфію, у дзяржаўны музей і г. д. Матэрыялы, здабытыя на гэтых экскурсіях, друкаваліся ў краязнаўчым часопісе «Наш край». Адзначым, што настаўнікі, скончыўшы курсы беларусазнаўства, прызначаліся толькі ў беларускія школы ці ў тыя, якія павінны былі перайсці на беларускую мову. Акрамя таго, гэтыя

настаўнікі павінны былі на месцах «згуртаваць вакол сябе беларускае настаўніцтва бліжэйшых раёнаў і наладзіць сярод іх працу па беларускай свядомасці шляхамі ўтварэння асобных гурткоў і секцый...» [7, спр. 345, арк. 8].

Разгортвалася работа па беларусізацыі прафшкол, тэхнікумаў. Да 1928 г. поўнасцю былі беларусазаваны педагогічныя тэхнікумы і курсы па падрыхтоўцы настаўнікаў. Беларусізацыя іншых тэхнікумаў (індустрыяльных, будаўніцкага, кааператыўнага, мастацкага) заключалася ў тым, што беларуская мова там была ўведзена як прадмет выкладання.

Вышэйшыя навучальныя ўстановы пераходзілі на беларускую мову больш павольна. У 1926/27 навучальным годзе ў БДУ беларусізацыя складала 31%, у Беларускай сельгасакадэміі – 20, у Віцебскім ветэрынарным інстытуце – 1,6% [3. с. 247]. Гэта тлумачыцца, у першую чаргу, недастатковым веданнем беларускай мовы выкладчыцкім складам.

Калі прааналізаваць нацыянальны і моўны склад выкладчыкаў ВДУ Беларусі ў 1924/25 навучальным годзе, то карціна будзе наступная: у БДУ прафесараў налічвалася 31, з іх 1 беларус (праф. У. М. Ігнатоўскі), 23 рускія, 5 яўрэяў, з усіх беларускую мову ведаў толькі 1; з 21 выкладчыка беларусаў налічвалася 11, рускія – 4, яўрэяў – 6, беларускую мову ведалі 7. У Мінскім сельгаспадарчым інстытуце: з 17 прафесараў беларусаў – 1 (праф. В. І. Пераход), рускіх – 14, з іх беларускую мову ведаў 1 чалавек; з 7 выкладчыкаў беларусаў было 2, рускіх – 2, іншых – 3, ведалі беларускую мову 3 чалавекі [6, спр. 4, арк. 33].

Вядома, што працэнт беларусаў у педагогічным складзе ВДУ быў мізэрны, а ведаючых беларускую мову – яшчэ меншы. Тлумачыцца гэта, перш за ўсё, тым, што да рэвалюцыі 1917 г. на Беларусі такіх кадраў амаль не было, і іх не рыхтавалі. Сталая сетка ВДУ пачала фарміравацца толькі ў 1920-я гады (Беларускі політэхнічны інстытут (1920 г.), Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (1921 г.), педагогічныя інстытуты ў Віцебску, Магілёве, Мінску). І ў большасці выпадкаў пры арганізацыі ВДУ на пытанне падбору кадраў з пункту гледжання нацыянальнай палітыкі не звярталася належнай увагі. «Камплектавалі... ВДУ спешна, па сваёй беднаце бралі тых, хто... ехаў, а зараз, калі ВДУ ўкамплектаваны, пераўкамплектоўваць іх значна цяжэй» [6, спр. 4, арк. 33]. Зразумела, што недахоп выкладчыкаў, якія валодалі беларускай мовай, прыводзіў да невыканання намечаных праграм.

Разам з тым, можна зрабіць выснову, што ў 1920-я гады сістэма народнай адукацыі ў асноўным склалася, сфарміраваліся прынцыпы

дзяржаўнай палітыкі і дзейнасці партыйных і грамадскіх арганізацый у гэтай сферы. У складаных матэрыяльных умовах расла сетка агульнаадукацыйных школ, тэхнікумаў, ВДУ. Пашырэнне выкладання на беларускай мове закладвала асновы для выхавання нацыянальнай свядомасці.

У 1920-я гады ў даволі складаных сацыяльна-палітычных умовах развівалася беларуская літаратура, для якой былі характэрны творчыя пошукі і цікавыя знаходкі. У гэты час на Беларусі дзейнічала некалькі літаратурных аб'яднанняў.

У 1923 г. утвараецца аб'яднанне «Маладняк», якое сабрала вакол сябе маладых паэтаў, празаікаў, драматургаў. У лістападзе 1924 г. яно атрымала назву «Усебеларускае аб'яднанне паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк», цэнтральнае бюро якога знаходзілася ў Мінску. У 1925 г. аб'яднанне налічвала да 200 чалавек. У ліку членаў «Маладняка» былі маладыя літаратары: М. Чарот, А. Александровіч, А. Дудар, У. Дубоўка, А. Вольны, Я. Пушча, К. Крапіва, П. Трус, П. Глебка, К. Чорны, М. Лынькоў. Асноўны напрамак сваёй дзейнасці яны бачылі ў пошуках літаратурных талентаў сярод народа, новых форм, сродкаў і прыёмаў у літаратуры. Разам з тым многія маладнякоўцы недацэньвалі значэнне класічнай спадчыны, супрацьпастаўлялі маладым пісьменнікаў «старым», захапляліся ідэямі Пралеткульта. Творчая праграма аб'яднання скіроўвалася на тое, каб «ажыццяўляць у беларускай мастацкай творчасці ідэі марксізму і ленінізму» [10, спр. 20, арк. 372].

У гэты час у «Маладняку» вылучаецца група літаратараў, якая не падтрымлівала афіцыйную партыйную ідэалогію, не прызнавала нацыянальнай культурнай спадчыны і рабіла ўсё для таго, каб закрэсліць мінулае. У 1926 г. яны ствараюць новае літаратурна-мастацкае згуртаванне «Узвышша» (А. Бабарэка, З. Бядуля, П. Глебка, У. Дубоўка, К. Крапіва, М. Лужанін, Я. Пушча, К. Чорны), якое ставіць мэтай стварыць такую высокамастацкую літаратуру заходне-еўрапейскага ўзору, якая тварыла б літаратурнае ўзвышша, якое, паводле іх дэкларацыі, «убачаць вякі і народы» [11, с. 168–170]. Для «Узвышша» характэрна было захаванне культурнай спадчыны і нацыянальных традыцый праз павышаную ўвагу да беларускай мовы і беларускай жанравасці. Прадстаўнікі згуртавання імкнуліся захапіць моладзь ідэямі будаўніцтва новай культуры праз выражэнне таго, чым багата Беларусь, накіроўвалі сваю ўвагу на фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці народа, пашырэнне беларускага нацыянальнага руху без партыйнага кіраўніцтва. Згуртаванне заснавала часопіс «Узвышша» (студзень 1927 г.), які адразу пачаў праводзіць незалежную ад партыйных

структур палітыку. Зацікаўленасць чытачоў да часопіса расла, у выніку яго тыраж неўзабаве перавысіў тыражы «Маладняка», «Полымя» [3, с. 279]. На старонках часопіса друкаваліся вершы і паэмы маладых літаратараў: Я. Пушчы «Асеннія песні», «Лісты да сабакі», У Дубоўкі «О Беларусь, мая шыпшына», «Крыху восені і жменька кляновых лісцяў», сатырычны раман А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя», байкі К. Крапівы «Старшыня», «Дыпламаваны Баран» і інш.

З самага пачатку ўтварэння «Узвышша» паміж яго членамі і маладнякоўцамі пачынаецца барацьба, што прывяло да паслаблення дзейнасці «Маладняка» і новага яго расколу. На мяжы 1927–1928 гг. сфарміравалася яшчэ адно літаратурнае аб'яднанне «Полымя», куды ўвайшлі разам з маладымі і пісьменнікамі больш старэйшага пакалення, у тым ліку Я. Колас, Я. Купала, Ц. Гартны, А. Вольны, А. Гурло, М. Зарэцкі, М. Чарот і інш. Свае задачы яны звязвалі з удаканаленнем нацыянальнай формы, усталяваннем самастойнага жыцця беларускага народа. У той час выйшлі зборнік вершаў «Спадчына» Я. Купалы і яго паэма «Безназоўнае», паэмы Я. Коласа «Новая зямля» і «Сымон-музыка» і яго апавесць «У глыбі Палесся», апавесць Ц. Гартнага «Сокі цаліны».

Паміж «Маладняком» і новымі аб'яднаннямі працягвалася ідэйная барацьба, якая вялася вакол пытанняў сацыяльна-культурнага будаўніцтва, партыйнага кіраўніцтва творчым жыццём.

Тут трэба адзначыць, што такая адносная свабода ў літаратурным жыцці скончылася з прыняццем пастанова бюро ЦК КП(б)Б «Аб беларускім літаратурным мастацтве і тэатральнай крытыцы» (26 мая 1928 г.) [10, с. 20, арк. 371], пасля чаго партыйныя органы пачалі манапольна кіраваць літаратурай. Ставілася задача садзейнічаць развіццю творчасці тых пісьменнікаў, якія стаялі на глебе пралетарскай класавай барацьбы, і весці барацьбу з праяў-

леннямі ў літаратуры буржуазных і кулацкіх імкненняў, упадніцтва. Такія меры садзейнічалі ўсплёску літаратурнай крытыкі супраць тых пісьменнікаў, якія мелі свой погляд на тыя ці іншыя праблемы грамадскага жыцця.

Заклучэнне. 1920-я гады сталі часам узнікнення і ідэйнай барацьбы розных плыняў і напругаў, што было абумоўлена рознымі поглядамі на праблемы жыцця і шляхі іх вырашэння. Аднак у канцы 1920-х гг. адносна дэмакратычны перыяд літаратурнага жыцця скончыўся. Свабода творчасці ўсё больш стала заганыца ў рамках ўстановак і патрабаванняў бальшавіцкай ідэалогіі, што супярэчыла аб'ектыўным заканамернасцям развіцця літаратуры.

Літаратура

1. Хроніка беларускага культурнага жыцця // Адраджэнне. 1922. № 1. С. 275–286.
2. Інстытут беларускай культуры (ІнБелКульт): гісторыя ўзнікнення, сучасная структура, навукова-даследчая дзейнасць. Менск: дзярж. выд-ва Беларусь, 1926. 118 с.
3. Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1997. 486 с.
4. Восьмы ўсебеларускі з'езд Саветаў. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: выд-ва ЦВК БССР, 1927. 486 с.
5. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: Беларускае выд-ва, 1927. 137 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 701. Воп. 1.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 42. Воп. 1.
8. Белорусская Советская Соціалістическая Республика. Мінск: Изд-во СНК БССР, 1927. 528 с.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 21. Воп. 1.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4. Воп. 3.
11. Узвышша. 1927. № 1.

Паступілі 14.03.2014

УДК 325.2:061.213(476)(477)

В. У. Коваль, кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык (БДТУ)

АСАБЛІВАСЦІ СУПРАЦОЎНІЦТВА БЕЛАРУСКАЙ І ЎКРАЇНСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ Ў КРАЇНАХ ЛАЦІНСКАЙ АМЕРЫКІ (1918–1939)

Дадзены артыкул ілюструе кірунку дзейнасці ўкраінскай і беларускай эміграцыі ў краінах Лацінскай Амерыкі ў міжваенны час. У матэрыяле прадстаўлена малавядомая інфармацыя пра Саюз украінскіх і беларускіх рабочых арганізацый. Гісторыя дадзенай арганізацыі непасрэдна звязаная з гісторыяй Аргенціны ў міжваенны перыяд. Саюз прапагандаваў пракамуністычныя ідэі ў асяродку рабочых Аргенціны. Спецыяльная ўвага ў артыкуле надаецца дзейнасці бібліятэкі імя Тараса Шаўчэнкі ў Буэнас-Айрэсе і рабоце Культурнага цэнтра імя Т. Шаўчэнкі ў Мантэвідэа. У даследаванні разглядаюцца палітычныя і культурныя сувязі паміж украінскімі і беларускімі эмігрантамі, а таксама іх супольныя арганізацыі.

The article illustrates the activity of Ukrainian and Belarusian emigrants in Latin America during the inter-war period. It presents little-known information about The Union of Ukrainian and Belarusian Workers' Organizations. The history of the organization is connected with the inter-war period of Argentine history. This union was a member of pro-communist movement in Argentine. Special attention is given to the characteristic of the Taras Shevchenko Library in Buenos Aires and Taras Shevchenko Ukrainian Cultural Centre in Montevideo. The political and cultural ties between Ukrainian and Belarusian emigrants and the common organizations were analyzed in the research.

Уводзіны. Даследаванне гістарычнай спадчыны сучаснай беларускай дзяржавы патрабуе вывучэння мінулага дзяспары. На сучасны дзень узнікла вострая неабходнасць у кампетэнтным аналізе асаблівасцей міжкультурнага дыялога беларусаў замежжа. У сваіх даследаваннях гісторыкам важна выдзеліць тыя факты, якія дазволілі эміграцыі скласці аснову нацыянальнай ідэнтычнасці на прасторы іншакультурнай супольнасці. Асаблівасці супрацоўніцтва беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі пашыраюць пэўныя фрагменты агульнай гістарычнай карціны.

Асноўная частка. Раней спецыялісты ў сваіх навуковых працах ужо звярталіся да тэмы ўзаемасувязей беларускай і ўкраінскай дзяспары. У 2005 годзе была абаронена кандыдацкая дысертацыя С. В. Шабельцава [1], прысвечаная дзейнасці ўкраінцаў і беларусаў у Аргенціне. У дадзеным дысертацыйным даследаванні грунтоўна і падрабязна разглядаюцца супольныя беларуска-ўкраінскія праекты з 1945 па 1991 гады.

Да вызначанай тэмы звяртаюцца не толькі айчынныя даследчыкі, але і замежныя вучоныя. Пра дзейнасць палітычных і культурных арганізацый, створаных рускімі, украінскімі і беларускімі эмігрантамі ў краінах Лацінскай Амерыкі, у сваёй манаграфіі ўзгадвае расійская даследчыца М. М. Масейкіна [2]. Праца вядомага спецыяліста ў галіне эмігрантазнаўства прадстаўляе глыбокі аналіз сацыяльна-эканамічнай адаптацыі эмігрантаў з 1920 г. па 1960 г., што адметна пашырае сучасныя ўяўленні пра жыццё і дзейнасць беларускай дзяспары ў Паўднёвай Амерыцы.

Новым поглядам на праблему супрацоўніцтва эмігрантаў у 1930-ыя гады вызначаецца

манаграфія С. Цыпка [3], выдадзеная ў 2011 годзе на англійскай мове ў Канадзе. У дадзеным замежным даследаванні аўтар вылучыў асобны раздзел, прысвечаны дзейнасці Саюза ўкраінскіх і беларускіх рабочых арганізацый. На аснове шырокага спісу англамоўных даследаванняў і замежных гістарычных крыніц аўтар прадстаўляе падрабязны агляд дзейнасці саюза, апісвае яго асноўныя мэты, вылучае найбольш уплывовыя постаці з ліку ўкраінскай і беларускай супольнасці, вызначае складанасці і перашкоды, з якімі сутыкалася арганізацыя.

Найбольш яскрава беларуска-ўкраінскія сувязі можна прасачыць на прыкладзе дзейнасці эмігрантаў у Аргенціне, дзе дзяспары вызначыліся сваёй актыўнай грамадскай пазіцыяй і агульнымі палітычнымі мерапрыемствамі. Эмігранты славянскага паходжання ў Аргенціне нярэдка жылі разам, ядналися, каб справіцца з працэсам індыўдуальнай і сацыяльнай адаптацыі. Нярэдка сваімі асабістымі кантактамі вызначаліся беларускія і ўкраінскія працоўныя і сяляне.

Напрыклад, украінская сям'я ў Місьёнсе часова жыла ў беларусаў, якіх апісвалі наступным чынам: “Антон Беляковіч быў родам з Заходняй Беларусі. З трыма братамі ён прыехаў у Аргенціну некалькі гадоў таму назад, да пачатку сусветага эканамічнага крызісу, калі прадпрымальнікам яшчэ патрабаваліся працоўныя рукі. Хлопцы працавітыя, сяброўскія і беражлівыя – сабралі нейкае паса, а калі пачалося беспрацоўе, пасяліліся ў сэльве... і сталі гаспадарыць. Праз пэўны час да іх завітаў бацька, які шмат гадоў жыў у ЗША. Ён пакінуў сынам свае зберажэнні, а тыя ўзялі “на выплату” грузавую машыну” [4, с. 194]. У станаўленні і развіцці прыватнай

гаспадаркі ці свайго ўласнага бізнесу эмігранты былі вымушаны разлічваць толькі на свае сілы, таму прыклад узаемадапамогі можна лічыць тыповым.

Цікавым фактам супрацоўніцтва беларускай і ўкраінскай дыяспар ў Аргенціне стала стварэнне дастаткова моцнай і пашыранай арганізацыі Саюза ўкраінскіх і беларускіх рабочых арганізацый. Дзейнасць саюза яшчэ неабходна даследаваць і вывучаць, а яго ўплыў на грамаду эмігрантаў Паўднёвай Амерыкі патрабуе сур'ёзнага і дэтальнага аналізу.

Даследчык беларускай эміграцыі ў Аргенціне С. В. Шабельцаў пазначае, што першапачаткова ў 1929 г. быў створаны Саюз украінскіх рабочых арганізацый [5, с. 11]. Саюз падтрымліваў цесныя сувязі з Камуністычнай партыяй Аргенціны, прапагандаваў ідэі сацыяльнай справядлівасці і інтэрнацыяналізму. Арганізацыя актыўна адстойвала правы эмігрантаў, рабочых і сялян. Першапачаткова яна дзейнічала ў Буэнас-Айрэсе, але суполкі хутка пачалі стварацца па ўсёй краіне.

З самага заснавання Саюза ўкраінскіх рабочых арганізацый у ім прымалі актыўны ўдзел беларускія эмігранты, якія і выступілі з ініцыятывай пашырыць назву арганізацыі. Саюза быў перайменаваны ў Саюз украінскіх і беларускіх рабочых арганізацый (СУБРА). Гісторыкі разыходзяцца ў даце пашырэння саюза. С. В. Шабельцаў перакананы, што СУБРА быў створаны ў 1932 г. [6, с. 194], аднак у англамоўнай манаграфіі С. Цыпко сцвярджаецца, што новая назва з'явілася ў сярэдзіне чэрвеня 1933 года [7, с. 138].

На дзейнасць украінска-беларускай арганізацыі непасрэдна ўплывала палітычная сітуацыя ў Аргенціне. Члены саюза сістэматычна падвяргаліся палітычным рэпрэсіям з боку ўлад, якія вялі барацьбу з распаўсюджваннем пракамуністычных ідэй у Аргенціне. Афіцыйнымі друкаванымі органамі СУБРА сталі газеты "Украінская рабочая газета", газета беларускіх эмігрантаў "Рабочая праўда", якая рыхталася да друку на рускай мове, а ў 1935 г. яшчэ з'явілася ўкраінамоўная газета "Світло" [8, с. 138]. Прэса эмігрантаў нярэдка канфіскоўвалася ўладамі, а яе выдаўцы арыштоўваліся.

Найбольш актыўным дзеячам саюза з ліку беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў былі дэпартаваны на радзіму. З 1931 па 1933 гады па палітычных прычынах было арыштавана каля 550 членаў саюза, а да 1935 г. яшчэ каля 250 актывістаў [9, с. 138]. Нягледзячы на палітычныя рэпрэсіі ў дачыненні эмігрантаў, Саюз украінскіх і беларускіх рабочых арганізацый праводзіў маштабныя акцыі па распаўсюджванню пракамуністычных ідэяў у асяродку рабочых Аргенціны. З шэрагу найбольш актыўных членаў

арганізацыі можна вылучыць Пятра Тэмнюка, Пятра Новак-Несцерчука, Васіля Коваля, Пятра Мовчана.

Саюз украінскіх і беларускіх рабочых арганізацый аказваў дапамогу беспрацоўным эмігрантам у міжваенны час, адстойваў іх правы, аб'ядноўваў і дапамагаў арыентавацца на лацінаамерыканскім рынку працы. Арганізацыя выступала ў буйных гарадах Аргенціны з мітынгамі пратэсту супраць эканамічнай і прававой дыскрымінацыі эмігрантаў, стварала федэрацыі вытворцаў сельскагаспадарчай прадукцыі.

Асобнай тэмай даследавання дзейнасці Саюза ўкраінскіх і беларускіх рабочых арганізацый з'яўляецца абарона правоў эмігрантаў у перыяд сусветнага эканамічнага крызісу 1929–1932 гадоў. З 1928 г. урад Аргенціны на заканадаўчым узроўні відавочна абмежаваў эміграцыю ў краіну па прычыне пагаршэння эканамічнай кан'юктуры на рынку працы, аднак прыток рабочай сілы працягнуўся.

Лёс беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў, якія прыехалі ў Аргенціну, быў няпросты. Замест надзеі на шчаслівую будучыню, яны сустракаліся з беспрацоўем, голадам і хваробамі. На старонках міжваеннай прэсы трапіла апісвацца праблемы эмігрантаў у Лацінскай Амерыцы. Напрыклад, львоўская газета "Грамадскі голас" апублікавала ліст галіцкага селяніна Пятра Семківа, які пісаў з Буэнас-Айрэса: "Беспрацоўе ўзрастала не па днях, а па хвілінах. Куды ні глянеш, убачыш цэлыя грамады людзей без працы, без хлеба, у дзікім стэпу і лесе" [10, с. 223].

Прычынай высокага беспрацоўя для Аргенціны, акрамя іншых фактараў, стала падзенне кошту на сельскагаспадарчую прадукцыю. Асноўная частка эмігрантаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны працавала менавіта ў галіне сельскай гаспадаркі, таму сусветны эканамічны крызіс прывёў да значнага пагаршэння іх становішча.

Нягледзячы на заканадаўчыя абмежаванні для эмігрантаў, якія ехалі ў Аргенціну, беларускія і ўкраінскія сяляне імкнуліся адправіцца за пошукамі грошай у краіны Паўднёвай Амерыкі, бо за 1920-я гады ў масавай свядомасці сялянства сфарміраваўся міф пра забяспечаную будучыню ў Амерыцы. Не змаглі цалкам спыніць эміграцыйную хвалю і мерапрыемствы Міністэрства працы і сацыяльнай апекі Другой Рэчы Паспалітай, таксама накіраваныя на абмежаванне эміграцыі. Нярэдка ўзнікалі супрацьзаконныя схемы, распрацаваныя агентамі мараплаўных кампаній. Супрацоўнікі карабельных таварыстваў цудоўна ведалі, што адпраўляюць юнакоў і дзяўчат на пакуты, аднак пагоня за ўласным прыбыткам для іх была больш важнай.

“Учора ў 7 гадзін раніцы група беспрацоўных рабочых замежнікаў шукала ўдачы, каб атрымаць працу на некалькі дзён. Ахоўнік крыкнуў: “Для рускіх і палякаў працы няма, яны могуць сыходзіць”. Адзін з гэтых рабочых, сыходзячы, адказаў: “Усе мы таксама маем права пад’есці” [11, с. 140–141].

Саюз украінскіх і беларускіх рабочых арганізацый намагаўся ў няпросты перыяд дэпрэсіі арганізаваць дапамогу эмігрантам, падтрымліваў сталыя сувязі з беларусамі і ўкраінцамі Уругвая і Парагвая. У Аргенціне саюз выступаў з акцыямі пратэстаў, арганізоўваў мітынгі і маніфестацыі, намагаўся звярнуць увагу ўраду на кошты прадукцыі сельскай гаспадаркі.

Акрамя таго, беларускія і ўкраінскія эмігранты спецыяльна пісалі лісты ў газеты і часопісы Бацькаўшчыны, каб іх публікацыі дазволілі сялянам рэальна ацаніць сітуацыю ў Аргенціне. “Каля гарадоў і мястэчак галадаючыя асядаюць цэлымі лагерамі. Жывуць яны з таго, што горад выкідае ў сметніцы. Ажно страшна, калі раніцай ідзеш па вуліцы. Быццам бы сабакі, завіхаюцца людзі каля сметнікаў, каб знайсці нейкі кавалак ежы і тым самым уратавацца ад галоднай смерці. Кожны дзень прэса прыносіць новыя звесткі з лагераў галадаючых” [12, с. 223], – пісала львоўская газета “Грамадскі голас” у 1932 г. пра жыццё ўкраінскіх сялян у Аргенціне. Такім чынам, актыўная грамадская пазіцыя супольнасці замежжа была накіраваная на развенчванне міфа пра казачнае жыццё эмігрантаў за акіянам.

Беларускія эмігранты ў краінах Лацінскай Амерыкі намагаліся выкарыстаць вопыт і напрацоўкі больш кансалідаваных і колькасных славянскіх дыяспар у арганізацыі культурна-асветнай дзейнасці і палітычных акцый. Украінскія палітычныя лідары і культурныя дзеячы падтрымлівалі асабістыя кантакты з беларускімі эмігрантамі, актыўна перадавалі ім свае напрацоўкі па захаванні гістарычнай памяці ў іншакультурным асяродку прымаючай краіны, па арганізацыі юбілейных дат, гістарычных падзей ці ўгодкаў.

Калі частка ўкраінскага замежжа імкнулася аб’яднацца вакол легендарнай постаці Тараса Шаўчэнкі, беларускія эмігранты ў міжваенны перыяд спрабавалі знайсці свайго гістарычнага героя, які мог бы стаць сімвалам усёй нацыі. Напрыклад, у Празе адбываліся вечарыны з нагоды ўгодкаў беларускага драматурга В. Дуніна-Марцінкевіча, паэта М. Багдановіча, першадрукара Ф. Скарыны, праходзілі творчыя вечарыны жывых класікаў Я. Купалы і Я. Коласа і г. д. Выбар тэм для правядзення культурных мерапрыемстваў беларускай дыяспары быў невыпадковым, бо эмігранты вылучалі даты, якія маглі

аб’яднаць усю дыяспару, стварыць настрой гістарычнага аптымізму. Навіны культурна-асветніцкай дзейнасці шырока прадстаўлялі перыядычныя выданні беларусаў замежжа. Паміж сусветнымі войнамі адбываліся актыўныя працэсы фарміравання нацыянальнай свядомасці, таму беларускія палітычныя дзеячы намагаліся культурным мерапрыемствам надаць яскрава вызначаны міжнародны характар, як гэта рабілі ўкраінскія эмігранты падчас правядзення Шаўчэнкаўскіх дзён.

Беларускія эмігранты шырока супрацоўнічалі з ўкраінцамі замежжа, таму імя Тараса Шаўчэнкі шмат каму з беларусаў было добра знаёмым. У міжваенны перыяд арганізацыі і ўстанавы, названыя ў гонар украінскага генія, дастаткова актыўна ствараліся ў краінах Паўднёвай Амерыкі, асабліва часта ў асяродку прасавецку арыентаванай эміграцыі. Беларускія эмігранты шчыльна супрацоўнічалі з украінскімі арганізацыямі Аргенціны, асабліва актыўна далучаліся да мерапрыемстваў бібліятэкі імя Тараса Шаўчэнкі [5, с. 14]. Практыка наведвання ўкраінскіх бібліятэк беларусамі замежжа была дастаткова пашыранай у розных краінах свету, бо падабенства моў і ментальнасцей дазваляла ім лёгка далучацца да культурнага жыцця ўкраінцаў.

Бібліятэка імя Тараса Шаўчэнкі дзейнічала ў Буэнас-Айрэсе, была дастаткова папулярнай у эмігранцкім асяродку. Установа паспяхова займалася захаваннем і распаўсюджваннем тэатральнага і музычнага нацыянальнага мастацтва, а таксама арганізацыяй мерапрыемстваў, накіраваных на фарміраванне пачуцця адзінства прадстаўнікоў дыяспары. Супрацоўнікі бібліятэкі арганізоўвалі канцэрты, заняты з украінскімі дзецьмі па мове і нацыянальнай культуры, пры ўстанове нават была заснавана ўкраінская школа і дзейнічала жаночая арганізацыя эмігрантак [7, с. 163]. Вечарыны, выступленні і заняткі ў бібліятэцы мелі выключны поспех сярод ўкраінцаў замежжа, пра што сістэматычна пісала прэса эміграцыі. Папулярнасць установы хутка стала вядомай і сярод беларускіх эмігрантаў, якія нярэдка станавіліся ўдзячнымі глядачамі канцэртаў.

Пра непасрэды ўплыў гістарычнай постаці Тараса Шаўчэнкі на беларускую супольнасць сведчыць той факт, што ў 1927 г. беларускія эмігранты разам з ўкраінцамі замежжа прымалі ўдзел у стварэнні Культурнага цэнтра імя Т. Шаўчэнкі ў Мантэвідэа [13, с. 131]. Аб’ядноўвала эмігрантаў іх прасавецкая арыентацыя. Члены Культурнага цэнтра імя Тараса Шаўчэнкі мелі сталыя сувязі з Пасольствам Савецкага Саюза ва Уругваі [14, с. 131], атрымлівалі кнігі, падручнікі, фільмы. Арганізатары Культурнага

цэнтра імя Тараса Шаўчэнка мелі яркая вызначаны прасавецкія перакананні, фактычна ўсе яны былі эканамічнымі эмігрантамі. Украінцы разам з беларусамі ў рамках дзейнасці культурнага цэнтра імкнуліся ўсвядоміць сваю культурна-гістарычную місію ў прымаючым грамадстве, таму актыўна рэалізавалі кансалідуючую і сацыяльна-псіхалагічную функцыю.

Супольнымі палітычнымі праектамі таксама вызначаліся эмігранты, якія жылі ў Бразіліі. Яны стварылі беларуска-ўкраінскую арганізацыю “Асвета”, мэтай якой стала змаганне за ўласныя эканамічныя правы ў прымаючым грамадстве. Эмігранцкая газета “Барацьба” ў 1933 годзе апублікавала адозву эмігрантаў з Бразіліі: “Мы Беларусы і Украінцы, згуртаваныя каля свае работніцкай арганізацыі “Асвета” ў Порто-Алегре энергічна пратэстуем проціў новай судовай камедыі над правадыром беларускіх працоўных мас і над арганізатарам беларускай стотысячнай арганізацыі “Грамады” – Б. Тарашкевічам” [15, арк. 9 зв.]. Члены беларуска-ўкраінскай арганізацыі Бразіліі выступалі адзіным палітычным фронтам у барацьбе за свабоду эканамічнай міжваеннай эміграцыі.

Заклучэнне. Такім чынам, на прыкладзе супольных палітычных праектаў эмігранцкіх арганізацый на лацінаамерыканскім кантыненте можна вывучаць развіццё ўземаасувязей беларускай і ўкраінскай дыяспар у міжваенны час. Нягледзячы на тое, што ў адзначаны перыяд Паўднёвая Амерыка вабіла перасяленцаў дастаткова ліберальным эміграцыйным заканадаўствам, наяўнасцю зямлі для сельскагаспадарчых работ, запатрабаванасцю ў працоўнай сіле, сацыяльная адаптацыя беларускіх і ўкраінскіх эмігрантаў адбывалася дастаткова складана. Яны былі вымушаны разам адстойваць свае правы на міжнародным узроўні, у перыяд суветнага эканамічнага крызіса, развіваць сувязі паміж палітычнымі і культурнымі цэнтрамі розных рэгіёнаў і краін.

Літаратура

1. Шабельцев С. В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 2005. 116 с.

2. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не раторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. Москва: РУДН, 2011. 344 с.

3. Cipko S. Ukrainians In Argentina, 1897–1950: The Making Of A Community. Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2011. 282 p.

4. Шабельцев С. В. Просоветская ориентация белорусских иммигрантов из П Речи Посполитой в Аргентине (1930–1950 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2010. № 6. С. 193–198.

5. Шабельцаў С. В. Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя у СССР (1930–1960-я гг.): зб. дакументаў і ўспамінаў. Мінск: Медысонт, 2009. 368 с.

6. Шабельцев С. В. Просоветская ориентация белорусских иммигрантов из П Речи Посполитой в Аргентине (1930–1950 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2010. № 6. С. 193–198.

7. Cipko S. Ukrainians In Argentina, 1897–1950: The Making Of A Community. Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2011. 282 p.

8. Там жа.

9. Там жа.

10. Качараба С. П. Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. 416 с.

11. Cipko S. Ukrainians In Argentina, 1897–1950: The Making Of A Community. Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2011. 282 p.

12. Качараба С. П. Эміграцыя з Заходняй Украіны 1919–1939. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. 416 с.

13. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не раторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. Москва: РУДН, 2011. 344 с.

14. Там жа.

15. НАРБ. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 182. Белорусская националистическая газета «Барацьба». 16 арк.

Паступіў 03.03.2014

УДК 378.6(476)«1944/1991»

В. А. Острога, кандидат исторических наук, доцент (БГУ)

**ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ИМЕНИ В. В. КУЙБЫШЕВА. 1944–1991 гг.**

В статье раскрывается история преподавания и научных исследований в области зарубежной экономической истории в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. В. Куйбышева на протяжении 1944–1991 гг. Образовательным и научным центром в этой области стала созданная в сентябре 1968 г. кафедра экономической истории, где читался специальный учебный курс «Истории народного хозяйства зарубежных стран». В 1988 г. кафедра была ликвидирована и восстановлена с 1991 г. В различное время на кафедре читали курс истории зарубежной экономики А. И. Козлов, Н. П. Полетика, В. К. Дашкевич, Е. Д. Оськина, А. Н. Егоров, Т. А. Кургуньян и Т. И. Повалихина.

The history of teaching and researches in the field of foreign economic history of the Belarusian State Institute of National Economy named after Kuibyshev during 1944–1991 years is investigated in the article. The Department of Economic History established in September 1968 has become the educational and scientific center in this area. A special course named «History of the economy to foreign countries» was taught there. The department was abolished in 1988 and rebuilt in 1991. The greatest scientists A. I. Kozlov, N. P. Poletika, V. K. Dashkevich, E. D. Oskina, A. N. Egorov, T. A. Kurgunyan and T. I. Povalihina lectured the course of history of foreign economy at the Department at various times.

Введение. В белорусской историографии истории изучения всеобщей истории и истории исследовательских центров в этой отрасли знания на сегодняшний день явно недостаточно проанализированы результаты работ наших предшественников и в целом организация изучения и исследования этой области истории в Беларуси. Одной из таких лагун является исследовательская и образовательная работа ученых Белорусского государственного института народного хозяйства имени В. В. Куйбышева на протяжении 1944–1991 гг. Даже в обобщающих работах по истории вуза этой проблеме уделяется немного внимания. Специальных изысканий нет вовсе. Данное исследование представляет собой попытку восполнить этот пробел.

Основная часть. После освобождения Беларуси от немецко-фашистских оккупантов (28 октября 1944 г.) в соответствии с Постановлением СНК БССР, существовавший с 1933 г. Белорусский государственный институт народного хозяйства (БГИНХ) возобновил свою деятельность и с 1 марта 1945 г. начались учебные занятия [1, с. 50.]. С 1945 г. стал преподаваться курс истории народного хозяйства СССР, который был закреплен за кафедрой марксизма-ленинизма и политической экономии. Курс начал преподавать совместитель, доцент А. П. Пьянков [2, л. 39]. Преподавалась только советская история, о всеобщей не шло и речи. Что касается научной работы кафедры, то в кафедральном плане НИР на 1946–1950 гг. не было исторических тем. С 1946/1947 учебного года была сформирована самостоятельная кафедра

политэкономии, но исторические курсы остались прежними. А. П. Пьянкова заменил заместитель, старший преподаватель Р. М. Козунов [3, л. 26].

В 1949/1950 учебном году на кафедре был введен курс «История народного хозяйства зарубежных стран», но «в связи с неподготовленностью т. Козунова к чтению курса ...» он был ограничен только темами по истории народного хозяйства социалистических стран. Чтение остальной части переносилось на следующий учебный год. С января 1952 г. история народного хозяйства зарубежных стран была передана А. И. Козлову [4, л. 157]. Таким образом, можно было говорить о начале специализации на кафедре в области преподавания экономической истории. В 1953/1954 учебном году на кафедре впервые стал работать совместитель, профессор БГУ Н. П. Полетика, который вместо А. И. Козлова вел курс зарубежной экономической истории [5, л. 140]. Также с сентября 1953 г. вместо Р. М. Козунова преподавать историю народного хозяйства СССР стала и. о. доцента кандидата наук Т. П. Трацевская.

Отметим, что говорить о каком-то подчеркнутом интересе к экономической истории на кафедре в 1940–1960-е гг. не приходится, в приоритете там находилось преподавание и изучение политэкономии. Помимо этого, определенным показателем являлись научные сессии вузов. Но и тут, например, на научной сессии БГИНХ по итогам научно-исследовательской работы за 1953 г. от кафедры выставлялось три доклада, но исторический был один, по экономической истории России [6, л. 128].

С 1956/1957 учебного года курс «История народного хозяйства зарубежных стран» начал читать В. К. Дашкевич, защитивший кандидатскую диссертацию в сфере всеобщей истории. На кафедре установилась традиция преподавания этого курса специалистами. Крепли и научные исследования. На очередную итоговую научно-теоретическую конференцию 1957 г. кафедры выставили пять докладов, из которых два были по всеобщей истории».

В 1960/1961 учебном году учебный курс ИНЗС вел доцент В. К. Дашкевич и почасовик из БГУ Т. П. Гирдюк. На первом заседании кафедры в августе 1960 г. было решено подготовить к изданию кафедральный сборник «Ученые записки» и опубликовать его в 1961 г. [7, л.190]. В июне 1961 г. по конкурсу на кафедру прошла кандидат исторических наук Е. Д. Оськина, приглашенная для чтения курса ИНХЗС [8, л. 22].

В 1961/1962 учебном году курс зарубежной экономической истории уже читали два преподавателя – и. о. доцента Е. Д. Оськина и В. К. Дашкевич, который в этом году уволился. С его уходом преподавание и изучение зарубежной истории на кафедре, несомненно, ослабло. В следующем учебном году ИНХЗС их сменили Е. Д. Оськина и Т. П. Гирдюк. В июне 1963 г. в годовом кафедральном отчете впервые утверждалось, что «назрела необходимость отделения от кафедры политической экономии в самостоятельную кафедру истории народного хозяйства. Если в ближайшее время не удастся образовать самостоятельную кафедру истории народного хозяйства, тогда следует подумать о том, чтобы присоединить историков к кафедре экономической географии или же кафедре истории КПСС» [9, л. 143]. Но руководство вуза навстречу не пошло.

В 1966 г. ушла с кафедры Е. Д. Оськина. В последующем до 1968 г. преподатели-историки практически ничем себя на кафедре не проявляли. Секцию экономической истории СССР, как она тогда называлась, представляли Т. П. Трацевская, В. А. Милованов, Л. К. Морозова и Г. И. Олехнович. Можно сказать, что всеобщая история их мало интересовала, т. к. они работали над пособием «Экономическая история БССР».

В сентябре 1968 г. была создана кафедра экономической истории в составе: Т. П. Трацевская (заведующая), К. И. Шабуня (совместитель из АН БССР, 0,5 ставки). Г. И. Олехнович, В. А. Милованов, О. И. Шрамченко и Л. К. Морозова (работала до ноября) [10, л. 6]. С сентября 1969 г. кафедрой руководил профессор К. И. Шабуня. В этом же году на кафедру Министерством образования были направлены

выпускники аспирантуры при кафедре истории Нового и Новейшего времени БГУ А. Н. Егоров и Т. А. Кургуныян, что усилило преподавание зарубежной экономической истории и перспективу ее развития на кафедре [11, л. 12].

В сентябре 1970 г. кафедру возглавила профессор В. Р. Гневко, специалист в области истории Беларуси. К. И. Шабуня перешел на почасовку. Так как на кафедре существовала специализация по отечественной и зарубежной экономической истории, экзамен принимали не только по «Экономической истории СССР», но и по «Экономической истории социалистических стран» и зачет по «Экономической истории капиталистических стран»

В 1972 г. преподаватель Т. А. Кургуныян защитила кандидатскую диссертацию по истории германо-чехословацких отношений в 1930-х гг. и хотела продолжить исследование по этой теме, но ректорат БГИИХ рекомендовал ей тему «Формы и методы воспитательной работы в вузе» [12, л. 29].

На 1973/1974 учебный год в штате кафедры работало шесть человек: заведующая, профессор В. Г. Гневко, доцент В. А. Милованов, старшие преподаватели Т. А. Кургуныян и А. Н. Егоров, преподаватели Т. П. Краевская и О. И. Шрамченко [13, л. 1], которые читали один курс «Экономическая история СССР и зарубежных стран», хотя Т. А. Кургуныян и А. Н. Егоров считались специалистами по зарубежной истории. К примеру, осенью 1973 г. на проходившем в институте Дне ученого Т. А. Кургуныян выступила с докладом «Экономическое сотрудничество между социалистическими странами», а А. Н. Егоров – «Борьба рабочего класса ФРГ за демократическое управление производством и экономикой (1949–1952 гг.)» [14, л. 27]. А. Н. Егоров под руководством доцента из БГУ Д. Б. Мельцера завершал работу на кандидатской диссертацией, которая 1 июня 1974 г. обсуждалась на заседании кафедры и была рекомендована к защите.

В следующем учебном году к работникам кафедры присоединилась соискатель Г. Е. Кудинова. Научная работа на кафедре почти не касалась всеобщей истории, и лишь А. Н. Егоров дорабатывал диссертацию по Новейшей истории, которую, несмотря на большую учебную нагрузку, успешно защитил в 1975 г. [15, л. 121].

Но универсальность кафедры, ее двупрофильность давала себя знать. Так, в 1975 г. был дан отзыв на автореферат кандидатской диссертации по всеобщей истории, но Отечественная история (СССР) безраздельно доминировала. Более того, все три кафедральных НИРа были посвящены даже и не экономической истории

СССР, а проведению учебной и воспитательной работе в вузе.

В 1975 г. на октябрьском заседании кафедры при проведении по конкурсу заведующей профессора В. Г. Гневко было отмечено, что «по желанию всех членов кафедры и с одобрения ректора института в течении последнего пятилетия (с 1971 г. Авт.) на кафедре практикуется (в пределах возможного) специализация преподавателей в чтении лекций. Каждый читает лекции преимущественно по тем разделам экономической истории, по которым ранее проводил научно-исследовательскую работу. Так, старшие преподаватели Кургуныян Т. А. и Егоров А. Н. ... преимущественно читают лекции по истории капиталистических стран» [16, л. 15–16]. В 1976 г. преподаватель А. Н. Егоров ушел с кафедры. В последующие годы, как свидетельствуют архивные данные, всеобщая история оказалась невостребованной. Кургуныян Т. А., как единственный специалист по всеобщей истории, введения специализации не добивалась.

В 1976/1977 учебном году на кафедре работало пять человек: заведующая профессор В. Г. Гневко, доценты В. А. Милованов и Т. А. Кургуныян, старший преподаватель кандидат исторических наук Ю. К. Янковский и ассистент О. И. Шрамченко [17, л. 1]. В следующем учебном году кафедру пополнила, ранее работавшая на ней кандидат экономических наук Л. К. Морозова. Тема специализаций на заседаниях кафедры ими уже не поднималась. Практически единственным свидетельством существования на ней специалистов по всеобщей истории, было участие Т. А. Кургуныян в конференциях славистов». В сентябре 1978 г. кафедру пополнила Г. Е. Кудинова. В это время на кафедре прежний принцип специализации уже не проводился. Все преподаватели читали и экономическую историю СССР, и экономическую историю зарубежных стран. Соответственно и научных исследований в области всеобщей истории уже никто не вел.

В 1979 г. профессор В. Г. Гневко оставила заведывание кафедрой и рекомендовала на эту должность доцента Б. Ф. Никоновича, специалиста по истории БССР. В том же году незрительно проявилась специализация кафедры, когда Т. А. Кургуныян предложила к изданию лекции на тему «Мировая социалистическая система и экономическое сотрудничество стран социализма» [18, л. 63], но в сентябре 1984 г. она ушла на пенсию. В феврале 1981 г. на заседании кафедры проходило обсуждение т. н. теоретической проблемы «Об экономической социалистической интеграции» (докладчики В. Г. Гневко, Л. К. Морозова) [19, л. 53]. Ранее

такие вопросы на заслушивание не выносились и преподавателям, читающим универсальный курс «Экономическая история СССР и зарубежных стран» послушать о проблемах развития СЭВ, несомненно, было интересно. Это был единственный вопрос за весь учебный год в сфере всеобщей истории. В ноябре следующего учебного года была обсуждена теоретическая проблема «Промышленный переворот в Англии», которую докладывал В. А. Милованов [20, л. 17].

В это время состав кафедры изменился. Так, в 1981 г. пришла Т. И. Повалихина (она являлась специалистом в области Новейшей истории, в 1982 г. в БГУ успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба между Англией и Францией вокруг германской проблемы в период рурского кризиса 1923 г.») и в 1983 г. – В. А. Сосно. С февраля 1985 г. после ухода Б. Ф. Никоновича заведующим кафедрой был назначен доцент В. И. Голубович, специализировавшийся по истории КПБ, и на заседаниях кафедры стали заслушивать обзоры экономико-исторических публикаций различных периодических изданий. Учитывая важность знания всеобщей истории, преподавателями в январе 1986 г. Т. И. Повалихина сделала «Обзор важнейших статей по экономической истории, опубликованных в журнале «Новая и новейшая история» [21, л. 28]. В последующем подобные обзоры проводились по материалам журналов «Мировая экономика и международные отношения» (Л. К. Морозова) и «Проблемы мира и социализма» (А. В. Юнцевич). Таким образом, всеобщая история с точки зрения учебно-методической работы на кафедре присутствовала, но не более того.

С 1 июля 1988 г. приказом ректора института в соответствии с решением Ученого Совета кафедра была ликвидирована. Формулировка в приказе была очень обтекаема: «Выполняя требования ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Государственного комитета СССР по народному образованию о перестройке высшей школы ...» [22, л. 143]. Ее объединили с кафедрой экономической географии, новое название которой – «Территориального размещения и истории развмтия производительных сил». Ликвидация кафедры экономической истории в экономическом вузе, конечно, было явной ошибкой. Как пишет М. В. Мишкевич, «...в пылу перестройки кафедру ликвидировали, а ее сотрудников перевели в другие подразделения...». [23, л. 97]. Профессор В. Г. Гневко, доценты В. А. Милованов, Т. И. Повалихина и ассистент А. В. Юнцевич перешли на новую кафедру, а доцент В. И. Голубович – на кафедру истории КПСС. В первый год новое структурное

подразделение состояло из 16 человек, четверо из которых были вышеупомянутые историки. Научно-исследовательской работой кафедры стала тема «Актуальные проблемы социально-экономического развития Белоруссии» [24, л. 25]. Новым этапом стал 1991/1992 учебный год, когда по предложению первого проректора института С. П. Гурко на основе кафедры политической истории была создана кафедра экономической истории «нового образца» [25, с. 177]. Ее заведующим стал профессор Г. Г. Герасименко.

Заключение. Таким образом, наличие учебного курса экономической истории в институте, и в частности, с 1968 г. специализированной кафедры экономической истории, могло бы позволить БГИНХ потенциально стать крупным центром по изучению зарубежной экономической истории. Но условия ее существования оказались недостаточно благоприятные. Более того, вместо нового импульса развития в период перестройки, кафедра экономической истории было вообще ликвидирована. Возрождение этой области исследований в институте сосялось уже в 1991 г.

Литература

1. Белорусский государственный экономический университет. 70 лет. Минск: БГЭУ, 2008. 399 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 215. Оп. 4. Д. 5. Отчет о работе института за 1945–1946 годы.
3. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 12. Протоколы заседаний кафедр за 1946–47–1948 годы.
4. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 70. Протоколы заседаний кафедры политэкономии за 1951–1952 и 1952–1953 уч. годы.
5. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 110. Протоколы заседаний кафедры политэкономии 1953, 1954, 1955 годы.
6. Там же
7. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 205. Протоколы заседаний кафедр за 1961/62 уч. год.
8. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 195. Отчеты о работе кафедр за 1960/1961 учеб. год.
9. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 217ж. Отчеты кафедр за 1962–1963 учебный год.
10. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 427. Отчеты кафедр института о работе за 1968/1969 уч. год.
11. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 431. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава и руководящего состава института народного хозяйства им. В. В. Куйбышева по состоянию на 1 октября 1969 г.
12. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 622. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 1975/1976 уч.г.
13. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 584. Протоколы №№ 1–18 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 1973/1974 уч.г.
14. Там же
15. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 598. Протоколы №№ 1–19 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 1974/1975 уч.г.
16. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 622. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 1975/1976 уч.г.
17. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 649. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 1976/1977 уч. г.
18. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 756. Протоколы №№ 1 – 17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 31 августа 1979 – 3 июня 1980.
19. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 796. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 28 августа 1980 г. – 30 июня 1981 г.
20. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 837. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории и документы к ним. 31 августа 1981 г. 8 июня 1982 г.
21. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 1129. Протоколы №№ 1–17 заседаний кафедры экономической истории. 31 августа 1985 г. – 26 июня 1986 г.
22. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 1345. Приказы №1 69А – 160А Ректора по основной деятельности (4 марта – 28 мая 1988 г.).
23. НА РБ. Ф. 215. Оп. 15. Д. 103. Личное дело. Гневко Вера Григорьевна. Доктор исторических наук, професор.
24. НА РБ. Ф. 215. Оп. 4. Д. 1385. Планы работы кафедр финансов, территориального размещения и истории развития производительных сил, денежного обращения и кредита на 1988/1989 учебный год.
25. Белорусский государственный экономический университет. 70 лет. Минск: БГЭУ, 2008. 399 с.

Поступила 14.03.2014

УДК 37(476):331.361:94(476)

Н. М. Якуш, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (БДТУ)

АРГАНІЗАЦЫЯ НАВУЧАЛЬНАЙ СІСТЭМЫ ПАВЫШЭННЯ ТЭХНІЧНАЙ КВАЛІФІКАЦЫІ РАБОЧЫХ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ВЫТВОРЧАСЦІ БССР У 1976–1985 ГГ.

У артыкуле даследавана сістэма курсавай падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі кваліфікаваных кадраў тэхнічных рабочых спецыяльнасцей аграпрамысловага комплексу. Праналізаваны стан нарматыўнай вучэбна-матэрыяльнай базы курсавых камбінатаў і пунктаў Дзяржкамсельгастэхнікі БССР і непасрэдна ў гаспадарках. Разгледжаны напрамкі метадычнай работы па навучанні курсантаў індустрыяльным тэхналагіям сельгасвытворчасці, павышэнні прафесійнага ўзроўню выкладчыкаў, спецыялізацыі навучальнага працэсу. Пададзены пытанні арганізацыі масавага тэхнічнага ўсенавуча.

The system of course preparation and re-training of technical personnel working in the agricultural sector is studied in the paper. The state of regulatory base and training facilities of training centers and offices under the Goskomselhoztehnika of BSSR and in households was studied. The direction of methodical work aimed to cadets' training in the field of industrial agricultural technologies, improving of teachers' qualification level, specialization of training process was analyzed. The questions concerning the technical organization of mass compulsory education are developed.

Уводзіны. Аграрная палітыка Беларускай ССР у 1970–80-я гг. была звязана з пераводам сельгасвытворчасці на прынцыпова новы навукова-тэхнічны і арганізацыйны ўзровень, фарміраваннем складанай вытворча-эканамічнай сістэмы – аграпрамысловага комплексу. Сацыяльным рэзервам росту прадукцыйнасці сельскагаспадарчай працы становіліся рабочыя кадры новай тэхналагічнай культуры, падрыхтаваныя да працы на энерганасычанай тэхніцы. Задача стварэння ўмоў для падрыхтоўкі высокакваліфікаваных кадраў тэхнічных рабочых спецыяльнасцей і арганізацыі магчымасцей сістэматычнага павышэння ўзроўню іх прафесійнага майстэрства стала надзённым клопамат партыйнага і савецкага кіраўніцтва рэспублікі.

Асноўная частка. Адным з кірункаў стварэння сістэмы павышэння тэхнічнай кваліфікацыі рабочых сельгасвытворчасці выступіла арганізацыя спецыяльных курсаў непасрэдна ў гаспадарках і пры аддзяленнях Дзяржкамсельгастэхнікі. Партыйныя камітэты, сельскагаспадарчыя органы распрацавалі і прынялі да выканання перспектыўныя планы, якія вызначылі колькасны склад слухачоў курсаў, кола прафесій, звязаных з дынамічным прагрэсам навукі, стратэгію ўдасканалення форм і метадаў навучання.

Важнейшай перадумовай выканання гэтых планаў было развіццё і ўмацаванне нарматыўнай вучэбна-матэрыяльнай базы курсавай падрыхтоўкі сельскагаспадарчых рабочых. Распачалося адпаведнае будаўніцтва вучэбна-курсавых камбінатаў усіх узроўняў, стварэнне навучальных пунктаў і класаў. У 1985 г. павышэнне тэхнічнай кваліфікацыі рабочых калгасаў і саўгасаў ажыццяўлялі рэспубліканскі, шэсць абласных і адзін міжрэспубліканскі на базе Нясвіжскай

райсельгастэхнікі гасразліковых вучэбна-курсавых камбінатаў, 117 пунктаў райаб'яднанняў сельгастэхнікі, дзе налічвалася 509 стацыянарных класаў, шырокая сетка класаў і кабінетаў непасрэдна ў гаспадарках [1].

Гэтая разгалінаваная сетка забяспечвала падрыхтоўку рабочых масавых прафесій для сяла і перакваліфікацыю кадраў з улікам працэсаў шырокага кааперавання і аграпрамысловай інтэграцыі. На курсах механізатарскія кадры займаліся вывучэннем новай тэхнікі і перадавай тэхналогіі сельскагаспадарчай вытворчасці.

Аб важнасці пытання ўздому тэхнічнай кваліфікацыі вёскі сведчыць той факт, што ў цэнтральным, абласных, раённых апаратах Дзяржкамсельгастэхнікі БССР былі ўведзены пасады намеснікаў старшынь і ўпраўляючых па перападрыхтоўцы кадраў механізатараў і тэхнічнаму ўсенавучу, дырэктараў і намеснікаў дырэктараў вучэбна-курсавых камбінатаў. Навучальны працэс ажыццяўлялі метадысты, майстры вытворчага навучання і выкладчыкі з ліку спецыялістаў і кіруючых работнікаў з вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыяй. Для выкладання на курсах, арганізуюемых у калгасах і саўгасах, прыцягваліся спецыялісты аграпрамысловага комплексу, выкладчыкі вноу, тэхнікумаў, сельскіх прафтэхвучылішчаў, перадавікі вытворчасці. Для каардынацыі іх метадычнай працы ў кожным сельскім раёне была ўведзена пасада метадыста па тэхнічным ўсенавучы. Павышэнне педагагічнага майстэрства арганізатараў і выкладчыкаў, занятых у сістэме курсавай перападрыхтоўкі кадраў вёскі, праводзілі Усесаюзны інстытут павышэння кваліфікацыі кіруючых работнікаў Дзяржкамсельгастэхнікі СССР, Рэспубліканскі інстытут павышэння кваліфікацыі работнікаў прафтэхадукцыі, школы перадавога вопыту

і метадычныя курсы, якія працавалі пры абслелгастэхніках і эканамічна моцных гаспадарках.

Высокі ўзровень навучання слухачоў забяспечвалі тыя вучэбна-вытворчыя пункты і цэнтры, дзе існавалі класы поўнай механізацыі і класы-цэхі для падрыхтоўкі спецыялістаў патрабуемай кваліфікацыі, дзе актыўна дзейнічалі метадычныя саветы са складам спецыялістаў высокай адукаванасці і прафесійнага майстэрства. Такія прыклады дэманстравалі Слоніўская, Мастоўская, Свіслацкая райсельгастэхнікі, Гродзенскі абласны вучэбны цэнтр [2]. Высокая якасць тэхнічнай падрыхтоўкі кадрў у сістэме Гродзенскага абласнога аб'яднання сельгастэхнікі пацвярджалася валіфікацыйным майстэрствам тых сельскіх працаўнікоў, што прайшлі праз яго сістэму курсаў. Аб гэтым сведчыў факт перавагі срод механізатараў трактарыстаў-машыністаў першага і другога класа, якіх налічвалася ў 1983 г. 17 тысяч, ці 70,4% ад агульнай колькасці [3].

Паляпшэнне падрыхтоўкі кадрў у курсавой сістэме Дзяржкамсельгастэхнікі дасягалася форм навучання. У прыватнасці, шырокае распаўсюджванне атрымала настаўніцтва. Гэтая форма паказала найбольшую эфектыўнасць пры падрыхтоўцы вадзіцеляў аўтамабіляў, слесараў і навучанні механізатараў навыкам эксплуатацыі новай сельгаспадарчай тэхнікі. Яна набыла папулярнасць, таму ва ўсіх спецаддзяленнях сельгастэхнікі былі ўведзены вызваленыя пасады настаўнікаў з ліку лепшых шафёраў, трактарыстаў, камбайнераў.

Добра зарэкамендавала сябе і такая новая форма павышэння кваліфікацыі, як падрыхтоўка і перападрыхтоўка аператараў машыннага даення на месцах праз спецыяльныя вызныя перасоўныя вучэбныя класы. У 1985 г. падобныя класы працавалі ў 75 раёнах рэспублікі. З іх дапамогай пачалі рыхтаваць і майстроўналадчыкаў па абслугоўванні тэхнічнага абсталявання жывёлаводчых комплексаў [4].

У 1980-х гг. пачалася пэўная спецыялізацыя навучальнай сеткі. Яе ініцыятарам выступілі віцебскія абласныя ўпраўленні сельскай гаспадаркі і сельгастэхнікі. Сумесным загадам яны вызначылі месцы і тэрміны перападрыхтоўкі механізатараў для работы на новай тэхніцы. Асваенне К-701 было арганізавана на базе Полацкай райсельгастэхнікі, КСК-100 – на Чашніцкім вучэбным пункце, КПС-5Г, Е-280, Е-301 на базе абласнога вучэбнага камбіната. Вынікі падрыхтоўкі сведчылі аб перспектыўнасці такога накірунку. За даследуемы перыяд курсавая сетка навучальных пунктаў Дзяржкамсельгастэхнікі БССР унесла найбольш значны ўклад у справу павышэння тэхнічнай кваліфікацыі сельгасрабочых.

Важную задачу выконвалі і курсы пры калгасах і саўгасах, арыентаваныя на павышэнне ўзроўню прафесійнага майстэрства працаўніка вёскі непасрэдна ў працэсе вытворчасці. За 1976–80 гг. значна палепшылася абсталяванне вучэбных класаў гаспадарак тэхнічнымі сродкамі навучання. У гэтых мэтах Міністэрства сельскай гаспадаркі Беларускай ССР размясціла заказ на камплекты абсталявання на Харкаўскім трактарна-вытворчым аб'яднанні. Сістэматычна вяла пастаўкі вучэбнай тэхнікі і рэспубліканская кантора забеспячэння і камплектацыі. Сярод тэхнічных навучальных сродкаў пераважалі вылічальныя машыны, тэлевізары, дзя- і кінапраектары, кадрпраектары, магнітафоны, дзяяфільмы, якія дазвалялі эфектыўна выкарыстоўваць падчас заняткаў інструктыўна-тэхналагічную і справачную літаратуру аб дасягненнях агра-тэхнічнай навукі. Гэта давала магчымасць не толькі рэгулярна і арганізавана праводзіць заняткі па павышэнні кваліфікацыі механізатараў і жывёлаводаў, але і дазваляла набываць новыя тэхнічныя спецыяльнасці. Створаная вучэбная база рабіла магчымай таксама арганізацыю ў лепшых гаспадарках школ перадавога вопыту, звязаных з укараненнем у вытворчасць індустрыяльных тэхналогій і перадавых прыёмаў працы. Рашэннем Гродзенскага АК КПБ былі створаны раённыя школы ў калгасе імя 50-годдзя СССР – па вырошчванню высокіх ураджаяў зернавых культур, у калгасе імя Леніна – цукровых буракоў, у саўгасе «Ваўкавыскі» – бульбы, на ферме «Ендрыхоўцы» племзавада «Рось» – школа навучання машыннаму даенню [5]. Згодна з пастановай Віцебскага АК КПБ, школы перадавога вопыту былі арганізаваны на базе гаспадарак, жывёлагадоўчых комплексаў і ферм, у якіх існавала практыка галіновай (цэхавай) структуры кіравання вытворчасцю, двухцыклічнага рэжыму работы і паперацыйнага падзелу працы. Рашэннем бюро Гомельскага АК КПБ была створана школа праслаўленага камбайнера, Героя Сацыялістычнай Працы Г. М. Катлярова. У 1979 г., напярэдадні жніва метады Катлярова вывучылі звыш 500 механізатараў і інжынерна-тэхнічных работнікаў з усіх раёнаў рэспублікі [6]. З 1979 года школы па тыпу школы Катлярова пачалі арганізоўвацца паўсюдна. У іх ішло вывучэнне прыёмаў працы лепшых рэспубліканскіх механізатараў, кіраўнікоў кармаўборчых атрадаў, жывёлаводаў. Набылі вядомасць і аўтарытэт школа У. І. Дзергачова – трактарыста-машыніста механізаванага атрада Кармянскай райсельгастэхнікі і аператара машыннага даення Брэсцкага раёна Л. Д. Брызгі. Штогод у рэспубліцы дзейнічала звыш 400 школ перадавога вопыту [7].

Адным з напрамкаў павышэння індустрыяльнага ўзроўню агракультуры на беларускай вёсцы стала справа арганізацыі масавага тэхнічнага ўсенавуча. З пачатку 1960-х гадоў у БССР пачалі дзейнічаць школы механізатарскага ўсенавуча, якія ў асноўным рашалі задачу падрыхтоўкі дадатковага рэзерва механізатараў, неабходнага на перыяды найбольш напружаных сельскагаспадарчых работ. Аднак арганізацыйныя цяжкасці і слабасць вучэбна-вытворчай базы прывялі да скарачэння маштабаў усеагульнага навучання механізатарскім прафесіям. Актыўнае вяртанне да ідэі тэхнічнага ўсенавуча ў даследуемыя гады было прадиктавана як вострым дэфіцытам механізатарскіх кадраў, так і новым узроўнем матэрыяльна-тэхнічнай базы сельскай гаспадаркі, ростам энергаўзброенасці вёскі. Уцягванне моладзі і ўсяго працаздольнага насельніцтва ў навучанне механізаваным прафесіям ішло пад лозунгам «жывеш на вёсцы – валодай тэхнікай». З гэтай ініцыятывай у 1978 г. да моладзі рэспублікі звярнуліся камсамольцы калгаса імя Куйбышава Кіраўскага раёна Магілёўскай вобласці.

Характэрнай рысай механізатарскага ўсенавуча стаў шырокі ўдзел прамысловых прадпрыемстваў ў падрыхтоўцы рэзерву тэхнічных кадраў для сяла. Па праграмах усенавуча рыхтаваліся кадры масавых прафесій для сельскай гаспадаркі з ліку рабочых гродзенскіх заводаў карданых валоў і гандлёвага машынабудавання, віцебскага ільнокамбіната і завода лёгкага машынабудавання, інструментальнага і станкабудаванніча заводаў Оршы. За 1976–80-я гг. праз гурткі механізатарскага ўсенавуча атрымалі пэўную спецыяльную тэхнічную падрыхтоўку дзясяткі тысяч сельскіх і гарадскіх жыхароў. У пэўнай меры гэта дазваляла вырашаць дзве задачы: забяспечыць кадравы рэзерв для работы на сельскагаспадарчай тэхніцы ў напружаных вясенне-асенніх перыяды палявой працы і ўзняць узровень прафесіяналізацыі сельскіх жыхароў. Але ў цэлым уцягванне ў тэхнічны ўсенавуч шырокага кола служачых і інтэлігенцыі вёскі і горада аказалася неапраўданым і немэтазгодным з эканамічнага пункту гледжання. Вельмі часта гэта прыводзіла толькі да адрыву вялікай колькасці людзей ад непасрэднай справы і дарэмнай траты імі рабочага часу. Рэальны рэзерв

тэхнічных кадраў фарміраваўся толькі са слесараў-рамонтнікаў сельскагаспадарчай тэхнікі і рабочых машынабудаваннічых прадпрыемстваў гарадоў.

Заклучэнне. Відавочна, што эфектыўнасць курсавой формы навучання сельскагаспадарчых рабочых у многім залежала ад тэхнічнага і агульнаадукацыйнага ўзроўню слухачоў, узгодненасці планаў перападрыхтоўкі ў розных зв'язках сістэмы, пераадоленасці ведамасных бар'ераў, усталяванні адзінага метадычнага кіраўніцтва вучэбным працэсам. Як бачна з даследавання, у такім напрамку і разгортвалася арганізацыйная работа па забеспячэнні новага тэхніка-тэхналагічнага ўзроўню агракультурага развіцця беларускай вёскі. У 1976–85 гг. былі закладзены арганізацыйныя і матэрыяльна-тэхнічныя асновы для падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі тэхналагічна і прафесійна адукаваных сельскагаспадарчых рабочых. Аднак у цэлым працэс павышэння тэхнічнай кваліфікацыі ў гэты час не набыў устойлівых характарыстык адзінасці і непарыўнасці. Пры планаванні кантынгентнаў навучэнцаў і слухачоў пераважалі мясцовыя надзённыя патрэбы, нестала дзейных сувязей паміж сельскімі школамі, прафтэхвучылішчамі, вучэбна-курсавымі камбінатамі Дзяржкамсельгастэхнікі і гаспадаркамі, адсутнічалі адзіны тыпавыя вучэбныя праграмы і планы павышэння кваліфікацыі з улікам адукацыі сельскагаспадарчых рабочых, вопыту іх работы, навучання ў міжшкольных навучальна-вытворчых камбінатах і сярэдных прафтэхвучылішчах аграпрамысловага комплексу.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў РБ. Ф. 1260. Воп. 1. С. 1810. Л. 65.
2. Сельская газета. 1979. 13 ноября.
3. Сельское хозяйство Белоруссии. 1983. № 8. С. 5.
4. Нацыянальны архіў РБ. Ф. 1260. Воп. 1. С. 1810. Л. 96.
5. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 1. Воп. 79. С. 4. Л. 20.
6. Звезда. 1979. 8 февраля.
7. Сельское хозяйство Белоруссии. 1983. № 8. С. 7.

Пастуніў 14.03.2014

УДК 378.015.2.005.32-057.873

П. И. Александрович, кандидат психологических наук, доцент (БГТУ)**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА**

В данной статье раскрыты современные подходы к пониманию социализации личности студента в учебно-воспитательном процессе ВУЗа. В частности, отражена сущность социализации, основные определения, такие как «агенты социализации», «агенты первичной социализации», «агенты вторичной социализации», «первичные и вторичные институты социализации», основные этапы (стадии) социализации, а также факторы, влияющие на социализацию личности студента. Особое внимание уделено особенностям социализации студенческой молодежи, феноменам воспитательной деятельности молодежных организаций, комплексам воспитательной деятельности молодежных организаций, системе воспитательной деятельности молодежных организаций. Обращено внимание на важнейшую задачу воспитательной деятельности педагогического коллектива ВУЗа, а именно – подготовке студента к выполнению различных социальных ролей – гражданина, семьянина, работника.

Modern approach to understanding of students' socialization within the teaching and educational process in institutes of higher education is reflected in this article. Particularly, the point of socialization and the factors on which it depends, are reflected; the main definitions, e. g. "primary and secondary socialization agents", "primary and secondary socialization institutions", etc. are given. Special attention is paid to the peculiarities of young students' socialization and to the most important pedagogical goal – to prepare students for performing various social roles: of a citizen, a family man, a worker.

Введение. Современные реалии социально-экономической жизни общества обуславливают необходимость совершенствования процессов, включения подрастающего поколения в многогранную и динамичную жизнедеятельность социума. В условиях комплексной и глубокой модернизации системы образования проблема эффективной социализации личности в аспекте развития ее инициативы, самостоятельности и самодеятельности входит в разряд приоритетов социальной политики государства, выступает залогом достижения гражданского мира и согласия, повышения уровня социальной комфортности жизни в целом.

Основная часть. Рост созидательного потенциала, расширение сферы свободного волеизъявления, способность осуществлять инновационную алгоритмизацию деятельности на высоком профессиональном уровне – все эти качества во многом являются следствием социализирующего влияния на молодого человека многоуровневой системы образования, выступают показателем индивидуальной продуктивности его пребывания в многофакторном пространстве образовательной социализации.

Повсеместно утверждающаяся в настоящее время социокультурная парадигма – «образование через всю жизнь» – не только повышает значимость социализирующей составляющей в деятельности вуза, но и обуславливает необходимость инновационных подходов к педагогическому инструментарию ее реализации.

Социализация личности – это процесс вхождения индивида в общество, активного усвоения им социального опыта, социальных ролей, норм, ценностей, необходимых для ус-

пешной жизнедеятельности в данном обществе. [1, с. 56].

В процессе социализации у человека формируются социальные качества, знания, умения, соответствующие навыки, что дает ему возможность стать дееспособным участником социальных отношений. Социализация происходит как в условиях стихийного воздействия на личность разных обстоятельств жизни, так и при условии целенаправленного формирования личности.

В социологической науке принято выделять два основных типа социализации: первичная – усвоение норм и ценностей ребенком; вторичная – усвоение новых норм и ценностей взрослым человеком.

Социализация представляет собой совокупность агентов и институтов, формирующих, направляющих, стимулирующих, ограничивающих становление личности человека.

Агенты социализации – это конкретные люди, ответственные за обучение культурным нормам и социальным ценностям. Институты социализации – учреждения, влияющие на процесс социализации и направляющие его.

В зависимости от типа социализации рассматриваются *первичные* и *вторичные* агенты и институты социализации.

Агенты первичной социализации – родители, братья, сестры, бабушки, дедушки, другие родственники, друзья, учителя, лидеры молодежных группировок. Термин «первичная» относится ко всему, что составляет непосредственное и ближайшее окружение человека.

Агенты вторичной социализации – представители администрации школы, университета,

предприятия, армии, милиции, церкви, сотрудники средств массовой информации. Термин “вторичная” описывает тех, кто стоит во втором эшелоне влияния, оказывая менее важное воздействие на человека.

Первичные институты социализации – это семья, школа, группа сверстников и т. д. *Вторичные институты* – это государство, его органы, университеты, церковь, средства массовой информации и т. д.

Процесс социализации состоит из нескольких этапов, стадий

1. Стадия адаптации (рождение – подростковый период). На этой стадии происходит не критическое усвоение социального опыта, главным механизмом социализации является подражание.

2. Стадия идентификации – появление желания выделить себя среди других.

3. Стадия интеграции, внедрения в жизнь общества, которая может проходить либо благополучно, либо неблагоприятно.

4. Трудовая стадия. На этой стадии происходит воспроизведение социального опыта, воздействие на среду.

5. Послетрудовая стадия (пожилой возраст). Данная стадия характеризуется передачей социального опыта новым.

На каждом этапе социализации на человека оказывают влияние те или иные факторы, соотношение которых на разных этапах различно.

В целом можно выделить пять факторов, оказывающих влияние на процесс социализации: биологическая наследственность; физическое окружение; культура, социальное окружение; групповой опыт; индивидуальный опыт.

Биологическое наследие каждого человека составляет “сырые материалы”, которые затем разнообразными способами преобразуются в личностные характеристики. Именно благодаря биологическому фактору существует огромное разнообразие индивидуальностей. [2, с. 38]

Процесс социализации охватывает все слои общества. В его рамках усвоение новых норм и ценностей взамен старых называется *ресоциализацией*, а утрата личностью навыков социального поведения – *десоциализацией*. Отклонение в социализации принято называть *девиацией*.

Модель социализации определяется тем, каким *ценностям* привержено общество, какой тип социальных взаимодействий должен быть воспроизведен. Социализация организуется так, чтобы обеспечить воспроизводство свойств социальной системы. Процесс социализации человека продолжается всю его жизнь, но особо интенсивно он протекает в молодые годы. Именно тогда создается фундамент духовного развития

личности, что увеличивает значение качества воспитания, повышает ответственность общества, задающего определенную систему координат воспитательного процесса, который включает в себя формирование мировоззрения, опирающегося на общечеловеческие и духовные ценности; развитие творческого мышления; развитие высокой социальной активности, целеустремленности, потребности и умение работать в коллективе, стремление к новому и способность находить оптимальное решение жизненных проблем в нестандартных ситуациях; потребность в постоянном самообразовании и формировании профессиональных качеств; способность самостоятельно принимать решения; уважение к законам, моральным ценностям; социальную ответственность, гражданское мужество, развивает чувство внутренней свободы и собственного достоинства.

Воспитательная деятельность молодежных организаций создает среду формирования и проявления активности личности студентов, гармонизируя их взаимоотношения, путем накопления опыта выполнения разнообразных социальных ролей и навыков позитивного общественного поведения.

Молодежные организации представляют собой коллективы студентов, объединяющих их в соответствии с индивидуальными потребностями, склонностями, интересами и способностями. Молодежные организации являются самостоятельными, самоуправляющимися объединениями студентов.

Феномен воспитательной деятельности молодежных организаций проявляется:

- в особо благоприятных возможностях максимальной реализации возрастных и индивидуальных особенностей и способностей студентов;
- активном, позитивно-деятельном практическом участии студентов в работе органов самоуправления в молодежном коллективе;
- предметно-практическом и преобразующем характере деятельности в той или иной молодежной организации;
- самостоятельной постановке цели и четко осознанном представлении о результатах этой деятельности;
- отсутствии прямого принуждения со стороны преподавателей и руководителей, официальных воспитательных структур;
- преобладании межличностного общения. [3, с. 87]

Комплексы воспитательной деятельности молодежных организаций имеют важный признак – наличие как культурно-досуговой, так и общественно полезной направленности деятельности. Культурно-досуговая и общественно

полезная сферы деятельности при этом не функционируют раздельно, а взаимодействуют, взаимопроницают как две стороны единого процесса.

Культурно-досуговая и общественно полезная направленность молодежных организаций реализуется различными сочетаниями основных видов, средств и сфер деятельности – игра, труд, познание, спорт, общение, искусство, которые в условиях открытой микросоциальной среды несут многофункциональный характер. Практически вокруг любого объекта деятельности (область искусства, спорт, поисковая работа, ученический кооператив и т. п.) может быть развернут весь комплекс воспитывающего влияния в социуме.

Социализация личности студентов технических вузов в системе воспитательной деятельности молодежной организации является важнейшим способом эффективного профессионального самоопределения, саморазвития человека, определяющим его созидательную сущность. Цель этого процесса – развитие творческих качеств и способностей студентов.

Система воспитательной деятельности молодежных организаций обеспечивает:

- активную субъектную позицию самой личности студента, юношеских объединений, групп, коллективов в молодежных организациях;
- педагогическую направленность инфраструктуры молодежных организаций не только на студентов, но и на их ближайшее окружение (прежде всего в группе), на их отношения, формирует разновозрастные семейно-соседские профессиональные общности;
- адекватность содержания, форм и методов воспитательного воздействия возрастным и индивидуальным особенностям студентов, специфике социальной ситуации развития личности в этой среде и своеобразию ее социально-психологической позиции;
- реализацию социально-педагогической помощи неадаптированным студентам;
- благоприятные условия для демократического управления социализацией.

Компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность студента, а умения разрешать проблемы, возникающие в различных ситуациях, в том числе и социального характера – во взаимоотношениях людей, в этических нормах, при оценке собственных поступков, практической жизни при выполнении социальных ролей, при необходимости разрешать проблемы жизненного самоопределения и т. д.

В соответствии с этим подходом организация воспитательной деятельности молодежных организаций как системы характеризуется следующими особенностями:

- взаимодействие субъектов воспитания и развития личности (студента, руководителя и преподавателя);

- непрерывность функционирования и развития системы, что проявляется в переходе сформированности готовности к успешной социализации личности студентов и их переход с одного уровня на более высокий;

- взаимозависимость системы формирования готовности к профессиональной деятельности и профессиональной среды как компонента социализации;

- преемственность и разрешение целей и задач, планов и взаимодействий компонентов системы.

Структурные компоненты предлагаемой модели социализации личности студентов в системе воспитательной деятельности молодежных организаций обеспечивают высокий уровень социализации личности студентов и раскрывают внутреннюю организацию процесса: цель, задачи, содержание основных идей, организационных форм и методов – и отвечают за постоянное воспроизведение взаимодействия между элементами данного процесса,

Функциональные компоненты представляют собой устойчивые базовые связи структурных компонентов, то есть способ организации работы, функции модели, обуславливая тем самым движение, развитие и совершенствование педагогической системы.

Социализация личности студентов в системе воспитательной деятельности молодежных организаций только тогда является эффективной, когда процесс реализации комплекса организационно-педагогических условий включает следующие компоненты:

- 1) целевой – условия обеспечивают постановку и осознание цели социализация и воспитания;
- 2) мотивационный – создаются условия положительной мотивации студентов к деятельности в той или иной молодежной организации;
- 3) формирующий – реализуются условия непосредственного формирования качеств социализированной личности и всех видов деятельности;
- 4) развивающий – обеспечивается развитие всех компонентов профессиональной компетентной, образованной и социально активной личности;
- 5) результативный – реализуется условия диагностики полученных результатов и уровня социального развития студентов.

Социальная роль «студент», оставаясь базовой и определяющей для образовательного пространства высшей школы, в своем содержательно-смысловом функционале не должна

ограничиваться только лишь освоением профильной специальности и специализаций, но с необходимостью включать в себя педагогически реализуемые возможности освоения и других жизненно важных социальных ролей.

Важнейшей задачей воспитательной деятельности педагогического коллектива вуза является подготовка студента к выполнению различных социальных ролей – гражданина, семьянина, труженика, что во многом зависит от содержательно-смысловых характеристик образовательного пространства социализирующего влияния.

Образовательное пространство как социализирующий феномен представляет собой расширяющуюся содержательно-смысловую замкнутость (данность), предназначенную для передачи пребывающим в ней субъектам систематизированного опыта социокультурной жизнедеятельности. В зависимости от характера триединой центрации образовательного пространства (учебное заведение – семья – производственный коллектив), происходит содержательно-смысловая акцентность передаваемого социального опыта (научность, традиции и обычаи, вера и т. п.) и определение доминирующей формы социализации.

Субъективной констатацией факта социализирующей образовательной пространственности выступает лично развивающее взаимодействие в Диаде Ученик (сын, дочь, школьник, студент и т. п.) – Учитель (мать, отец, педагог, преподаватель, наставник и др.). Субъектной характеристикой социализирующего эффекта образовательного пространства является степень деятельностной активности личности в присвоении исторически конкретного социокультурного содержания. Ведущим механиз-

мом реализации социализирующего потенциала образовательной среды выступает совместно проектируемое проживание образовательными субъектами зон развивающих возможностей.

Заключение. Социализирующие возможности образовательного пространства вуза определяются степенью деятельностной реализации следующих педагогических принципов: социального изоморфизма содержательно-функциональной организации учебно-воспитательного процесса; опережающего соответствия содержания образования уровню развития общества; самоуправления и демократии; эвристичности образовательной среды; гуманистической ориентации воспитания.

Педагогическими условиями, способствующими реализации социализирующих возможностей образовательного пространства вуза, являются следующие: актуализация принципов самоуправления и ответственного поведения студентов; расширение спектра осваиваемых ими социальных ролей; обогащение форм и методов связи обучения с практикой.

Литература

1. Родион Р. В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010 г. 220 с.
2. Шумская Л. И. Современное студенчество: возрастные и социально-психологические особенности. М.: Психология, 2000 г. 250 с.
3. Баранов А. П. Социальная работа с молодежью. М.: Инфа-М. 2009 г. 150 с.

Поступила 14.03.2014

УДК 008:316.42

Л. В. Жарина, кандидат исторических наук, доцент (БГТУ)**ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В статье освещается проблема сохранения разнообразия культурного развития народов в условиях стремительно распространяющейся глобализации. Автор не только отмечает объективность глобализационного процесса, но и подчеркивает настоятельную необходимость противостояния необоснованной унификации и стандартизации культурных образцов. Обращается внимание на тот факт, что результатом безудержной глобализации станет появление монокультурного мира, лишённого каких-либо возможностей совершенствования.

The problem of preserving of the cultural development diversity in the age of rapidly spreading globalization is highlighted in the paper. The author notes the objectivity of the globalization process, but stresses the urgent need to confront unjustified unification and standardization of cultural patterns. The attention should be paid to the fact that the rampant globalization will result in the emergence of monocultural world devoid of any opportunities for its improvement.

Введение. Современное развитие народов характеризуется изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека. Составной частью этого процесса является модернизация, которая, кроме повышения качества своей жизни, использует и позитивные результаты опыта других государств. Бытует мнение, что заимствование чужих достижений предпочтительно в материальной сфере, но не в духовной, так как даже самые лучшие инородные образцы прогресса не смогут изменить исторически сложившуюся культуру.

Но, на наш взгляд, в данном смысле разделить материальную и духовную жизнь очень сложно, так как модернизация не только результат деятельности людей. Человек опосредованно меняется по сути, меняется его менталитет, он сам – результат модернизации. Современный прогресс сопровождается глобализацией с ее унификацией и стандартизацией обновленческих процессов. В условиях постоянно расширяющихся массовых коммуникаций, создания общепланетарного информационного пространства даже появился термин «глобально-локальное развитие».

Основная часть. Существенной частью общей культуры стала массовая культура. Но она, на наш взгляд, не способствует «окультуриванию» общества, так как благодаря ей народ превращается в массу, теряет творческий потенциал. Еще О. Шпенгер отмечал, что, воздействуя на людей, массовая культура делает их более цивилизованными, но менее культурными.

Исследователям представляется возможность преодоления кризиса культуры в обращении к истокам социокультурной жизни, к историческому отечественному опыту, который должен сработать по преодолению «отчужденности» от национальных традиций, способствовать возрождению культуры нации и обеспечить органичное сочетание этнической

специфики с лучшими образцами мировой культуры.

Культура любого народа развивается в контексте мировой культуры и содержит в себе национальное и общее начало. Она – результат совокупного творчества. Несмотря на взаимодействие культур, каждой из них присуще нечто уникальное, свойственное только ей, что выражается через субъективное отношение к своему историческому прошлому, языку, традициям, духовным ценностям. Это нечто можно назвать самоидентификацией.

Уважительный диалог культур, конечно, необходим. В начале 2001 г. ООН приняла резолюцию, в соответствии с которой принцип диалога культур должен стать одной из стратегий современных международных отношений. Расширяющиеся взаимоотношения между народами предполагают наличие межкультурной компетентности, которое включает в себя межкультурное общение на основе принципов сотрудничества, взаимное уважение, терпимость к культурным различиям и преодоление культурных барьеров.

Развернувшаяся сегодня глобализация затронула все стороны и аспекты жизни общества. Главное в ней – это все более расширяющийся обмен информацией научного, экономического, политического, лично-бытового, социокультурного и иного характера. Но значительное число тех, кто исследует социокультурные последствия глобализации, обращают внимание на тот факт, что она несет в себе ярко выраженное негативное начало. Они утверждают, что глобализация усугубляет культурное неравенство стран и народов. Дело в том, что они имеют разные стартовые возможности. Например, по уровню образования, наличию личных библиотек, частоте посещения различных учреждений культуры, обеспеченности персональными компьютерами на душу населения, доле средств, выделяемых из бюджета на нужды

культуры и образования, между странами существует очень большая разница.

Глобализация выдвинула в качестве базового принципа сосуществования различных культурных миров принцип мультикультурализма. Но приверженцы этой идеи не скрывают, что о равенстве культур речь не идет, а наоборот, в завуалированной форме проводится мысль о естественности существования культур-лидеров и культур-ведомых.

Однако новый единый образ жизни отнюдь не является простым смешением заимствованного в каждом лучшем и включением его в общую целостность. По сути своей западная культура начинает довлеть над всем остальным миром. В процессе глобализации исчезает многообразие культурного взаимодействия. По мере ее развития преобладающим становится насильственное внедрение ценностей одной культуры в систему ценностей другой культуры. В последнее время совершенно очевидно навязывание штампов американской массовой культуры. Например, 85% наиболее посещаемых фильмов – американские. Средствами продвижения культурных образцов являются кино, телевидение, музыка, интернет. Если учесть, что пользователями интернета в США являются более 240 млн. чел. (из всего населения в 340 млн. чел.) [1, с. 146], то Всемирная паутина позволяет Соединенным Штатам преобладать в продвижении информации и идей. По существу, каждый пользователь интернета знакомится, прежде всего, с точкой зрения, выработанной интеллектуальной и политической элитой США.

Рожающийся в результате глобализации мир превращается в монокультурный, лишенный каких-либо импульсов для развития, что таит в себе большую опасность. Это осознается трезвомыслящими политиками, учеными, в том числе и экспертами ЮНЕСКО, считающими, что сохранение культурного разнообразия представляет одну из важнейших стратегических задач, без решения которой вести речь об общественном прогрессе, о развитии человечества как целостности невозможно.

В связи с глобализацией понижается статус национальных языков и в качестве единственного средства межкультурного взаимодействия выдвигается английский язык, хотя он является родным лишь для 380 млн. жителей планеты (из 7 млрд. населения Земли) [2, с. 148]. Некоторые объясняют это тем, что основная масса технической документации печатается на английском языке. Но, на наш взгляд, это просто маркетинговый ход. Знание английского языка стало непременным условием получения престижного места работы. Это приводит к тому,

что другие языки, в том числе и те, которые являются официальными языками ООН, теряют свою значимость, ареал их распространения сужается, число носителей данных языков уменьшается, словарный запас становится скудным, разговорная речь и письменные тексты насыщаются чужеродными заимствованиями.

Главное негативное последствие увеличивающихся масштабов глобализации в том, что она нанесла могучий удар по базовым структурам всех национальных структур. Между тем, утверждал И. Гердер, культура народа – это цвет его бытия, изящное, но брэнное и хрупкое откровенное его сущности. В условиях расширяющегося информационно-коммуникативного пространства чем быстрее исчезают барьеры между цивилизациями, тем быстрее встает вопрос сохранения многообразия культур, поддержания равновесия между традиционными и современными культурами. И вновь все чаще взор обращается к культурно-историческому наследию.

Беларусь находится на границе двух крупных цивилизаций – западноевропейской и русской. Необходимость поддержания баланса между различными культурами создало благоприятные условия для их взаимного влияния и проникновения. Следует отметить, что синтез культур в истории белорусского общества проходил не через конфликты и войны, а в результате добровольного принятия субъектами одной культуры элементов другой.

Чтобы не раствориться в глобальном социокультурном пространстве, многие народы стремятся сохранить собственную индивидуальность. Это особенно актуально для стран переходного типа. Находясь на историческом перепутье, эти страны сталкиваются с проблемой выбора дальнейшего пути развития. Не выработав еще четкую стратегию своего дальнейшего поведения, они становятся объектом воздействия различных культурных потоков, которые хлынули на них со стороны более сильных и могущественных цивилизаций. Это же происходило и с Беларусью после распада СССР. Во время переходного периода Беларусь, как и другие страны в аналогичной ситуации, оказалась в фарватере меняющихся ценностно-мировоззренческих ориентаций.

Для того чтобы вписаться в глобальное социокультурное пространство, обществам переходного типа, в том числе и Беларуси, необходимо предпочесть такие аксиологические стандарты, которые позволят избежать культурного изоляционизма, а с другой – не превратиться в элемент унифицированной масс-культуры. Для того чтобы решить эту задачу, транзитивные

страны должны опереться на традицию как испытанный механизм сохранения и передачи социокультурного опыта. Только в таком случае они смогут сохранить собственную уникальность и в то же время вплести свои достижения в общую канву мировой культуры.

Тем более, что иногда предлагаемые образцы духовного развития – не лучшего качества. Реальностью сегодняшнего дня стала опасность нарастания планетарного кризиса, проявляющегося в духовной опустошенности, разрешении моральных устоев, межнациональных конфликтах, насилии, терроризме и т. д. Современная глобализация, связанная с переплетением мировых экономических, финансовых, информационных потоков и универсальных образцов потребления часто приводит к экологическим проблемам, маргинализации культур, росту социальной напряженности и пр. По существу, это мировоззренческий кризис.

У каждого общества существует свое видение мира. Но нынче мировоззрение подвергается трансформации, вызванной глобализацией. Требуется переход к устойчивой модели развития человеческого общества, реализация которой предполагает перестройку сознания и мышления людей, формирование новых человеческих качеств. И на этом пути, на наш взгляд, надежной опорой является собственная духовная основа. История развития нашего государства подтверждает тот факт, что для белорусов одними из важнейших приоритетов являются их традиции и культура, национальная самобытность, социокультурная и территориальная общность. Это не означает, конечно, замыкания только в собственных культурных границах. Белорусы открыты для культурного общения, но они не склонны ориентироваться только на западные или только на восточные ценности.

Геополитическое положение Беларуси таково, что она неминуемо испытывает влияние западных стран. Это следует учитывать и самостоятельно побеспокоиться о своевременном заполнении, при необходимости, образовавшихся аксиологических брешей. При выработке собственного стратегического поведения белорусам не обойтись без обращения к западному опыту, но основываться она должна на особенностях белорусского менталитета, который сложился исторически: толерантность, неагрессивность, отсутствие стремления к разжиганию

конфликтов, миролюбивость и уважительное отношение к своим предкам. Располагаясь между Востоком и Западом, Беларусь может сформировать образ модели глобализирующегося государства, которое при сохранении собственной национальной идентичности впишется в глобальное социокультурное пространство. Можно сказать, что никакая культура не может быть самодостаточной, ее творческое развитие возможно только при взаимодействии с другими культурами.

Культурный обмен между народами является неотъемлемым атрибутом развития человеческого общества. Ни одно государство не в состоянии удовлетворить культурно-эстетические запросы и потребности своих граждан без обращения к мировому культурному наследию, духовному достоянию других стран и народов. Но культурный обмен имеет две стороны: сотрудничество и соперничество. Соперничество в области культурных связей может быть не так заметно, но протекает оно не менее остро, чем в других сферах.

Заключение. В настоящее время Республика Беларусь получила возможность самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю культурную политику, разрабатывать нормативно-правовые основы международного культурного взаимодействия, заключать соглашения с зарубежными странами и международными организациями, формировать механизм их реализации. Для более продуктивной деятельности в сфере культуры Республики Беларусь создан отдел международных связей, целями которого являются следующие: развитие и координация сотрудничества с зарубежными странами в сфере культуры и искусства за пределами республики; обеспечение международных культурных связей в рамках Союзного Государства, СНГ, с международными неправительственными организациями в сфере культуры; участие в подготовке международных договоров в сфере культуры.

Литература

1. Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі: матэрыялы навуковай канферэнцыі / Бел. гос. ун-т культуры і искусств. Т. I. Мінск, 2011. 405 с.
2. Там жа.

Поступила 14.03.2014 г.

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев, профессор (ФГШ Республики Беларусь)**РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ ВЕДУЩИХ СТРАН НАТО
НА ПРИМЕНЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ**

В данной статье раскрыто развитие взглядов ведущих государств НАТО на применение вооруженных сил. Основным тезисом, определяющим эти взгляды, является исключение вероятности возникновения крупномасштабной войны в современных условиях мирового развития. Это потребовало изменения подходов военно-политического руководства ведущих стран НАТО на ведение войн, стратегию и тактику, формы и способы применения вооруженных сил. Обобщение существующих за рубежом взглядов на сущность и характер современных военных конфликтов и конфликтов будущего позволяют сделать вывод о том, что при уменьшении вероятности развязывания широкомасштабной войны с применением ядерного оружия вероятность возникновения военных конфликтов регионального и локального характера не снизится.

The article under consideration highlights the development of views of the leading NATO states on the use of the Armed Forces. The basic thesis shaping the views is elimination of probability of large-scale warfare in the modern conditions of the world development. This has required from military and political leadership of the leading NATO states to change the approaches to war conducting, the strategy and tactics, as well as to the forms and ways of using the Armed Forces. First of all, NATO military and political leadership are planning to use SOF and means of air attack. Summing up the foreign views on the essence and character of modern military conflicts and conflicts of the future allows us to draw a conclusion that the diminution of probability of a large-scale warfare doesn't entail diminution of probability of regional and local military conflicts.

Ведение. Современное военное искусство и военно-техническая политика нашего государства во многом (если не в основном) зависят от взглядов военно-политического руководства (ВПР) зарубежных государств на применение вооруженных сил. В современных условиях основным тезисом, определяющим эти подходы, является исключение вероятности возникновения крупномасштабной войны, которая бы потребовала высшего напряжения сил и полного задействования военного потенциала сторон.

Основная часть. Правильность данного тезиса подтверждают следующие сложившиеся факторы: недостижимое военное превосходство США над любым потенциальным противником; сдерживающий эффект имеющегося у ряда государств ядерного оружия; высокая затратность масштабного применения военной силы; наличие условий эффективного достижения политических и стратегических целей с использованием несиловых методов; наличие так называемых «ассиметричных угроз» и вызовов со стороны потенциальных противников, нейтрализация которых требует адекватных подходов, зачастую не предполагающих широкого применения военной силы.

Учитывая малую вероятность возникновения крупномасштабной войны, ВПР США и НАТО на основе обобщения опыта конфликтов последнего времени определило следующие подходы в области применения вооруженных сил: отказ от крупных военных кампаний (например, в Ираке и Афганистане) вследствие затратности масштабного применения военной силы; подготовка вооруженных сил

к ограниченным по масштабам «нетрадиционным войнам» при одновременном сохранении потенциала противодействия мощным противникам; в рамках обеспечения «жизненно важных интересов США» предпочтительное использование несиловых методов как стимулирующего, так и принудительного характера.

Несмотря на кажущуюся миролюбивую направленность политики США и НАТО, как показывает практика, актуальность военно-силовых методов обеспечения национальной безопасности, достижения политических, экономических и других целей вряд ли снизится. По опыту прошедших локальных конфликтов прослеживаются общие закономерности применения вооруженных сил.

На первом этапе, как правило, осуществляется организованное применение средств воздушного нападения, однако не в форме воздушной кампании (воздушной наступательной операции), а в виде систематических боевых действий авиации, осуществляемых на адаптивной основе в зависимости от развития ситуации и складывающихся условий обстановки. Важное значение придается избирательности поражения объектов путем применения высокоточных боеприпасов авиацией и беспилотными летательными аппаратами, а также крылатыми ракетами воздушного и морского базирования.

Сухопутные группировки задействуются, когда противнику нанесен урон, при котором он теряет способность к сопротивлению и не может воспрепятствовать их вводу. Соответственно, применение сухопутных группировок

в таких условиях не может иметь линейного характера и четко определяемых в пространственных и временных категориях параметров. В армиях западных государств, в первую очередь США, имеющих в этом плане большой опыт, уже разработаны специальные наставления и полевые уставы в части подготовки сухопутных подразделений к подобного рода боевому применению (FM 3-24 «Контрповстанческие действия», FM 3-07 «Стабилизационные операции», FM 3-0 «Операции»). При этом речь идет не только о специальных тактических приемах борьбы с «иррегулярным противником», но и о качественно новом, адаптированном к потребностям и условиям данной борьбы уровне оснащенности как отдельного военнослужащего, так и подразделений.

Изменение характера войн и вооруженных конфликтов с очевидным акцентом на «асимметричные действия» привело к повышению роли сил специальных операций (ССО) в достижении целей вооруженной борьбы. Анализ применения ССО в последних вооруженных конфликтах позволяет сделать вывод о расширении масштабов их задействования и увеличении объема решаемых задач. Практически все государства, входящие в НАТО, в вооруженных силах имеют компонент ССО, включающий как разведывательно-диверсионные формирования, так и формирования для ведения психологических операций и связи с гражданской администрацией.

Особую значимость в современных условиях приобрело информационное противоборство. На сегодняшний день это наиболее динамично развивающаяся сфера. Информационные аспекты (добывание информации и восприятие получения ее противником, информационное воздействие, информационная защита своих войск и информационный маневр) стали характерны для всех видов операций. Превосходство в средствах, методах, приемах и скорости обработки информации, качестве ее анализа и оценки становятся решающим фактором, способствующим внезапности, захвату и удержанию инициативы, достижению успеха, предотвращению нежелательных событий.

В рамках развития взглядов ВПР США на применение вооруженных сил принята стратегическая концепция «Единая перспектива – 2020», предусматривающая на основе достижения информационного превосходства реализацию трех новых оперативно-стратегических концепций: господствующий маневр, высокоточное сражение (бой) и всеобъемлющая защита.

В перспективе на характер вооруженной борьбы будут оказывать все большее влияние автоматически действующие (автоматизированные) системы оружия, вытесняющие человека

из непосредственного участия в сражениях и боях. Ставка будет делаться на стратегические системы, включающие достаточное количество высокоточных информационных, ударных и оборонительных сил и средств. Основные усилия в борьбе с противником будут направлять не на физическое уничтожение каждой единицы оружия, а на вывод из строя (поражение) ключевых объектов, на разрушение их единого боевого и информационного потенциала, источников интеллекта, каналов навигации, наведения, систем и средств управления в целом.

Наращивание военного превосходства США и их союзников над остальными странами, появление и массовое принятие на вооружение новых образцов ВВТ, развитие теории применения вооруженных сил, по мнению зарубежных исследователей, повлекут за собой серьезные изменения в стратегии и тактике. На них будут оказывать большее воздействие факторы гуманитарного характера. Так, для ведущих стран мира становятся неприемлемыми потери среди личного состава, не говоря уже об угрозе безопасности своего гражданского населения. Кроме того, начиная боевые действия, будущему победителю придется думать и о побежденных: жертвы среди мирных граждан могут вызвать серьезный международный резонанс, спровоцировать массовое движение сопротивления, а разрушение экономики чревато превращением побежденной страны в территорию постоянной нестабильности. Критическое значение приобретает и временной фактор, так как затягивание боевых действий ведет к потере инициативы, риску расширения конфликта как по территории, так и по составу участников, к повышению экономических, моральных и политических издержек.

С учетом новых условий и факторов военная стратегия сильного при действиях против слабого будет ориентирована не на разгром противника в ходе одной крупномасштабной кампании, а на его последовательное ослабление за счет сочетания серии ограниченных по масштабам и времени операций с мероприятиями политического, экономического и информационного характера. Это снизит вероятность выхода ситуации из-под контроля и необратимой дестабилизации обстановки, вызовет у противостоящей стороны чувство безысходности и убедит ее принять условия победителя.

Понятие театра войны утратит свое исключительно географическое значение и будет восприниматься как боевое пространство, объединяющее участки суши и акватории, часто разделенные сотнями километров, атмосферу, космос, а также информационную среду.

Воздушно-космическое пространство будет широко использоваться для нанесения ударов

и обеспечения действий войск (сил). В ходе воздушно-космических операций противнику будет наноситься наибольший ущерб, поэтому по своему значению они начнут доминировать над действиями сухопутных войск.

Вывод из строя системы управления рассматривается в качестве важного условия нанесения противнику поражения. Еще до начала военных действий должно быть завоевано полное информационное превосходство, а с их началом ставится задача достичь молниеносного стратегического и оперативного паралича управления. Массированному психологическому воздействию подвергнется в первую очередь ВПР, военнослужащие и гражданское население противника для подталкивания их к сознательному или спонтанному совершению определенных действий.

Высокая эффективность средств поражения и динамика изменения обстановки в ходе вооруженной борьбы повысят значимость упреждающей разведывательной информации. Для снижения временной задержки между получением информации и ее реализацией средства разведки и поражения будут интегрироваться в единые системы телекоммуникационными сетями, связывающими пространственно распределенные элементы.

Изменится последовательность разгрома противника: если раньше оно начиналось с решительного наступления на приграничные группировки сухопутных войск, то перспективные средства поражения позволят уже в ходе первой операции вывести из строя важнейшие элементы системы административного и военного управления, оборонно-промышленного комплекса, транспорта и энергетики на всей территории страны.

Качественно новые требования к мобильности, скрытности, гибкости, оснащенности и профессионализму боевых подразделений повлекут за собой дальнейшие изменения системы их всестороннего обеспечения. Гражданский персонал будет более активно привлекаться к решению вспомогательных задач, которые всегда относились к компетенции военнослужащих: обслуживание техники, доставка грузов, охрана и эксплуатация военных баз. Проведение операций на враждебной территории станет невозможным без военно-гражданского компонента, готового участвовать в восстановительных работах в интересах местного населения, решать первоочередные гуманитарные проблемы, поддерживать общественный порядок, воссоздавать лояльные местные органы самоуправления.

Тактика действий участников конфликтов будет определяться отношением их возмож-

ностей. Более сильная сторона попытается максимально реализовать свое техническое преимущество, нанося противнику удары без вхождения в его зону поражения. На «мозаичном» поле боя станет необходимым передавать значительную часть сил и средств, а также командных полномочий на уровень больших автономных групп и подразделений. Слабейшая сторона попытается обезопасить свои силы от ударов с использованием ВТО, рассредоточив их в густонаселенных урбанизированных районах, местах выращивания сельскохозяйственных культур. При ведении боевых действий против более сильного противника ставка будет делаться не на разгром его вооруженных формирований, а на моральное подавление, нанесение регулярного ущерба путем совершения диверсий, обстрелов, действий из засад, ведения «минной войны».

Заключение. Таким образом, обобщение существующих за рубежом взглядов на сущность и характер современных военных конфликтов и конфликтов будущего позволяет сделать вывод о том, что при уменьшении вероятности развязывания широкомасштабной войны с применением ядерного оружия вероятность возникновения военных конфликтов регионального и локального характера не снизится. В новых условиях для реализации эффективной политики сдерживания необходим более широкий спектр соответствующих сил и средств, включающих как ядерное (Российская Федерация), так и обычное высокоточное оружие, гарантирующих нанесение противнику ощутимого ущерба. Кроме того, быстро меняющаяся обстановка потребует при отстаивании национальных интересов прибегать не только к сдерживанию потенциальных агрессоров, но и своевременному ведению превентивных действий, для чего необходимо совершенствовать свое военное искусство, вооружение и технику.

Литература

1. Круглов В. В., Сосновский М. Е. О тенденциях развития современной вооруженной борьбы // Воен. мысль. 1998. № 2. С. 39–45.
2. Евдаков В. И., Мещеряков С. Д. Характерные черты и особенности войн начала XXI века // Вестн. Акад. воен. наук. 2008. № 3 (24).
3. Паршин С. А. Современные тенденции трансформации сухопутных войск США. М.: ЛЕНАНД, 2011. 270 с.
4. Паршин С. А., Горбачев Ю. Е., Кожанов Ю. А. Современные тенденции развития теории и практики управления в вооруженных силах США. М.: ЛЕНАНД, 2009. 272 с.

Поступила 28.02.2014

УДК 378:37:008

Е. А. Гринева, кандидат педагогических наук, доцент (УлГПУ, Россия)**ПОЛИЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
СУЩНОСТЬ, ГЕНЕЗИС, ПОДХОДЫ**

В статье рассматриваются различные подходы к разработке новой теории воспитания, в которой существенное место отводится поликультурному направлению. Раскрыто определение основных понятий: «культура», «поликультурное образование», «этнос», «полиэтническое образование», «полиэтническая образовательная среда». Показана роль общественных дисциплин в формировании поликультурного сознания личности студента. Автор опирается на работы Н. Бердяева, Э. Геллнера, И. Гобозова, Ю. Лотмана и др.

The various approaches to the development of a new theory of education are discussed in the article. The multicultural direction is especially accented. The definitions of such basic concepts as «culture», «multicultural education», «ethnicity», «multi-ethnic education», «multi-ethnic educational environment» were developed. The role of social sciences in formation of the consciousness of multicultural student's personality has been shown. The author relies on the works of Berdyaev, E. Gellner, I. Gobozova, Lotman and others.

Введение. Обращенность современного общества к культуре, человеку, его духовному миру становится доминантой цивилизованного развития. Россия в настоящее время находится в состоянии поиска новой национальной идеи, пытается преодолеть кризисное состояние в различных сферах жизни. Начало XXI в. характеризуется смещением акцентов с интересов государства на интересы личности. В связи с этим очевидной становится необходимость разработки новой теории и практики воспитания, в которой поликультурность выступает в качестве императива развития целостного культурно-образовательного пространства.

Основная часть. В связи с многонациональностью России одним из путей преодоления духовно-нравственного кризиса общества является поликультурное образование. Актуализация этнических компонентов в социокультурном развитии российского общества, претерпевающего коренные изменения во всех сферах жизни на протяжении последних двух десятилетий, объективно обуславливает потребность в обращении к этнокультурным корням и их востребованность в воспитании подрастающего поколения. Гетерогенное по своему социальному, этническому, языковому составу общество способно выжить и эффективно существовать лишь при условии мирного сожительства представителей различных этносов, культур и языковых групп. Это реализуется посредством самоидентификации человека с определенным этносом, изучения и принятия другой культуры. Для будущего России необходимым является осознание общечеловеческого базиса различных культур, что будет способствовать консолидации народов России и формированию гражданского общества. В последнее время политика государства стала целенаправленно развивать и внедрять инициативы по

возрождению культурного своеобразия каждого народа и формированию гражданской идентичности. В ежегодном послании к Федеральному Собранию РФ В. В. Путин отметил: «Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией... Нам нужно опереться на богатство российской культуры. Россия принадлежала и принадлежит к тем странам, которые не только формируют свою собственную культурную повестку, но и оказывают влияние на всю мировую цивилизацию. Государственная политика в этой сфере должна быть направлена на решение актуальных общественных задач. Мы обязаны четко знать и отвечать на запросы современного общества, особенно молодежи, укреплять традиции народов России» [1].

Процесс формирования полиэтнической культуры учащихся в образовательной среде будет эффективным, если он осуществляется в ходе поликультурного образования, предусматривающего «...формирование человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований» [2].

Для более глубокого осмысления необходимо рассмотреть сущность основных понятий, используемых в ней – это «культура», «поликультурное образование», «этнос», «полиэтническое образование», «полиэтническая образовательная среда».

А. И. Кравченко дает следующее определение: «Культура (от лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание),

исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Понятие «культура» включает в себя предметные результаты деятельности людей (машины, сооружения, произведения искусства), а также человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственное и эстетическое развитие, мировоззрение, способы и формы общения людей) [3, с. 270–271]. По мнению М. С. Кагана, отечественные ученые считают, что культура имеет три уровня функционирования: общий (характеризует способ существования человечества), особенный (культура воплощает совокупность достижений макро- или микрогруппы) и единственный (культуру отдельной личности). Автор подчеркивает, «что в реальном существовании культура предстает перед нами не как «культура вообще» – таков лишь ансамбль ее инвариантных, сущностных черт и свойств – а как культура нации, культура сословия, культура детства, культура средневекового горожанина, культура современных политиков и т. д. и т. п.» [4, с. 15].

Анализируемый материал позволяет сделать вывод: при всех различиях в нюансах наиболее существенными атрибутами культуры признаются глубокое, осознанное и уважительное отношение к наследию прошлого, способность к творческому восприятию, пониманию и преобразованию действительности в той или иной сфере деятельности и отношений, связь культуры и образования [5, с. 10].

Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с критикой ранее господствовавших мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны без изменений в культуре. В качестве социального индивида человек является творением культуры. Он становится личностью только благодаря усвоению транслируемого в культуре социального опыта. Такое усвоение осуществляется в процессе социализации, обучения и воспитания. В этом процессе происходит сложная стыковка биологических программ, характеризующих индивидуальную наследственность, и надбиологических программ общения, поведения и деятельности, составляющих своего рода «социальную наследственность» [6, с. 345]. По мнению В. А. Ершова трудно назвать какую-нибудь общественную дисциплину, которая бы не затрагивала проблемы поликультурной среды прямо или косвенно. Особое место

среди них занимают философия, философия культуры, история, этнография, социология, культурология, психология и все в большей степени педагогика. Знакомство с исследованиями поликультурных сообществ позволяет сделать вывод, что ни один автор, анализируя такие явления современной цивилизации, как культура, диалог культур, поликультурная среда, столкновение культур, взаимодействие и взаимовлияние культур и т. д., не может игнорировать результаты исследования проблем культуры большинством смежных наук [7, с. 39].

В философии основой исследований культурного многообразия послужили т. н. циклические теории культурного развития, которые впоследствии оказали сильное влияние на исследования проблем развития общества, культуры, цивилизации. Под культурными циклами понимается определенная последовательность фаз изменений и развития культуры, которые закономерно следуют одна за другой. Н. Данилевский стал родоначальником циклических теорий в современной историографии и науки о культуре. За ним следовали О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, Л. Гумилев. Общим для них было представление об «исторических индивидуальностях», каковыми являются все культурные целостности, и о наличии жизненного цикла у каждой из этих целостностей.

В начале XXI в. философия ставит перед собой задачу поиска новых подходов, которые бы не только признали право каждой культуры на существование, но и наладили бы равный диалог между культурами, ведущий к взаимообогащению и развитию культурных сообществ.

В социологии культура трактуется как социальный институт, который дает обществу системное качество, позволяет рассматривать его как устойчивую целостность, отличную от природы. Культура рассматривается с точки зрения ее функционирования в конкретной системе общественных отношений и институтов, определяющих роли и нормы поведения людей в обществе. В ряде концепций подчеркивается роль культуры как источника информации в единстве с ее переработкой, интерпретацией и трансляцией. Культура рассматривается и как механизм передачи социального опыта. Уже несколько десятилетий социология признает наличие обществ, в которых сосуществует множество культур, понятие поликультурного общества используется только в последние годы и крайне редко. Чаще всего отечественные социологи оперируют понятием «многообразие культур». Одной из социологических проблем является оценка людьми другой культуры. А. А. Радугин и К. А. Радугин подчеркивают, что зачастую люди склонны оценивать

другие культуры через призму своей собственной. Такую позицию принято называть этноцентрической.

Историки же освещают становление единого исторического пространства. Так, И. А. Гобзов в своей книге «Введение в философию истории» связывает проблему становления исторического пространства с проблемой становления единой мировой истории.

В современном мире человечество идет путем формирования единого исторического пространства. Все страны и народы, так или иначе, сотрудничают в области экономики, политики и культуры. История предоставляет огромный фактический материал, оперируя которым все общественные науки выстраивают свои рассуждения по поводу складывания и развития поликультурной среды. Психологическая наука изучает проблемы межкультурного взаимодействия примерно с середины XX в., когда проявился интерес к межкультурной адаптации индивидуальных переселенцев и «визитеров». Речь идет о многочисленных исследованиях приспособления к новой культурной среде. Успешное приспособление определяется как ощущение гармонии с окружающим, а основное внимание уделяется анализу чувства удовлетворенности, психологического благополучия и душевного здоровья «чужака». Термин «культурный шок» был введен К. Обергом (1960), который исходил из идеи, что вхождение в новые культуры сопровождается неприятными чувствами (потеря друзей, статуса и т. п.), путаницей в ценностных ориентациях и собственной личностной идентичности.

Культурология как наука формируется в середине XX в., до этого проблемами культуры прямо или косвенно занимались все науки об обществе и человеке. Одной из самых значительных проблем в современной культурологии является проблема диалога культур в поликультурной среде. Это, прежде всего, связано с возрастанием роли культуры в сохранении цивилизации. А. И. Арнольдов подчеркивает, что «культура – это сфера человеческой деятельности, которая испокон веков объединяла людей, консолидировала народы, позволяла лучше понять друг друга».

Педагогическая наука и практика не могут не учитывать при построении своей деятельности потребностей общества и цивилизации. Происходящие процессы интеграции и дифференциации в странах Европы и на территории

бывшего СССР ставят перед педагогической наукой и практикой задачи создания условий для подготовки новых поколений к жизни в открытом поликультурном обществе. При этом важнейшим аспектом интеграции является духовное сближение народов. В сложившемся поликультурном обществе и образовательное пространство должно строиться с учетом поликультурной среды.

Заключение. Таким образом, образование есть результат культурного развития человечества, в ходе его создаются новые единицы культуры, соответствующие базису общечеловеческой, мировой, национальной и других культур. Человек посредством образования распредечивает культуру, у него формируются культурные способности через присвоение смыслов культуры индивидуальным носителям. В образовании как явлении цивилизации происходит ориентация на развитие личности, что превращает культуру в важнейший фактор духовного обновления как общества в целом, так и отдельной личности.

Литература

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос. Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
2. Макаев В. В., Малькова З. А., Супрунова Л. Л. Поликультурное образование – актуальная проблема современной школы // Педагогика. 1999. №4. С. 3–10.
3. Кравченко А. И. Культурология: Словарь. Изд. 2-е. М.: Академический проспект, 2001. 672 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. 416 с.
5. Степанова О. Н. Формирование этнокультурной компетентности детей старшего дошкольного возраста в процессе изобразительной деятельности: автореф. дис. ... кандидата пед. наук: 13.00.01. Якутск, 2007. 22 с.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс. А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2001. Т II. 634 с.
7. Ершов В. А. Поликультурное образование в системе общеобразовательной подготовки учащихся средней школы: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2000. 29 с.

Поступила 14.03.2014

ФИЛОСОФИЯ

УДК 113/119:008

П. А. Водопьянов, доктор философских наук, профессор (БГТУ)

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ БИОСФЕРНОГО ВЕКА

В статье раскрыты причины кризисных явлений в жизни общества, показано, что одной из основных причин такого рода негативных явлений служат сложившиеся мировоззренческие и ценностные ориентации во взаимодействии общества и природы. Особое внимание уделено раскрытию причин духовного кризиса человека, обоснована необходимость поиска новых путей социально-экономического развития на основе учета закономерностей эволюции биосферы и формирования нравственности нового типа.

The article gives the analysis of the causes of the global society crisis. The fact is that the main cause for such negative trend is the sort of worldview and value orientation in the interaction of nature and society. The author pays special attention to analysis of the causes of humanity value crisis, justifies the necessity of new social and economic development research based on accountment of the laws of the biosphere evolution and foundation of the new kind of moral.

Острота современной экологической ситуации, кризисные явления в экономической, политической, духовной и других сферах жизни современного общества свидетельствуют о том, что судьба цивилизации зависит от выбора направлений дальнейшего развития человечества. Достижения научно-технического прогресса позволили достичь высоких уровней жизни и превратили человеческую деятельность в огромную геологическую силу, приведшую к разрушению и деградации природы. В этих условиях в зависимости от того, сможет ли человечество справиться с опасностями, порожденными наукой и техникой, зависит его ближайшее будущее.

Одной из основных причин такого рода негативных явлений, представляющих опасность для нормальной жизнедеятельности людей, является внутренний кризис самого человека, его стремление обеспечить свое благополучие за счет интенсивного использования ресурсов природы и их нерационального использования. Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человека и природы порождены самим человеком, его стремлением безрассудно пользоваться ее дарами и максимально быть независимым от природы.

Именно поэтому в настоящее время возникает необходимость поиска новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на биосферу.

В производственной сфере крайне важна новая модернизация, которая ориентирована на создание производств, вписывающихся в структуру биохимических циклов биосферы. Речь идет о создании новых технологий экологизированного типа, существенно снижающих

загрязнение окружающей среды и ориентированных на повышение производительности ресурсов. Поэтому в настоящее время обойтись без достижений научно-технического прогресса вряд ли возможно. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что преодоление экологических затруднений во взаимоотношениях человека и природы сугубо техническими средствами лишь одно из необходимых условий достижения стабильного будущего.

Не менее важную роль в реализации этой цели играет и формирование новой нравственности людей, отвечающей новым требованиям в сфере оптимального природопользования. Формирование нравственности нового типа, основанной на глубоком понимании места человека в биосфере, немыслимо без широкой образованности людей, их отношения к природе как особой ценности, от которой зависит их нормальная жизнедеятельность и здоровье.

Утверждение новой нравственности предполагает преодоление антропоцентристской ориентации, которая была всецело направлена на утверждение господствующего человека в природе. Антропоцентризм как мировоззренческая установка складывался на протяжении столетий и продолжает свое победное шествие до сих пор. Преодоление такого рода мировоззренческой установки, согласно которой природа создана всецело для удовлетворения потребностей человека, не учитывает того бесспорного факта, что последняя есть его «неорганическое тело», что сам человек, по словам Ф. Энгельса, всей плотью и кровью принадлежит природе. Именно поэтому, формирование новой нравственности, нового отношения к природе предполагает отказ от антропоцентристской

ориентации на основе установления гармоничного отношения человека к природе и установления системы запретов на характер человеческой деятельности и изменение форм хозяйственной деятельности. Господствующие до сих пор во многих сферах экономики рыночные отношения ориентированы на получение сиюминутной выгоды и не учитывают отдаленные последствия человеческой деятельности, поскольку они всецело ориентированы на получение максимальной прибыли. И хотя они позволили обеспечить колоссальные успехи в обеспечении материального благополучия, однако привели к разрушению и деградации природы. Именно поэтому рыночные отношения должны быть подвергнуты сознательному регулированию, учитывающему характер рационального природопользования.

В настоящее время перед человечеством нависла смертельная опасность для его существования, которая в состоянии стереть с лица Земли само существование вида *Homo sapiens*. Нарастающее загрязнение окружающей среды, недостаток продовольствия и водных ресурсов, наступление пустынь, уничтожение биологического разнообразия и лесных территорий, изменение климатических условий – эти и многие другие опасные тенденции угрожают ближайшему будущему цивилизации.

Не вызывает сомнения и то общеизвестное обстоятельство, что человечество способно обеспечить свое нормальное существование на планете лишь в условиях сохранения достаточно узких параметров окружающей среды (давления, температуры, влажности, и т. д.), которые сформировались в ходе длительного исторического развития. Поэтому человечество, как и любой другой вид, имеет свою собственную экологическую нишу, т. е. свою систему взаимоотношений с окружающей средой, законы развития которой человек обязан учитывать в своей практической деятельности и отступление от которых может иметь катастрофические последствия.

В настоящее время достижения научно-технического прогресса привели к резкому обострению противоречий во взаимоотношениях человека и природы, представляющих реальную угрозу дальнейшему существованию людей. Уже сегодня многие регионы на планете можно без преувеличения отнести к зонам экологического бедствия, в которых невозможна нормальная жизнедеятельность людей. Стремительно нарастает экологический кризис как следствие несоответствия законов социально-экономического развития законам эволюции биосферы, происходят кризисные явления в экономической, социальной, политической,

энергетической, продовольственной и духовной сферах жизни общества. Эти опасные тенденции в развитии современного общества, во многом обусловленные сугубо потребительским вектором социально-экономического развития, со всей остротой и значимостью выдвигают вопрос о перспективах ближайшего будущего цивилизации.

Дальнейшая судьба цивилизации зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь – путь согласования социально-экономического развития в соответствии с законами биосферы.

Анализ реального положения дел, сложившихся в развитых странах, показывает, что предпочтение, к сожалению, во многих случаях отдается второму варианту, ориентированному на сохранение и достижение высоких уровней потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового края, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Потребность изменения сложившихся стереотипов мышления по отношению к природе диктуется необходимостью обеспечения стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. Однако в настоящее время не произошло существенных изменений в сфере социально-экономического развития различных стран: нарастает разрыв в потреблении между бедными и богатыми странами, все более усиливаются межнациональные конфликты на международной арене, вспыхивают и разгораются военные действия во многих регионах мира, со всей остротой обнажились грозные очертания экономического кризиса, затронувшего практически все страны мирового сообщества.

Достижения современной науки позволили избавиться от большинства болезней, снизить опасность военных действий, предотвратить кризисные явления во многих сферах жизни

современного общества в целях достижения безопасного будущего.

Однако, несмотря на эти достижения, в реальности не происходит осуществления этого, казалось бы, простого и безопасного пути дальнейшего развития человечества. Все величайшие достижения науки, в первую очередь, использовались в военных целях для овладения чужими богатствами и ресурсами, начиная от Великих Географических открытий, захвата колоний и кончая новыми формами неоколониализма и распространением военных действий в различных регионах планеты

Сотни миллионов людей умирают от голода и болезней, в то время как на военные нужды, направляются колоссальные средства, которые можно было бы затратить на искоренение нищеты и голода.

Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны, в первую очередь, с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего. Выход из такого рода затруднений связан не столько с решением социально-экономических, экологических или даже геополитических проблем, а с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Иными словами, для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо, в первую очередь, направить усилия на разрешение духовного кризиса, который породил глобальные проблемы, обострившиеся в последние годы. За чрезмерный комфорт и высокие уровни жизни человечеству приходится расплачиваться "ухудшением биологического качества популяции". Снижение действия естественного отбора привело к тому, что жизнеспособность людей всё сильнее зависит от качества медицинского обслуживания, гигиенических мероприятий и других услуг.

Данные медицинских исследований показывают, что практически все заболевания, которые ранее относились к людям пожилого возраста, все чаще затрагивают более молодых людей. Это касается онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, болезней опорно-двигательного аппарата и др.

На состояние здоровья людей оказывают влияние в основном два существенных фактора. Одним из них является загрязнение и ухудшение качественных параметров окружающей среды, связанных с интенсивным развитием промышленности и сельского хозяйства. применением ядохимикатов и удобрений в сельском хозяйстве и многими другими мероприятиями.

Различного рода химические соединения и токсичные вещества в результате круговорота веществ попадают в организм человека и оказывают негативное влияние на его здоровье, приводя к появлению все новых заболеваний.

Другая группа факторов биологической деградации человека связана с употреблением недоброкачественной пищи, в которую попадают не только химически вредные вещества, но и использование различных химических соединений, добавляемых для сохранения вкусовых качеств и более длительного хранения продуктов.

На биологическую деградацию человека, связанную с его умственной деградацией, оказывает влияние и компьютерная зависимость, угрожающая здоровью людей. По мнению некоторых ученых, человечество теряет свои эмоциональные и интеллектуальные способности из-за наличия мутации, которая способствует функциональной активности генов, обеспечивающей нормальную работу мозга человека. Негативное влияние на нормальную жизнедеятельность людей оказывает и пользование Интернетом и гаджетами, снижающими память и способность к мышлению.

Не вызывает сомнения и тот факт, что дальнейший прогресс в области научно-технических достижений (генная инженерия, нанотехнологии, робототехника и др.) чреват непредсказуемыми последствиями и злоупотреблениями. Выход из такого рода опасных тенденций развития общества возможен при условии утверждения новых ценностных ориентаций, основанных на учете требований законов биосферы, определяющих возможность становления новой цивилизации.

Достижение этой цели вызывает необходимость изменения сложившегося вектора развития цивилизации и ее перехода на путь гармоничной социоприродной эволюции на основе утверждения биосферного мышления и нового образовательного общества.

Приближение биосферного века призвано изменить антропоцентристскую ориентацию в использовании природных ресурсов, поскольку сугубо количественная ориентация на экономические показатели привела к тому, что объемы потребления природных ресурсов уже превысили допустимые нормы и во многих случаях приводят к разрушению и деградации окружающей среды в различных регионах мира. В целях достижения безопасного развития общества необходимо добиваться того, чтобы пределы использования невозобновимых ресурсов не превышали темпы их замещения возобновимыми. Это касается и возобновимых ресурсов, пределы использования которых должны компенсироваться их естественным воспроизводством.

Разумное самоограничение, самодостаточность, необходимость сохранения пригодной для обитания среды – наиболее характерные черты экологического мышления, основанного на осознании взаимосвязанности и взаимозависимости процессов, протекающих в биосфере.

Утверждение экологического мышления тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование мировоззрения и образа жизни, которые утверждают приоритетную ценность человека не только по отношению к самому себе и другим людям, но и по отношению ко всем живым существам и биологическим видам.

В настоящее время человеческая деятельность достигла таких размеров, которые подрывают механизмы саморегуляции биосферы и приводят к тому, что последняя не в состоянии нейтрализовать ее негативные последствия. Поэтому решение экологических коллизий во взаимоотношениях общества и природы предполагает необходимость радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и ценностных установок, ориентированных на уменьшение масштабов человеческой деятельности и снижение индустриального воздействия на биосферу.

Важную роль в преодолении экологических коллизий во взаимодействии общества и природы и выборе путей развития цивилизации играет коэволюционная стратегия – стратегия сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы, достижение которой предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития в целом. Интенсивное потребление природных ресурсов, господствующее в сфере природопользования до сих пор, не может быть признано обоснованным, поскольку оно послужило одной из причин деградации и разрушения природных экосистем. С позиций коэволюционной стратегии необходим переход на интенсивный путь экономического развития, связанный с увеличением производительности ресурсов, их экономного потребления и утилизации.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. В более широком плане важно добиваться того, чтобы объемы потребления природных ресурсов компенсировались их воспроизводством и искусственным восстановлением. Такого рода ориентация

в изменении вектора социально-экономического развития направлена на согласование человеческой деятельности с природными закономерностями.

Предотвращение негативных последствий человеческой деятельности предполагает необходимость создания экологически безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, представляющим особую опасность для людей. В тех случаях, когда масштабы человеческой деятельности значительно превосходят ассимиляционные возможности природных экосистем, необходимо снижение антропогенной нагрузки либо вовсе ее прекращение. В противном случае в природе произойдут необратимые изменения, приводящие к ее деградации.

Знание подобного рода тенденций в изменении структуры экосистем подсказывает стратегию природопользования, ориентированной на сохранение благоприятной окружающей среды, на основе согласования масштабов человеческой деятельности в соответствии с возможностями природы. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и в сфере образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Утверждение нового способа видения будущего, осознание остроты современной экологической ситуации возможно на основе изменения сознания и мировоззрения людей, нравственно поведенческих норм и ориентиров, учитывающих необходимость внедрения эколого-безопасного развития в различных отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, при добыче и использовании природных ресурсов, а также в социальной практике, в организации международного сотрудничества.

Особое значение в реализации идей коэволюционной стратегии имеет научно-образовательная система, ориентированная на выживание человечества и прогнозирование ближайшего будущего. Только при этом условии открывается возможность реализации упреждающих управленческих действий, направленных на предотвращение кризисных явлений в жизни.

Поступила 17.03.2014

УДК 1:572.1/4

В. П. Шалаев, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий
(Поволжский государственный технологический университет, Россия, г. Йошкар-Ола)

**СИСТЕМА «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК»: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
(НЕСКОЛЬКО ТЕЗИСОВ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ):
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

В статье на основе широкого круга привлеченных научных источников как отечественных, так и зарубежных исследуются актуальные глобальные метаморфозы современности в системе «Человек – Человек». Эти глобальные метаморфозы в силу их фундаментального влияния на человека и общество, получили в современной науке статус глобальных проблем современности и, несомненно, являются отражением процессов, происходящих с самим человеком, с самой его человеческой сущностью. Какие конкретно вызовы сложились, каковы их причины и пути дальнейшего развития – таковы основные вопросы исследуемой темы.

The summary. In article, on the basis of a wide range of the involved scientific sources, both domestic, and foreign, actual global metamorphoses of the present in system «Man – Man» are investigated. These global metamorphoses owing to their fundamental influence on the person and a society, have received in a modern science the status global present problems, and, undoubtedly, are reflexion of processes occurring with the person, with the most human essence. What particularly calls have developed, what their reasons and ways of the further development – are that the basic questions of an investigated theme.

Введение. Система «Человек – Человек» богата иллюстрациями глобальных проблем современности. И также, как и в системе «Человек – природа», мы встречаем в этой системе ясные последствия процессов, происходящих, прежде всего, с самим человеком в его новейшей истории. Ведь общество не что иное, как зеркальное отражение процессов происходящих с его главным носителем и основанием – человеком. В самом общем виде к этим проблемам можно отнести те, что охватывают взаимосвязи и процессы, происходящие в системе собственно человеческих отношений на всех их уровнях и сферах реализации. К ним с полным правом мы можем отнести следующие: рост унификации и упрощение этнокультурного поля мира, уменьшение его внутреннего разнообразия; разрушение системы нравственных ценностей и регулятивов в человеческом обществе посредством вытеснения их механически - потребительскими подходами к жизни; разрушение человеческой субъектности в отношении с миром созданных человеком материальных и духовных ценностей и связей; нарастание симптомов биогенетического и социогенетического вырождения человека и другие.

Здесь, прежде всего, нельзя не выделить именно проблемы, происходящие с самим человеком и его сущностными силами. Важной проблемой современного человечества, носящей системный характер (особенно в его западной составляющей), выступает опасность «антропогенной катастрофы», непосредственно связанной с самим человеком как субъектом (духовным и практическим существом). Проблема эта раскрывает себя, прежде всего, в связи

с чрезвычайным ростом сложности отношений человека с миром.

Основная часть. Тема сложности давно получила прописку в современном социально философском знании. Ее разработчиками стали, прежде всего, исследователи в области философских проблем синергетики, теории самоорганизации. Сложность и ее вызовы – центральная тема современного социально-философского знания. Именно сложность многие современные исследователи стали считать сегодня главным из вызовов человеку в его актуальном и перспективном бытии. Так, по мнению французского мыслителя Ж.-П. Кантена, «настало время сложных систем, которые порождают развеществление и расширяют его, а оно, в свою очередь, способствует возрастанию сложности...» [1, с. 207].

Проблему гиперсложности современного общества фиксируют и отечественные исследователи. В частности, В. И. Варшавский и Д. А. Поспелов, анализируя информационные основы управления современным обществом, отмечают, что «сложность систем, которыми в настоящее время пытается управлять человечество, достигла такого порядка, что централизованное управление ими становится невозможным из-за огромного потока информации, подлежащей переработке центральным управляющим органом и передаче по каналам связи» [2, с. 33].

Сущностным образом фиксирует эту проблему и М. Хайдеггер, исследующий обратные связи человека и техники. Ученый отмечает, что техника, конструируя «технический мир», в котором она победоносна и универсальна, подчиняет своему диктату едва ли не все

пространство бытия. Ее логика проникает в социальное и человеческое измерение истории, а инструментальный разум порождает все сознание эпохи [3, с. 87]. Но главная опасность, по мнению М. Хайдеггера, не в технике, а в непонимании ее сущности, ее фетишизации. На опасность, исходящую от техники, указывает и К. Ясперс, подчеркивающий, что «техника стала ни от кого не зависящей, все за собой увлекающей силой. Человек подпал под ее власть, не заметив, что это произошло и как это произошло» [4, с. 145].

Л. Мэмфорд, в частности, отмечает, что «человек из активно функционирующего животного, использующего орудия, становится пассивным, обслуживающим машину животным...», во все большей степени подпадающим под влияние «деперсонализированных коллективных организаций» [5, с. 225]. По мнению В. А. Кутырева, современная цивилизация все более выхолащивает из человека «человеческое» в его сложном биосоциальном единстве. «Быть материалистом сегодня – консервативно, реакционно и человечно. А идеалистом – динамично, прогрессивно и технологично», – отмечает ученый [6, с. 140].

М. Мамардашвили отмечает, что «антропологическая катастрофа может произойти и частично уже происходит в силу нарушения законов, по которым устроено человеческое сознание и связанная с ним «перестройка», называемая цивилизацией» [7, с. 107]. С другой стороны, катастрофа эта может быть сформулирована и как психо-рациональный кризис современного человека, характеризующий психологическое отставание человечества от его интеллектуального развития.

По мнению Г. Маркузе, столкновение инстинкта жизни и инстинкта смерти в мире возрастает. Современная цивилизация питается энергией, отнятой у Эроса посредством ее десекуляризации и сублимации, ведя к фатальному ослаблению Эроса в пользу Танатоса. Тем самым прогресс цивилизации – это удар против самой же цивилизации, являющейся по своей сути цивилизацией «репрессивной». Существенно при этом, что «Эрос и Танатос предстают как два основополагающих инстинкта, чьим вездесущим присутствием и непрекращающимся слиянием (и распадом) характеризуется процесс жизни...» [8, с. 18]. И тот и другой важны, но победа Танатоса есть смерть человека. Именно поэтому так необходима, по мнению Г. Маркузе, борьба за Эроса, приобретающая в социальной жизни характер политической антиадминистративной борьбы за неподцензурное, не поддающееся манипуляциям знание, сознание [8, с. 308, 309].

Все это есть неотъемлемая составная часть «антропологической катастрофы», во многом связанной не только с господством культуры как «подавления» принципа удовольствия (З. Фрейд, Г. Маркузе), но и с отрывом человека от традиционно сформировавшихся форм общественного бытия, разрушением его связей с природой.

К. Лоренц отмечает в этой связи, что «всеобщее и быстро распространяющееся отчуждение от живой природы в значительной мере повинно в эстетическом и этическом очерствлении цивилизованного человека. Откуда возьмется у подрастающего человека благоговение перед чем бы то ни было, если все, что он видит вокруг себя, – это дело рук человеческих, и при том весьма убогое, безобразное?» [9, с. 42].

«Контроль в свои руки» – неизбежность, с которой, в частности, связан и феномен появления в современной науке и системно-синергетической парадигмы, соединяющей в себе не только методолого-теоретическую, но и регулятивно-практическую функцию. Но вопрос готовности человечества к этой новой функции все еще остается открытым. Об этом говорят и процессы, происходящие в социальной структуре современного общества.

Оригинально с системно-синергетических позиций может быть проинтерпретирован, в частности, феномен всеобщей маргинализации социальных и культурных структур современного общества.

На наш взгляд, особенность социальной и связанной с ней, например, этнонациональной структуры современного общества заключается как раз в том, что промежуточность и «пограничность» стали важнейшими чертами наиболее массового социального слоя общества. Важнейшей причиной появления «маргинального человека» явились фундаментальные изменения в области социальной жизни людей, связанные с феноменом урбанизации современной цивилизации и формированием массовой культуры. Именно это характеризует современную эпоху как эпоху переходного характера.

Но нельзя не заметить и огромный потенциал «маргинального человека», который может стать важнейшей предпосылкой возникновения новой социально-классовой структуры общества, а возможно, и этнонациональной структуры. В этом смысле маргинальность есть, по-видимому, феномен вообще всех переходных эпох человеческой истории (позитивной, во всяком случае). В социально-синергетическом прочтении этому типу человека в значительной степени соответствует бифуркационный тип личности [10, с. 96–105].

Особую актуальность в системе «Человек – Человек» имеет выход широких масс населения к науке, культуре, образованию, управлению, названная Х. О.-и-Гассетом «восстанием масс», которые, на его взгляд, совсем не готовы к своему новому положению в обществе. Кризис исторического времени, в которое вступила современная цивилизация, по мнению ученого, связан, прежде всего, с двойственным мироощущением людей. С одной стороны, они уверены в себе, а с другой – не уверены в своем предназначении. Кризис сопровождается и обычным столкновением поколений, их непониманием друг друга [11, с. 14, 65]

Анализируя системно-культурный аспект данной проблемы, российский исследователь А. С. Панарин еще в конце XX в. отмечал, что «парадокс последнего десятилетия выражается в том, что ожидание «нового мирового порядка» завершается великим беспорядком разбалансированного мира конца XX века» [12, с. 12]. По мнению ученого, выход из сложившейся ситуации заключается в восстановлении статуса культуры «как системы долгосрочных ориентиров, норм и стимулов, высвечивающей и охраняющей горизонт» [12, с. 13].

Социально-психологический аспект данной проблемы разрабатывает другой отечественный исследователь Г. Г. Дилигенский. Он подчеркивает, что время выхода широких масс к благам цивилизации обернулось ростом индивидуализации общества, ломкой прежних устоявшихся «традиционных моделей группового человека». Связанная с этим реальность означает выход современного социума на новые рубежи, по существу переход к новой цивилизации. Современный человек, который в значительной степени ориентируется более на складывающуюся ситуацию, чем на устойчивую систему внутренних ценностей. Для современного человека свойственно явление мировоззренческого вакуума [13, с. 40–41].

Ускорение темпов жизни, (свойственное современной городской цивилизации), рождает чувство эфемерности и непостоянства всего. Господствующим принципом при этом становится принцип «использовал - выбросил», который распространяется на отношения человека к вещам, на представления, идеи, людей [14, с. 57].

Особый аспект данной темы обретает себя в метаморфозах, свойственных самосознанию современной молодежи, характеризующемуся конфликтностью, отражающей хаос общественной жизни. Молодежь имеет возможность принимать участие в любых изменениях общества, повышая тем самым бифуркационность общественной жизни. Молодежная субкультура

играет роль фазы проб и ошибок, которую в ходе своей социализации должен пройти каждый человек.

Все большую актуальность в области отношений современных народов и культур приобретает в этой связи проблема «супербольшого общества», сопряженная с проблемой выживания человеческого рода. В этой связи весьма актуально звучит идея, например, А. С. Ахиезера, отмечающего, что «возникновение большого общества – результат чрезвычайных обстоятельств: необходимости гигантских сооружений, угроз гибели и завоевания и т. п.» [15, с. 5]. Так было до сих пор на всех витках человеческой истории и в глобальном отношении объективно назрело на рубеже XX–XXI вв.

Важнейшей чертой такого общества является формирование системы мировых интегративных ценностей, способных объединить народы и культуры различных уровней и форм цивилизационного развития. Центральной из этих ценностей может стать, например, освоение человечеством принципа экологического императива, идеи «многомерного диалога» в обществе и диалога вообще как принципа существования человеческой цивилизации, сформулированного в синергетике.

Пока же разнообразие культур и цивилизаций, являющееся с позиций системно-синергетического видения мира безусловным благом для эволюции человеческого рода, включает в себе потенциальную угрозу их существованию. Эта проблема с особой остротой проявляется на фоне надвигающегося экологического кризиса в системе «Человек – Природа». Данный кризис «можно рассматривать в ракурсе соответствия способности пра-человека, тех или иных популяций принять экологический императив, подчинить ему свою жизнедеятельность» [16, с. 6].

Сегодня очевидно, что идущая вестернизация (американизация) западного мира и интересы самобытных этнических культур находятся в существенном противоречии. С системно-синергетической точки зрения, идет процесс взращивания аттрактора (в данном случае – центрального направления в тенденциях культурного развития современного мира). Законы же его развития в соответствии со складывающейся ситуаций (стремлением западных стран достичь уровня материальных благ Запада, сохранив свою культурную идентичность) таковы, что освоить что-либо в культурном отношении и не измениться внутренне народам невозможно.

Реальна тенденция разрушения небольших культур, демонстрируемая историей последних двух столетий и на европейском, и на американских континентах.

Важной составляющей глобальных проблем в системе «Человек – Человек» является чрезвычайная дифференциация экономического развития различных регионов и государств мира, рост которой продолжается, в значительной степени сопровождаемая «превращением мира из совокупности сосуществующих обществ», развивающихся самостоятельно, «в единый целостный мир». Такова глобализация этой проблемы [17, с. 173]. Свойства целостного мира с наибольшей силой начали проявлять себя в XX в., когда технико-экономический прогресс, развитый в рамках западной цивилизации, во все большей степени стал проявлять себя как всеобщая модель развития, способная обеспечить реализацию интересов и растущих потребностей человечества. Но сопровождающая этот процесс интернационализация производства привела к неразрешимым противоречиям, порожденным гонкой индустриализации, жертвой которой становятся природные богатства и человек.

Важно осознать, что «органическое включение во всеобщую модель слабых, теряющих жизнеспособность, и даже взрывоопасных звеньев обостряет глобальную проблему выживания» [17, с. 176]. Но безусловно и то, что процесс сближения и трансформации неизбежен в силу самой глобализации общественного развития на планете. В таком случае чрезвычайно возрастает «значение задачи глобального регулирования международных экономических и политических отношений», реализация которой есть основа модели рационального развития разнотипных участников мирового процесса [17, с. 177]. Осмысливая проблемы социально-экономических, политических и культурных метаморфоз в мире, важно подчеркнуть существующую недооценку их влияния на возникновение и углубление противоречия в системе «Человек – Природа». Отношения в системе «Человек – Человек» становятся в прямую зависимость от отношений в системе «Человек – Природа». Впрочем, как и наоборот, когда отношения внутри человеческого общества становятся залогом выживаемости современного человека.

Наиболее глубинные и опасные противостояния конца XX – начала XXI веков, в том числе социально-политического характера, будут связаны именно с экологическими проблемами. Актуален вывод Н. Н. Моисеева, констатирующего, что никогда борьба за ресурсы, как борьба за жизнь, которая скрыта в глубине мотиваций народов, еще не была в истории человечества «столь острой и драматичной, как в наступающую эпоху. Но никогда человечество и не располагало столь развитым «коллективным

интеллектом» с его способностью предвидеть результаты тех или иных усилий.

Вопрос лишь в том, сможет ли разумное начало справиться с инерцией биосоциальных законов, сможет ли человечество за отпущенное ему время выработать новые принципы нравственности и сделать их законами жизни» [16, с. 22].

Человечество все более подвижно в будущее фактором столкновения в его культуре чувственного потребительского прагматизма, являющегося ядром традиционных культур народов, пострадавших к XX веку, и рационального гуманизма (во все большей степени свойства нового по объективной необходимости выживания человека, мира). Исходом их столкновения и будет, по-видимому, определяться будущая судьба человечества. Новая тенденция традиционных обществ – открытость, приемля интенсивные общественные изменения, в то же время «требует от своих членов их рациональной оценки с тем, чтобы сознательно преобразовать свои социальные институты соответственно новым обстоятельствам» [18, с. 6]. Основа открытого общества – творчество и рациональная ответственность самого человека во все возрастающей степени.

Сознание современного человека все больше напоминает состояние хаоса и вакуумности, оно все менее стабильно и все более отдано на волю малых культурных флуктуаций. Такое состояние также можно назвать виртуальным [18, с. 34], депривационным состоянием ожидания новой стабильной системы ценностей, новых рамок, новой социальной страты. Другое его определение – маргинальность, все более становящаяся сущностью современного гиперсложного общества.

Заключение. Подводя итоги, нельзя не заметить, что человек в своей рефлексии как всегда запаздывает в понимании надвигающихся на него угроз и как всегда запаздывает с выработкой новых адекватных форм культуры, способных гармонизировать надвигающиеся проблемы, минимизировав их негативное воздействие на свою жизнь, в актуальной и в перспективной истории. Именно поэтому наука о сложности, например, так медленно входит в пространство современной экономики, политики, управления, технологий.

И с этим не только в плане экологии отношений человека с природой, но и в плане экологии отношений человека к человеку креативная часть мыслящего человечества сегодня устремлена к обществу массового производства и обществу массового потребления.

Опираясь на теорию сложности и управления ею, системно-синергетический подход

позволяет выйти на более целостное понимание причин, последствий и путей дальнейшего развития человека и общества, вставшего на путь бездумного глобального производства и потребления, начертанного в конституциях многих развитых стран мира и подражающих им стран в понятиях общественного блага и цели развития.

По-видимому, человечеству придется исходить все поле возможных путей развития, чтобы понять на практике их истинную цену и выбрать наиболее адекватные на том этапе развития, который человек и общество сегодня переживают.

Литература

1. Кантен Ж.-П. Мутация-2000 // Новая технократическая волна на западе. М.: Прогресс, 1986. С. 206–209.
2. Варшавский В. И., Поспелов Д. А. Оркестр играет без дирижера: размышляя об эволюции некоторых технических систем и управления ими. М.: Наука, 1984. 207 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 448 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политизд., 1994. 527 с.
5. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на западе. М.: Прогресс, 1986. С. 225–239.
6. Кутырев В. А. Дух нашего времени (философские этюды) // Общественные науки и современность. 1996. №4. С. 133–140.
7. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев: ИСА, 1995. 314 с.
9. Лоренц К. Семь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. №3. С. 39–53.
10. Шалаев В. П. Глобализация, постмодерн, бифуркационный человек – маркеры переходной истории // Сервис плюс (научный журнал). М.: РГУТиС, 2008. № 2 С. 96–105.
11. Хосе Ортега-и-Гассет. Дегуманизация искусства. М.: Радуга, 1991. 640 с.
12. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
13. Дилигенский Г. Г. В защиту человеческой индивидуальности // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 31–45.
14. Бобахо В. А., Левикова С. И. Современные тенденции современной культуры: конфликт или преемственность поколений // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 56–65.
15. Ахиезер А. С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 12–21.
16. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы (эколого-политолог. анализ) // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.
17. Третий мир и судьбы человечества / отв. ред. М. Я. Волков, В. Г. Хорос. М.: Мысль, 1990. 202 с.
18. Бляхер Л. Е. Виртуальное состояние социума, или шансы и риски открытого общества в России. М.: изд-во «Магистр», 1997. 46 с.

Поступила 20.03.2014

УДК 327:316.32

П. М. Бурак, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой (БГТУ)**ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Статья посвящена интерпретации феномена усталости как вызова потребительского прогрессизма и активизма в современном обществе. С этой целью осуществлен анализ концепций усталости Ж. Бодрийяра и О. С. Разумовского. Выявлено, что массовая человеческая усталость, существуя в скрытых формах протеста и явной агрессии, а также в виде состояния неспособности адекватно отвечать на вызовы, сама представляет собой глобализирующийся вызов, остающийся без надлежащего ответа. В этой связи усталость рассматривается как задержанный вызов, что, в конечном счете, может стимулировать рост нестабильности в мире.

Article is devoted to the interpretation of the phenomenon of fatigue as call progressivism and consumer activism in contemporary society. To this end, a review of concepts of fatigue Jean Baudrillard and O. S. Razumovsky. Revealed that the massive human fatigue, existing in hidden forms of protest and overt aggression, as well as a state of inability to respond adequately to the challenges of the globalizing itself is a challenge that remains without a proper response. Fatigue is considered as a detainee challenge that ultimately can stimulate the growth of instability in the world.

Введение. Вызов – острая социальная проблема (противоречие) или же совокупность проблем, которые обуславливают возможности самосохранения, стабильности и перспективы существования различных социальных структур, общества в целом, человечества, природных условий его бытия. Если решение подобных проблем отсутствует или откладывается по различным причинам, то в обществе складывается ситуация роста нестабильности, могущей выразиться в спонтанной, стихийной, неконтролируемой самоорганизации. Характерным признаком подобного стечения обстоятельств является увеличение разнообразных рисков в сферах производства, экономики, экологии, политики, управления, образования, системе социальных отношений и т. д. Учитывая факты подобного развития событий, в последние десятилетия в ряде стран мира для обеспечения стабильной перспективы жизни общества весьма важно своевременное распознавание вызовов и осуществление адекватных ответов. В таком случае, как подчеркивал А. Тойнби, «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [1, с. 119–120].

Методологическое значение схемы «Вызова – и – Ответа», которую А. Тойнби успешно применял для исследования происхождения цивилизаций, остается пригодным для выявления вызовов современных обществ и возможных перспектив их развития по итогам ответов или же их отсутствия.

Один из важнейших вызовов современного общества, приобретающий глобальный характер

и изучение которого с общих, теоретико-методологических позиций началось сравнительно недавно, образует особая стадия активности внутрисистемного и межсистемного взаимодействия множества социальных, антропологических, технических, биологических, экономических, экологических и ряда других систем, получившая название феномена усталости. Состояние усталости систем различной природы обуславливает возможности их самосохранения, воспроизводства, развития, структурно-функциональную целостность, способность самоорганизации, стабильность, перспективы существования, степень безопасности и характер воздействия на окружающую среду.

В данной статье предпринят краткий анализ феномена усталости в концепциях Ж. Бодрийяра и О. С. Разумовского, рассматриваются возможные следствия при различных ответах или же их отсутствии на вызовы усталости.

Основная часть. *Феномен усталости в концепции Ж. Бодрийяра.* Согласно Ж. Бодрийяру, проблема усталости относится к глобальным проблемам современного общества. Феномен усталости органически связан с перманентным стремлением социума к благосостоянию и является его неотъемлемой функцией в условиях постиндустриализма. «Подобно тому как существует мировая проблема голода, – пишет Ж. Бодрийяр, – сейчас существует мировая проблема усталости. Парадоксально, что они исключают друг друга: хроническая неконтролируемая усталость вместе с неконтролируемым насилием... составляет удел богатых обществ и является ... результатом преодоления голода и хронической нехватки, остающихся главной проблемой доиндустриальных обществ. Усталость как коллективный синдром постиндустриальных обществ принадлежит ...

к области глубоких аномалий, «дисфункций» благосостояния» [2, с. 230]).

Называя хроническую неконтролируемую усталость «новым злом века», Ж. Бодрийяр связывает ее возникновение и стабильное существование отнюдь не с мускульной, энергетической и душевной усталостью. На самом деле решающее значение имеет воля общества постоянно поддерживать состояние своего прогресса, который направлен «на уничтожение усилий, разрешение напряжений, на обеспечение все большей легкости и автоматизма» [2, с. 230], на умножение технических условий обеспечения производства, благ для потребления и богатств. Такое общество, согласно Ж. Бодрийяру, является «...фактически обществом стресса, напряжения, допинга...» [2, с. 230].

Объясняя, почему в обществе потребления «герои потребления устали», Ж. Бодрийяр подчеркивает, что процесс потребления сопровождается усилением и обострением конкуренции во всех ее формах, что в таком обществе конкуренция становится тотальной и действует на всех его уровнях. Как индивиды, так и социальные группы оказываются охваченными принудительностью императивов конкуренции и восходящей социальной мобильности и одновременно они пребывают во власти укоренившегося императива увеличения наслаждений. Такого рода противоположные принуждения разрывают единство индивида. Он оказывается во власти внешних противоположных тенденций общества потребления. Социальное неравенство вместе с внутренней разорванностью личности делает общество, как считает Ж. Бодрийяр, несогласованным дезинтегрированным. В контексте данных обстоятельств Ж. Бодрийяр интерпретирует усталость как ответ на них в виде пассивного отказа человека от принудительной силы и содержания условий существования, который является скрытым насилием и представляет собой лишь один из возможных ответов. Ответ может существовать и в виде открытого насилия. Аргументируя взаимосвязь, единство данных типов ответов, Ж. Бодрийяр применяет принцип амбивалентности, согласно которому формы скрытого сопротивления могут перейти в открытые выступления. «Усталость, депрессивность, невроз всегда могут превратиться в открытое насилие и наоборот. Усталость гражданина постиндустриального общества недалеко от скрытой забастовки, от торможения, от снижения активности рабочих на заводе или от школьной «скуки»», пишет Ж. Бодрийяр [2, с. 231].

Согласно Ж. Бодрийяру, «усталость не является пассивностью, противостоящей внешней социальной сверхактивности, — она, напротив,

единственная форма активности, противостоящая в некоторых условиях принуждению к общей пассивности, присущему современным общественным отношениям» [2, с. 231].

Первопричиной усталости не является монотонный труд, большие умственные нагрузки, нервно-психологические расстройства и т. д. Усталость, по мнению Ж. Бодрийяра, есть «скрытый протест, который оборачивается против себя и воплощается в собственном теле, потому что в некоторых условиях это единственное, на что безвластный индивид может свалить вину» [2, с. 232].

Вместе с тем, понимая усталость в широком социальном значении как форму выражения активности индивидов в виде скрытого, хронического восстания, само по себе бессознательного, против системы принуждений потребительского общества, Ж. Бодрийяр полагает, что невроз, в качестве функции подобной усталости, является тем выходом, который помогает избежать тотального и настоящего разрушения личности и общества [2, с. 232].

Смысл усталости как проявление взаимосвязи и смены потребностей и депрессивных состояний в обществе потребления не может быть отождествлен с психофизиологическими интерпретациями. Его можно выявить и понять в связи с общей системой депрессивных состояний и их логикой, которая повторяет логику потребления, направленную на постоянное воспроизводство «фундаментального недовольства».

Таким образом, усталость в качестве скрытого или открытого протеста, как это выражено в соответствующей концепции Ж. Бодрийяра, является неотъемлемым свойством общества потребления, результатом постоянного стремления к прогрессу ради сокращения трудовых усилий и достижения более высокого уровня благосостояния, что ведет к утрате целостности личности, рассогласованности в обществе.

Характерно, что концептуальное рассмотрение проблемы усталости в качестве фактора имманентной нестабильности общества потребления, Ж. Бодрийяр связывает со стадией постиндустриализма, где сфера сервиса достигает наивысшей, в сравнении с предшествующей историей, степени развития. Внутренняя же амбивалентность системы потребления, приобретающая глобальное значение, и обуславливает сущность феномена усталости, возможности ее существования в форме масштабного скрытого протеста, который может проявиться в подобной же размерности открытого насилия. По сути дела усталость общества потребления является не только вызовом единству личности общества, но и ставит под угрозу

стабильность в системе международных отношений как проводников ценностей данного общества, что особенно актуально для тех регионов, в которых такие ценности имеют приоритетное значение. Поэтому глубокое и разностороннее изучение феномена усталости современного общества является одним из необходимых ответов в целях обеспечения национальной безопасности в условиях глобализации.

Вызов усталости в концепции О. С. Разумовского. Названный автор – один из первых и немногочисленных исследователей философско-методологических аспектов феномена усталости. Определяя перспективность данного направления эвристических поисков О. С. Разумовский подчеркивает, что полученные данные по проблеме «усталости/выносливости» систем самого разного рода прямо относятся к тем, которые могут помочь теоретически сформулировать положения, направленные на решения заявленной как главная для человечества задачи устойчивого развития» [3].

Вместе с тем, адекватный анализ данной проблемы, изучение усталости как сущностной, нормальной характеристики общего цикла жизнедеятельности бихевиоральных систем («би-систем»), имеющих собственное поведение), к которым философ относит системы живой природы, общество, человека и смешанные (гибридные) системы, такие как экологические, технические, экономические и другие, требует преодоления трех основных трудностей. Эти трудности имеют обществцивилизационный характер. К ним О. С. Разумовский относит безоговорочное и безоглядное культивирование в современном мире общей для всего человечества прогрессистской установки, недостаточное интердисциплинарное взаимодействие тех, кто способен решать общую задачу устойчивого развития, недостаточное, слишком абстрактное и не скоординированное развитие системных исследований в международном масштабе.

Знания о феномене усталости в современных системных разработках (общей теории систем) под влиянием доминирования парадигмы «абсолютного активизма» не являются востребованными. О. С. Разумовский подчеркивает, что складываются представления о системах, как о неких объектах, находящихся в состоянии перманентного действия и не подверженных износу, разрушению, деградации. В реальной же действительности по данным современной науки, например, биосистемы свыше 70% времени существования находятся в рекреации. Подобная же асимметрия характерна для всех сложных систем, обладающих собственным поведением, что представляет

обой конкретное проявление системного фундаментализма.

Несоответствие теоретических взглядов на мир систем объективным тенденциям самосохранения системной организации различной природы, согласно О. С. Разумовскому, может быть преодолено путем замены парадигмы абсолютного активизма более реалистической концепцией. Она должна учитывать тот факт, что во всех конечных системах под влиянием внешних и внутренних разрушающих причин рано или поздно происходит нарушение структуры, теряются первоначальная прочность и надежность, выносливость.

С учетом особенностей субстратной основы, природы систем, их строения, особых закономерностей и других параметров О. С. Разумовский выделяет ряд уровней и видов феномена усталости (биокосный или материально-энергетический, физиологический, психолого-информационный, социальный и другие). Он приводит соответствующую классификацию научных дисциплин, которые изучают различные проявления усталости. С позиций философско-методологического анализа требуется поиск общего, сходного, типического в возникновении, развитии, определенности и специфики проявления усталости, а также способов снятия усталости у разных видов объектов. Эти задачи фактически выявляют интердисциплинарную суть проблемы усталости. Отдельную часть своего концептуального построения О. С. Разумовский посвящает исследованию феномена утомления в науках о жизни, психологии и социологии. Особое значение в контексте заявленной в названии статьи проблемы имеет вывод автора о том, что вследствие усталости у человека и в социальных группах возникает снижение адаптационных способностей за счет снижения уровня адекватности рефлексии, реакции и ответов на вызовы извне и изнутри. При этом, по оценке О. С. Разумовского, нарушаются главные требования адекватности рефлексии [3].

Можно сказать, что усталость – это такой вызов нестабильности, суть которого заключается в возникновении состояния неспособности адекватно отвечать на иные вызовы. Мы определяем усталость в широком социальном значении как задержанный вызов, поскольку он не актуализируется в адекватных практических ответных мерах в обществах, которые следуют стратегии постоянного роста потребления.

Заключение. *Задержанные вызовы и выживание общества.* Достижение будущего требующего слишком больших затрат всевозможных ресурсов, может восприниматься в обществе как чрезмерная угроза, обуславливающая необходимость развития гиперактивности

в настоящем и, поэтому, ведущая к опасному уровню выработки жизненных сил большинства населения той или иной страны. Иными словами, если отсутствие ответа на вызов угрожает будущему общества, то осуществление такого ответа представляет собой угрозу множеству жизней в настоящем, поскольку адекватный ответ может значительно снизить жизнеспособность общества в целом, которое войдет в режим перманентной усталости с неопределенной перспективой ее преодоления. Некое подобие охарактеризованной мыслимой ситуации просматривается в отношении к современным глобальным проблемам, ни одна из которых в настоящее время не решена и их решение, к сожалению, не предвидится. Поскольку адекватный практический ответ на вызов кризиса социоприродных отношений современным человечеством не реализуется, то его перспектива вызывает сравнение с судьбой так называемых «задержанных цивилизаций» (согласно определению А. Тойнби) [1, с. 181–182].

Иной вариант с признаками задержки ответа на вызов утомления мы наблюдаем в жизни современного общества потребления, которое характеризовал Ж. Бодрийяр. В таком обществе внутренние амбивалентные механизмы системы потребления являются фактором роста прибыли. По существующей статистике часть валового внутреннего продукта в денежном выражении во всех развитых странах уже далеко превосходит 50%-ю отметку. А пока источник внутреннего кризисного состояния общества потребления может использоваться (хотя и с определенным риском) в интересах получения прибыли будут включаться механизмы задержки развития такого общества на существующей стадии. В этой связи вполне закономерным представляется появление новых направлений разобщенности в современном обществе и рост его масштабов в целом. Один из первых теоретиков постиндустриализма Д. Белл в одной из последних своих работ назвал современность эпохой разобщенности, и мы все более и более погружаемся в разобщенное время [4, с. 20].

Вполне вероятно, что устранение разобщенности в обществе потребления стало бы вызовом самому этому обществу, вызовом прибыльному бизнесу, основанному на амбивалентности человеческих стремлений и потребностей и рассогласовании в обществе. Поэтому недопущение срабатывания данного вызова, скорее всего, является более приоритетной задачей, чем ответ на вызов усталости и разобщенности. Возможно, что дадут достойный от-

вет на глобальный вызов антропоцентрической усталости *Homo sapiens* и выиграют те народы, которые смогут объединиться в противодействии изматывающей, радикальной силе планетарной системы потребления и вовремя устранить зависимость своего жизненного потенциала, в широком значении, от подчинения международной гонке потребления. Они могут создать условия и перевести свою внутреннюю стратегию в русло достаточного потребления, используя, при этом творческий порыв для преодоления внутренней социальной разобщенности, утверждения приоритетов и ценностей целостной, гармоничной личности и решая проблемы социоприродной стабильности. В условиях глобализации потребления у разных народов может возникнуть перспектива испытать крайнюю степень усталости от попыток ответить на ее вызовы в попытках бесконечного наращивания всевозможных благ, истощить человеческие и природные ресурсы, оказаться открытыми для внешнего потребления их интеллектуального потенциала более сильными конкурентами

В неравноправной глобальной системе потребления человек перестает быть творцом истории своего народа, своей страны, а превращается (приобретает статус) в объект потребления ради сохранения самой этой системы. Особенно легко такое превращение происходит тогда, когда люди испытывают стресс, усталость и чувствуют бессилие в результате попыток ответить на вызовы желаемого уровня потребления, который не имеет окончательных границ. На этом пути перерасход сил может быть очень значительным, а если он носит еще и массовый характер, то создается опасность для существования народа как целого и его государства.

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
3. Разумовский О. С. Утомленные, или уставшие системы. 2001. Режим доступа: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=218>. Дата доступа: 01.03.2014.
4. Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.

Поступила 17.03.2014

УДК 004.056.57:316.4

О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины (Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИИ КАК МАРКЕР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье обосновывается сущность и жизненно важная необходимость защиты информации как маркера цивилизационного развития социума. Раскрываются основные системы, методы и средства защиты информации – криптографические, технические и социально-психологические. Раскрывается понятие информационной безопасности, которая структурирована по сферам деятельности человечества.

The article explains the essence and the vital need to protect the information as a marker of civilizational development of society. In addition, this article reveals the basic systems, methods and means of information protection – cryptography, technical and socio-psychological. Also is revealed the concept of information security, which is structured according to the spheres of human activity.

Введение. Анализ цивилизационного развития человечества позволяет выделить в этом процессе ряд мегатрендов и маркеров, игнорирование которых не позволяет объективно раскрыть сущностные и смысловые характеристики этого процесса. Среди многообразия маркеров, входящих в архитектуру цивилизаций, особое место принадлежит защите информации, решающей стратегическую задачу информационной безопасности социума.

Еще на заре становления традиционной цивилизации в истории человечества и целенаправленного развития информационного производства возникает необходимость защиты интеллектуальной собственности как отдельных ученых-теоретиков и практиков, так и государства в целом. «Охота» за интеллектуальной собственностью личности и государства породила, а затем и постоянно совершенствовалась проблема защиты информации. В качестве примера можно вспомнить деятельность иранских компиляторов, которые все достижения Древней Индии и Древнего Китая перевели на персидский язык и в этом уже готовом виде преподнесли Европе. Нельзя думать, что все свои достижения Древняя Индия и Древний Китай «подарили» иранским компиляторам. Несомненно, в процессе защиты информации, недостаточно глубоко организованной, имела место «утечка» интеллектуальной собственности этих древних стран. «Можно вспомнить, что и секреты производства шелка, бумаги, фарфора, пороха, пушек, чертежи строительства больших кораблей, достижения в медицине, астрономии, математике и других науках, попали в Европу не в качестве дара Востока Западу. Причины необходимо искать в слабо организованной защите интеллектуальной собственности этих стран в тот период» [1, с. 288–289].

Но это не означает, что научной мыслью Древнего Востока и Запада не разрабатывались

средства защиты информации и что их не интересовала информация о государственной тайне соседних государств. Об этом свидетельствуют различные теоретические источники, анализ которых показывает, что уже в этот период возникли организационная, техническая и криптографическая система защиты информации.

Защита информации, информационная безопасность социума – это не порождение XX века, они всегда были тесно связаны с развитием материального и духовного производства. Новации, складывающиеся в этих сферах различных стран, требовали своей защиты, организации информационной безопасности, поскольку они отражали разносторонние военные, политические, экономические и другие интересы конкретного государства. И сегодня защита информации, организация и реализация мер, направленных на информационную безопасность страны, выступают в качестве приоритетной деятельности любого государства.

Цель работы: на основе раскрытия основных типов защиты информации обосновать сущность информационной безопасности как постулирующего маркера современного этапа цивилизационного развития.

Основная часть. Если совершить краткий дискурс в историю формирования и особенностей развития средств защиты информации в страны Древнего Востока и Древнего Запада, то можно обнаружить в этих средствах общее, через социальные приоритетные направления деятельности государств, а также особенное, которое отражалось в методах защиты и функциональной деятельности тех, кто по роду занятий осуществлял информационную безопасность социума.

В Древней Индии основные задачи и методы защиты информации были заложены в древнеиндийском трактате. «Артхашастра» (букв. – наука о пользе, о практической жизни), который

составлялся примерно в 4 веке до н. э. – 2–3 вв. н. э. Этот трактат содержал собрание наставлений по управлению государством, где затрагивались вопросы защиты государственной информации.

Основное направление и главная задача защиты информации были связаны с защитой государственной тайны. Государственная тайна – это система сведений, сокрытие которых дает возможность государству обеспечить свою безопасность и преимущества над противником с наименьшими затратами сил и средств. Основная работа по защите государственной тайны осуществлялась агентами, в функции которых входило следующее: сбор информации в сфере государственного управления экономикой, внешней торговли; контроль и наблюдение за деятельностью отдельных должностных лиц; наблюдение за деятельностью и поведением каст; сбор информации в военной области – борьба с преступностью; охрана главы государства и контроль за его родственниками; выявление шпионов; внешний шпионаж; контроль за послами; пограничная охрана. Практически эти функции сохранились и сегодня, но они расширили свое содержание, а также возникло ряд новых направлений в сфере этой деятельности, особенно в XX веке.

Концепция информационной безопасности Древнего Китая наиболее полно нашла свое отражение в работе древнекитайского военного теоретика и полководца Сунь Цзы (в 6–5 вв. до н. э.). «Трактат о военном искусстве», проникнутого стихийной диалектикой (связь войны и политики, факторы победы, стратегия и тактика военных действий). В этом трактате особое значение отводилось защите информации как стратегического ресурса, необходимого для победы. Основу информации, подлежащей защите в первую очередь, также составляла государственная тайна. Она связана была не только с сохранением внутренней целостности китайской империи, но и с проводимой внешней политикой, которая была связана с постоянными войнами, которые вело государство.

Для защиты информации в Древнем Китае широко применялись такие методы как кодирование информации и ее дробление, то есть вводились элементы криптографии. С целью кодирования была введена система бирок из восьми уровней, каждый из которых отличается длиной, а она соответствовала определенному содержанию. Система кодирования была известна лишь императору и командующему войсками. В вышеназванном трактате были сформулированы задачи разведки и контрразведки, что относилось к важнейшим функциям государства, поскольку это были эффективные методы предупреждения войн.

Что же касается Японии, то до установления феодального строя (5–8 вв. н. э.) конкретных источников и указаний по защите информации не обнаруживается. До указанного периода в этой стране были известны и применялись трактаты Древнего Китая о военном искусстве. С установлением феодального строя в Японии утверждается кодекс «Тойхоре» (701 г.), закрепивший результаты реформ Тайка. Эти реформы были осуществлены при императоре Котоку (645–654 гг.), они касались и защиты информации. Вся военная информация, военные источники и сочинения являлись секретными. В них отражено было содержание государственной тайны и методов государственного управления.

Японский кодекс «Тойхоре» оставался документом японского права вплоть до 60-х годов XIX века, когда в 1867–1868 гг. произошла незавершенная буржуазная революция, поскольку власть перешла к буржуазно-помещичьему блоку. В это время меняются основания феодального государства и кодекс утрачивает свою силу. В настоящее время в Японии широко используются методы и средства информации, о которых речь пойдет ниже.

Аналогичные Древнему Востоку задачи, функции и методы защиты информации, начиная с государственной тайны и включая различные стороны деятельности государства, например военную, обнаруживаются в странах Древнего Запада. Здесь начинают развиваться строго научные методы этого процесса, вначале криптографические средства защиты информации, а затем технические и социально-психологические.

Одно из древнейших криптографических устройств подарила Древняя Спарта – скиталу. «Первые сведения про использование шифров в военном деле, – пишут авторы «Современной криптографии», – связаны с именем спартанского полководца Лисандра (шифр скитала). Такой шифр использовали спартанцы для военных сообщений во время войны Спарты против Афин в V в. до н. э. Скиталою называли деревянный валик, на который тщательно наматывали ленту пергамента или шкуры. Сведения писали рядками вдоль поверхности валика так, чтобы в рядке на один виток ленты выпадала только одна буква. Лента, снятая с валика, вмещала непонятную последовательность букв. Их можно было прочитать, только намотавши ленту на валик такого же диаметра. То есть, в этом случае ключом для прочтения сведения был диаметр валика» [2, с. 14].

Считается, что автором взлома шифра скиталы является Аристотель, который наматывал ленту на конусообразную палку до тех пор, пока не появились читаемые куски текста.

Древняя Греция и Древний Рим подарили миру и такие криптографические устройства и методы шифровки информации, как «диск и линейка Энея», «квадрат Полибия», «шифр Цезаря» и другие менее известные.

Все эти средства защиты информации прошли многовековой путь. Но сегодня законодательствами ряда ведущих стран закреплены два: криптографический и технический. Что же касается социально-психологических и других средств защиты информации, они законодательно не закреплены, их методика составляет государственную тайну.

Криптографическая защита информации – это вид ее защиты, который реализуется путем превращения информации с использованием специальных (ключевых) данных с целью сокрытия/возобновления содержания информации, подтверждения ее подлинности, целостности, авторства и тому подобное.

Криптографическая защита информации применяется для защиты информации, которая передается по каналам связи или хранится в базах данных, рабочих станциях, содержится у парольных и ключевых данных систем аутентификации и разграничения доступа. Потребителями услуг этой системы являются субъекты органов государственного управления, обороны, чрезвычайных ситуаций, правопорядка, национальной безопасности, разведки и тому подобное.

Техническая защита информации – это вид защиты информации, направленный на обеспечение с помощью инженерно-технических мероприятий и/или программных и технических средств недопущения утечки, уничтожения и блокировки информации, нарушения ее целостности и режима доступа к ней.

Система технической защиты информации представляет собой совокупность организационных структур, нормативно-правовых документов и материально-технической базы. В последнюю входят защитные технические средства и способы контроля за эффективностью всей системы технической защиты информации.

Техническая система защиты информации, согласно государственному стандарту, является совокупностью организационных структур, нормативно-правовых документов и материально-технической базы, в которую в свою очередь входят защищенные технические средства; средства технической защиты информации; средства контроля эффективности технической защиты информации, к которым можно отнести и криптографию.

Криптографические средства защиты информации здесь имеют узко ограниченное, но неотъемлемое применение. Они используются для защиты информации, которая хранится

на носителях и передается по каналам связи между элементами информационной системы. Среди организационных средств защиты информации существенную роль играют услуги и механизмы защиты, связанные с персоналом.

Система технической защиты информации широко используется в информационно-технической борьбе с целью защиты информационной среды общества и защиты объектов информационной деятельности. Потребителями услуг этой системы защиты информации являются в большинстве случаев подразделения, которые защищают информацию с ограниченным доступом. Это банки, коммерческие структуры, структуры военной безопасности, что заставляет организовывать защиту по принципу «круговой обороны».

В современных условиях две вышеотмеченных системы защиты информации дополняются третьей – социально-психологическими средствами.

Социально-психологическая защита информации – это вид защиты информации, направленный на обеспечение с помощью организационных и психологических мероприятий, а при необходимости инженерно-технических и криптографических средств, противодействия влиянию на информацию, уничтожения и блокировки информации, нарушения целостности и режима доступа к информации. Эта система играет не второстепенную роль, несмотря на то, что она не является ни идеологической системой, ни политическим органом, она преследует цель конкретного информационно-психологического влияния. Это влияние есть целенаправленное, заранее осмысленное производство и распространение специальной информации, которая вызывает непосредственное позитивное или негативное влияние на социальный капитал, на функционирование и развитие информационно-психологической среды общества, психику и поведение политической элиты, персонал экономической и технической инфраструктуры и население страны.

Какие бы системы защиты информации сегодня ни использовались – криптография, технические или социально-психологические, все они направлены на достижение безопасности. Понятие «безопасность» и «защита» тесно связаны между собой. Безопасность – это конкретное определенное состояние объекта или субъекта, при котором им не угрожает какого-либо вида опасность. Защита же выступает как действия, направленные на достижение конкретного вида безопасности.

Защита – это:

1) попытка предотвратить, оградить от неблагоприятных влияний, вмешательства;

2) средства для ограничения доступа и использования всей или части информационной системы; юридической, организационной, технической, а также мероприятия по предотвращению доступа к аппаратуре, программам и данным.

Защита информации – это организационные, программные и технические методы и средства ограничения доступа к информации, которая обрабатывается или хранится, но не подлежит всеобщей огласке.

Безопасность можно структурировать по сферам деятельности человечества.

Во-первых, это глобальная безопасность, отражающая состояние глобальных процессов, при которых обеспечивается гармоническое сочетание интересов народов, наций, государств и интересов всего человечества; эффективное решение задач, стоящих перед человечеством и различного рода отдельными администрациями; всестороннее развитие и обеспечение потребностей каждого человека.

Во-вторых, биологическая безопасность, включающая в себя экологическую, медицинскую, продовольственную, пожарную безопасность и охрану труда.

В-третьих, природная безопасность к которой необходимо отнести ресурсную, энергетическую, климатическую, производственную, а также безопасность от стихийных бедствий.

В-четвертых, социальная безопасность, главными задачами которой выступает обеспечение государственной, политической, экономической, военной, коммерческой, гуманитарной, психологической безопасности, а также безопасности персонала, потребностей, культурно-развлекательных мероприятий.

В-пятых, информационная безопасность, в которую входит обеспечение безопасности информационного пространства, информационных систем, электронного документооборота; киберсреды, персональных данных и др.

Информационная безопасность занимает особое положение в системе безопасности. С одной стороны, она является составляющей и одним из механизмов любой безопасности ввиду того, что сбор и хранение информации должны обеспечить ее целостность и достоверность. Информация должна обрабатываться и распространяться для достижения целей обеспечения безопасности. С другой стороны, обеспечение информационной безопасности есть самостоятельная область деятельности ввиду ее роли и влияния на все стороны деятельности человека и социума.

Информационная безопасность – это:

1) состояние защищенности потребностей в информации личности, общества и государства, при котором обеспечивается их существование

и прогрессивное развитие независимо от наличия внутренних и внешних информационных угроз и которое обеспечивается защитой от влияния некачественной информации, защитой информации и информационных ресурсов от неправомерного влияния на их содержание посторонних лиц, защитой прав и свобод человека и гражданина;

2) состояние защищенности информационной среды общества, которое обеспечивает его формирование, использование и развитие в интересах граждан, общества, государства;

3) состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства в информационных отношениях.

С технологической стороны безопасность информации – это состояние информации, в котором обеспечивается сохранение определенных политической безопасности свойств информации.

Как видим, информационная безопасность – это сложное многостороннее понятие, как и сама информация. Определение информационной безопасности зависит от особенности того объекта или субъекта, где она обеспечивается.

Одна из глобальных угроз современного информационного производства связана с экспоненциальным ростом объема информации. Возможности человека по восприятию и обработке информации ограничены. «Неконтролируемый рост объемов информации при существенных физиологических ограничениях на возможности ее обработки (восприятия и осмысление) может привести к информационному коллапсу» [3, с. 277]. Все большая часть информации будет передаваться для обработки автоматизированным интеллектуальным системам. Есть риск утери контроля над этими системами.

Однако можно возразить, что природа находит способы эффективной обработки и запоминания все большего объема информации. В сфере непрерывных систем и сигналов действует, например закон Вебера-Фехнера: «Раздражение любого из наших органов чувств отображается мозгом в виде ощущения, пропорциональном логарифму раздражения» [3, с. 167]. Благодаря этому существенно расширяется диапазон интенсивности воспринимаемых сигналов. В дискретной сфере и в области управления действуют законы иерархии. Каждый верхний уровень иерархии составляет свои объекты из элементов нижнего уровня. Число объектов, а также степеней свободы и число переменных уменьшается с ростом номера уровня иерархии. Это помогает справиться с огромными массивами информации.

Другая глобальная угроза состоит в следующем. Информационные технологии уже

значительное время развиваются стремительно, но экстенсивно. Значительное количество еще исправного компьютерного оборудования выбрасывается на свалку в результате их неоправданно быстрого морального старения. При этом огромное количество дефицитных редкоземельных материалов, которые используются в производстве электроники, попадает в естественную среду и отравляет ее. Информационная безопасность пронизывает всю систему национальных интересов – хозяйственную, техническую, военную, ресурсную, экологическую, энергетическую, финансово-денежную, медицинскую и другие. С этих позиций информационная безопасность государства выражает уровень защищенности его интересов от относительно опасных, дестабилизирующих, деструктивных влияний, которые способны поражать государственные интересы.

Информационная безопасность включает в себя защиту информационных систем, сетей, ресурсов, программных средств объектов интеллектуальной собственности и других активов, блокировки информации, ее несанкционированной утечки. Эта безопасность требует сегодня разработки нормативно-правовых документов, где должно быть четко выделено ядро государственного информационного ресурса, которое составляет государственную или другую предусмотренную законом тайну и подлежит защите.

Особое место среди различных видов и форм безопасности принадлежит безопасности личности. Информационная безопасность личности – это защищенность ее психики и сознания от опасных влияний манипулирования, дезинформации, побуждения к асоциальным действиям и т. д., что приводит к неадекватному восприятию ею действительности.

Существующие системы защиты информации ориентированы, в основном, на ее защиту с ограниченным доступом. Но в защите нуждается и большой массив открытой информации. Он постоянно растет, его трудно классифицировать с позиций применения средств защиты. Массив этой информации предстает как открытая система, ее нельзя скоррелировать линейно, а следовательно, методы и средства защиты

должны носить неординарный, специфический характер, что будет свидетельствовать о постоянном расширении диапазона систем, методов и средств защиты интеллектуальной собственности государства и личности, укреплению их информационной безопасности.

Заключение. Все системы, методы и средства защиты информации тесно взаимосвязаны между собой и обеспечивают общую стратегию реализации главной функции страны – информационную безопасность. Вне этой функции современное информационное производство, с одной стороны, будет тормозиться субъективным фактором, не ощущающим защиты интеллектуальной собственности, а с другой стороны, будет способствовать расширению хаоса в этой сфере общественного производства. Ярким примером внесения хаоса в проблему информационной безопасности стран мира, особенно Европы, явилось разоблачение Э. Snowden американской системы прослушивания информации, являющейся и государственной, и личной тайной. Лидеры европейских стран резко осудили эту практику, а Россия заявила, что она разворачивает процесс «прослушивания информации в мировом пространстве», что вызывает не только недоверие между странами, но и новый виток информационной войны.

Таким образом, становление нового этапа цивилизационного развития человечества связано не только с производством, обработкой, передачей и хранением информации, но и с развитием средств и способов защиты ее как интеллектуальной собственности конкретного общества, конкретной личности.

Литература

1. Пунченко О. П. Цивилизационное изменение истории человечества. Одесса: Астропринт, 2013. 448 с.
2. Емец В., Мельник А., Попович Р. Современная криптография. Основные понятия. Львов: Атлас, 2003. 144 с.
3. Муниин П. И. Теория устойчивого развития. Информационные основы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 312 с.

Поступила 14.01.2014

УДК 001+14+397

А. В. Шалаева, стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

МИФОЛОГИЯ В РОМАНТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: СИМВОЛИКА ФРИДРИХА КРЕЙЦЕРА

В центре исследования – Георг Фридрих Крейцер (1771–1858), профессор классической филологии Гейдельбергского университета, который первым объявил мифологию дисциплиной и заложил ее теоретические основания. В своем основном труде «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810–12, 2-ое изд. 1819, 3-е изд. 1837) он не только выработал теоретические основания мифологии как дисциплины, но и проанализировал большой объем мифологического материала. Исследование посвящено особенностям структуры работы Крейцера, специфике аргументации, способу, каким внешние философские идеи и источники влияли на центральные положения теории Крейцера, а также анализу идейного становления мифологии как дисциплины в этот период.

Georg Friedrich Creuzer (1771–1858), who was first to announce mythology as a discipline and to lay theoretical grounds to mythology as a discipline, is in the center of the research. In his main work *Symbolism and mythology of the ancient peoples, particularly the Greeks* (1810–12, 2nd ed. 1819, 3rd ed. 1837) apart from working out theoretical grounds of mythology as a discipline, he also analyzed a great amount of mythological material. The research is dedicated to the specific structure of Creuzer's book, to the peculiarities of argumentation and to the special way in which outer philosophical influences and sources affected Creuzer's general concept.

Введение. Георг Фридрих Крейцер (10 марта 1771 Марбург – 16 февраля 1858 Гейдельберг) – профессор классической филологии Гейдельбергского университета (с 1804 г.). Его главный труд «Символика и мифология древних народов, в особенности греков», впервые опубликованный в 1810–1812 гг. [1], был встречен с энтузиазмом в ситуации становления романтической парадигмы в гуманитарных науках своего времени, хотя вскоре его и отвергли авторитетные филологи. Рубеж XVIII–XIX вв. вообще представляет собой переломный момент в истории знания о мифе. Традиционно мифы исследовали филологи-классики, и, в первую очередь, греческую мифологию. На рубеже XVIII–XIX вв. мифология становится областью столкновения различных методологических, идейных и предметных установок. Самоопределение различных гуманитарных дисциплин было поставлено под вопрос в ходе этих дискуссий между представителями теологии, классической филологии и философии. Так, под влиянием романтической традиции в русле немецкого идеализма свою жизнь получают философские интерпретации мифологии (Иоганн Готфрид Гердер и Карл Филипп Мориц, а также Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг), а в связи с обнаружением новых древнеиндийских, персидских источников, источников по зороастризму и изучением соответствующих языков началось интенсивное освоение нового культурного материала. Имели место не только методологические проблемы, но и вызовы, связанные с изучением памятников Древнего Востока [2].

В этот период переосмысления содержания и значения мифологии появляются попытки

утверждения мифологии как особенной дисциплины в большей мере средствами классической филологии, в меньшей – философии. «Символика» Крейцера – работа филолога, переосмысляющего статус мифологии на основании новых философских, теологических идей и нового исследовательского материала, в ней реализована попытка дать научное основание неоплатонической интерпретации греческой мифологии [3]. В широкой дискуссии, разворачивающейся вокруг мифологии в университете Гейдельберга, она приобрела и противников, и сторонников [4]. Это был новый, амбициозный проект, который был основан на переосмыслении задач исторического, филологического, теологического, философского родов и стремился объединить эти разные направления вокруг феномена древней символики и мифологии. Проект этот, однако, нельзя назвать успешным, поскольку мифология так и не стала университетской дисциплиной.

На примере работы Георга Фридриха Крейцера «Символика и мифология древних народов, в особенности греков», вопрос о становлении мифологии как дисциплины на рубеже XIX в. может быть поставлен и рассмотрен в трех сообщающихся друг с другом проблемных полях. Во-первых, это биографическое описание Крейцера и его работы в контексте своей эпохи. Во-вторых, определение тех принципов, которые заставили его старших современников воспринимать его работу всерьез, вопрос здесь в первом приближении состоит в том, что именно в крейцеровой интерпретации мифа и символа заставило его более именитых современников на равных воспринимать его работу, в том

числе в контексте их собственных исследований. В-третьих, вопрос о том, каким образом стремление построить научную концепцию мифологии, характерное для эпохи Крейцера, соотносится с формами и принципами работы с мифологией в XVIII и конце XIX вв., или шире – в чем состоит общее и особенное в крейцеровской (и ряда его соратников и современников) «научной» интерпретации мифологии и многочисленных иного рода интерпретаций мифологии до и после работы Крейцера, ориентированных на всеобщность.

Такое исследование вообще претендует быть, прежде всего, философским и историческим исследованием. Здесь рассматривается гейдельбергская фаза развития романтической мысли, науки и культуры и один из ее видных представителей (Г. Ф. Крейцер) под особым углом зрения: с целью главным образом обнаружить те интеллектуальные каналы, посредством которых характерные для этой фазы идеи распространились по Европе и России. Далее мы более внимательно рассмотрим теоретическую программу «Символики ...» и основополагающие для нее понятия – символ и миф.

Логика символов как специфический способ описания мышления. Обозначенные выше вопросы не могут быть в должной мере освещены без обзора интеллектуального и историко-идейного пространства Германии конца XVIII в. Данный период можно было бы охарактеризовать по следующим вехам: эпоха возрождений в раннем романтизме и раннем классицизме благодаря открытиям Винкельмана, с которым Германия получает греческий идеал красоты, простоты и величия; его аполлоническая концепция Греции получает развитие в стихах Шиллера и Гете [5]; исследование античности, науки о древности (Altertumswissenschaft) Вольфом [6]; вопросы литературы, первой религии, философии истории, и изучение мифов в открытиях Гердера; объединение мифографии с топографией и археологией мифографом Гейне [7]. Это обилие визуального материала, его интерпретации и глубокого анализа послужило необходимым условием для всех концепций мифологии, основанных на символе [8, с. 12].

Идейное основание первого издания «Символики и мифологии древних народов» содержалось в более ранних работах Крейцера. В Германии на рубеже XVIII–XIX вв. происходит активное переосмысление сущности филологии как дисциплины, в дискуссии по этому вопросу включаются не только филологи, но и теологи, историки, юристы, философы. В предшествующих «Символике...» работах: «Изучение древних как приуготовление к философии» [9], «Идея и проба древней символики» [10], «Ака-

демическое изучение древности вкупе с планом гуманистических лекций и филологического семинара в университете Гейдельберга» [11], «Филология и мифология в их постепенном развитии и взаимном отношении» [12], «Дионис» [13] – Крейцер переосмысляет сущность филологии как науки. В этих трудах он не стремится обособить филологию от других дисциплин, а, напротив, подчеркивает ее связь с другими науками, с теологией, историей, юриспруденцией, с поэзией и философией. В работах Крейцера мифология из вспомогательной, подчиненной субдисциплины превращается в одну из основных. Наряду с мифологией он описывает символику древних народов, которая, по его мнению, требует тщательного изучения, на примере которого он стремится изучить соотношение греческой культуры и древневосточной, в особенности древнеиндийской.

Структура «Символики» такова: дается общее описание предмета исследования, особенностей способа познания древних народов, первичных «грамматических» значений главных рассматриваемых понятий («символ», «миф» и понятий, смежных с ними), особенной в рамках разрабатываемой теории системы устройства символа и мифа, видов и трансформаций символа и аллегорий, далее на подступах к анализу конкретного материала предлагается систематизация верований и богослужений вообще и дается исторический обзор символики и мифологии древних народов.

Крейцер реконструирует систему мышления древних, анализируя их символику и мифологию на основании доступного ему символического материала – в этом и состояла новизна его проекта. В этой работе символ в истории человечества выступает тем первичным, в котором дано чистое и незамутненное понятие о мире, без потери его чистоты и ясности невозможно выразить его в языке. Такое непосредственное понимание, по мнению Крейцера, было недоступно «грубым народам древности», потому для просвещения толпы его в ярких образах транслировали жрецы. Говоря о древнем способе мысли, Крейцер утверждает, что «Образ и слово, искусство и речь в этом образе мысли еще не разделены, но взаимно поддерживают друг друга. ...В символическом учении древности сфера речи не отделяется от сферы зримого образа, мудрость этого периода овладевает духом толпы и формообразует его посредством вербальных и визуальных символов» [14, с. 20]. Так, путь к первичным символам для Крейцера лежит через анализ языка и попытки обнаружить первоначальные, исходные значения слов, в частности, его особенно

интересуют слова символ, миф, логос: σύμβολον, μῦθος, λόγος. Свои выводы Крейцер делает, опираясь на доступные ему труды древнегреческих грамматиков и лексикографов, говоря о первых символах, содержащих в себе ясно и незамутненно данную истину, он ищет доказательства в документах, источниках и свидетельствах этого древнего образа мысли.

Понятие символа в «Символике ...». В третьей главе «Идеи к физике символа и мифа» первой книги первого тома «Символики ...» Фридрих Крейцер раскрывает теоретические основания своей работы по интерпретации древнего символа и мифа. Именно в ней он дает определения символа и мифа, поясняет их сходство и различия, демонстрирует идейные основания своей работы. Говоря о символе и мифе в «Символике ...», мы в основном будем опираться именно на внимательное чтение этой главы.

Противоречивый момент в концепции Г. Ф. Крейцера – его стремление отделить символ от мифа, и, как полагали его коллеги и противники, поставить символ на место мифа [15, с. 387–388]: «Мгновенно и целиком в символе восходит идея, и охватывает все силы нашей души. ... аллегория, но не символ, имеет одним из своих видов миф, чью сущность выражает полным образом последовательный эпос ... символ более походит на полузакрытый бутон, который в своей чашечке скрывает прекраснейшее нераскрыто, а аллегория подобна стремящемуся вишню ветвям пышно разросшегося растения» [14, с. 83–85].

Одним словом, Крейцер приписывал символу то, что другие романтики от Гердера до Шеллинга приписывали мифу. Для Крейцера символ в действительности представлял собой то, что, как считалось, представлял собой миф: символ удерживает в незримом единстве бесконечное и конечное, горнее и долнее, он представляет идею сразу и целиком, как луч он «пронзает основания бытия и мышления» и для понимания своего в одномоментном образе данного содержания он требует всех сил человека, активности всего его существа.

Можно выделить следующие основные моменты в крейцеровой интерпретации символа: во-первых, определение символа в качестве особого рода единства бесконечного и конечного, во-вторых, неопределенность и краткость как существенные черты символа, в-третьих, различие мистического и пластического символа.

В символе как способе выражения противоречия между конечным и бесконечным видна его двойная природа. Когда бесконечное стремится выразиться в конечном, в конечном оказывается видно, что это выражение неполно.

Крейцер демонстрирует исторические документации такого способа мысли. Древние люди мыслили, по Крейцеру, принципиально антропоморфически, потому что по-другому они не умели, потому что существовало определенное принуждение, которое двигало к тому, чтобы ставить себя в центр мира и все рассматривать по аналогии с собой, поэтому окружающее, и все силы для древнего человека это персоны, связь между силами – это любовь, вражда, ненависть, эрос и т. д. Крейцер говорит о том, что такое восприятие порождает тропический способ выражения, который распространяется на отношения между вещами, в таком способе выражения конечное связывается с конечным. Если душа хочет не только того, чтобы вещи друг друга ссылались, а если она хочет выразить идею, воспаряет к умопостигаемому, и это умопостигаемое хочет выразить в конечном, то тут она должна работать по другим принципам, чем когда она выражает конечное через конечное (в тропическом способе выражения). Для древнего человека из этого стремления рождаются те образы, которые функционируют не просто как художественные образы, а имеют религиозную природу, то есть мифологические образы. Они суть выражение бесконечного в конечном, и это не просто метафоры, но сами лица, вещи или стихии (Гефест, например, – не просто метафора для подземного огня, но сам этот огонь).

Символ неопределенен в следующем отношении: «...символ становится значительным и пробуждающим именно благодаря несовпадению сущности с формой и благодаря избытку содержания в сравнении со своим выражением. Тем больше он возбуждает интерес, чем больше он побуждает к мышлению. Именно на этом основании древние почитали его особенно действенным для того, чтобы пробуждать человека от привычек повседневной жизни к более высокому» [14, с. 68–69]. Несовпадение сущности и формы в символе делает его выманивающим из повседневности, заставляет обратиться к трансцендентному, превышающему тождественность формы и сущности образу, тем самым побуждая к мышлению и действию.

Краткость символа связана с моментальностью и внезапностью символа: «То пробуждающее и потрясающее связано с другим качеством – с краткостью. Это как внезапно являющийся дух, или как вспышка молнии, которая внезапно озаряет темную ночь» [14, с. 69]. Темнота символа не мешает его ясности – как и в приказе, в противоположность мольбе и просьбе. Перед лицом символического образа должен происходить почти принудительный образ действий. Таков символический образ.

Не обязательно понимать смысл приказа, чтобы его выполнить, необходима лишь вовлеченность в событие или символического образа, и тогда наступает подчинение приказу или постановка своих жизни и деятельности в согласие с символом.

В претензии символ соединяет теоретическое и практическое, провоцирует экзегетическую рациональность, дает импульс к практическому ориентированию. Символ оказывается теоретически неисчерпаем и практически многозначен. Постигание смысла символа происходит и практически, и теоретически одновременно. Для постижения смысла символа необходимо быть в открытости, тем самым проявлять человеческое качество жизни. В романтической теории символ становится активной инстанцией.

Фридрих Крейцер различает мистический и пластический символ. Основные черты символа- моментальная ясность, краткость, и скрывающаяся за ними значительность.

Теория символа была для Фридриха Крейцера исходным пунктом в работе над символикой и мифологией древних народов. Символ как выражение непосредственного опыта естественного окружения древнего человека объединял в себе как чувственное восприятие, так и мышление.

Заключение. Наследие Крейцера мало изучено не только в России, но и за рубежом. Немногие исследователи находят в себе силы преодолеть внешнюю комплексность его текстов, непоследовательность и неverifiedируемость идей и противоречивую герменевтическую стратегию. В качестве цели перед нами стояло изучение формирования идейных оснований становления мифологии как дисциплины. Мы рассмотрели основные черты интеллектуального пространства рубежа XVIII–XIX вв., и в его контексте понятия символа и мифа, символики и мифологии, романтические идеи в построении методологии изучения символики и мифологии древних народов. Ключевым моментом в становлении мифологии как дисциплины нам представляется само противоречивое интеллектуальное пространство эпохи романтизма, открытие новых исторических источников и символического материала; это обуславливало стремление исследователей к интеграции разнородных дисциплин и методов в единый план развития природы и знания.

Литература

1. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig Darmstadt. 1810–1812.
2. Jamme Ch. Portraying myth more convincingly: critical approaches to myth in the classical and romantic periods // International Journal of Philosophical Studies. 2004. Vol. 12 (1). P. 29–45.
3. Momigliano A. Friedrich Creuzer and Greek Historiography // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1946. Vol. 9. P. 152–163.
4. Howald E. Der Kampf um Creuzers Symbolik. Tübingen. 1926.
5. Grappin P. Littérature allemande. Paris. 1970. P. 422–470.
6. Wolf F. A. Darstellung der Altertumswissenschaft nach Begriff, Umfang, Zweck und Wert. Berlin: Akademie-Verlag, 1985.
7. Espagne M. Voß, Wolf, Heyne und ihr Homerverständnis // H. Böhme, G. Toepfer (Hrsg). Transformationen der Antike: Transformationen antiker Wissenschaften. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2010.
8. Münch M.-M. La “Symbolique” de Friedrich Creuzer. 1973.
9. Creuzer F. Das Studium der Alten als Vorbereitung zur Philosophie. // Studien. Hrsg. v. F. Creuzer u. C. Daub. Bd. 1. Heidelberg. 1805.
10. Creuzer F. Idee und Probe alter Symbolik. // Studien. Hrsg. v. F. Creuzer u. C. Daub. Bd. 2. Heidelberg. 1806.
11. Creuzer F. Das akademische Studium des Altertums nebst eine Plane der humanistischen Vorlesungen und des philologischen Seminarium auf der Universität zu Heidelberg. Heidelberg. 1807.
12. Creuzer F. Philologie und Mythologie, in ihrem Stufengang und gegenseitigen Verhalten. // Heidelbergische Jahrbücher der Literatur für Philologie, Historie, Literatur und Kunst. Erster Jahrgang. 1808.
13. Creuzer F. Dionysus sive commentationes academicae de rerum bacchicarum orphicarumque originibus et causis. Heidelberg. 1808.
14. Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 1 Bd. Leipzig – Darmstadt. 1810–1812.
15. The rise of modern mythology, 1680–1860 / [compiled by] B. Feldman, R. D. Richardson Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1972.

Поступила 20.03.2014

УДК 124.5

К. Э. Бурнашев, кандидат философских наук, доцент
(Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХРОНОТОПА В ВОПРОСАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Данная статья посвящена актуальной проблеме современного социально-философского знания – социальному пространству и вопросам его изучения. Рассматривается генезис представлений о социальном пространстве в зарубежной и отечественной традиции. В качестве наиболее конструктивного методологического принципа исследования социального пространства выдвигается принцип хронотопа (время – пространство). Отмечается недостаточная изученность хронотопа применительно к проблемам социально-гуманитарного знания и его эвристический потенциал при исследовании проблем, связанных с человеком и обществом. В заключении делается вывод о перспективах дальнейшего исследования проблем социального пространства сквозь ворота хронотопа.

This article is devoted to topical issues of contemporary social and philosophical knowledge – social spaces and study it. The genesis of the concepts of social space in foreign and domestic traditions. The most constructive methodological principle study extends the principle of social space chronotope (time – space). There is insufficient scrutiny hronotopa applied to the problems of social and humanities and its heuristic potential in the study of problems related to the individual and society. In conclusion, a conclusion about the prospects for further research on social space through the gates of the chronotope.

Введение. Пожалуй, сложно найти в истории социально-философского знания XX века такую проблему, которая, несмотря на явную заинтересованность исследователей, настолько бы ускользала от удовлетворительного разрешения, как проблема социального пространства. Еще в первой четверти XX века русско-американский мыслитель П. А. Сорокин отмечал существование социального пространства, но «тем не менее имеется очень немного попыток дать определение социальному пространству.... насколько мне известно, после Декарта, Гоббса, Лейбница, Вайгеля и других великих мыслителей XVII века только Ф. Ратцель, Г. Зиммель и недавно Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. Фон Визе и автор этих строк пытались уделить большее внимание проблеме социального пространства и другим вопросам, с ней связанным» [1, с. 297].

Более чем через полвека американский социолог Энтони Гидденс констатирует следующее: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве» [2, с. 174].

В конце 90-х годов XX века отечественный философ А. М. Бекарев также подчеркивает недостаточную изученность вопросов, связанных с социальным пространством: «Термин социальное пространство употребляется часто. Частота употребления порой вызывает рьябь в глазах и не проясняет смысла. Да и в итоге оказывается, что социальное пространство представляет собой не что иное, как "окультуренное", "оче-

ловеченное", но вполне природное пространство» [3].

Малоизученность проблемы социального пространства и в то же время значительную ее актуальность подчеркивают В. Н. Иванов и В. И. Патрушев: «... феномен социального пространства до сих пор остается «закрытой зоной», хотя именно эти проблемы становятся первоочередными» [4, с. 44].

Основная часть. Краткий экскурс в историю вопроса дает возможность констатировать, что проблема социального пространства, несмотря на неоднократные попытки ученых ее разрешить, так и остается проблемой. Это во многом связано со сложностью отражения самого объекта исследования. Он постоянно ускользает от четкого и однозначного определения. Так, например, вполне очевидным представляется нахождение человека одновременно в нескольких пространствах (например, геометрическом, географическом, культурном, этническом и т. д.), поэтому выделение сугубо социального пространства из всего многообразия пространственных форм – задача не из легких.

Первоначальные представления исследователей о социальном пространстве были сугубо механистическими. Оно мыслилось как трехмерное, подобное геометрическому пространству, без учета временной составляющей. Такую трактовку социального пространства проповедовали, главным образом, социологи, среди которых такие именитые классики, как Э. Дюркгейм и Г. Зиммель.

Особое место в этом ряду занимает фигура нашего соотечественника, знаменитого социолога и социального философа П. А. Сорокина,

который пытался преодолеть трехмерный взгляд на социальное пространство и выявить его многомерность [1, с. 297–300].

Мыслитель отмечает принципиальное несходство геометрического и социального пространств. Так, разные люди могут одновременно физически находиться в одном геометрическом пространстве. К примеру, чиновник, рабочий, актер, находясь в одном геометрическом пространстве, одновременно являются акторами различных социальных пространств. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве, могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение.

Исходя из вышесказанного, ученый делает попытку определить социальное пространство как своего рода вселенную, которая состоит из народонаселения Земли. Тем самым социальное пространство трактуется П. А. Сорокиным как глобальное, человеческое пространство. Исследователь подчеркивал многомерность социального пространства в отличие от трехмерности геометрического: «Эвклидово геометрическое пространство – трехмерное. Социальное же пространство – многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.)» [1, с. 300].

Вместе с тем, П. А. Сорокин, остается в плену механистического взгляда на социальное пространство. Ключевой фактор, влияющий на социальное пространство, остается за кадром. Этот фактор – время, которое способно придать социальному пространству конкретный смысл и реальное содержание.

В рамках теории относительности Альберта Эйнштейна к трем уже известным измерениям добавилось четвертое – время, которое и стало определяющим. Казалось бы, эта фундаментальная связь времени и пространства должна была изменить представления и о социальном пространстве, но этого не произошло. Американский социолог Энтони Гидденс в середине 80-х годов XX века писал: «Большинство социальных аналитиков рассматривают время и пространство всего лишь как окружение, в котором протекает деятельность и легкомысленно соглашаются с характерным для современной западной культуры представлением, сводящим

время к измеримому часовому времени» [2, с. 174]. Подход к социальному пространству, несмотря на сделанные открытия, оставался механистическим.

В качестве перспективного направления в исследовании социального пространства сквозь призму времени-пространства Энтони Гидденс выделяет концепцию временной географии, являющуюся синтезом географии и социальной теории шведского географа Т. Хагерстранда. «Подход, предложенный Хагерстрандом, основывается главным образом на определении видов ограничений человеческой деятельности, обусловленных конституцией (строением) человека и физической средой его социальной деятельности. Отсюда возникают всеобщие «пределы», ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве», – подчеркивал Э. Гидденс. [2, с. 175].

В направлении развития временной географии наряду с Хагерстрандом работает Джанелле. Предметом его научных исследований является феномен «сжатия» времени, «необходимого для преодоления расстояния между различными позициями, возникшего вследствие усовершенствования транспортных систем» [2, с. 179].

Философское осмысление социального пространства имеет существенные отличия от социологического. Это объясняется спецификой социологического и философского подходов в исследованиях социального пространства. Социология рассматривает социальное пространство главным образом в контексте проблем социальной мобильности, о которой возможно рассуждать исключительно конкретно. Философское же восприятие гораздо более абстрактно и выражается в осмыслении социального пространства как пространства, которое «образуется в сети отношений человека к миру. Оно само есть отношение» [3, с. 5].

Таким образом, социальное пространство предстает перед нами не в качестве предмета, который можно поставить в ряд с другими предметами и указать на него пальцем или выразить в каком-либо графике, таблице и т. п. Оно возникает исключительно на волне какого-то усилия со стороны человека по отношению к другому человеку и длится, пока данное усилие имеет место. Любое усилие, как известно, существует во времени и со временем же распадается, рассеивается под воздействием энтропии. Эта временность неразрывно связана с пространством, в котором данное усилие проявляется, пространственно оформляется. Время, тем самым, выступает важнейшей характеристикой социального пространства, без которой невозможно его понимание. Таким образом,

вхождение в смысл социального пространства возможно исключительно через ворота социального хронотопа, который предстает в бытии единства социального времени и пространства. Представим социальный хронотоп, по совету М. М. Бахтина, «почти как метафору, почти, но не совсем» [5, с. 234–235]. «Почти» потому, что для социальной реальности не характерен тот специфический смысл, который хронотоп имеет в математическом естествознании, «не совсем» ввиду концептуального включения неразрывной связи времени и пространства (в данном случае социального времени и социального пространства).

Социальные хронотопы играют совершенно особую роль в жизни социальных систем, они открывают смысл социального пространства. Социальные хронотопы выхватывают из потока истории, подверженного энтропии и распаду, определенного рода отношения Человека к Миру, оформленные пространственным образом и пребывающие в конкретное время и в конкретном месте. Социальный хронотоп позволяет актуализировать ранее существующие социальные отношения, воспроизвести в современных условиях прежние формы социального пространства. Такого рода социальное пространство – пространство античного полиса.

Войти в смысл социального пространства античного полиса мы можем исключительно через ворота уникального социального хронотопа под именем «агора» (греческая площадь).

«На площади впервые раскрылось и оформилось автобиографическое (и биографическое) самосознание человека и его жизни на античной классической почве... В этом конкретном и как бы всеобъемлющем хронотопе совершались раскрытие и пересмотр всей жизни гражданина...» [5, с. 282–283].

Порождение такого хронотопа во многом связано с представлениями самих греков о времени и пространстве. Время греков – это так называемое «вечное настоящее», ибо все здесь и сейчас, целиком и полностью должно пребывать, свершиться. В этом своем времяощущении греки были поклонниками мига (бытия целиком и полностью пребывающего в настоящем). Выражения типа «завтра знать или быть добродетельным не имеет никакого смысла», или «на вчерашней добродетели нельзя почивать» – яркий пример такого отношения ко времени. Именно такое ощущение времени греками обусловило их способ оформления социального пространства как пространства пребывания, пространства диалога.

Социальное пространство античного полиса держалось на феномене вертикального состояния сознания древних греков, которое и позволяло

держат и воспроизводить особого рода социальные отношения. Эти отношения, как известно, были неотделимы от политических, частных, культурных и т. д., более того, они сами и были всем этим.

Пожалуй, никогда в истории человечества социальное пространство не было выражено столь рельефно, как в эпоху греческой цивилизации. Человек был максимально овнешнен – социален. Социальный хронотоп греческой площади (агоры) послужил образованием совершенно уникального социального пространства, которое само было способным производить особого рода гражданские отношения, то есть было интеллигибельной материей, проходя через которую человеческий материал упорядочивался.

Распад уникального греческого социального пространства был обусловлен внутренними причинами, главнейшей из которых явилась утрата того самого вертикального состояния сознания, того усиления значительного числа людей, которое и позволяло удерживать напряжение особого рода социальности. «Был полис, существовал топос. Социальный топос, в котором жили греки, и пока держался топос, держались и греки, топос и был Грецией» [6, с. 111–112]. К сходным выводам приходит в своих размышлениях и М. М. Бахтин, констатируя следующее: «Самосознание его (имеется в виду греческий гражданин – К. Б.), утратив народный хронотоп площади, не могло найти такого же реального единого и целостного хронотопа; поэтому оно распалось и разъединилось, стало абстрактным и идеальным» [5, с. 286].

Важность социального хронотопа для понимания социального пространства греческого полиса сложно переоценить.

Время выступает в качестве четвертого и решающего измерения социального пространства, именно оно организует, придает ему конкретный смысл.

В организации социального пространства важное место играет реальный социальный хронотоп встречи. Встречи, как известно, происходят в конкретное время и в конкретном месте (пространстве). Будь то встречи дипломатические, творческие или свидания влюбленных – все они порождают определенные социальные отношения, способствуют оформлению социального пространства в конкретном месте в конкретное время.

С социальным хронотопом встречи тесно связан другой хронотоп – реальный хронотоп дороги. «На дороге пересекаются в одной временной и пространственной точке пространственные и временные пути многообразных людей – представителей всех сословий, состояний,

вероисповеданий, национальностей, возрастов. Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью» [5, с. 392]. Эта точка – месторазвитие определенного рода социальных отношений, которые возникли исключительно по воле случая. Понятие «месторазвитие» фигурирует в знаменитом труде русского мыслителя Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [4, с. 189]. Оно характеризует специфические физико-географические условия месторазвития этноса.

Месторазвитие указывает на наличие у этноса своего специфического пространства, которое фактически является домом, естественным местом, на котором он зародился и получил толчок к развитию. Далеко не всякое пространство, по мнению Л. Н. Гумилева, может стать таким месторазвитием.

Социальное пространство имеет свое место развития, которое неповторимо в той мере, в какой неповторимо и отношение Человека к Миру. Но место развития этноса и социальное пространство, конечно же, не одно и то же.

Заключение. Понимание социального пространства как времени-пространства играет важную роль в решении практических задач социальной теории, например в конструировании социальных технологий, что отмечают отечественные социологи В. Н. Иванов, В. И. Патрушев, которые пишут: «Категории социального пространства и социальное время являются основополагающими для технологизации... социальные время и социальное пространство выступают категориями социального бытия не только в смысле описания его на духовно-теоретическом уровне; они являются исходными схемами построения обыденного поведения людей и их повседневных взаимодействий...» [4, с. 42–43].

Хотелось бы подчеркнуть, что применение принципа хронотопа, а также теснейшим образом с ним связанного понятия «месторазвития» в исследовании социального пространства является весьма перспективным в методологическом отношении. Смысл социального пространства мы, очевидно, можем постичь лишь через «ворота» социального хронотопа, через взаимное восприятие временных и пространственных характеристик, ему свойственных. Современная техногенная цивилизация характеризуется особым переживанием времени, уско-

ренным ритмом жизни и, как следствие, совершенно непохожей на другие эпохи организацией социального пространства. Здесь весьма существенны ресурсы синергетического описания и понимания нестабильной реальности, а с ней и социального времени.

По определению одного из отечественных исследователей феномена глобализации средствами синергетического подхода В. П. Шалаева, современные нам процессы глобализации не что иное, как процессы превращенного развития мира в его западофицированной форме уподобления и подчинения незападным стран и народов мира западной мировой оси истории [8]. Западофицированная форма глобализации привела к колоссальным цивилизационно-культурным сдвигам в развитии мира. Созданная этими процессами цивилизационно-культурная сложность способна коренным образом изменить сложившуюся форму социального бытия человека. Вызов сложности, пожалуй, один из основных феноменов современности, непосредственным образом связанный с одним из самых перспективных фундаментальных и прикладных направлений философского изучения человека и общества, их социального пространства и времени [8].

Литература

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
3. Бекарев А. М. Свобода человека в социальном пространстве. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1999. 172 с.
4. Иванов В. Н., Патрушев В. И. Социальные технологии. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1999. 432 с.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
6. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Аграф., 1998. 320 с.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2002. 578 с.
8. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: Человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.

Поступила 20.03.2014

УДК 111+152.27

С. Л. Шалаева, кандидат философских наук, доцент
(Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия)

ПЕДОЛОГИЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются истоки возникновения педологии, описывается непростая и непродолжительная история ее становления в России, а также анализируются причины, которые привели к официальному ее запрету. С социально-философских позиций анализируются место и роль педологии в системе воспитания в современном обществе.

This article discusses the origins of pedology, describes a complex and a brief history of its development in Russia, and analyzes the causes that led to its official prohibition. From socially-philosophical positions the place and a role pedology in an educational system in a modern society are analyzed.

Введение. Идея о важнейшем значении изучения детства для решения как теоретических (философских, методологических), так и практических (в первую очередь педагогических) задач фактически всегда признавалась философами, психологами и педагогами. Знания психологических и физиологических закономерностей детского развития явились основанием педагогических систем Я. А. Коменского, Ж. Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Дж. Локка, К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова. Однако планомерное научное изучение детства началось лишь во второй половине XIX века, когда в философии (благодаря Г. Гегелю) и в естествознании (в первую очередь благодаря созданию эволюционной теории Ч. Дарвина) получила распространение идея поступательного развития, обозначилась возможность объективного познания ребенка, которая вселяла надежду сделать целенаправленным, научно обоснованным процесс его воспитания, формирования его личности. В последнее десятилетие XIX века в изучение детского развития включились многие ученые разных специальностей в различных странах Европы и Америки. Изучение ребенка шло в разных направлениях [1, 2, 3].

В конце XIX – начале XX века был накоплен достаточно богатый фактический материал о детском развитии, позволивший сформулировать ряд принципиально важных выводов. Теоретическое осмысление этих данных вызвало стремление создать целостное представление о ребенке на различных стадиях возрастного развития. Так появилась педология (от греч. *paîs* – дитя + *logos* – слово, наука) – направление в науке, ставившее своей целью объединить подходы различных наук (медицины, биологии, психологии, педагогики) к развитию ребенка. Феномен педологии заключался изначально в ее устремленности к налаживанию пространства диалога наук о ребенке и воспитании подрастающего поколения в обществе.

Основная часть. Начало педологии ряд исследователей связывает с именем немецкого врача И. Тидемана, который в 1787 году издал сочинение «Наблюдение над развитием душевных способностей у детей». Однако началом систематического изучения детей считается сочинение немецкого физиолога Г. Прейера «Душа ребенка» (1882). Если Прейера исследователи в области истории педологии считают идейным вдохновителем, то создателем этого направления, основателем педологии считают американского психолога С. Холла, который в своих трудах предпринял первые попытки комплексного (используя более современный термин – междисциплинарного) подхода к проблемам возрастного развития. В 1889 году С. Холл создал первую педологическую лабораторию, выросшую в институт детской психологии. Благодаря Холлу уже в 1894 году в Америке насчитывалось 27 лабораторий по изучению детей, издавались четыре специализированных журнала. Им были организованы ежегодные летние курсы для педагогов и родителей. Сам же термин «педология» был предложен учеником Холла Оскаром Хризманом (Oscar Chrisman) в 1893 году для обозначения науки, призванной объединить разнообразие знания о ребенке.

Распространившись в Америке, педологическое движение проникло в Европу, поставив перед собой задачу создания научных основ педагогики, занявшись разработкой методов исследования детской природы. Наряду с термином «педология» употреблялись равнозначные определения: психология детства, педагогическая психология, экспериментальная педагогика, гигиена воспитания и другие. На рубеже XIX–XX веков термин «педология» стал популярным и получил широкое распространение. Стремление к всестороннему исследованию ребенка в это период также связано с именами таких ученых, как Дж. Болдуин, А. Чемберлен

в США, В. Прейер, К. Грос, К. и В. Штерн, Э. Мейман в Германии, Б. Пере, А. Бине, Г. Компейре во Франции, Дж. Сёлли в Великобритании, Э. Клапаред в Швейцарии, Ж. Демор и О. Декроли в Бельгии.

Россия не осталась в стороне от движения за изучение ребенка и построение системы воспитания и обучения, основанной на знании закономерностей детского развития. Русская наука развивалась в тесном контакте с зарубежной, наиболее значимые зарубежные исследования по этой проблематике были переведены на русский язык. Появление педологии в России было подготовлено идеями К. Д. Ушинского о необходимости всестороннего изучения воспитуемого человека, которые он высказал и серьезно обосновал в своем многотомном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Основоположником русской педологии считают профессора А. П. Нечаева. В 1901 году он создал в Петербурге первую в России лабораторию экспериментальной педагогической психологии, где изучались особенности психики детей разных возрастов. В 1904 году при этой лаборатории были открыты педагогические курсы. Подобные курсы были организованы в Москве, Нижнем Новгороде, Самаре. В 1907 году постоянные педологические курсы А. П. Нечаев преобразовал в Педагогическую академию. В исследование проблем детского развития включились И. А. Сикорский, П. Ф. Лесгафт, В. М. Бехтерев, Г. И. Россолимо и др. В Петербурге (1907) В. М. Бехтеревым был создан Педологический и Психоневрологический институты, основан журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии». Сторонниками и организаторами исследований по изучению детского развития стали Н. Е. Румянцев, Л. Е. Оболенский, А. Н. Бернштейн, А. Ф. Лазурский. Педология была широко представлена на Всероссийских съездах по педагогической психологии (1906 и 1909) и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916), главная заслуга в организации которых принадлежит А. П. Нечаеву. Все это свидетельствовало о принятии общественным сознанием идей педагогической антропологии К. Д. Ушинского о важности знаний основных закономерностей формирования и развития детского организма и его психики для успешной педагогической деятельности, о необходимости целостных представлений о человеке для воспитания и обучения.

В России педология находилась на пике своего развития в 20-е годы XX века. Большинство представителей первого поколения педологов в России были врачами. Их привлекали в первую очередь «исключительные дети» —

одаренные, дефективные, трудные в воспитательном отношении. Ориентируясь на быстро развивающиеся в то время естественные науки, педология первоначально обратила свое внимание на вопросы исследований психофизиологических особенностей развития подрастающей личности, при этом мало внимания уделяя социальным и социокультурным проблемам человека как предмета воспитания. Но со временем на первый план стала выходить именно психологическая сторона исследований, и постепенно педология стала приобретать ярко выраженную психологическую направленность. Педологи работали в детских садах, школах, различных подростковых объединениях. Активно осуществлялось психолого-педологическое консультирование, проводилась работа с родителями, разрабатывалась теория и практика психодиагностики. В Ленинграде и Москве действовали институты педологии, где представители разных наук пытались проследить развитие ребенка от рождения до юности. Педологов готовили весьма основательно: они получали знания по педагогике, психологии, физиологии, детской психиатрии, невропатологии, антропологии, социологии, причем теоретические занятия сочетались с повседневной практической работой. Развилась сеть педологических учреждений, была издана обширная литература, проведены конференция (1927) и съезд педологов (1928), выходил журнал «Педология» (1928–1932), а с 1923 – в Орле начал выходить «Педологический журнал» под редакцией М. Я. Басова.

Характеристику особенностей детей различных возрастных периодов дали Е. А. Аркин, И. А. Арямов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, М. М. Рубинштейн, Н. А. Рыбников, А. А. Смирнов и др. Важные данные были получены при исследовании высшей нервной деятельности детей (Н. И. Красногорский), при изучении познавательных процессов у ребенка, при выявлении интересов и потребностей детей, в т. ч. в детских коллективах и др. (П. Л. Загоровский, А. С. Залужный, Н. М. Щелованов и др.). Методы педологических исследований разрабатывали М. Я. Басов, А. П. Болтунов и др. Предпринимались попытки теоретического осмысления полученных данных в целях разработки общей теории детского развития (М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, А. Б. Залкинд) [2, 1, 4].

Большую роль во внешней и внутренней формализации педологии как научно-практического направления сыграл Первый педологический съезд. В его работе приняло участие свыше 2000 человек. В президиум съезда было избрано более 40 ведущих специалистов в области педологии, в составе почетного президиума

значились Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, Н. А. Семашко, И. П. Павлов и др. Торжественное открытие съезда, намеченное на 27 декабря 1927 года было перенесено на следующий день с связи с трагической кончиной В. М. Бехтерева. С 28 по 30 декабря работал пленум съезда, с 30 декабря по 4 января работало семь секций по разным направлениям.

Выступая на съезде, А. В. Луначарский в своем докладе говорил о том, что «в голове каждого учителя должен сидеть маленький, но достаточно крепкий педолог» [5, с. 80].

Главным содержательным докладом съезда был доклад известного советского психиатра, психоневролога и педолога Арона Борисовича Залкина «Педология в СССР», посвященный общим вопросам педологии, в котором подводились итоги проделанной работы, назывались основные направления педологии, существовавшие на данный период, а также обозначались учреждения, занимавшиеся педологическими исследованиями и практикой. В докладе подводились итоги практически всех (а не только педологических) исследований детства за последние десятилетия.

На этом съезде педология получила официальное признание, объединила свои силы, обозначила пути сотрудничества с педиатрией и педагогикой. После съезда начал выходить объемный журнал «Педология» под ред. проф. А. Б. Залкина, первые номера которого в основном были собраны из докладов, прозвучавших на съезде. Педология получает необходимые ассигнования, и практически период с начала 1928 по 1931 год является расцветом советской педологии.

Педология стремилась изучать ребенка, при этом изучать комплексно, во всех его проявлениях и с учетом всех влияющих факторов. Л. С. Выготский определял педологию как науку о целостном развитии ребенка. Можно выделить четыре основных принципа, на базе которых строилась педологическая работа [3, с. 382]:

1. Ребенок – это целостная система. Он не должен изучаться только «по частям» (что-то физиологией, что-то психологией, что-то неврологией).

2. Ребенка можно понять, лишь учитывая, что он находится в постоянном развитии. Генетический принцип означал принятие во внимание динамики и тенденции развития. Примером может служить понимание Л. С. Выготским эгоцентрической речи ребенка как подготовительной фазы внутренней речи взрослого.

3. Ребенка можно изучать лишь с учетом его социальной среды, которая оказывает влияние не только на психику, но часто и на мор-

фофизиологические параметры развития. Педологи много и достаточно успешно работали с трудными подростками.

4. Наука о ребенке должна быть не только теоретической, но и практической.

К концу 20-х годов XX века педология начала претендовать на роль «марксистской науки о детях», монополизируя право на изучение ребенка, оттесняя педагогику и поглощая психологию, анатомию и физиологию детского возраста. Противоречия внутри науки нарастали. К их числу, по нашему мнению, можно отнести следующие:

1. Предмет педологии с самого начала не был определен с достаточной четкостью. Перед наукой ставилась задача собирать и систематизировать все, что относится к жизни и развитию детей. На деле вместо целостного представления о ребенке составлялась компиляция мало связанных между собой сведений из разных наук, изучающих ребенка, и эти противоречия фактически поддерживались идеологической сферой, принимая политическую окраску... Приоритетную роль получила социогенетическая концепция, пропагандировавшая примат среды в развитии ребенка (А. Б. Залкин).

В журнале «Педология» в 1931 году появляется новая рубрика – «Трибуна», специально отведенная для разоблачения «внутренних» врагов в педологии.

Все это породило, в частности, нездоровую атмосферу в научной среде. Такое состояние науки препятствовало нормальной исследовательской деятельности.

2. Широчайшее распространение в качестве рабочего инструмента педологии приобрел метод тестов. Некритически заимствовались образцы западных тестов. Результаты тестирования считались достаточным основанием для психологического диагноза и прогноза. Такой подход впоследствии привел к дискредитации метода тестов на долгие годы.

3. Практическое применение педологии требовало большого числа специалистов, но их не было, к работе зачастую привлекались мало подготовленные люди. В результате многочисленные педологические исследования (точнее, обследования) детей приносили мало пользы, а порой наносили большой вред. К тому же существовала неразбериха в организационном и управленческом обеспечении – педологическая работа проводилась в основном по линии здравоохранения, лишь в Москве и Ленинграде педологические учреждения состояли в ведении Наркомпроса РСФСР.

4. Широкое распространение приобрел отбор детей во вспомогательные классы и школы на основе тестовых методик. В первой половине

30-х годов XX века число этих школ в крупных городах возросло до нескольких десятков. В Ленинграде, например, в 1936 году их насчитывалось 57 [2, с. 108]. Однако кадрово и материально они оснащены не были, так как отечественная дефектологическая служба только начинала складываться.

5. Злоупотребления тестами вели к недопустимым для власти социальным последствиям, не учитывающим политического момента: в состав, как тогда говорили, дефективных учащихся по итогам испытаний чаще попадали представители рабочих, крестьян и пролетариата, а в составе одаренных оказывались дети социально чуждых слоев – дети интеллигенции, священников, белогвардейцев и др.

П. Я. Шварцман и И. В. Кузнецова, исследуя становление и развитие педологии как науки, высказывают предположение, причину запрета педологии надо искать не только в ее содержании, но и в определенной политической игре «верхов», и удар хотели нанести по Н. К. Крупской [4, с. 135].

4 июля 1936 года ЦК ВКП(б) издает постановление «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», которое фактически запретило педологию. Все исследования, носившие название педологических, были прекращены, труды педологов были изъяты из употребления.

Заключение. Педологические опыты не были доведены до своего завершения ни на уровне теории, ни на уровне педагогической практики в России. Были загублены чрезвычайно перспективные ростки системного, целостного видения науки о воспитании и развитии подрастающих поколений, что сопровождалось уничтожением педологического наследия и гибелью ее создателей и последователей.

Исследователи стали ставить перед собой конкретную, ограниченную задачу изучения той или иной стороны жизни ребенка. Возрастная психология, возрастная физиология, педагогическая психология стали в значительной мере обособленными друг от друга отраслями знания.

Педология угадала, начала активно, но хаотично и эмоционально разрабатывать феномен личности и ее развития, не сумев системно осмыслить эту проблему, организовать системное ее изучение и внедрение в педаго-

гической сфере в условиях глобальных социокультурных трансформаций начала XX века в мире и России.

Важны два момента оценки феномена педологической науки в советской России. С одной стороны педология есть несомненный феномен общеевропейского ответа социально-гуманитарной науки на активно набирающие силу идеи личности, развития личности, отношения личности и общества, личности и социальных институтов, в том числе личности и государства. Наряду с педологией в конце XIX – в начале XX вв. в Европе стали формироваться западный экзистенциализм, постмодернизм, религиозная русская философия, персонализм Н. Бердяева, Вальдорфская педагогика и др. Второй момент заключается в том, что ответ, данный отечественной педологией, пришелся на переломную эпоху развития российского общества и государства с присущими советскому времени идеологичностью, политической жесткостью принимаемых решений.

Задача комплексного, междисциплинарного, целостного изучения ребенка остается не только теоретически актуальной, но и практически значимой в условиях глобальных трансформаций современного общества.

Литература

1. Никольская А. А. Педология // Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. / гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 1999. С. 132–134.
2. Баранов В. Ф. Педологическая служба в советской школе 20–30-х гг. // Вопросы психологии. 1991. № 4. С. 100–112.
3. Мещерякова И. А. Педология // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 381–383.
4. Шварцман П. Я., Кузнецова И. В. Педология // Репрессированная наука / под общ. ред. проф. М. Г. Ярошевского. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 212–139.
5. Коджаспирова Г. М. Педагогическая антропология. М.: ГАРДАРИКИ, 2005. 287 с.
6. Кузин В. В. К 60-летию трагических событий и их последствиям (реквием педологии // Физическая культура. 1996. № 3. С. 18–21.

Поступила 20.03.2014

УДК 316.728:330.58+316.485

Н. А. Лазаревич, доцент (Институт философии НАН Беларуси)**СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ**

В статье рассматриваются содержание и методологическое значение понятия качества жизни, позволяющее охарактеризовать объективные условия жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих условий применительно к современным стратегиям социально-экологического развития. Определены базовые ценностные ориентации и ожидания различных социальных групп населения Беларуси в отношении эффективной социальной политики в области экологии. Показано, что в современных моделях социальной модернизации экологическая составляющая качества жизни является определяющей по отношению к другим факторам мироощущения и поведения человека.

In the article the content and methodological meaning of the life quality is considered. The life quality provides an opportunity to characterize the objective conditions of human life and the subjective evaluation of these conditions applied to modern strategies of social and environmental development. The basic value orientations and expectations of different social groups in Belarus in relation to effective social policy in the field of ecology have been defined. It is shown that the environmental component of life quality in the modern models of social modernization is a define constant in relation to other factors of man's mental outlook and behavior.

Введение. Уровень и качество жизни населения - важнейшие критерии оценки эффективности социальной политики государства, которая представляет собой комплекс мер, направленных на обеспечение условий удовлетворения разносторонних потребностей граждан, повышение уровня благосостояния народа и создание системы социальных гарантий для представителей различных групп населения. Современная социальная политика неразрывно связана с политикой экологической, что обуславливает включение экологической компоненты в число интегральных показателей качества жизни населения.

Основная часть. Обеспечение высокого уровня жизни населения является одной из основных задач общественного развития. Уровень жизни характеризуется сочетанием и взаимодействием двух составляющих: во-первых, степенью обеспеченности населения материальными и нематериальными благами и, во-вторых, степенью их потребления. Данный критерий определяется *количественными* показателями, чаще всего абстрагированными от их качественных значений. Обобщенный показатель уровня жизни населения – это реальный объем ВВП на душу населения. Но этот показатель может дать только общую картину социального благополучия и поэтому нуждается в качественной определенности. Неслучайно термин «качество жизни» появился тогда, когда стало очевидно, что категория уровня жизни не отражает всестороннего благосостояния населения, и лишен мотивированных интенций относительно удовлетворенности жизнью, прежде всего, на экзистенциальном уровне.

Уровень и качество жизни взаимосвязаны в том смысле, что изменение качества, т. е. переход

от «старого» качества к «новому», совершается тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенной границы. В случае кризисных ситуаций снижение уровня жизни закономерно ведет к ухудшению ее качественных характеристик [1]. Так, кризис 1992 г., связанный с падением ВВП в Республике Беларусь на 36% и радикально понизивший уровень жизни населения, обусловил резкое падение качественных характеристик жизни большинства граждан. В соответствии с основными постулатами диалектики содержанием качественного скачка является сложное переплетение двух процессов: исчезновения старого качества и возникновение нового, а также установление нового единства качественных и количественных характеристик [2, с. 35].

Традиционно качество жизни связывалось с материальным благосостоянием, здоровьем граждан, обновлением городской и сельской инфраструктуры и т. п. Но вскоре оно стало рассматриваться под более широким углом зрения, т. е. в контексте обеспечения жизнеспособности человека и общества, и трактоваться как составная часть социального идеала, который необходимо достигнуть, ориентируясь при этом на новые отношения между людьми и гармонией социальных и духовно-культурных ценностей. Категория «качество жизни» в таком случае расширяет возможности научного исследования благосостояния общества и является теоретической базой для определения целей и задач его развития.

В настоящее время в Беларуси и за рубежом существует ряд концептуальных подходов к определению структуры качества жизни. Достаточно указать на три основных направления, в русле которых формируются семантика

и методологическое значение данного понятия. В соответствии с первым из них качество жизни рассматривается как *объективная* характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом случае включаются такие показатели, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др.

Второе направление делает акцент на *субъективные* составляющие качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. Основными экзистенциальными характеристиками здесь выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала, переживания по поводу самого процесса и результата жизни и т. п. По сути, речь идет о так называемом «ощущаемом качестве жизни», что является не менее важным условием социального успеха, чем владение, скажем, определенными материальными ценностями. Ощущаемое качество жизни – это внутренние убеждения человека по поводу его состоятельности и возможной самореализации. Это важный психологический стимул и регулятор жизни, который формируется на личностном уровне и который должен быть обязательно эксплицирован в системе существующих социальных идеалов.

Наконец, к третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены как *объективные*, так и *субъективные* характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек – жизнь». Это своего рода компромисс между стремлением к материальному достатку и внутренними нормами контроля поведения, основанного на духовных ценностях, самосознании и понимании смысла жизни, заботе о других.

Экологические ценности традиционно занимают важное место в определении качества жизни. Это связано с тем, что человек, его жизнедеятельность, физическое и духовное здоровье тесно связаны с состоянием окружающей природной среды, экологические показатели которой в настоящее время стремительно ухудшаются. Причина этого кроется в исторически сложившейся практике природопользования, при которой нагрузка на природные комплексы превышает допустимые пределы и нарушает экологическое равновесие в биосфере. Нарастающие темпы загрязнения окружающей среды, связанные с выбросом вредных компонентов, нарушением технологических регламентов производства, отсутствием элементарной эко-

логической культуры, не только снижают качество жизни, но и угрожают этой жизни как таковой. Сегодня в крупнейших городах мира загрязненность воздуха выхлопами автомобиля оценивается в 70–90%. Это сказывается на росте онкологии, заболеваний бронхов, развитии астмы, аллергии и др.

Процесс урбанизации все больше напоминает сценарий техносферизации планеты, стремительное замещение биосферных пространств техно-искусственным миром. Сейчас в городской среде (около 3% территории суши) проживает половина населения планеты, а 50–55% суши изменено в результате социально-экономической деятельности людей. Расчеты показывают, что к 2020 г. под городскими застройками будет находиться 4% суши, а к 2070 г. – около 13%, что составляет 20% непригодного пространства. «Основная масса людей, – отмечает В. А. Кутырев, – живет в урбанистических комплексах, и наиболее прогрессивная часть человечества с естественным, помимо своего тела, не сталкивается вовсе... Часть и целое, элемент и система, организм и биоценоз взаимообусловлены, и искусственное окружение не может не трансформировать человека в соответствующее себе состояние как в телесном, так и в духовном плане» [3, с. 138].

На качество жизни влияют следующие факторы: ухудшение среды обитания, ведущее к снижению продолжительности жизни, увеличению заболеваемости, смертности и ухудшению генофонда населения; деградация возобновляемых природных ресурсов; возрастание риска крупных техногенных катастроф; загрязнение воздушного бассейна и изменение климата; опасное загрязнение продуктов питания и др. Все это ведет к росту социальной напряженности и трансформации основ позитивной коэволюции человека и природы.

Согласно имеющимся социологическим исследованиям, белорусы интегрально увязывают состояние природной среды и своего благополучия. Рост качества жизни проявляется в улучшении качества окружающей природной среды. [4, с. 88].

**Оценка белорусским населением
экологических условий своей жизни,
2013 (%) от числа опрошенных)**

Параметры	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое	Затрудняюсь ответить	Всего
Качество питьевой воды	24,2	37,3	21,3	10,8	6,4	100

Окончание табл.

Параметры	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое	Затрудняюсь ответить	Всего
Чистота воздуха	22,6	40,8	20,9	7,1	8,7	100
Озеленение региона	28,9	44,9	15,0	5,8	5,3	100
Экологическая ситуация в целом	17,2	37,9	23,4	7,9	13,6	100
Общий индекс качества экологической среды: 2011 г. – 49,6 п., 2013 г. – 23,8 п.						

Преобладающая часть белорусского населения удовлетворена экологическими условиями своей жизни (54,2%). Как «хорошие», их оценивает только 17,8% респондентов. Численность респондентов, давших отрицательную оценку экологическим условиям своего проживания, составила 1/5 часть от всех опрошенных. В рейтинге проблем, волнующих белорусское население, на экологическую ситуацию в 2009 году указали 12,3% респондентов, в 2010 году – 15,4%, а в 2013 г. – 23,8%, что свидетельствует о нарастании значимости экологического фактора в жизни людей и определении ее (жизни) качества. Поэтому по итогам 2013 г. общий индекс качества экологии снизился по сравнению с 2011 годом до 23,8 пунктов.

Поиск перспектив конструктивной коэволюции общества и природы возможен в рамках так называемой экологической модернизации. Анализ принципов экологической модернизации, сформулированных в работах О. Аксеновой, А. Мола, А. Панарина, позволяет сделать вывод о том, что все они ориентированы на коренное изменение сложившихся моделей природопользования. Экомодернизация как политическая стратегия предполагает серьезные изменения в формах, методах осуществления экологической политики. Экологические приоритеты и соответствующие программы объективно становятся составной частью современного европейского и мирового политического дискурса.

Примером могут служить политические дискуссии по поводу Киотских протоколов, конференции ООН по проблемам окружающей среды (1992, 2002, 2012 гг.). Экологические ценности принимаются во внимание при выработке как региональных политических задач, так и задач глобального общепланетарного характера, связанных с обеспечением высокого уровня и качества жизни людей при сохранении необходимого качества окружающей среды.

Заключение. Экологические ценности должны лечь в основу выработки как региональных политических задач, так и задач глобального общепланетарного характера, связанных с обеспечением высокого уровня и качества жизни населения. Качество жизни находится в русле принятой в 1997 году «Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь». Понятия «человек», «развитие», «окружающая среда», «глобальная безопасность» в рамках реализации данной концепции увязываются воедино. Обеспечение достойной жизни своих граждан является целью и смыслом деятельности белорусского государства и общества, что достигается в результате осуществления эффективной социальной политики, модернизации экономики и развития культуры с ориентацией при этом на конструктивные принципы глобального эволюционизма.

Литература

1. Субетто А. И. Качество жизни, здоровье нации и безопасность России – главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства // «Академия Тринитаризма». М., Эл № 77–6567, публ.10904, 25.12.2003
2. Сосновский Л. А. Качество жизни: Беларусь в современном сообществе. Гомель, 2004.
3. Кутырев В. А. Пост-пред-гипер-контр-модернизм: концы и начала // Вопр. философии. 1998. № 5. С. 123–138.
4. Соколова Г. Н., Сечко Н. Н., Таранова Е. В. Уровень и качество жизни как предпосылки перехода к постиндустриальному обществу // Социология. 2010. № 4. С. 86–99.

Поступила 24.03.2014

УДК 167/168:001:62

И. И. Дыдышко, директор Одесского колледжа транспортных технологий, аспирант кафедры философии и истории Украины (Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

РАЗВИТИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК КУЛЬТУРОГЕННОГО ПРОЦЕССА

В статье исследуется и эксплицируется сущность технического знания. Этапы развития технического знания выделены по типам цивилизационного развития человечества – традиционный, техногенный, информационный. Анализ роли технического знания раскрывает процесс раскрепощения технического духа человечества. Объяснено отличие технического знания от технических наук на основе динамики объективного и субъективного.

The article investigates and is explicates the essence of technical knowledge. The stages of development of technical knowledge are highlighted by the types of civilization development – traditional, technological and informational. Analysis of the role of technical knowledge discloses a process for the emancipation of the technical spirit of humanity. The difference from the technical knowledge of technical sciences is explained on the basis of objective and subjective dialectics.

Введение. История техники, технического знания и технических наук всегда волновала философскую мысль. Философы всегда стремились адекватно реагировать на все вызовы социального бытия соответствующим философско-культурологическим «мыследействием», особенностями личной «геометрии» мышления, что представляло исследуемую проблему в различных ракурсах и ипостасях.

Одной из таких проблем является исследование процесса становления и развития технического знания. Анализ идей относительно данной проблемы показывает, что мыслители различных эпох изначально осознавали необходимость минимизировать на всем мировоззренческом поле массив фундаментальных идей, внося в них элементы упорядоченности. Попутно на них лежал и груз большой ответственности за прогресс в отношении аккумуляции и систематизации фактологического материала, за поиск такого языка интерпретации, при котором фундаментальная концепция недвусмысленно выявляла бы свою специфическую социально-онтологическую и гносеологическую уплотненность, не стремясь при этом, по выражению У. Оккама, «без нужды увеличивать число сущностей».

Исследование архитектоники технической реальности позволяет в ней выделить четыре смыслообразующих ее компонента: технику, техническое знание, технические науки и технические кадры – инженерию, составляющую мозговой центр, образуемой этими компонентами, технической реальности. Анализ этих компонентов сформировал новую философскую рефлексию – философию техники, которая ведет свой отсчет с 1877 г., когда была опубликована работа Э. Каппа «Основные направления философии техники. К истории возникновения культуры с новой точки зрения». Уже в название своей работы он закладывает

культурологический аспект, что позволяет все элементы технической реальности исследовать в призме движения культурогенного процесса, охватывающего и материальную, и духовную сферы культуры.

Цель статьи заключается в обосновании технического знания как социокультурного феномена, имеющего особенности своего становления и развития на всех этапах общественного развития.

Основная часть. Современная научно-техническая реальность такова, что в процессе ее развития имеют место трансформации, охватывающие все ее аспекты. Эти трансформации требуют отказа от исчерпавших свой познавательный потенциал подходов и концепций, которые не способны вывести данную отрасль знания на новую ступень развития. Обновление не может не включать в свое содержание культурогенные аспекты исследуемого технического знания.

С этой установки для более полной характеристики проблемного поля технического знания как комплекса исследований в центре которого стоят технико-технологические, историко-философские, методологические и гносеологические проблемы, как культурогенного процесса общественного развития необходим философский дискурс в те ареалы исследования, которые поставили данную проблему и предложили свое видение ее понимания. Чтобы уйти от общих рассуждений о техническом знании, попробуем посредством философского дискурса конкретизировать его содержание и понимание в разные исторические эпохи. При этом под философским дискурсом, его смысловым содержанием понимается процесс мышления не как «чистая» идеальность, субъективная имманентность и монологичность, а как продукт деятельности, в котором и посредством которого субъект выражается и актуализируется

как участник культурной коммуникации. В то же время дискурс – это «наиндивидуальное образование... обладающее определенным кодом, позволяющим поддерживать культурную коммуникацию и позиционировать индивидом себя как принадлежащего данной культурной целостности» [1, с. 121].

Рассматривая техническое знание как дискурсивное образование необходимо иметь в виду, что это образование культурно-типового характера, оно представляет собой особую целостность, в которой основные универсалии, составляющие ее, пребывают в виде конструктивной взаимозависимости.

Технические знания представляют собой область знаний, непосредственно связанную с человеческой деятельностью. Эти знания возникают в результате целесообразной деятельности, рождаются сознанием человека, его трудом и служат его целям. Оно представляет собой как бы объединяющую цепь между опытным и теоретическим знанием, его особенность заключается в направленности на производство.

Исследование различных подходов к экспликации технического знания указывает на их неоднозначность в понимании этого феномена духовной культуры. Часто его эксплицируют через технику, как следствие, через причину. Так, В. П. Котенко, исследуя связь техники и технического знания пишет, что «техника играет роль посредника между двумя линиями наследования знания: развивающимся научным знанием и устной традицией передачи секретов мастерства... Техническое знание развивалось в доклассическую эпоху технической реальности только с помощью техники в самой технической деятельности. Оно рождается не из логики познания, а на основе технической практики» [2, с. 194]. Здесь В. П. Котенко указывает на процесс происхождения технического знания, но не на его сущность.

Связь в понимании технического знания через феномен техники обнаруживается и у Д. Гэлбрейта, который пишет, что «под техникой понимают исследовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач» [3, с. 30]. Здесь техническое знание предстает в новой ипостаси. Его можно рассматривать как систему конкретных, систематизированных, необходимых знаний, опирающихся на специально разработанные средства познания, выработанные человечеством в процессе своего развития и подтвердивших на практике свою истинность и эффективность. Такое понимание технического знания характерно для более высшего этапа цивилизационного развития человечества, то есть

для техногенной цивилизации. Но техническое знание возникло намного раньше.

Если при экспликации технического знания приоритет отдавать культурогенному фактору, то этот вид знания можно охарактеризовать как совокупность форм и видов духовного выражения культурной преобразующей деятельности человека и общества: технических артефактов, технологий, способов организации материального производства.

Исходя из постулата, что развитие технического знания есть культурогенный процесс, можно утверждать, что оно носит конкретно-исторический характер. В нем можно выделить основные этапы его развития. Известно, что первой цивилизацией в этом процессе выступила традиционная. Однако создание технических артефактов началось задолго до становления традиционной цивилизации. Этот этап можно обозначить как протоцивилизационный. В ряде исследований цивилизационного бытия человечества отмечается, что становление традиционной цивилизации начинается 10 тысяч лет назад, с начала целенаправленного развития земледелия и скотоводства (Э. Тоффлер, С. Хантингтон и другие). Но Р. Осборн пишет о более глубоких сроках обнаружения артефактов, которые предстали как система технических знаний и целенаправленного процесса передачи информации. Проследивая развитие человечества от пещерных людей и примитивного общества (пещер комплекса Ляско во Франции и Альтамира в Испании), в которых «вместе с орудиями и другими техническими артефактами были обнаружены образцы архайческой наскальной живописи, оставленные людьми, которые обитали там 18–14 тысяч лет назад» [4, с. 35]. Сходные идеи обнаруживаются у В. И. Вернадского, который отмечает целенаправленное создание артефактов уже 17–15 тысяч лет назад. Поэтому можно утверждать, что становлению традиционной цивилизации предшествовал период «прото». Он заложил основы развития технической мысли, технического духа человечества, движение которого есть процесс его раскрепощения. Протрадиционная и традиционная цивилизация имеют много общего в производстве артефактов, в формировании рассудочной рациональности на процесс создания и совершенствования технических артефактов.

На этом этапе зародившиеся формы технического знания возникают в недрах обыденного сознания. Они были, как отмечает В. С. Степин, «чаще всего не систематизированы, это скорее конгломерат сведений, предписаний, рецептов деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта. Их достоверность устанавливается

благодаря непосредственному применению в различных ситуациях производственной и повседневной практики» [5, с. 157]. Это знание развивалось в лоне мифологического мировоззрения, характеризующегося синкретичностью. В нем объект и субъект не разделены, зарождающиеся технические знания и естественнонаучные знания предстают как единый сплав. «Наука Древнего мира, – отмечает В. Г. Горохов, – была еще не только неспециализированной и недисциплинарной, но и неотделимой от практики и техники. Важнейшим шагом на этом пути была античная революция в науке, выделившая теоретическую форму познания и освоения мира в самостоятельную сферу человеческой деятельности» [6, с. 136].

Зарождающиеся и развивающиеся технические знания характеризуются некоторой упорядоченностью. С ней соотносится и греческое слово «техне», давшее начало целой группе терминов (техника, техничность и др.), и огромному смысловому блоку, в котором в единый узел связаны едва ли не все проявления традиционной цивилизации. В античности техне понималось очень широко. «Техне» это, во-первых, ремесло, во-вторых, искусство и, в-третьих, наука... Реальная наука не есть чистое умозрение, это всегда практика» [7, с. 167]. Значит научное техне сродни ремесленному и художественному техне.

В то же время техне понимается древними греками достаточно точно и определенно, несмотря на отнесение к техне столь разнообразных видов деятельности. Однозначность понимания техне определялась античной парадигмой космоса. Космос по-гречески и означает порядок, упорядоченность. Поэтому ремесленные умения и высокое искусство считались мастерством. Достижение высокого мастерства в ремесле и искусстве невозможно было без опоры на знание. Развитие его дает возможность сделать вывод, что в техне потенциально содержался метод, направляющий человека на достижение успехов в различных областях деятельности. Техне выступает как осознанная и обоснованная последовательность действий, направленная на получение определенного результата. Таким образом, в структуру технического знания начинают вводиться логические инструменты познания, сформулированные Аристотелем в «Органоне» и техне, как последовательность действий.

В ходе исторического развития технической деятельности и технического знания уже в античности они шаг за шагом отделяются от мифа и магических действий, но вначале опираются еще не на научное (теоретическое), а лишь на обыденное сознание и практику. Это хорошо видно из описаний технической рецептуры в мно-

гочисленных пособиях по ремесленной технике, направленных на закрепление и передачу технических знаний новому поколению. В рецептах уже нет ничего мистико-мифологического, хотя перед нами еще не научное описание процессов, да к тому же и техническая терминология еще не устоялась. В то же время эта рецептурная литература содержала технологии производства конкретного продукта.

В средние века меняется социальный статус ремесленника, который в своей деятельности достигает высшего уровня культуры производства. Имеет место сужение греческого понятия «техне», поскольку налицо переход от отдельного уникального создания артефакта к его серийному производству по устоявшимся стандартам, которые можно соотнести с понятием «алгоритм». Технологическая деятельность в средние века и эпоху Возрождения алгоритмична в том понимании, что каждый ее шаг детерминирован предшествующими шагами. Алгоритм предстает как строгая последовательность действий, выполнение которых приводит к запланированному результату. Эти особенности алгоритмической деятельности в структуре производства указывают на ее рациональность. Здесь имеет место переход к новому типу мышления – рассудочно-техническому. Это подготовит почву для становления в условиях Нового времени наряду с классической научной рациональностью также технической рациональности.

Начальную ступень рационального обобщения в отдельных отраслях ремесленной техники обычно связывают с необходимостью обучения в рамках каждого отдельного вида ремесленной технологии. Такого рода справочники и пособия для обучения еще не были строго научными, но уже выходили за границы мифологической картины мира. В обществе осознается необходимость создания системы регулярного обучения ремеслу, издается специализированная литература. Так, например, труд немецкого ученого и инженера Г. Агриколи «О горничном деле и металлургии» в двенадцати книгах (1556 г.), был, по сути, первой производственно-технической энциклопедией и содержал в себе практические сведения и рецепты, взятые из ремесленной практики, а также из собственной многогранной инженерной практики, – сведения и рецепты, которые относятся к производству металлов и сплавов, к вопросам разведки и добычи полезных ископаемых и много другого. Техническое знание обогащается строгим теоретическим аспектом.

Становление техногенной цивилизации ознаменовало собой новый этап в развитии технического знания. Во-первых, для нужд бурно развивающегося промышленного производства

формируется союз естественнонаучного знания в лице математики и физики, с одной стороны, и технического знания, с другой. Наблюдается новая тенденция – стремление к специализации и выделению отдельных аспектов и сторон предмета как таких, которые подлежат систематическому исследованию экспериментальными и математическими средствами. Одновременно выдвигается идеал нового знания, способного решать теоретическими средствами инженерные задачи и создания новой техники и технологий. Союз вышеуказанных дисциплин и технического знания стал фундаментом превращения науки в непосредственную производительную силу общества.

Во-вторых, в Новое время возникает настоятельная необходимость подготовки инженеров – мозгового центра технической реальности в специальных учебных заведениях. Еще в 1777 г. Бэкманн в своей работе «Руководство по технологии или Познание ремесел, фабрик и мануфактур» пишет о необходимости подготовки кадров для решения задач индустриализации общества по специальным методикам. Предметом осмысления становится статус инженера в архитектонике технической реальности. Это способствовало становлению в конце XVIII – начале XIX века в Европе (в том числе и в России и на Украине) широкой системы политехнического образования для удовлетворения нужд индустриального производства.

В-третьих, самую главную задачу, которую решил союз естествознания и технического знания – это создание условия для формирования технических наук. Позже в научной литературе «проскальзывает» идея отождествления технического знания и технических наук, считая, что время талантливых и даже гениальных изобретателей-самоучек прошло. Но это заблуждение. И сегодня есть ряд изобретателей и рационализаторов, которые далеки от знания технических наук, их языка, но они вносят большой вклад в научно-технический прогресс. Технические науки – это прежде всего система объективных знаний, опирающаяся на мощный потенциал принципов, законов и категорий. Содержание этих наук истинно, а результаты внедрения в практику материального производства – эффективны.

Что же касается содержания технических знаний и их реализации, то в них присутствует субъективный элемент, здесь не всегда учитываются принципы и законы, жестко детерминирующие деятельность исполнителя. Несмотря

на большой процент «онаученности» технического знания, старогреческое «техне» здесь проскальзывает, усиливая субъективный момент этого знания.

Становление нового типа цивилизационного развития общества – информационного, усиливает аспект развития технических наук. Возникают новые науки, однако система технического знания в обществе не уйдет с производственной арены, она будет выражать элементы обыденного сознания, которые присущи главному элементу производительных сил – человеку.

Закключение. Техническое знание как элемент духовной культуры общества сопровождало и сопровождает развитие сложного по своей сути и противоречивого цивилизационного процесса развития человечества. Выступая в различных ипостасях конкретно-исторического типа цивилизационного устройства, техническое знание в своем движении и развитии способствовало прогрессу в развитии социума. Анализ его по роли в общественном производстве раскрывает картину раскрепощения технического духа человека. Движение по ступеням цивилизационного развития – традиционной, техногенной и информационной – дает возможность утверждать о жизненной необходимости развития этого знания.

Литература

1. Поздняков В. В. Дискурсивные контексты коммуникативной идентификации субъекта / в кн.: Национальная философия в современном мире. Минск: Право и экономика, 2010. С. 121–131.
2. Котенко В. П. История и философия технической реальности. М.: Академический проект; Трикста, 2009. 623 с.
3. Гэлбрейт Д. Новое постиндустриальное общество. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО Транзиткнига; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 602 [6] с.
4. Осборн Р. Цивилизация. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 764 [4] с.
5. Степин В. С. История и философия науки. М.: Академический проект; Трикста, 2012. 423 с.
6. Горохов В. Г. Основы философии техники и технических наук. М.: Гардарики, 2007. 335 с.
7. Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Держание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.

Поступила 14.01.2014

УДК 1(091);172.4

И. Н. Сидоренко, кандидат философских наук, доцент, докторант (БГУ)**НАСИЛИЕ ЯЗЫКА**

В статье анализируется проблема вербального насилия и делается предположение о том, что человек способен к насилию именно потому, что способен говорить. Язык осуществляет насилие по отношению к называемой вещи не только посредством разрушения ее единства, но и созданием символической реальности существования смысла этой вещи. В статье особое внимание уделяется двум проектам насилия языка, представленным в философских концепциях М. Хайдеггера и В. Бенямина, общим для которых является понимание насилия как онтологического и божественного насилия языка. В заключении делается вывод о том, что западный рационализм создал искусственно стерильные зоны ненасилия в символическом пространстве реальности, тем самым столкнув современный мир с тотальностью мифического насилия.

In this article the problem of verbal violence is analyzed and the author makes the assumption that the person is capable to violence just because he is capable to speak. Language realizes violence in relation to a called thing not only by means of destruction of its unity, but also by means of creation of symbolical reality for existence of sense of this thing. In article the special attention is devoted to two projects of violence of the language, presented in M. Heidegger and W. Benjamin's philosophical concepts, the general for which is the understanding of violence as ontological and divine violence of language. In the conclusion it is approved that the western rationalism has created sterile zones of a non-violence in symbolical reality artificially, thereby has pushed off the modern world with totality of mythical violence.

Введение. Для нас является привычным представление о языке и символической реальности как о пространстве примирения и мирного сосуществования, которое отличается от насильственной среды непосредственного, прямого, физического насилия. Вместо прямого совершения насилия в языковой символической среде мы обсуждаем, обмениваемся мнениями. Получается, что вхождение в коммуникативное пространство и отказ от насилия часто понимаются как две составляющие одного явления. Разговор как отказ от насилия характеризует саму суть человеческой природы. Но что если человек способен к насилию именно потому, что способен говорить? Вспомним утверждение Г. Гегеля о том, что в самой символизации вещи, равной ее умерщвлению, содержится уже нечто насильственное. Это насилие языка осуществляется через упрощение называемой вещи, через разрушение ее единства. Язык помещает вещь в область значения, которая, в конечном счете, является внешней по отношению к ней. Получается, что вербальное насилие является не вторичным искажением, а основным средством человеческого насилия. Отсюда, несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, современное информационное общество сталкивается с новой проблемой: тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики. Власть и насилие языка навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая силовые отношения, лежащие в ее основе. В силу этого ошибочно было бы рассматривать пространство языка как про-

странство ненасилия. Ж. Лакан выразил эту насильственную природу языка в своем понятии «господствующего означающего», которое упрощает и тем самым объединяет символическое поле. Человеческая коммуникация, осуществляемая в таком символическом поле, не предполагает «эгалитарной интерсубъективности». Поэтому реальное пространство дискурса основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое часто невозможно обосновать доводами.

Основная часть. В современной философии достаточно широко обсуждается проблема насилия языка или символического насилия. Однако мы сделаем акцент на двух проектах, представленных в философских концепциях М. Хайдеггера и В. Бенямина, общим для которых является понимание насилия как онтологического и божественного насилия языка.

Онтологическая природа насилия языка в философии Хайдеггера раскрывается через понятие «контекст», под которым философ понимает бытийное основание сущего, выраженное в его сущности. По мысли Хайдеггера, сущность – это то, что зависит от исторического контекста, от «эпохального раскрытия бытия», которое не просто раскрывается посредством языка, а осуществляется в языке как «доме бытия». Таким образом, именно язык создает сущности, вернее «приводит вещи» к их сущности и «подвигает нас» таким образом, чтобы вещи имели для нас определенное значение. Следовательно, мы разделяем изначальный язык, когда мир артикулируется в одном и том же стиле/смысле для нас. В качестве примера

можно привести любое политическое выступление протеста. Так, например, когда рабочие выступают против своей эксплуатации, они выражают недовольство не самой реальностью, а восприятием своего положения, ставшим значимым благодаря языку. Сама по себе реальность лишена оценок о том, выносима она или нет, сносной или невыносимой делает ее язык. Таким образом, в этом «прибывающем» качестве языка как бытийном основании нашего восприятия реальности содержится онтологическое насилие.

Разбирая Хор из Антигоны во «Введении в метафизику», Хайдеггер раскрывает онтологическое насилие как «демоническое» измерение самого языка, присущего каждому жесту основания нового мира, совершаемому поэтами, мыслителями, государственными деятелями. Как таковой творец стоит вне и над полисом, он вне определений морали, так как только в таком качестве он способен основать новое общее бытие и создать новую мораль. Так, «незаконное» насилие творца основывает господство устанавливаемого им закона. Вместе с тем сам творец является первой жертвой этого насилия: он должен быть упразднен с появлением основанного им нового порядка. Это упразднение может принимать различные формы: от физического уничтожения до впадения в безумие. Таким образом, сущность онтологического насилия, по мысли Хайдеггера, не может быть раскрыта через его эмпирические проявления в страданиях, войнах, разрушениях, наоборот, она состоит в насильственном характере самого основания как насаждения новой формы сущности реальности, раскрытия общего бытия. В силу этого, можно интерпретировать сущностное насилие в философии Хайдеггера как нечто, закладывающее основу или, по крайней мере, открывающее пространство для проявления онтического или физического насилия. Онтологическое насилие, производя определенное раскрытие мира, создает и социальные отношения власти и насилия.

Приведем пример вспышки насилия, порожденного языком, СМИ, вспомнив осень 2005 г., когда широкие демонстрации в арабских странах против карикатуры на Мухаммеда, опубликованных в одной из датских газет «Jyllands-Posten», чуть не переросли в столкновение цивилизаций. При этом особенностью символического насилия эпохи глобализации является то, что оно зиждется на слухах и непроверенных фактах, чьей задачей является порождение страха и «раскачивания» социальной стабильности. Так, необходимо отметить, что большинство участников этих протестных выступлений против карикатур на пророка посчитали

себя оскорбленными, даже не видя этих карикатур. Мусульманские толпы реагировали не на саму карикатуру, а на стоящий за нею образ Запада, созданный определенным идеологическим видением, который искажает западную реальность не меньше, чем западное видение Востока. Такое видение или символическое поле создается языком.

Исходя из хайдеггеровской интерпретации онтологического насилия, можно сделать вывод о том, что существует прямая связь между онтологическим насилием и структурой социального насилия, присущей языку и выраженной в отношениях принудительного господства. Мы существуем в символическом мире, а это значит, что если один индивид считает другого, например, неполноценным, то второй действительно становится неполноценным на уровне своей социально-символической идентичности. Так онтологическое насилие языка открывает возможности для осуществления онтического насилия.

Ориентируясь на хайдеггеровскую концепцию онтологического насилия, Беньямин выстраивает собственный проект божественного насилия, рассматривая его как аллегория власти авторского языка. Обратимся сначала к его анализу дихотомии насилия права и справедливости, в которой происходит соотношение чистого насилия со справедливостью, а само право понимается как включающее в себя бесправие. «Правополагание устанавливает власть и одновременно является актом непосредственной манифестации насилия» [2, с. 198]. Беньямин опровергает представление о праве как о святости и не разделяет идею о сверхличной природе справедливого порядка в мире, так как право может гарантировать только насилие, поэтому как такового равенства просто нет, в лучшем случае можно говорить о равном по величине насилии.

Беньямин проводит различие между насилием как средством, т. е. правовым насилием, и чистым справедливым насилием. На основании этого различия он выделяет два вида насилия: мифическое и божественное, при этом справедливость выступает принципом божественного насилия как целеполагания и правоуничтожения, а власть – принципом мифического насилия как правоустановления и правополагания. Мифическое насилие, будучи правополагающим, устанавливает границы применимости как права, так и насилия соответственно, тем самым позволяя искупить вину кровью, а божественное, будучи правоуничтожающим и вне вины, разрушает границы, претендуя на безграничное беззаконие и принуждая платить сполна. В основе такого разделения у Беньямина

лежит противопоставление уравненного христианского права с мифическим, унаследовавшего право-насилие Римской империи, и иудейского Бога, отменяющего необходимость исторического процесса и римского права, и тем самым воскрешающего суд традиции, для которого виновны все и никто. Чувство вины порождается мифическим насилием, сознательно скрывающим свою сущность, выраженную в насилии. Тем самым, согласно Беньямину, вина воспроизводится как «неразрывная связь мифа и современности», порождающая порочный круг самоблокировки мышления и поступка. Выход из этого круга заключается у Беньямина в том, что выходит за пределы мифа, права, вины, т. е. в чистом насилии и языке. Для человека в такой ситуации возможен только один выбор: или мифическое насилие, или божественное. Выбирая мифическое насилие, он обрекает себя на безмолвное признание вины; выбирая божественное насилие, его существование наполняется священным смыслом, раскрывающим в божественном целеполагании насилия саму справедливость. Отсюда единственно правильный выбор – это выбор чистого божественного насилия, устанавливающего единственно справедливую реальность. Несмотря на спорность утверждений Беньямина о божественном насилии, он, ставя эти проблемы, актуализирует проблему ценностей западной культуры: его отказ от рационально-правового проекта установления правового государства совпадает с критикой европоцентризма, логоцентризма и проблематизирует существование западной цивилизации как таковой. В преддверии создания нацистского государства и последующей фашистской оккупации Европы эти размышления Беньямина можно с полным правом назвать пророческими.

Само название работы Беньямина «К критике насилия» и выбор им метода критики обусловлен внутренним спором с И. Кантом. Трех критикам Канта Беньямин противопоставляет свою критику искусства, обнажая могущество самой критики. Власть критики у Беньямина реализуется в пространстве языка, который, с одной стороны, выступает как орудие критики в отношении художественного произведения, а с другой стороны, предстает как самосоккрытие, делающее неподсудным самого критика, стоящего на стороне чистого божественного насилия. Произведение искусства вбирает в себя весь опыт человека, тем самым снимая различие между поэтическим и политическим (например, в сюрреализме). Отсюда критика про-

изведения искусства превращается в критику самого существования.

Определение насилия как аллегии власти авторского языка коренится в разведении Беньямина двух типов насилия: мифического и божественного. Критика рассматривается Беньямином как изнанка претензии на власть, где позиция критика искусства раскрывает пространство реализации этого господства. Так, критик одновременно предстает как тот, кто судит, но сам остается вне критики, кто задает смысл и дает возможность художественному произведению осуществиться. Критика, согласно Беньямину, потому представляет собой осуществление власти, что она раскрывает единственно возможный смысл, остающийся для самого автора произведения неизвестным. Таким образом, языком, совершенно недоступным для насилия, но представляющим собой насилие творящее, устанавливается сама справедливость. Критик хоть и остается вне зоны суда, будучи неподсудным, однако, ставя подпись, несет тотальную ответственность за созданный им смысл. Отсюда божественное насилие, будучи «слепым подобием разума», справедливо потому, что несет ответственность, и разумно потому, что стремится к равновесию во всем.

Заключение. Исходя из основных тезисов Хайдеггера и Беньямина, можно с уверенностью предположить, что во многом потому, что западный рационализм искусственно создавал стерильные зоны ненасилия, современный мир сейчас сталкивается с тотальностью насилия мифического, представленного в кровавой жестокости, в которой виновны все. Власть информации и тотальность символического насилия порождает такой феномен, как «всеобщая война». В современную глобализационную эпоху война превратилась из аномалии в естественное, нормальное состояние, из конфликта между государствами в некое подобие «войны всех против всех», из средства политики в саму политику. Современная всеобщая война создает новый мировой порядок, базирующийся не на прямом насилии, как это делалось в эпоху традиционных и индустриальных обществ, а посредством страха, вызываемого угрозой символического насилия, порождаемого в пространстве языка.

Литература

1. Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Bd. II. 1. Frankfurt am Main, 1977. S. 198.

Поступила 25.02.2014

УДК 37.01:15

А. В. Цыра, аспирант кафедры философии и истории Украины
(Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Украина)

ИННОВАЦИОННОСТЬ НАУКИ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье раскрывается сущность инновации как уникального феномена современного научного знания, ее качественное отличие от новаций, сопровождающих весь предыдущий этап развития науки. Инновации рассматриваются как уникальный атрибут науки, имеющий свою смысловую и системную нагруженность. Выделены базовые ценности инновационного развития современной науки. Инновации современной в науке и практике рассматриваются как деятельность, направленная на достижение экономической эффективности.

The article reveals the essence of innovation as the unique phenomenon of modern scientific knowledge, its qualitative difference from the novation that accompany the all the previous stage of scientific development. Innovations are considered as a unique attribute of science, which has its own semantic and system ladenness. Are highlighted the basic values of innovation development of modern science. Innovations in modern science and practice regarded as activity directed on achieving economic efficiency.

Введение. Одной из неотъемлемых структурных и смысловых характеристик современной науки, выступает ее инновационность, что качественно отличает ее от всего предыдущего этапа развития, основу которого составляли новации. Новации в науке выражают обновление, изменение уже имеющихся концепций, реализованных ранее разработанных идей, но не предполагает того уникального качественного скачка, который заложен в смысловой и структурной архитектонике инновации. Инновационность в научном познании выступает как процесс движения научной мысли общества, она охватывает все сферы деятельности человека, стала детерминирующим мегатрендом цивилизационного развития общества. В глобальном масштабе исследования истории человечества (В. С. Степин, Н. Н. Моисеев и др.) инновационность выступает как особенная, социально-техническая деятельность, которая ускоряет смену типов цивилизационного развития. В науке инновационность и инновационная деятельность связана с производством и овеществлением нового знания, она является катализатором общественных преобразований (С. А. Лебедев, В. К. Лукашевич, Я. С. Яскевич и др.). В нанонауках и нанотехнологиях инновационность и этот тип деятельности выражает процесс становления новых наук – нанофизики, нанохимии, нанобиологии, нанозтики и других, а также развитие парка высоких технологий – NBIC технологий (О. Е. Басканский, В. П. Старжинский, В. В. Цепкало и др.). В экономике инновационность включает ряд структурных реформ в области менеджмента, маркетинга инвестиций, налогообложения, формирования новой инфраструктуры, создание национальной инновационной системы.

В философии инновационность рассматривается как концепт, обладающий конкретным

смысловым содержанием и структурой. Этот концепт обладает рядом атрибутивных параметров, среди которых уникальность более тесно связана с инновационностью, что позволяет утверждать о гранях взаимопроникновения смыслового содержания уникального и инновационного.

Цель статьи: раскрыть сущность концептов «инновация» и «уникальное», раскрыть их смысловую «нагруженность», диалектику взаимосвязи, а также объяснить инновационную деятельность в научном познании и практике через призму экономической эффективности.

Основная часть. Инновационность в развитии всех сфер общественной жизни современного цивилизационного развития человечества порождена бурным развитием постнеклассической науки. Инновации в науке и общественном производстве сегодня выступают не как обновление, усовершенствование, модернизация сложившихся стереотипов в этих сферах деятельности социума и выражающих процесс эволюционного его развития (новации), а как процесс коренной ломки устоявшихся в них преобразований. Причем инновации выступают не просто как конечный результат интеллектуальной деятельности человека, который выражает свое содержание через конечный экономический эффект, а прежде всего, как процесс раскрепощения научного духа человечества. Это отражается в детерминирующих признаках инноваций – «нововведение, внедрение, высокая эффективность, результат интеллектуального решения... конечный результат интеллектуальной деятельности человека, его фантазии творческого процесса, открытый, изобретений и рационализации в виде новых или отличных от предшествующих объектов» [1, с. 89].

Инновации – это процесс коренной ломки старого содержания знаний с последующим

овеществлением нового, процесс строгого внедрения новых знаний в производство. Они как составляющая духовного мира социума выступают не только как некая технологическая система, это прежде всего уникальная творческая деятельность субъекта и социума в целом по переводу существующих ценностей в новое качество, это нововведения в архитектуру сложившейся деятельности, которые вызывают к жизни новый стиль мышления и образ жизни.

Охватывая все сферы деятельности социума, «инновация» предстает как система, как базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл с ее речевым выражением (Ж. Ришар), как форма многомерного мышления, отражающая смысловое содержание научного понятия (Л. Н. Богатая). Эта идея обнаруживается и в феноменологической редукции Э. Гуссерля, который утверждал, что природа феномена (а им у нас выступает «инновация») определяется его двумя особенностями: 1) в нем наличествует момент непосредственной очевидности, непосредственное единство с истинной, сущностью; 2) это единство не есть результат рассуждений, выводов, познания в рационалистическом смысле. Истина, сущность заключена в самом феномене. Поэтому в структуре феномена его интересует не словесная, языковая оболочка в виде письма, речи, обозначения; не психические переживания познающего, а смысл и значение исследуемого феномена. Однако, несмотря на многообразие подходов к анализу феномена «инновация», можно утверждать, что сущность этого плюрализма заключается в том, что в каждом из предлагаемых подходов отражается лишь та часть понятия, которая наиболее соответствует выбранному предмету и возможностям процедуры исследования. Собственно теоретико-методологические основания, несущие в себе целостность явления инновации и многообразие возможного функционального разрешения этой целостности в различных условиях, либо отсутствуют, либо подразумеваются как нечто вторичное по отношению к непосредственно анализируемому спектру или сегменту целостности явления. В конечном счете, такой предметно-центрированный подход к полицентрированному и полифункциональному явлению, по сущности своей, дает естественное искажение феноменологической заданности, преобразует тенденцию умножения сущностей.

Фундаментом развития инноваций и инновационной деятельности является наука. Анализ понятия «наука» показывает, что она исследуется в различных ипостасях: и как познавательная деятельность; и как специфический вид мировоззрения; и как социальный институт,

и как подсистема культуры. Нас же интересует подход к науке с позиций ее новационного и инновационного развития. «Наука – это форма духовной деятельности, направленной на производство знаний о природе, – отмечают авторы курса «Философия науки», – обществе и про само познание, которое имеет целью постижение истины и открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов в их взаимосвязи для того, чтобы предвидеть тенденции раз В. К. Лукашевич, который отмечает, что «наука это сфера человеческой деятельности, направленной на производство и теоретическую систематизацию достоверных знаний о природе, социальной и духовной реальности» [2, с. 30].

Инновационность в науке широко исследуется сегодня как основа инновационной системы, как процесс инновационного развития экономики, как фактор развития высоких технологий. Это означает глубокую связь науки с современным этапом цивилизационного развития человечества. Инновационность науки, отмечает С. Л. Лебедев, – это не только ее нацеленность на получение нового знания, открытие новых свойств и закономерностей исследуемых объектов, но прежде всего ее вклад в развитие экономического потенциала общества, в создание новых потребительских стоимостей» [4, с. 173]. Такое понимание инновационной науки характерно больше для технического знания, которое связывает воедино науку, промышленность и экономику. Что же касается открытий в естественных науках, то эффективность их не всегда можно выразить через экономические показатели. Вначале открытия в естествознании можно охарактеризовать в качестве своеобразно революционных новаций, ставящих науку даже в тупик, а уж потом общество переводит в своем развитии отдельные новации в разряд инноваций. Например, открытие в физике на рубеже XIX–XX вв. поставили ее в тупик, а еще конкретнее – в кризисное состояние, когда открытие рентген-лучей, радиоактивности, электрона в структуре атома, теории поля и другие не могли быть объяснены в смысловом и содержательном плане старой физикой, а уж говорить об их эффективности не имело смысла. Позже в медицине обозначилась инновационность этого открытия для диагностики лечения человека, что дало обществу большой двойной экономический эффект: и сохранение человека как главного элемента производительных сил, и использование рентген-лучей для нужд развития производства. Открытие атома и дальнейшие исследования его строения привели человечество к производству самой дешевой электроэнергии – атомной (60-е годы XX в.), обеспечивая

переход новации к инновационной деятельности, к тому же в этот период появляются атомные суда, что инновационно решило проблему морских перевозок. Можно говорить о значимости теории полей, поскольку это открытие привело к осуществлению многовековой мечты человечества о создании беспроводной связи, экономический эффект которой сегодня объективно не может быть оглашен в силу защиты информации отдельных частных фирм, да и государственные предприятия мобильной связи неохотно идут на разглашение точной информации.

Поливариантность экспликаций науки позволяет утверждать, что не все они указывают на ее инновационный характер, не связывают с экономическим эффектом.

Инновационность науки можно репрезентировать только артикулировано, выстроив векторы ее социальной значимости. Во-первых, инновационность науки – это не только ее направленность на получение нового знания, открытие новых свойств и закономерностей познаваемого объекта, но и ее эффективность, вклад в экономический потенциал государства. Во-вторых, инновационность означает радикальное преобразование научной деятельности в определяющее звено экономической системы общества. В-третьих, в системе научных разработок (теоретический аспект) новации и инновации не имеют большого отличия, но когда дело доходит до овеществления знания, то мы уходим на позиции его двойственности, оно должно быть не только истинным, но и эффективным, тогда это отличие четко раскрывается. Значит сущность инновации не исчерпывается смыслом нововведения, расширение этого смысла идет в том случае, когда инновация может предстать как культуротворческий феномен, она связана с этой природой. В таком случае «инновацию можно рассматривать как главный механизм развития человеко-содержащих систем, основанный на интеллектуальном ресурсе для получения дополнительной ценности – позитивного новообразования в культуре, достижения новой степени развития системы в ее стремлении к саморазвитию» [1, с. 88].

Как научный социокультурный феномен инновацию можно определить через процесс раскрепощения научной мысли человечества, то есть это то, что подготовлено полетом предыдущей научной мысли человечества; это то, чем человечество никогда раньше не обладало; это то, что не приносило ему никогда столь бурно выраженного экономического эффекта; это то, что сегодня ускоряет прогресс всех сфер и направлений цивилизационного развития социума; это мерило полета научной мысли, активности и эффективности деятельности субъекта.

Но инновация – это не догма, она носит переходящий характер и выражает прогрессивное и конструктивное движение мысли человечества. Скрепками, обеспечивающими такое понимание инновации «являются базовые цели и ценности науки – объективное знание, научная истина, когнитивное творчество, свобода научного поиска, новое знание, общественная польза» [4, с. 173] и, конечно же, экономическая эффективность, выражающаяся через общественную пользу.

Анализ инноваций в структуре такой формы человеческой деятельности показывает, что в ней можно выделить как минимум три звена. Первое звено связано с теоретическими разработками и «представляет собой систему научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих решений» [1, с. 89]. Второе звено связано с внедрением теоретических конструктов в систему производства, выпуском продукции, удовлетворяющей стандартам европейского и мирового уровней. Третье звено, конечно, обеспечивает защиту интеллектуальной собственности инновационных введений посредством криптографических, технических и социально-психологических методов защиты.

Как выше было отмечено, инновация предстает в своем анализе как система с ее свойствами, отношениями, атрибутивными и реляционными параметрами, как система, инновация отличается собственной организацией, обеспечивает отношения координации и субординации образующих ее компонентов, характеризуется наличием интегральных схем качеств, рождаемых деятельностью-коммуникационным пространством и не сводимых к сумме качеств отдельных ее частей и компонентов. Среди них можно назвать такие, как инновационная возможность, инновационная способность, инновационный потенциал и т. д.

Инновация как система обладает качественной определенностью, выраженной в целостности, обозначаемой как инновационная организация деятельности. Именно качественная определенность инновации способна изменить (как по форме, так и по содержанию) состояние инновацируемой системы и последняя приобретает возможность оформления инновационности в качестве собственного системного признака. Инновация как система обладает рядом атрибутивных параметров, таких как имманентность, детерминированность, устойчивость и стабильность, вариативность и другими. Но более всего инновация связана с уникальностью, которая употребляется в науке и практике обычно для обозначения редких, единственных в своем роде свойств, качеств и самих предметов.

Она означает неповторимость, исключительность, чрезвычайность, небывалость в рамках данного класса вещей, объектов. Помимо этих характеристик, уникальное обладает индивидуальностью, в отдельных случаях невоспроизводимостью, относительным характером и, обязательно, социальной новизной, что является детерминирующей составляющей смыслового поля уникального. Уникальное по своему смыслу объективно неопределенно, его не с чем отождествлять, оно содержит в себе абсолютный момент различия. Последнее в большинстве своем размывается с течением времени, уступая место новым инновациям. Следовательно, сама суть развития подразумевает порождение уникального, неповторимого, не укладывающегося в актуальную реализованную обратимость, повторяемость, цикличность.

Внутренне упорядоченный закономерный характер развития предполагает, с одной стороны, регулярность, повторяемость, а с другой – порождает уникальное, неповторимое, выходящее в этой своей уникальности за рамки специфических закономерностей предшествующих этапов развития. Диалектичность этого процесса здесь заключается в том, что уникальное отчасти включено в закономерное, но отчасти выходит за его рамки, отрицая его, порождая новые закономерности развития объекта. В таком случае закономерность сама складывается как устойчивое сцепление ряда уникальных событий.

Выяснив сущность уникального как атрибутивного параметра системы, проследим, что же есть уникального в смысловом поле инновации.

Во-первых, инновация как система имеет свой концепт, структуру и субстрат. Эти дескрипторы раскрывают инновацию как неповторимое, обладающее чрезвычайностью своей актуальности, социальной и научной новизной.

Во-вторых, инновация имеет свои эпистемологические ценности. В ней теория представляет собой не только ориентир для дальнейших исследований, но и основу для предписаний, позволяющих оптимизировать инновационную деятельность субъекта.

В-третьих, инновационность обнаруживается и в операционально-методологической

базе, здесь используется арсенал методов, форм и средств научного познания, который и обеспечивает рождение и внедрение инновации как уникального.

Инновации всегда уникальны в момент их внедрения в науку, производство, социальные сферы жизни социума.

Заключение. Таким образом, исследование смыслового «содержания» и сущности понятия «инновация» имеет большое теоретическое и практическое значение для прогресса цивилизационного развития человечества. Инновации отражают нововведения, овеществление знаний, внедрение их в систему производства, но таких, какими человечество ранее не располагало.

Инновация как социокультурный феномен представляет собой концепт, обладающий конкретным содержанием и структурой. С этих позиций инновация предстает как система, обладающая качественной определенностью, выраженной в целостности ее элементов, свойств, отношений и параметров ее составляющих. Среди атрибутивных параметров особое место принадлежит уникальности, что сближает ее со смысловым содержанием инновационности. Здесь границами их взаимопроникновения выступают такие характеристики как неповторимость, исключительность, небывалость в рамках данного класса вещей; объективность, индивидуальность. И уникальность и инновация носит внутренний упорядоченный закономерный характер. Особенности инновационной деятельности выступает ее экономическая эффективность, что не присуще уникальному как единому и неповторимому.

Литература

1. Старжинский В. П., Цепкало В. В. Динамика науки и инновационное развитие. Минск: БНТУ, 2013. 391 с.
2. Кохановский В. П., Пржиленский В. П., Сергодеева Е. А. Философия науки. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2006. 596 с.
3. Лукашевич В. К. Философия и методология. Минск: Современная школа, 2006. 320 с.
4. Лебедев С. А. Философия науки. М.: Юрайт, 2011. 288 с.

Поступила 14.01.2014

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич, кандидат философских наук, доцент (БГТУ)**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА**

В статье показано современное состояние православного церковного образования в Беларуси. Освещается процесс реформирования духовной школы. Показано, что задачей православного образования является стремление противостоять явлениям духовного кризиса, способствовать развитию культурного процесса. Делается вывод о том, что церковь стремится к сближению систем богословского и светского образования, утверждает необходимость приоритета религии во всех сферах общественной жизни.

The article demonstrates the modern state of the Orthodox Church education in Belarus. The article illustrates the process of reforming the spiritual school. It is shown that the task of Orthodox education is the desire to confront the phenomena of the spiritual crisis, promote the development of the cultural process. The conclusion made that the Church seeks proximation of the theological and secular education, asserts the necessity of the priority of religion in all spheres of public life.

Введение. Современное белорусское общество претерпевает трансформацию образа жизни, вследствие чего традиционные ценности подвергаются критике, гуманизм заменяется бездушием, критерием истины зачастую выступает практическая сиюминутная польза. Именно поэтому в настоящее время особую значимость приобретают вопросы образования и воспитания, делается акцент на необходимости создания четких ориентиров социального развития.

Основная часть. Свой вклад в решение данной проблемы пытается внести и Русская православная церковь. На XVIII Международных Рождественских образовательных чтениях, состоявшихся в Москве в 2010, Патриархом Кириллом было заявлено, что в современных условиях «голос Церкви – не просто выражение ее оценки и позиции как массового и влиятельного института гражданского общества. Это тревожный набат, отсутствие реакции на который способно привести к самым печальным последствиям» [1, с. 58]. Глава Русской православной церкви подчеркнул, что православное образование должно осуществляться на протяжении всей жизни человека, начиная с детских садов и воскресных школ и заканчивая высшими учебными заведениями.

В Русской православной церкви существует целая система подготовки богословов и священнослужителей. Насчитывается 6 духовных академий, 2 университета, 2 богословских института, 44 семинарии, 39 духовных училищ, 1 пастырские курсы [2, с. 61]. Эти заведения являются преемниками духовных школ дореволюционной России. Их предназначение заключалось в том, чтобы, во-первых, дать образование детям священнослужителей. Это предполагало изучение наряду с богословскими общеобразовательных дисциплин. Во-вторых, подготовка кадров для нужд церкви. В настоящее время при наличии широкой системы светского

образования, которое дает государственная школа, духовные учебные заведения проводят сугубо богословское обучение.

В Беларуси с 1989 г. вновь стала функционировать Минская духовная семинария, затем в 1993 г. открылся богословский факультет в рамках Европейского гуманитарного университета. Его выпускники получали специальности «Религиоведение» и «Теология», которая в настоящее время имеют государственный статус. В 2004 г. этот факультет был переименован в Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла и стал осуществлять свою деятельность при Белорусском государственном университете. В 1995 г. открылась Минская духовная академия. Кроме этих учебных заведений, существуют духовные училища, воскресные школы, курсы катехизаторов, школы иконописцев и звонарей. Как правило, выпускники духовных семинарий принимают сан диакона или священника, тем самым вступают в ряды приходского духовенства. Окончание семинарии предоставляет возможность поступить в духовную академию – высшее специальное учебное заведение, которое готовит преподавательские кадры высшей квалификации: магистров и докторов богословия, докторов церковной истории, докторов канонического права, профессоров академических богословских кафедр. Выпускники академии служат в городских храмах, епархиальных и синодальных учреждениях, преподают в церковных учебных заведениях. В настоящее время преподаватели и учащиеся духовных школ выступают со статьями на страницах богословских и светских изданий, принимают участие в конференциях, образовательных чтениях и других мероприятиях, проводимых Русской православной церковью. Перед духовными учебными заведениями стоит задача формирования у каждого выпускника религиозной активности и высокой

гражданской ответственности. Богословская деятельность характеризуется как состояние поиска новых решений для актуальных церковных проблем, которые ставит перед православием социальная реальность. Религиозные идеологи заявляют о необходимости эффективной системы духовного образования, которая предполагает «сознательное, осмысленное и ответственное участие в церковных таинствах и в богослужении. Если не ставить перед духовным образованием именно такую сверхзадачу, то в нем не будет просвещения человека Светом Христовой истины. Если ограничивать понятие «духовность» узкими рамками интеллектуальной осведомленности, будет неизбежен кризис мировоззрения» [1, с. 59].

Духовные академии как учебные заведения высшего звена ставят своей целью проведение исследований в области богословия, создание методических разработок для духовных учебных заведений, проведение конференций по актуальным вопросам церковной и общественной жизни, а также осуществление международного сотрудничества в области высшего духовного образования. В частности, в 2006 г. был подписан договор о сотрудничестве между богословами Беларуси и Германии (Евангелическо-теологический факультет Университета им. Эберхарда Карла, г. Тюбинген). Это сотрудничество предполагает обмен студентами, финансирование программ преподавания богословских дисциплин, истории церкви, истории и традиции Реформации, религиозной этики и т. д. Богословы Беларуси обращают особое внимание на развитие исследований, посвященных изучению Священного Писания, так как «потребность изучать, понимать и сохранять духовное сокровище церкви является ничем иным, как формой ее жизни» [3, с. 47]. С этой целью поддерживаются отношения с ведущими богословскими образовательными центрами, в частности с Восточноевропейской комиссией Общества исследователей Нового завета, возглавляемой Карлом-Вильгельмом Нибуром из университета немецкого города Йены. В 2010 г. Белорусской православной церковью также был проведен V Международный Восточноевропейский симпозиум исследователей Нового завета. Это мероприятие имеет большое значение для церкви, так как во времена Советского Союза все богословские исследования были фактически прерваны. В настоящее время существует возможность изучить опыт западных богословов в данной области, что «помогает взаимному обогащению не только в интеллектуальной и духовной сфере, но также и в чисто человеческой, и в сфере конфессионального общения» [4, с. 49].

Важным является факт, что православная церковь всячески ищет взаимодействия со светской культурой и одновременно по традиции борется за приоритет религии во всех сферах жизни. Государство при этом, строя свои отношения с церковью на принципе невмешательства в дела друг друга, все же преследует социально-политические интересы общества. Таким образом, в Беларуси исходя из определяющей роли православия в историческом становлении культурных традиций белорусского народа в 2003 году между церковью и государством подписано соглашение о сотрудничестве в областях, представляющих собой «сферу взаимной социальной ответственности». Одна из важнейших сфер сотрудничества – область образования. В рамках этого процесса во многих городах Беларуси была реализована программа «Семья, Единение, Отечество», которая предусматривала проповедь духовных ценностей и христианский подход к воспитанию подрастающего поколения. Для старшеклассников средних школ существуют факультативы «Культура и религия», «Основы религиозоведения», «Христианские ценности православной традиции и художественная культура», «История вероисповеданий и религиозных движений в Беларуси» и др. Создано профессиональное республиканское методическое объединение по инициативе педагогов с целью совершенствования программы духовно-нравственного воспитания на основе православных традиций. Также в план повышения квалификации профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений на 2010 год были включены курсы по программе «Традиционные и нетрадиционные конфессии в Беларуси: история и современность». Кроме того, в высших учебных заведениях республики дисциплина «Религиоведение» является обязательной для ряда специальностей исторического, педагогического и филологического профилей Белорусского государственного университета, Белорусского государственного педагогического университета, Минского государственного лингвистического университета, Военной академии.

22 марта 2011 г. Священный синод принял «Концепцию дальнейшего реформирования духовного образования Русской Православной Церкви». Целью реформы выступает, во-первых, дальнейшее повышение уровня подготовки священнослужителей, преподавательских кадров, миссионеров и работников в области социального служения с учетом тех задач, которые выполняет церковь в современных условиях. Это обеспечивается стремлением к совместимости системы духовного образования со светскими системами образования, а также с

международной системой богословского образования. Во-вторых, «приобретение комплексных результатов обучения, которые включают в себя, помимо знаний, специальные умения и компетенции, определяемые Церковью» [5, с. 12]. Данный этап реформирования предполагает трансформацию структуры духовного образования, методик преподавания, системы проверки качества и деятельности преподавателей. Церковь переходит на трехуровневое обучение по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Образование становится интерактивным, особый акцент делается на самостоятельную работу студентов. Все учебные программы переводятся в модульную систему. С целью повышения эффективности преподавательской деятельности во всех учебных заведениях вводится штатная структура, которая включает в себя должности профессора, доцента, преподавателя, ассистента и др.

Таким образом, очевидно, что православные деятели пытаются устранить разницу между духовной и светской школами. Стремясь противостоять явлениям духовного кризиса в современном обществе, они подчеркивают определяющую роль религии в истории культуры, ее значимость в национальных системах образования. В частности, отмечается, что «в своем высшем смысле культура есть поиск и выражение боговдохновенной свободы. А система образования создает практическую основу для культуры, понимаемой именно так. Примечательно то, что бескультурье и необразованность также имеют своим основанием свободу, но это свобода низменного эгоизма, безнравственная и агрессивная, порочная в своих основах, ведущая к вырождению и гибели... Религиозная истина является общечеловеческим достоянием. Она не только открывается посвященным, но доступна любому человеку. Она учит человека тому, как в повседневной суете можно обрести такую меру достоинства, которая превосходит все пределы мира» [6, с.76]. Тем самым религиозные идеологи отмечают, что без религиозных ценностей, имеющих общечеловеческий смысл, у современной культуры нет альтернатив, при этом «возвращение религиозного смысла в культуру необходимо в силу его собственного содержательного богатства, в силу объективной значимости личного религиозного мировоззрения человека и гражданина для истории – истории Беларуси, Европы, всего человеческого рода» [6, с.77]. Церковь рассматривается как «богоустановленная» структура, неизменная на протяжении веков. При этом религи-

озные идеологи всячески подчеркивают, что деятельность церкви направлена на социальное служение, развитие научного и культурного прогресса, а вероисповедные и культовые традиции православия представляют собой национальное достояние. По этой же причине служители культа настаивают на том, что церковные кадры должны иметь доступ к преподаванию в светской школе. Они часто ставят знак равенства между богословием и наукой на том основании, что якобы «богословие в современном мире давно уже вышло за рамки только вероисповедных задач. Используя отточенную веками методологию рационального обоснования, оно развивает критические методы исследования многих социальных явлений. Теология самой своей природой и по своему происхождению призвана вносить весомый содержательный вклад в развитие национальной гуманитарной науки» [6, с.77].

Заключение. Из вышесказанного следует, что в настоящее время православная церковь занимает активную позицию в области образования и воспитания. Путем пропаганды традиционных православных ценностей она пытается противостоять явлениям деморализации нынешнего общества. Отстаивая неизменность основ вероучения, церковь становится более современной в способах взаимодействия с обществом. Она всячески совершенствует уровень подготовки священнослужителей, стремится сблизить светскую и церковную школы.

Литература

1. Текущие события. Голос церкви – это тревожный набат // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 1–2. С. 58–59.
2. Хроника. Совещание ректоров духовных учебных заведений Русской православной церкви // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 1–2. С. 61.
3. Филарет. О состоянии церковной жизни и библейской науки в Белорусской православной церкви // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 4. С. 47–48.
4. Текущие события // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 4. С. 49.
5. Концепция дальнейшего реформирования духовного образования Русской православной церкви // Минские епархиальные ведомости.– 2011. № 2. С.12–13.
6. Филарет, Религия в культуре и светском образовании // Минские епархиальные ведомости. 2010. № 3. С. 76–77.

Поступила 11.03.2014

УДК 341

О. А. Матусевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель (БГТУ)**МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ГЕНЕЗИС И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

Статья посвящена анализу мемориального законодательства. Автор изучает причины возникновения мемориальных законов, особенности мемориального законодательства в различных странах. В статье рассматриваются противоречия данных законов основам правового регулирования и сфере исторических исследований, высказывается сомнение в целесообразности принятия мемориальных законов и возможности их применения в судебной практике без нарушения прав и свобод личности.

The article is devoted to the analysis of the memorial legislation. The author studies reasons of origin of memorial laws and features of the memorial legislation in various countries. Contradictions of these laws to bases of legal regulation and the sphere of historical researches are considered in the article. The author doubts the expediency of adoption of memorial laws and application of these laws in jurisprudence without violation of personal rights and liberty.

Введение. Рост интереса к проблеме коллективной памяти наблюдается не только среди ученых, но и в обществе в целом. Прошлое воспринимается как ценность, формируется представление, что память о прошлом нуждается в защите, что привело к созданию мемориального законодательства. Распространенными в современных системах права стали законы о защите историко-культурного наследия, но говоря «мемориальное законодательство» имеют в виду нормативно-правовые акты другого содержания, а именно направленные на криминализацию создания ревизионистских национальных нарративов или отрицания исторических событий.

Основная часть. Мемориальные законы существуют в ряде европейских стран, причем в 1990-е и 2000-е гг. можно было наблюдать стремительный рост мемориального законодательства. Один из ведущих российских специалистов по исторической политике Николай Копосов выделяет мемориальные законы двух типов: сугубо декларативного характера, выражающие официальную оценку государством какого-либо исторического события или явления, а также законы, криминализирующие те или иные взгляды на прошлое (то есть вводящие уголовное наказание за их публичное выражение) [1].

Большинство мемориальных законов являются декларативными. Однако в некоторых странах (Австрии, Германии, Бельгии и др.) законы предусматривают уголовное наказание – вплоть до 10 лет лишения свободы (Чехия, Румыния) за отрицание Холокоста. В Швейцарии и Бельгии является уголовным преступлением отрицание геноцида армян в Турецкой империи в 1915–1923 гг.

Классической страной мемориального законодательства является Франция, которая также стала центром движения интеллектуалов против принятия подобных правовых актов. К мемориальным законам во Франции относятся: закон Гэссо 1990 г., объявляющий уголовно на-

казуемым преступлением отрицание Холокоста; закон 2001 г., признающий геноцидом истребление армян в Турции (с 2006 г. отрицание данного факта квалифицировалось как уголовное преступление); закон Тобира 2001 г., объявляющий работорговлю преступлением против человечности; закон 2005 г. о французском «присутствии» в бывших колониях.

В ответ на протесты профессионального исторического сообщества французский парламент создал специальную комиссию по вопросу о мемориальных законах. Итогом обсуждения данной проблемы стала рекомендация комиссии воздержаться от дальнейшего принятия мемориальных законов, поскольку «принимать законы, дающие характеристику или выражающие оценку исторических фактов, не является функцией Парламента» [1]. В 2012 г. закон, предусматривающий уголовное наказание за отрицание геноцида армян, был признан противоречащим конституции и отменен.

Специфика мемориального законодательства Испании во многом обусловлена особой исторической политикой, проводимой в стране со времени падения режима генерала Франко. Официальной позицией было табуирование спорных или неудобных с точки зрения национального согласия тем гражданской войны и франкизма. Кардинальные перемены произошли с приходом в 2004 году к власти социалистов, которые не преминули прибегнуть к использованию «исторического компромата» против своих соперников, что стало уже нормой политической практики в Европе. В Испании 2006 г. был провозглашен «годом исторической памяти», в 2007 г. был принят мемориальный закон. Согласно закону осуждался фашистский режим генерала Франко, реабилитировались жертвы гражданской войны и диктатуры, открывался доступ в архивы, провозглашалось начало символической дефранкизации (ликвидации франкистской символики, памятников,

названий улиц и т. д.) [2]. «Закон исторической памяти Испании» был направлен против соперников социалистов – Народной партии, функционеры которой в прошлом были связаны с франкизмом. Однако закон оказался компромиссным, уравнивал жертв гражданской войны со стороны как антифашистского движения, так и профашистских сил. Стремление разоблачить преступления прошедшей эпохи, по сути, стало политическим ресурсом в борьбе с оппонентами.

Похожая ситуация сложилась в Польше, где люстрацию попытались использовать против политических деятелей времен «Солидарности», поскольку многие политики и чиновники, пришедшие во власть в 1990-е гг., начинали свою карьеру в госструктурах Народной Польши, тем самым, по мнению политиков более молодого поколения, поддерживали просоветский режим и были молчаливыми соучастниками преступлений того периода.

В 2007 г. было принято рамочное решение Европарламента, предлагающее странам ЕС запретить отрицание Холокоста. Однако инициатива Германии не нашла поддержку. В ходе обсуждения Литва и Латвия высказали также не нашедшее поддержки предложение ввести наказание и за отрицание преступлений сталинизма. Проекты законов, предусматривающие такое наказание, были предложены в Польше, Украине и Литве. Данные законопроекты демонстрируют специфику памяти восточно-европейского региона, которая проявляется в стремлении криминализировать события, связанные не только с фашизмом, но и коммунистическим прошлым.

В Польше по закону об Институте национальной памяти – комиссии преследования преступлений против польского народа, криминализировалось в равной мере отрицание преступлений нацизма и коммунизма против поляков и польских граждан. Закон предусматривает санкцию до трех лет лишения свободы.

В 2006 г. в Украине был принят закон, объявляющий Голодомор «геноцидом Украинского народа» и признающий его публичное отрицание противоправным. Впоследствии попытка принять закон, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста, не увенчалась успехом. Не так давно был принят еще один мемориальный закон, предусматривающий уголовную ответственность за отрицание или оправдание преступлений нацизма.

В Литве в 2009 г. Сейму была предложена поправка в Уголовный кодекс, вводящая уголовную ответственность для тех, кто «пропагандировал, отрицал, грубо умалял или оправ-

дывал геноцид или другие преступления, совершенные коммунизмом или фашизмом» [1].

Во многих странах принимались постановления, резолюции и прочие документы, содержащие оценки исторических событий, при этом мемориальные законы не существуют в большинстве стран. Их нет, например, в США. В Англии их признали несовместимыми со свободой слова. По примеру англичан от этой законодательной инициативы отказались в Венгрии. Их даже нет в Японии, Италии и Финляндии, странах, откровенно симпатизирующих в период войны нацистским идеям. В тех государствах, где появлялась подобная законодательная инициатива, наблюдались бурные дебаты относительно необходимости мемориального законодательства.

Споры вокруг принятия мемориальных законов носили характер острой публичной полемики с участием исторического сообщества и юристов. Историки усматривают в мемориальном законодательстве посягательство на свободу научных изысканий, попытку установления идеологического диктата над научным творчеством. Юристы видят в подобных законах ограничение свободы слова, противоречие конституциям, отсутствие нормативного характера и реальных возможностей правоприменительной практики.

Аргументация, приводимая противниками мемориального законодательства, весьма обоснована (что не удивительно, поскольку формулируют ее ученые) и хорошо известна в отличие от позиции сторонников и инициаторов этих законов (большинство их составляют политики, общественные активисты), которые неохотно вступают в публичные прения.

В чем заключаются противоречия и недостатки мемориального законодательства? С юридической точки зрения стоит отметить сомнительность правового регулирования сферы исторических исследований и коллективной памяти. Можно ли на законодательном уровне закреплять определенный образ исторических событий, вводить уголовную ответственность за публичные высказывания или интерпретации прошлого без ограничения прав и свобод личности? Не является ли это попыткой установления государственной идеологии, когда истинной провозглашается одна единственная версия прошлого? Рассматривая мемориальные законы, несложно провести аналогию со средневековыми методами борьбы церкви с научным прогрессом, которые не остановили научные исследования, но от которых пострадали многочисленные ученые. Опыт Европы неоднократно доказывал неэффективность и опасность попыток централизованно с использованием

властного ресурса контролировать научные и обыденные представления о реальности, в том числе исторической.

Правовое регулирование неприменимо во всех сферах жизни общества, к нему прибегают в тех областях, в которых упорядочивание отношений объективно невозможно без использования правовых средств. Является ли таковой сферой наука? Развитие научной мысли убедительно доказывает, что в науке выработаны свои эффективные способы регулирования научных исследований, среди которых использование научных методов и критика в рамках академического сообщества полученных результатов. Наука является саморегулирующейся системой, что проверено на протяжении тысячелетий. В теории права четко сформировано представление, что сферы и пределы правового регулирования не должны определяться текущими задачами государства в тот или иной период времени, так как это неизбежно приведет к ненормативности права и ограничению правовой свободы (что можно было наблюдать на примере законов, принимаемых в период революций). Нормативность правового регулирования предполагает направленность правового воздействия на виды общественных отношений, а не индивидуальные формы их проявления, на формализованные отношения, которые поддаются государственно-правовому контролю. Обладают ли законы, закрепляющие одну из возможных точек зрения на историю 20 века, нормативностью? Судя по существующей правоприменительной практике мемориальных законов – нет. Образ прошлого и процесс его создания нельзя отнести к сфере правового регулирования, если не исходить из того, что их роль в современном обществе кардинально изменилась. Либо принятие мемориальных законов как раз свидетельствует об изменении значения картины прошлого и коллективной памяти в современной Европе.

Если прошлое и память о нем превращаются в ресурс, особенно управленческий, тогда массовые представления о прошлом и процесс их создания подпадают под правовое регулирование, поскольку их можно отнести к сфере реализации властных полномочий и управленческих отношений, а также отношений по обеспечению защиты общественного порядка. О том, что прошлое стало ресурсом, могут свидетельствовать и коммерциализация истории (туризм, антикварный рынок, компьютерные игры и кинематограф, успешно эксплуатирующие образы прошлого и манетизирующие их), а также

«конкуренции памятей», используемые в информационных войнах во внутригосударственной и межгосударственной политической борьбе, что привело к появлению так называемой «дипломатии памяти».

Инструментальное использование образов прошлого для извлечения экономической или политической выгоды превратило историю в ресурс, что делает возможным возникновение правовых механизмов регулирования в сфере исторической политики, которая распространяется на процессы формирования коллективной памяти, в том числе и научные исследования.

Однако подобная практика чревата попытками распространения административных способов контроля над историей, и такие предложения, доводящие до абсурда расширение мемориального законодательства, не заставили себя долго ждать. Так появилась идея создания Международного исторического арбитража, в который сомневающиеся в «истинности общепризнанных исторических фактов» должны в исковой форме, «не оставляя лазеек для множественности толкований», изложить «аргументы и доказательства своей правоты». Арбитраж должен рассматривать такие «иски» и готовить свои научные заключения, которые бы не имели юридической силы, но были бы основанием для принятия судебных решений. Существование арбитража «способствовало бы уменьшению вреда и общественной опасности, «которые таит в себе параллельное и юридически не оспоренное существование двух разных «истин» [3].

Заключение. Таким образом, мемориальное законодательство стало инструментом в проведении исторической политики, или так называемой политики памяти, как внутри европейских стран, так и на международной арене.

Литература

1. Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Интернет-журнал ГЕФТЕР 2012. 28 фев. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/3302>. Дата доступа: 18.01.2014.
2. Руис Н. Испания: исторический закон // «Newsspain.ru». 2007. 2 нояб. Режим доступа: <http://www.newsspain.ru/novost1440.html>. Дата доступа: 18.01.2014.
3. Полян П. Попытка оправдания дьявола. Наказание отрицателей и исторический арбитраж // Еврейская газета. 2008. № 12 (76). Режим доступа: http://www.evreyskaya.de/archive/artikel_932.html. Дата доступа: 18.01.2014.

Поступила 07.03.2014

УДК 347/214

Е. М. Сергеева, ассистент (БГТУ)

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СДЕЛОК
С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ. АРЕНДА**

В статье рассматривается форма гражданско-правовой сделки, определенная законодательством Республики Беларусь обязательным условием действительности сделки. На примере договора аренды анализируются положения Гражданского Кодекса РБ, определяющие форму сделки в зависимости от объекта, по поводу которого участники оборота заключают договор.

In the article the form of civil legal estate transaction is examined. This form is determined by the law of Republic of Belarus as the strict condition of the transaction validity. The author analyzes the statements of The Civil Law of the Republic of Belarus which determines the form of transaction (e. g. the transaction of rent) according to the object of transaction.

Введение. В целях защиты государственных и частных интересов в правоотношениях, связанных с недвижимым имуществом, контроля за использованием и охраной недвижимого имущества законодательством определена обязанность участников гражданского правооборота соблюдать установленную форму сделок.

Основная часть. Особенное значение в гражданском праве имеет форма сделки, позволяющая уяснить суть правоотношений сторон.

Форма сделки определяется законодательством. Однако стороны, учитывая специфику своих взаимоотношений, могут установить более сложную форму сделки, чем предусмотрено законодательством, например совершение на бланке определенной формы, скрепление печатью и др. (п. 3 ч. 1 ст. 161 ГК РБ). Вместе с тем соглашения об упрощении установленной законодательством формы сделки недействительны при совершении любых сделок [1]. К часто совершаемым сделкам в гражданском обороте относится договор аренды и, в частности, договор аренды недвижимого имущества.

Договором аренды признается гражданско-правовой договор, в соответствии с которым арендодатель обязуется предоставить арендатору имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование, а арендатор обязуется уплачивать за это арендную плату. Сторонами договора аренды являются арендатор и арендодатель. В соответствии со ст. 579 ГК РБ право сдачи имущества в аренду принадлежит его собственнику. Арендодателями могут быть также лица, уполномоченные законодательством или собственником сдавать имущество в аренду.

По общему правилу договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. В отношении договора аренды п. 3 ст. 578 ГК РБ в качестве существенного определяет условие об объекте аренды. Таким образом, договор аренды должен определять состав имущества, подлежаще-

го передаче в аренду, место его расположения, другие данные об имуществе, позволяющие индивидуализировать объект аренды. Для этого при сдаче в аренду, например, недвижимого имущества к договору аренды прилагается, как правило, план (схема) помещения (здания, сооружения). При отсутствии в договоре таких данных условие об объекте, подлежащем передаче в аренду, считается не согласованным сторонами, а договор не считается заключенным.

Договор аренды на срок более одного года, а если хотя бы одной из сторон договора является юридическое лицо – независимо от срока, должен быть заключен в письменной форме. Несоблюдение формы договора аренды здания или сооружения влечет его недействительность. Договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации.

Срок аренды устанавливается сторонами в договоре. В соответствии с п. 2 ст. 581 ГК РБ, если срок аренды в договоре не определен, он считается заключенным на неопределенный срок. В таком случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества – за три месяца, если законодательством или договором не предусмотрен иной срок предупреждения. Если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, он считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

Арендодатель обязан предоставить арендатору имущество в состоянии, соответствующем условиям договора аренды и назначению имущества. Он должен произвести капитальный ремонт переданного в аренду имущества, если иное не предусмотрено законодательством или договором аренды.

В случае несоблюдения арендатором этой обязанности арендодатель имеет право потребовать расторжения договора и возмещения убытков. Арендатор должен своевременно вно-

сать плату за пользование имуществом (арендную плату). При прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Аренда зданий и сооружений. Передача имущества во временное пользование и владение – это действие по временному его отчуждению. Поэтому арендодателем выступает собственник недвижимого имущества. Другой стороной – арендатором – может быть любое лицо.

Аренда оформляется путем заключения договора аренды, который составляется в письменной форме сторонами. Если он заключается на срок не менее одного года, то требуется государственная регистрация.

В договоре аренды должен быть указан его предмет (состав передаваемого в пользование имущества). Данные должны быть достаточными для того, чтобы можно было определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды (п. 3 ст. 578 ГК). К таким сведениям относятся площадь сдаваемого в аренду имущества, его месторасположение, планировка и состав, кадастровый номер и другое. Кроме предмета, существенным условием договора является размер арендной платы, которая определяется по соглашению сторон. Стороны могут предусмотреть и другие условия, например, порядок возмещения затрат арендатора по улучшению арендуемого имущества.

Если арендодатель является собственником земельного участка, арендатору предоставляется право аренды или иное право в соответствии с земельным законодательством на соответствующую часть земельного участка (ст. 623 ГК РБ). В договоре аренды стороны обязаны согласовать все вопросы, связанные с использованием земельным участком и использованием находящихся на нем арендуемых зданий или сооружений.

Земельный участок может не находиться в собственности арендодателя. В этом случае аренда зданий, сооружений допускается без согласия собственника этого земельного участка. При продаже земельного участка за арендатором сохраняется право пользования той частью земельного участка, которая занята зданием, сооружением и необходима для их использования (ст. 624 ГК РБ).

Обязательство арендодателя по передаче недвижимости считается исполненным после подписания сторонами передаточного акта или иного документа.

Во многих случаях необходимость передачи недвижимости в аренду возникает в отношении

имущества, которое находится в хозяйственном ведении или оперативном управлении. По отношению к имуществу государственной собственности установлено, что аренда зданий, сооружений, помещений разрешается по решению республиканских юридических лиц по согласованию с соответствующими вышестоящими республиканскими органами государственного управления, иными государственными организациями, подчиненными Правительству Республики Беларусь, Национальным банком, Администрацией и Управлением делами Президента Республики Беларусь, другими государственными органами и иными государственными организациями, подчиненными Президенту Республики Беларусь.

Арендатор с согласия арендодателя вправе заключать договор субаренды на все арендуемое имущество либо на его часть.

Изменение условий аренды производится на основании дополнительных соглашений к договору аренды. Договор прекращается при истечении его срока, а также при нарушении сторонами обязательств, указанных в договоре. Изменение и прекращение прав аренды подлежат государственной регистрации [2].

Аренда земельного участка – это предоставление на основе договора земельного участка во временное пользование за определенную плату. Одним из существенных условий по этому договору является его предмет. Стороны должны четко определить местоположение земельного участка, кадастровый номер, границы, целевое использование и другие характеристики. При отсутствии этих данных условие об объекте аренды считается несогласованным, а договор – незаключенным. Арендодателями земельных участков могут выступать:

– сельские (поселковые), городские (городов областного подчинения и города Минска), районные исполнительные и распорядительные органы в пределах своей компетенции;

– граждане и юридические лица Республики Беларусь, имеющие земельные участки в частной собственности. Граждане-владельцы и пользователи земельных участков не могут передавать их в аренду.

Арендаторами земельных участков могут быть юридические и физические лица Республики Беларусь, лица без гражданства, иностранные юридические и физические лица, иностранные государства, международные организации. Участки земли, находящиеся в частной собственности, могут передаваться арендаторам только с сохранением их целевого использования.

Сроки аренды земельного участка определяются договором, они не должны превышать

99 лет, а аренда земельных участков для сельскохозяйственного использования не может быть менее пяти лет.

Арендная плата определяется в виде определенной ставки. Арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной собственности, устанавливается местными исполнительными и распорядительными органами исходя из кадастровой стоимости этих участков с применением коэффициентов, которые зависят от целевого назначения объекта. Договор аренды составляется в соответствии с типовой формой. Арендная плата за земельные участки, находящиеся в частной собственности, определяется соглашением сторон.

Земельные участки, приобретенные гражданами в частную собственность для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, коллективного садоводства и дачного строительства, могут передаваться в аренду при условии сохранения их целевого назначения, а также с учетом того, что жилые дома, дачи и садовые домики могут передаваться в аренду только вместе с земельным участком.

В случаях наследования таких земельных участков несовершеннолетними наследниками допускается передача участков в аренду другим гражданам законными представителями наследников под контролем сельских (поселковых), городских (городов областного подчинения и города Минска), районных исполнительных и распорядительных органов до приобретения наследниками полной дееспособности (18 лет).

Участки лесного фонда предоставляются лесопользователям в аренду на основании решений местных исполнительных и распорядительных органов, принимаемых по согласованию со специально уполномоченным республиканским органом государственного управления в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов или по результатам лесных аукционов.

На земельных участках, передаваемых в аренду, строительство жилых домов, дач, садовых домиков, других строений и сооружений не

допускается. Подобное право возникает только у собственника земельного участка.

В территориальный орган государственной регистрации стороны предоставляют договор аренды либо проект договора, который оформляется и регистрируется регистратором.

Договор может быть досрочно расторгнут судом по требованию арендодателя, если арендатор:

– пользуется земельным участком с существенным нарушением условий договора или назначением участка либо с неоднократными нарушениями;

– существенно ухудшает земельный участок;

– более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату.

Арендатор в любое время вправе потребовать расторжения договора в том случае, если земельный участок не отвечает условиям договора, т. е. его нельзя использовать по назначению.

Заключение. Гражданское законодательство под формой сделки понимает способ, посредством которого волеизъявление сторон получает свое внешнее выражение и закрепление. Условия о форме сделки устанавливаются с учетом интересов как государства, так и самих участников. В связи с тем что предметом договоров аренды чаще всего является имущество значительной стоимости, соблюдение требований закона защищает участников правооборота от неблагоприятных последствий.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 14 апр. 2012 г. // Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2005. Режим доступа: <http://www.pravo.by/>. Дата доступа: 14.10.2013.

2. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним: Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2003 г. № 133-3: с изм. и доп. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 87. 2/882; 2007. № 118. 2/1309.

Поступила 13.03.2014

УДК 342.9:343.351

В. А. Зенькович, кандидат юридических наук, доцент (БГЭУ)

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧАЕМОЙ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
«ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ»
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В статье обосновывается актуальность изучения студентами понятия терминов и определений в сфере интеллектуальной собственности, знания основных положений международного и национального законодательства в этой области, порядка оформления и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

The article deals with the analysis of the necessity of studying by students concepts and terms that are related to intellectual property, the necessity of studying the basic provisions of international and national legislation in this sphere as well as the procedure of execution and protection of rights on intellectual property.

Создание инновационной экономики в Республике Беларусь зависит от наличия в системе органов управления специалистов, способных к разработке и внедрению в практику инновационных идей и разработок.

Подготовка высококвалифицированных кадров, способных решать эти задачи, – это одна из важнейших целей национальной системы высшего и среднего специального образования. Именно система образования, в целом создавая и поддерживая в обществе ориентацию на ценность инновационной деятельности и инновационного мышления, должна обеспечить производство и воспроизводство кадров, способных к осуществлению определенных функций в общегосударственном процессе создания инновационного климата в стране. О путях решения этой задачи было изложено в статье первого заместителя министра образования Республики Беларусь А. Жука [1].

В этих целях была разработана Государственная программа защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь на 2004–2006 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь [2].

Сегодня эти требования реализуются в Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 гг., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 205 от 02.03.2012 г. [3], мониторинг за выполнением которой осуществляет Национальный центр интеллектуальной собственности.

В рамках реализации этой политики, начиная с 2006/2007 учебного года, в учебные планы Белорусского государственного экономического университета была введена новая дисциплина «Основы управления интеллектуальной собственностью» на всех факультетах и для всех форм обучения.

Разработанная Национальным центром интеллектуальной собственности первая типовая учебная программа дисциплины «Основы уп-

равления интеллектуальной собственностью» для студентов высших учебных заведений Республики Беларусь поставила решение следующих задач.

Студенты, в том числе и Белорусского государственного экономического университета, должны изучить основы международного права и национального законодательства в сфере интеллектуальной собственности; порядок оформления прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь и за рубежом; основные виды патентной информации и методику проведения патентных исследований; виды ответственности за нарушение прав правообладателей объектов интеллектуальной собственности и способы защиты этих прав; способы введения объектов интеллектуальной собственности в гражданский оборот; способы и порядок передачи прав на использование объектов интеллектуальной собственности; основы экономики интеллектуальной собственности и основы управления интеллектуальной собственностью на государственном и корпоративном уровнях.

В результате обучения студенты должны усвоить основные понятия и термины в сфере интеллектуальной собственности; основные положения международного и национального законодательства об интеллектуальной собственности; порядок оформления и защиты прав объектов интеллектуальной собственности.

В конечном итоге студенты, изучившие курс данной дисциплины, должны получить навыки по проведению патентных исследований (патентно-информационного поиска, в том числе с использованием сети Интернет; оценки патентоспособности технических решений, патентной чистоты и др.); по составлению заявок на выдачу охранных документов на объекты промышленной собственности; по оформлению договоров на передачу имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности; по управлению интеллектуальной собственностью в организации [4].

Полученные студентами знания, умения и навыки по курсу «Основы управления интеллектуальной собственностью» раскроют суть интеллектуальной собственности как инструмента экономического развития и должны помочь будущим специалистам совершенствовать изобретательскую, рационализаторскую и инновационную деятельность в Республике Беларусь.

На изучение дисциплины отводилось 36 аудиторных часов, из которых было предусмотрено 22 часа на чтение лекций часа и 14 часов на проведение семинарских (практических) занятий с формой контроля знаний – зачетом.

В 2013/2014 учебном году система подготовки кадров с высшим образованием перешла на четырехлетний срок обучения, что соответственно повлекло корректировку (сокращение) перечня учебных дисциплин, изучаемых студентами вузов на дневной и заочной формах обучения.

Изменению подвергся и статус учебной дисциплины «Основы управления интеллектуальной собственностью», которая в соответствии с «Рекомендациями по оптимизации перечня и объема обязательных дисциплин» Министерства образования Республики Беларусь от 12 июня 2012 года перешла из категории обязательной для всех вузов в разряд разных категорий: от дисциплины государственного компонента до факультативной дисциплины. Право решать, какой статус дать учебной дисциплине, предоставлено «учебно-методическим объединениям (управлениям) конкретного высшего образовательного учреждения» [5].

Мониторинг, проведенный в июне 2013 года Национальным центром интеллектуальной собственности [6], выявил, что большинство вузов страны, действуя в рамках указанных выше «Рекомендаций по оптимизации перечня и объема обязательных дисциплин», сочли необходимым понизить статус учебной дисциплины до уровня факультатива, не являясь исключением в принятии такого решения и Белорусский государственный экономический университет. Принятие данного решения было мотивировано еще тем, что РИВШ было установлено конкретное количество зачетов по изучаемым дисциплинам.

Следует признать, что последствия такого решения будут ощущаться уже в новом учебном 2014/2015 году. Во-первых, студенты заочной формы обучения нашего университета изучать ее не будут, во-вторых, студенты дневной формы обучения 2013 года набора будут изучать ее по желанию, и хорошо, если число желающих достигнет хотя бы 50% от их общего числа.

И, в-третьих, те студенты, которые будут посещать факультативы, получают не такие качественные знания, иначе говоря, не в том объеме и не того качества, как того требует первая типовая

учебная программа дисциплины «Основы управления интеллектуальной собственностью». И это вполне естественная ситуация для всех студентов, которые изучают учебные предметы со статусом факультатива, не имеющие формы контроля.

Представляется, что такое решение, принятое Белорусским государственным экономическим университетом, не в полной мере отвечает требованиям действующих нормативно-правовых актов в Республике Беларусь.

Нет сомнения также в том, что принятие такого решения учебно-методическим объединением нашего университета мотивировалось прежде всего тем что эта мера вынужденная и пришлось некоторые учебные дисциплины «резать по-живому» для того, чтобы войти в рамки того перечня дисциплин, которые возникли в связи с переходом на сокращенный срок обучения.

На наш взгляд, принятию решения о переводе дисциплины в разряд факультативной в вузах (профили образования А-D, J, M, N и E (специальности, объединяющие гуманитарные, культуроведческие и финансово-экономические науки)), способствовало еще и бытующее в них мнение, что она должна преподаваться в статусе обязательной в тех вузах, которые готовят специалистов в области технических наук, где действительно проводятся научные изыскания по созданию или совершенствованию уже действующих объектов права промышленной собственности.

С этим мнением согласиться, на наш взгляд, можно лишь в некоторой части. Во-первых, с тем, что вышеуказанной группе вузов страны (профили образования А-D; J, M, N и E (специальности, объединяющие гуманитарные, культуроведческие и финансово-экономические науки)) предпочтительнее больше уделять внимания изучению первого правового института интеллектуальной собственности, каковым является «Авторское право и смежные права».

В качестве возражения на этот аргумент можно сказать, что действующая учебная программа Национального центра интеллектуальной собственности по дисциплине «Основы управления интеллектуальной собственностью» такое право варьировать тематикой предоставляет.

Кроме того, следует отметить, что большую актуальность для студентов этих вузов имеют также знания, которые можно получить при изучении второго правового института интеллектуальной собственности: право промышленной собственности.

Специалистам известно, что в Республике Беларусь очень низкая коммерциализация созданных объектов промышленной собственности. В Америке, например, коммерческого успеха достигают до 30% созданных технологий, в ЕС – 20%, а на постсоветском пространстве –

не более 3%» [7]. Иначе говоря, следует сказать, что у нас еще и низкое внедрение в коммерческий оборот созданных новых технологий. А здесь есть вопросы и к специалистам в области финансов и экономики, т. е. к выпускникам нашего университета.

Напомним, что в процессе изучения данной дисциплины студенты (всех форм обучения) Белорусского государственного экономического университета имеют возможность ознакомиться с процедурами получения субъектами хозяйствования фирменного наименования и регистрации товарного знака и знака обслуживания.

Учебной программой предусмотрено рассмотрение правового регулирования коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности и постановки их на бухгалтерский учет. Студенты изучают порядок организации управления имуществом с правами авторов и обладателей смежных прав на коллективной основе и другие актуальные вопросы.

В связи с этим полагаем, что изучение данной дисциплины в рамках факультативных занятий и без формы контроля будет иметь очень низкую эффективность в повышении образовательного уровня наших студентов в этой области.

Ведь общеизвестно, что изучение любой учебной дисциплины значительно осложняется при отсутствии формы контроля в виде экзамена или зачета, хотя актуальность учебной дисциплины «Основы управления интеллектуальной собственностью» для всех специальностей нашего университета очевидна.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что изучение учебной дисциплины «Основы управления интеллектуальной собственностью» в статусе факультатива не будет способствовать в полной мере выполнению постановления Совета Министров Республики Беларусь от 02.03.2012 г. № 205.

Поэтому в целях минимизации проблем, связанных с изучением данной учебной дисциплины,

полагаем целесообразным в качестве промежуточного решения и в целях установления контроля знаний вместо упраздненного зачета ввести такую форму контроля, как реферат со всеми предусмотренными требованиями.

Литература

1. Жук А. И., Нечепуренко Ю. В. О подготовке кадров в сфере управления интеллектуальной собственностью в Республике Беларусь // Высшая школа. 2006. №. С. 11–16.

2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 июля 2004 г. № 843 «Об утверждении Государственной программы защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь на 2004–2006 годы» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 110. 5/14535.

3. Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 марта 2012 г. № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 30. 5/35360.

4. Основы управления интеллектуальной собственностью: учебная программа для студентов высш. учебных заведений Республики Беларусь // Национальный центр интеллектуальной собственности. Минск: РИВШ, 2006. 13 с.

5. Письмо Министерства образования Республики Беларусь от 12 июня 2012 года «Рекомендации по оптимизации перечня и объема обязательных для изучения дисциплин на первой ступени высшего образования».

6. Письмо Национального центра интеллектуальной собственности «О предоставлении информации о дисциплине «Основы управления интеллектуальной собственностью», во все вузы страны от 28.06.2013г. исх. № 01-22/1742.

7. Герасименко А. Личный интерес // Экономическая газета. № 17. 02.03.2010.

Поступила 02.07.2014

УДК 821.161.3:82-1

М. В. Трус, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры (БДТУ)

УКРАЇНСКІ ВЕКТАР ТВОРЧЫХ ЗАЦІКАЎЛЕННЯЎ УЛАДЗІМІРА ЖЫЛКІ

У артыкуле разглядаецца ўкраінская літаратура як аб'ект увагі Уладзіміра Жылкі пражскага перыяду жыцця і творчасці. Зацікаўленасць паэта, прадыктаваная падабенствам гістарычных шляхоў беларускага і ўкраінскага народаў, была рэалізавана ў вершаскладанні, перакладчыцкай практыцы, а таксама грамадскай і культурнай дзейнасці аднаго з яркіх прадстаўнікоў беларускай літаратуры 1920-х гадоў.

The article deals with Ukrainian literature as an object of attention Uladimir Zhyłka Prague period of life and creativity. Interest poet dictated by the similarity of the historical paths of the Belarusian and Ukrainian peoples, has been implemented in prosody, translation practice, as well as social and cultural activities of one of the brightest representatives of the Belarusian literature of the 1920's.

Уводзіны. У беларускім літаратуразнаўстве апошніх дзесяцігоддзяў выразна дамінуе кантэкстуальны кірунак літаратуразнаўчых даследаванняў: вызначэнне месца нацыянальнага пісьменства ў еўрапейскай і сусветнай культурнай прасторы. Беларускае жыццё ў Чэхаславакіі міжваеннага перыяду – «Еўропе ў мініяцюры» – аказваецца ва ўмовах «выбуху» культурнай дыферэнцыяцыі. Адною з найбольш яркіх фігур беларускай літаратуры 1920-х гг. з'яўляецца Уладзімір Жылка (1900–1933), росквіт творчасці якога прыпадае на час вучобы на філасофскім факультэце Карлава ўніверсітэта ў Празе (1923–1926). Задача нашай публікацыі – папоўніць разгляд канцэптуальнай спадчыны У. Жылкі пражскага перыяду, арыентаванай на развіццё нацыянальнай самабытнасці, новымі фактамі, якія ўзбагачаюць і паглыбляюць бачанне пошукаў грамадскіх і эстэтычных ідэалаў адметнай генерацыі творцаў беларускай літаратуры.

Асноўная частка. Тэма беларускай прысутнасці ў Празе традыцыйна была прываблівай для беларускіх даследчыкаў. Яна дазваляе адлічваць пачатак культурнага супрацоўніцтва паміж нашымі народамі ад часоў дзейнасці Францыска Скарыны. 1920–1930-я гг. даюць магчымасць гаварыць пра беларускую эміграцыю, беларускае студэнцтва ў Празе. Для даследчыкаў сталі звыклымі найменні *Пражскі архіў*, *Пражскі эпістлярый*, якія сталі каштоўным матэрыялам для вывучэння беларускай культурнай прысутнасці ў Чэхаславакіі азначанага перыяду, на ўзроўні персаналій дапамаглі пашырыць бачанне жыцця і дзейнасці Ігната Дварчаніна, Тамаша Грыба, Яўгена Ляцкага, Уладзіміра Жылкі, Адольфа Клімовіча і многіх іншых.

Важнай падзеяй культурнага супрацоўніцтва, асэнсавання і візуальнай падачы матэрыялаў

для шырокай аўдыторыі стала выстава «Грамадска-культурная чыннасць беларускай і расійскай эміграцыі ў Чэхаславакіі. 1921–1938» [1], наладжаная ў 2002 г. у Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі. Яе арганізатарамі былі Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі, Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва.

Беларуская прысутнасць у Чэхаславакіі міжваеннага перыяду звязана з вядомай «Рускай акцыяй» – дапамогай урада краіны эмігрантам з былой Расійскай імперыі атрымаць адукацыю, працу. Паводле звестак сведкі і ўдзельніка тых падзей Т. Грыба, у агульнай масе студэнтаў ураджэнцы Беларусі складалі каля 300 чалавек. У абсалютнай большасці, за выключэннем колькасна нешматлікай палітычнай эміграцыі, гэта былі прадстаўнікі сялянства з Заходняй Беларусі. Такі сацыяльны склад відавочна адрозніваў беларускую дыяспару ад рускай і нават украінскай.

У Чэхаславакіі беларусы не мелі сваіх навучальных устаноў, хаця некаторыя захады адносна іх стварэння рабіліся. Беларусы-студэнты не належалі да нейкай адной грамадска-палітычнай арганізацыі. Яны заснавалі па-рознаму ідэалагічна арыентаваныя групы: Аб'яднанне беларускага паступовага студэнцтва, Беларускі студэнцкі саюз, Беларускі сялянскі саюз, «Вольная грамада» і інш. Існавалі свае друкаваныя органы: часопісы «Беларускі студэнт», «Прамень», «Перавясла», «Іскры Скарыны». Часта беларускае студэнцтва знаходзілася пад апекай украінскіх грамадскіх арганізацый і вышэйшых навучальных устаноў. Як адзначаў У. Калеснік, «у сценах Карлава ўніверсітэта студэнты ўзнаўлялі ў мініяцюры той веер палітычнага раз-

межавання, якое існавала ў Заходняй Беларусі і ў асяроддзі беларускай палітычнай эміграцыі за межамі БССР» [2, с. 257].

Працы У. Калесніка (1922–1994) – гэта агульнапрызнаная класіка беларускага літаратурнага мастацтва. Сярод яго работ адно з пачэсных і самавітых месцаў займае манаграфія «Ветразі Адысея: Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі» (1977), да стварэння якой даследчык ішоў шматгадовымі шляхамі пошукаў, асэнсавання; што называецца, прымерваўся да ўлюбёнага аб'екта свайго навуковага зацікаўлення здалёк і зблізку, таму што «Уладзімір Жылка стаіць у цэнтры літаратурнага працэсу Заходняй Беларусі першай паловы 20-х гадоў. Гаворка пра яго – гэта гаворка пра ўсю тагачасную грамадскую атмасферу, пра жыццё і барацьбу, пра палітычную і мастацкую думку, пра творчыя кірункі, метады, стыль, пра здабыткі і слабасці» [2, с. 5].

У ацэнках нацыянальна-адраджэнскага жыцця У. Жылка максімілізм: ён абсалютна не прымае пазіцыю згоднасці, нацыянальную нявызначанасць, пасіўнасць. У лістах да І. Луцкевіча ў 1923–1924 гг. ён апісвае настроі беларускай грамадскасці ў Празе: «Беларускае Адраджэнне перажывае крызіс, дзе ходзіць аб тое, ці быць нам нацыяй дужай і зкансалідаванай, ці бясслаўна загінуць. <...> Аднак я – аптыміст і знаю, што Прага дасць колькі дзесяткаў добрых і сумленных беларускіх працаўнікоў, незалежна ад іх поглядаў: будуць і правыя і левыя. Ужо цяпер хлопцы шмат выраслі, выраўняліся. Радзе розум, талковасць, з якой падыходзяць да працы. Вось колькі імёнаў: Грышкевіч, Кабэрац, Дыліс, Клімовіч, Лаўскі, Буська, Гарошка. І гэта далёка не ўсе. Але тут і добры каталік Клімовіч і атэіст-сацыяліст Грышкевіч» [3, с. 259]; «Як ні кажыце, а пры нашай нядолі і беднасці духовай і матэрыяльнай Прага ёсць важным пунктам, дзе пры добрай волі можна атрымаць скарбы» [3, с. 261].

У. Жылка выдатна разумеў ролю перакладу ў працэсе засваення лепшых здабыткаў сусветнай літаратуры: «...беларусам, творчым, трэба палажыць як грунт для сваёй творчасці народную творчасць, але мы мусім прысвоіць сабе ўсе здабыткі сусветнага пісьменства. Вышшае хараство будзе ў умелым згарманізаванні высокай культуры і тэхнікі (верша) разам з народным элементам» [3, с. 262].

Захаваліся пераклады паэта некаторых твораў Г. Ібсена, А. Алеса, А. Міцкевіча, І. Волькера, Ш. Бадлера, Б. Ясенскага. Вядома, што ён пераклаў на беларускую мову «Дэмана» Лермантава (пераклад пакуль не выяўлены). У лісце да А. Луцкевіча ад 1924 г. У. Жылка дзяліўся планами публікацый плёну сваёй перакладчыц-

кай працы: «...маю да друку пераклад з Франка (з украінскага) паэмы “Майсей”. Сама рэч высокавартая і для адраджэнцаў жыватрапечная. І магчыма, што гэта самае каштоўнае з усяго таго, што з'явілася ў вершы пасля Шаўчэнка на Украіне. Вельмі рэкамендавалася б, здаецца мне, даць яе чытаць нашым землякам» [3, с. 260]. Гэты пераклад, на жаль, пакуль не адшуканы.

Пры аглядзе прыярытэтных тэм і аўтараў беларускага перакладу пачатку ХХ ст. узнікае заканамернае пытанне: чаму з невялікай кагорты ўкраінскіх паэтаў ХІХ – пачатку ХХ ст. М. Багдановіч, вядомы сваім бездакорным мастацкім густам, веданнем сусветнай літаратуры, вылучыў менавіта А. Крымскага, у сваёй перакладчыцкай дзейнасці прадставіў яго поруч з прызнанымі класікамі ўкраінскай літаратуры Т. Шаўчэнкам, І. Франка, А. Алесем? І да таго ж такая выніковая ўвага песняра чыстай красы падмацавана двухмоўнымі перакладамі, а пераклад на беларускую мову ўвайшоў у зборнік «Вянок», дэталёва прадуманы, структурна, зместава, канцэптuallyна вывераны.

У Поўным зборы твораў М. Багдановіча змешчаны пераклады паэтычных мініяцюр А. Крымскага «Пальмы гордые и лавры» («Горді пальмы. Думні лавры...») з цыкла «Самотою на чужыні», 1898), «Теплый гром. Цвета, черешня...» («Теплий грим... Цвітуха вішня...») з цыкла «Передсмертні мелодіі», 1900), а таксама мініяцюры «Кажуць людзі, быццам, творачы мужчыну...» («Сліз!.. Сліз!...») з цыкла «В неволі», 1903).

Адказ на гэтыя і іншыя пытанні можа падказаць і біяграфія А. Крымскага, і не скаваны ідэалагічнымі заслонамі літаратуразнаўчы аналіз, – тое, што ў самой Украіне ў апошнія дзесяцігоддзі было ўстойлівы характар [4; 5; 6; 7;]. Мяркуем, што наша публікацыя верша «Зімою» А. Крымскага ў невядомым перакладзе У. Жылкі стала невялікім беларускім унёскам у спасціжэнне сутнасці прыцягальнай моцы аднаго з пачынальнікаў новай украінскай літаратуры.

Як вядома, У. Жылка бачыў сябе спадкаемцам традыцый, закладзеных М. Багдановічам. Важнае месца ў гэтай пераемнасці пісьменнік адводзіў перакладчыцкай дзейнасці. Як ужо было адзначана, пясняр чыстай красы вылучаў А. Крымскага сярод іншых украінскіх паэтаў. Але ці магчыма толькі пераемнасцю патлумачыць пакліканне да жыцця перакладу верша «Зімою»?

Думаецца, прычыну ўвагі да сваёй творчасці і М. Багдановіча, і У. Жылкі ў некаторай ступені патлумачыў сам А. Крымскі, які паслядоўна, у якасці прадмовы да кожнага выдання сваіх вершаў, нягледзячы на пярэчанні абачлівых выдаўцоў, змяшчаў наступныя словы: «...пускаю ў свет

гэтую кніжку не для людзей фізічна здаровых, а толькі для людзей трохі слабых, з надламанай жыццёвай сілай або нервамі, – для тых людзей, што ўмеюць і лёгка плакаць, і соладка сумаваць, і маліцца богу, і замілоўвацца. Кніжка мая – для тых людзей, што – з бязмежным, наіўным архіэгаізмам нядужага чалавека – марнуючы час, лежачы на ложку ў паўднёвым санаторыі, атрымліваюць больш уцехі і радасці ад весткі пра малады, свежы, кучаравы парастак на гімалайскай кедрыве-дэадары, чым з тэлеграмы пра зніжэнне кошту на соль. Кніжка мая – для тых нядужых і самотных людзей, што прыхільнага да іх чалавека або сям’ю могуць з наіўным эгаізмам палюбіць не менш, чым усё чалавецтва. Толькі такія чытачы (а іх ёсць вельмі многа) знойдуць у гэтай кніжцы родныя для сябе ноты» [8, т. 1, с. 23–24].

На перакладчыцкім (паэтычным і праязичным) рахунку У. Жылкі творы шэрагу замежных аўтараў, сярод якіх важнае месца займаюць і ўкраінскія пісьменнікі: І. Франко, А. Алесь, Р. Эпік. З выходам нашай публікацыі ў «Родным слове» вектар творчых зацікаўленняў У. Жылкі папоўніся яшчэ іменем А. Крымскага.

Час вучобы У. Жылкі ў Карлавым універсітэце ў Празе – гэта час актыўнага творчага дзялогу, міжнацыянальных культурных кантактаў. Колькасна шматлікая ўкраінская эміграцыя ў Чэхаславакіі міжваеннага перыяду была прыцягальнай для беларускага студэнцтва праз шэраг прычын. Гэта датычылася і арганізацыйнай, фінансавай дапамогі, ды і кроўная еднасць, падабенства гістарычных шляхоў двух народаў, агульны лёс выгнанцаў адыгрывалі тут не апошняю ролю. Для У. Жылкі студэнцкі час стаў, бадай, лепшым перыядам у творчасці.

Дзякуючы актыўным кантактам з украінскім студэнцтвам, новай генерацыяй пісьменнікаў моўная стыхія братняга народа часта брала ў палон Жылку-паэта. У некаторых з вершаў ён аніяк не мог абысціся без ужывання ўкраінскіх слоў: «Ты варожыш, ты чаруеш, / О чароўная, бы **світ**...» («Крыху ўзрушаны і рады», 1923); «Ў прыродзе так светлы / Змярканне й **рас-світ**...» («Вершы спадзявання», 1924–1925).

Аўтограф перакладу верша «Зімою» А. Крымскага выяўлены аўтарам гэтых радкоў у асабістым архіве Людмілы Краскоўскай у Браціславе (Славакія). Разам з лістамі У. Жылкі мінскага перыяду ён належыць да нешматлікай колькасці тых дакументаў, якія захавальніца ў свой час не палічыла неабходным перадаць ні родным паэта, ні даследчыкам яго творчасці. Прыкладзем яго поўны тэкст:

– Мама – галубка! Ішла я гарою, –
Снегу нібы і няма;
Сонейка грэе, распукваюць кветкі.
Мама! Минула зима!..

– Пэўна, дачушка, кагосьць пакахала,
Холад бо й сівер наўкруг,
Толькі ў цябе ужо лецейка ў сэрцы,
Там то і квеціцца луг.

Як вядома, частку архіва У. Жылкі калега з Браціславы да пары да часу зберагала ў сябе на кватэры. Потым большасць гэтых матэрыялаў была перададзена ў Беларусь. Можна меркаваць, што аўтограф перакладу падараваны ёй паэтам як нешта накшталт альбомнага запісу з мэтай сказаць штосьці прыемнае сваёй сяброўцы Людміле і яе маці Валянціне Сямёнаўне, на доўгія гады разлучаным некалькімі дзяржаўнымі межамі. На такую думку наводзіць ужо сама дэялагічная форма верша – размова дачкі і маці.

Гэты твор прываблівы простым, немудрагелістым гучаннем. Магчыма, з пункту гледжання сённяшняга ўспрымання вока чытача пры першым знаёмстве з беларускай інтэрпрэтацыяй верша будзе трохі цярушыць ужытае перакладчыкам слова *распукваюць* [кветкі] (у сучасным значэнні *распускаяюцца*), але ў той час гэтае слова даволі шырока ўжывалі і іншыя беларускія пісьменнікі. У. Жылка выкарыстаў яго таксама ў «Пентаметрах» (1925): «Там, дзе распукваўся квет, к восені высее плод».

Верш «Зімою» ў яго ізаляванай, адарванай ад кантэксту і аўтарскіх тлумачэнняў прадстаўлена на першы погляд не мае ніякай нацыянальнай (тэрытарыяльнай) прывязкі. Можна меркаваць, што не ў апошнюю чаргу з гэтай прычыны ён і прыцягнуў увагу У. Жылкі, паколькі даваў магчымасці для лёгкай перасадкі на беларускую паэтычную глебу. Між тым гэты твор уваходзіць у канцэптуальна прадуманы першы цыкл зборніка А. Крымскага «Пальмавае голле», які мае назву «У гарах Ліванскіх». У арыгінале верш гучыць наступным чынам:

– Мама, голубко! Ішла я гарою, –
Снігу неначе й нема;
Сонце так грэе; квіткі розцвітаюць...
Мама! Минула зима!
– Доню! ти, певне, когось покахала!
В нас-бо і холод, і лють.
Тільки у тебе вже літо на серці,
Там-то і квіти цвітуць! [8, т. 1, с. 27].

Упершыню твор надрукаваны ў часопісе «Зоря» ў 1897 г. (№ 17, с. 376). Верш уяўляе з сябе мастацка-эстэтычны сінтэз прыроднага фону і асабістых перажыванняў, паяднаных нязмушаным дысанансам узбуджанага чалавечага пачуцця і знешняга халоднага спакою.

У заўвагах аўтар прадставіў канкрэтную геаграфічную прывязку твора – тое, што аніяк не прачытваецца без кантэкстуальнай, цыклічнай падсветкі: «На высокіх Ліванскіх гарах, за выключэннем тых, якія павярнуліся тварам да гара-

чай Фінікіі, зімою бывае настолькі холадна, што падае не дождж, а снег. На Саньне і яшчэ на некаторых верхавінах снег не растае нават улетку» [8, т. 1, с. 27].

Паэтычны цыкл «В горах Ліваньских» (аўтарскі падзагалавак – «Ідилія») складаюць зачынны верш «Всякі пахоці там дышуть...», створаны па матывах біблейскай «Песні песняў», а таксама вершаваны дыптых – «Зімою» і «Влітку» («Улетку»). Аўтарам пазначаны месца і час яго напісання: ліванскае сяло Шуейр, 15 ліпеня 1897 г.

Верш «Улетку», другі ў згаданым цыкле, з першага радка даносіць характэрны ўсходні пейзажны каларыт: «Скалі... Кедрі... Скоро й вечір» [8, т. 1, с. 28]. Дысананснае гучанне, але ўжо на фоне іншай пары года, люстэркава захавана і ў ім: «Впала ніч... Шакалі вьюць... / Вітер... Мов зима! / Я всі очі прогляділа, – / Милого нема» [8, т. 1, с. 28].

Заклучэнне. Зварот да творчасці А. Крымскага, актуалізаваны публікацыяй невядомага перакладу У. Жылкі, умацняе сілавое поле літаратуразнаўчага аналізу, яго асвятленне гісторыі беларуска-ўкраінскіх культурных сувязей. Прынцыповае меркаванне аўтара гэтага артыкула: не спяшацца з высновамі, з аўтарскай маркіроўкай, па магчымасці не пахіснуць заканамерныя этапы ўвядзення твора ў навуковы ўжытак.

Акрамя прыведзенага перакладу верша А. Крымскага, аўтарам гэтых радкоў быў выяўлены шэраг новых матэрыялаў да жыцця і творчасці У. Жылкі, беларускай і ўкраінскай літаратуры міжваеннага перыяду: неведомыя лісты Антона Луцкевіча, выпускнікоў Дзвінскай беларускай гімназіі, асоб з пражскага беларускага асяроддзя, дзеячаў украінскай культуры – Дзмітра Дарашэнкі (укр. Дмитро Дорошенко), Алега

Ольжыча (укр. Олег Ольжич), Аксаны Лятурынскай (укр. Оксана Лятурынська), Леаніда Мосендза (укр. Леонид Мосендз) і іншых. Гэтыя матэрыялы дапамагаюць істотна ўзбагаціць бачанне нацыянальнага пісьменства самога па сабе, а таксама ў кантэксце і дынаміцы судакранання з іншанацыянальнымі традыцыямі.

Літаратура

1. «Ёсць на карце месца...»: Грамадска-культурная чыннасць беларускай і расійскай эміграцыі ў Чэхаславакіі. 1921–1938: каталог выставы ў Нацыянальным музеі гісторыі і культуры Беларусі з 27 мая па 3 ліпеня 2002 г. / склад.: Т. Воранава, А. Гесь, Н. Дзюба, Г. Запартыка [і інш.]. Мінск, 2002. 87 с.

2. Калеснік У. Ветразі Адысея. Уладзімір Жылка і рамантычная традыцыя ў беларускай паэзіі. Мінск: Маст. літ., 1977. 328 с.

3. Жылка У. Выбраныя творы / уклад., прадм. і камент. М. Скоблы. Мінск: Белар. кнігазбор, 1998. 358 с.

4. Маленька Т. Агатангел Крымскі: портрет на тлі эпох // Слово і час. 2001. № 1. С. 11–14.

5. Павличко С. Дыскусія модернізму в украінскай літаратуры. 2-ге вид., перерод. і доп. Київ: Либідь, 1999. 447 с.

6. Павличко С. Націоналізм, сексуальнасць, орыенталізм: Складні свет Агатангела Крымскаго. Київ, 2000. 322 с.

7. Сьундоков И. Посвятил себя Украине. Жизнь академика Агатангела Крымскаго: подвиг ученого и гражданина // День. 2007. № 194. 9 ноября.

8. Крымскі А. Творы. Київ, 1972–1974. Т. 1–5.

Пастуніў 11.03.2014

УДК 882.6-09

Т. М. Федарцова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДТУ)

АСАБЛІВАСЦІ СІНТАКСІЧНЫХ СРОДКАЎ У ПАЗЭІІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ ХХ І ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯЎ

У артыкуле паказана, як побач з распаўсюджанымі стылістычнымі фігурамі (полісіндэтон, асіндэтон, рытарычнае пытанне, рытарычны зваротак, рытарычны вокліч і інш.) творцы вершаваных радкоў выкарыстоўваюць анадыпласіс, гемінацыю, хіязм, рэтрадацыю і інш. Такім чынам, выкарыстанне разнастайных сінтаксічных фігур надае беларускай паэзіі сваеасаблівую рытмічнасць і адпаведную ідэі твора танальнасць, пэўны зарад экспрэсіўнасці і эмацыянальнасці.

The article shows how creators of poetic lines use both anadiplosis, germination, hayazm, retardation and common stylistic figures (polisendeton, asyndeton, rhetorical question, rhetorical appeal, rhetorical call, etc.). Thus, the use of various syntactic figures gives Belarusian poetry original rhythm and corresponded style as well as expressiveness and emotionality.

Уводзіны. Наша жыццё немагчыма ўявіць без прысутнасці ў ім паэтычнага слова. Безумоўна, і сёння яно арыентавана на найлепшыя класічныя першаўзоры і каноны. Але мяняецца час, мяняецца і паэтычны сінтаксіс. Таму сёння паэзія імкнецца пазбягаць апісальнасці, шчодрэ ўбірае ў сябе медытатывнасць, імкненне да філасофскіх разваг і высноў, каб зразумець заканамернасці жыцця і перадаць іх у маляўнічых, дакладных ці сімвалічных вобразах. Знайсці не толькі сваё слова, сваю тэму, непаўторнасць сюжэта, але пабудаваць верш на экспрэсіі мастацкага маўлення – творчае крэда кожнага паэта, кожнай адоранай асобы.

Асноўная частка. У пачатку ХХ ст. паэзіі былі шырока распаўсюджаны рытарычныя фігуры. Такі стылістычны прыём у вершаванай мове, які значна ўзмацняў эмацыянальны напал выказвання, быў цалкам апраўданы гістарычна. Бо моц паэтычнага дара лепшых творцаў служыла спрадвечнай мары беларусаў быць гаспадарамі на сваёй зямлі. Таму асноўнымі з рытарычных фігур у пачатку ХХ ст. былі рытарычнае пытанне, рытарычны зваротак і рытарычны вокліч.

Рытарычнае пытанне не патрабуе адказу ад рэцыпіента, бо заключае ў сабе сцвярджэнне. Для прыкладу возьмем урывак з верша Якуба Коласа «Беларусам»:

Ці ж мы, хлопцы, рук не маем,
Ці ж нам сілы Бог не даў?
Ці ж над родным нашым краем
Прамень волі не блішчаў? [1, с. 149].

Рытарычнае пытанне распаўсюджана сёння ў грамадска-патрыятычнай лірыцы.

У Міхася Башлакова ў трэцяй частцы паэмы пра чарнобыльскую бяду «Лілея на цёмнай вадзе» чытаем:

Хто здраду асудзіць?
Ў званы хто ўдарыць?

Хто песняй абудзіць
Даўнішнія мары
Аб волі, аб долі
Шчаслівай і светлай? [2, с. 100].

Тут адрасант не ўказаны дакладна. Гэта могуць быць паэтавы аднадумцы, чытачы, люд Беларусі ці сусвету наогул.

Да рытарычных звароткаў звяртаюцца амаль што ўсе беларускія паэты і пісьменнікі. Даволі часта сустракаюцца яны ў творчасці Р. Барадзіна, В. Зуёнка, А. Вярцінскага, Н. Мацяш і інш.

Генадзь Бураўкін у вершах пра каханне са зборніка «Чытаю тайнапіс вачэй...» рытарычны зваротак адрасуе сваёй адзінай, непаўторнай каханай жанчыне – жонцы:

Ты помніш сад,
Парэчкамі зарослы,
Дзе ля паркана быў куток таемны,
Куды збягалі мы з табой штовечар
Ад пільных матак і сяброў цікаўных?
Ты помніш? [3, с.25].

Рытарычныя воклічы заўсёды ўжываліся ў грамадзянскай і медытатывнай лірыцы, а жанчыны-паэткі перанеслі гэты прыём і ў лірыку кахання. Бо менавіта абвостранае пачуццё кахання заўсёды з'яўляецца эмацыянальна-сэнсавым ядром беларускай жаночай лірыкі другой паловы ХХ стагоддзя. Так, Ніна Мацяш у зборніку «Душою з небам гаварыць» прымяняе гэту стылістычную фігуру больш за 14 разоў. У вершы «Вяртанне жаўрукоў», наадварот, з дапамогай рытарычнага воклічу яна перасатварае звычайную прыродную з'яву – прылёт птушак на Палессе ў першую вясну пасля Чарнобыля – у праблему грамадскага гучання:

Вы жывыя! Вярнуліся! Нейк амаглі
Пашчу стронцыю, продань дарогі!..
Журавелькі-жураўкі мае, жураўлі,
Сцяг вясны над палескай разлогай! [4, с. 291].

Паэтка сцвярджае думку, што пакалечаная зямля абавязкова адродзіцца, калі мы будзем любіць сваю малую радзіму так жа горача, як любіць яе жаўрукі.

Шматзлучнікавасць, або *полісіндэтон*, актыўна ўжываецца ў фальклору, праявітых і вершаваных арыгінальных творах. Як стылістычная фігура ў выказванні дапамагае закцэнтаваць увагу на кожным аднародным члене сказа. Улічваючы той факт, што і самі аднародныя члены сказа – актыўны сродак экспрэсіі мастацкага радка, атрымліваецца двойное ўзмацненне выразнасці:

Ты не хавайся, не ўцякай
За цень начны, за небакрай,
За дождж абложны ці за снег,
За жарт, за песню ці за смех, –
Бо як, аслеплены табой,
Змагу знайсці прыстанак свой [5, с.328].

Дадзены прыём выкарыстоўваецца таксама з мэтай перадачы эмацыйнага маўлення, што выклікае пэўную напружанасць і адначасова цалкам забяспечвае рознабаковыя характарыстыкі асоб, прадметаў, дзеянняў.

Бяззлучнікавасць, або *асіндэтон*. Як адваротны прыём полісіндэтона таксама ўзмацняе экспрэсію: яго мэта – не толькі паказаць разнастайнасць з’яў і праяў жыцця. Звычайнае, на першы погляд, канстантаванне выяўляе аўтарскія эмоцыі, дапамагае зрабіць ацэнку пэўнай сітуацыі. Ва ўрыўку з рамана «Алімпіяда» Івана Пташнікава пры апісанні незвычайнай з’явы прыроды – снег у маі – аўтар амаль не выкарыстоўвае злучнікі: ён сам нібы ў сумным здзіўленні, у задуменні ад таго, што адбылося. Бяззлучнікавасць у дадзеным выпадку ілюструе карціну нерухомасці, спакою, неверагоднай цішы. Аўтар стварае статычны малюнак снежнага мая не без экспрэсіі сінтэтычнага ўзроўню, а дакладней – з дапамогай бяззлучнікавай сувязі.

Заўважна, што асіндэтон надае выказванню сцісласць, дапамагае перадаць хуткую змену з’яў і падзей, а ў вершаваным творы аўтар імкнецца яшчэ і ахапіць большую іх колькасць на абмежаванай плошчы. Возьмем для прыкладу верш Анатоля Вяцінскага «...Мужчына. Жанчына. Чаканне». Бо тут бяззлучнікавасць з’явілася асноўным мастацкім прыёмам, які дазволіў своеасабліва перадаць развіццё гендарных ўзаемаадносін:

Мужчына. Жанчына. Чаканне.
Шуканне. Блуканне. Час.
Жанчына. Мужчына. Спатканне.
Вітанне. Пытанне. Адказ.

Мужчына. Жанчына. Дыханне.
Сэрцабіццё. Забыццё.
Жанчына. Мужчына. Каханне.
Мужчына. Жанчына. Жыццё [6, с. 5].

Перыяд сінтаксічны. Гэта складаная сінтаксічная адзінка з адным галоўным і некалькімі даданымі сказами, якая ахоплівае і шэраг вершаваных радкоў або нават строфаў. Перыяд сінтаксічны дапамагае аўтару ўзвысіць паэтычную танальнасць, стварыць аратарскую інтанацыю. Сінтаксічны перыяд ўжыты Я. Коласам у вершы «Водгулле»:

Ці коска зазвоніць у час касавіцы,
Ці песню дзяўчо запяе.
Ці неба зазые ў агнях бліскавіцы,
Ці вецер задзьме-зазлуе.
Ці гром гучнабежны пракоціцца ў хмарах,
Ці грукне над лесам пярун, –
Ўсё водгук знаходзіць у вольных абшарах,
Ўсё іх дакранаецца струн [7, с. 100].

На адзіным разгорнутым сінтаксічным перыядзе пабудаваны і верш Максіма Танка, напісаны тэрцэтамі:

Куды б цябе лёс не закінуў,
Калі ты аб роднай краіне
Яшчэ захаваў успаміны;

Калі не забыў свае мовы
І колер блакіту вясковы,
Шум Нарачы, шэлест дубравы;

Ці маеш хоць жменьку зямлі той,
Калісь тваім потам палітай,
Кіёк падарожны з ракіты;

Ці нейкае з дому пасланне,
Ці толькі адно абяцанне
Цябе ўспамінаць на святанні;

Пад крык журавоў пералётных, –
Дык ты, на чужыне гаротнай,
Яшчэ не самотны [8, с. 251].

У перыядзе сінтаксічным звычайна ўзнікае *рэтардацыя* – запавольванне дзеяння. У эпічных, ліра-эпічных і драматычных творах гэта дасягаецца ўвядзеннем устаўных сцэн, эпизодаў, апісання прыроды, лірычных адступленняў, экскурсаў у мінулае і г. д. У лірычных вершаваных творах рэтардацыя часам узнікае ў разгорнутых сінтаксічных перыядах, галоўны сказ разбіваецца на дзве часткі: першая знаходзіцца ў пачатку перыяду, а заключная – у канцы яго. Гэта дапамагае завастрыць увагу чытача на думцы, выказанай перш за ўсё ў галоўным сказе. Вось прыклад рэтардацыі ў паэме Васіля Зуёнка «Сяліба»:

Той край,
імшарны, з сумам верасоў,
Дзе цар –
ядловец, нізенькі пярэстар,
Дзе цецярук пад чорнае крыло
Хавае ў дождж па сем цяцер пярэстых,
Дзе валіць з ног цвярэзнікаў чабор,
Нібы пяршак найлепшай самай пробы,
Дзе выжыла адно найменне –
бор –
Як выспа паміж лядаў, расцяробаў,
Дзе прагна сасна дае засеў
І б'юць крыніцы з вечнаю надзеяй,
Дзе з году ў год ляснік Якім лысеў
І ціха старадрэвіны раззелі, –
Той край –
мая радзіма... [9, с. 91].

Часам сэнсавыяўленчая роля рэтардацыі раскрываецца ў канцы твора, у яго *пуанце*.

Пуант – у перакладзе з французскай мовы азначае востры, востры – гэта нечаканая, рэзкая канцоўка твора, якая часта выяўляецца ў дасціпнай афарыстычнай форме. Значэнне пуанта, як правіла, сэнсавое: у ім заключаны новы паварот паэтычнай думкі, своеасаблівая паэтычная «разгадка» папярэдніх радкоў. Найбольш характэрны пуант для такіх жанраў, як байка, эпіграма, анекдот. Але часам і лірычны верш будзе з яго дапамогай. Возьмем верш Ніны Мацяш «Без цябе»:

А мне ўсё лепей без цябе.
Працую – не гарую.
Спакойнай сіле не слабець –
Магу звярнуць гару я.

Бясплённа дзень не праміне,
На мары не патрачу.
Смяюся, калі смешна мне,
А плачацца – не плачу.

Так, мне ўсё лепей без цябе.
Жніво наспела ў часе.
Ні тлуму, ні трывог цяпер.
...І ні хвіліны шчасця [4, с. 148].

Майстрам вершаванага пуанта з'яўляецца Максім Танк. Нават верлібр «Творчыя мукі» ён прысвячае гэтаму прыёму:

Дзень прачынаецца звычайна:
Унукі пачынаюць гарцы,
Бурліць, пасвітвае чайнік,
І бульбу ты дзярэш на тарцы.
Гуляе ў печы жар пякельны,
А на распаленай патэльні
Сняданне весела скварэцца –
Ужо за стол завеш ахвочых,

А я злую, што не ўдаецца
Каторы дзень мне верш закончыць,
Як твае драгікі, крамянай
Пуэнтаю неспадзяванай [10, с. 56].

Яшчэ адзін экспрэсіўны прыём сінтаксічнага ўзроўню – *інверсія* (перастаноўка – лац.) Гэта такая перастаноўка слоў або словазлучэнняў у вершаваным радку, якая парушае іх звычайны граматычны парадак. І прымушае падкрэсліць пэўнае слова ці думку. У вершы Максіма Лужаніна «На ўсходзе сонца» чытаем:

А як уцешна мне было,
Што сонца, хоць усе абшары
Даўно чакалі на святло,
Пакуль ты хустачку да твару
Не завязала, –
не ўзышло! [11, с. 59].

Сінтаксічны паўтор. Паўтор аднатыповых сінтаксічных канструкцый – прыём далёка не новы ў беларускай версіфікацыі. Але ён мае свае адметнасці ў кожнага з беларускіх творцаў.

Напрыклад, Анатоль Вярцінскі ўжывае *анадыпласіс*, або *стык*, – такую стылістычную фігуру, у якой наступны сказ пачынаецца з таго самага словазлучэння, якім заканчваецца папярэдні сказ:

Ваўкоў баяцца – ў лес не хадзіць.
Не хадзіць у лес – не мець лясіны.
Лясіны не мець – не мець хаціны.
Хаціны не мець – дзяцей не радзіць [12, с. 328].

Дадзены мастацкі прыём, відаць, з-за яго прыччападобнасці, актыўна ўжываюць паэткі Валянціна Аколава, Ніна Шклярава, Данута Бічэль, вершы якіх насычаны медытатыўнасцю.

Анадыпласіс стаў абавязковым прыёмам у вянках санетаў і вянках вяноў санетаў. Бо па законе жанра адмысловасць вянка санета заключаецца ў тым, што ў сваім кананічным выглядзе гэта пятнаццаць санетаў, дзе першыя чатырнаццаць звязаны ў своеасаблівае кальцо (вянок), таму што апошні радок кожнага санета (санетны замок) паўтараецца ў першым радку наступнага, а апошні радок чатырнаццатага санета паўтарае першы радок першага санета. Пятнаццаты санет называецца магістралам (ці магістраллю) і цалкам складаецца з першых радкоў папярэдніх чатырнаццаці санетаў, што надае цэласнасць і знітанасць усяму твору.

Часта радкі з паўтораў у вянках і вянках вяноў санетаў гучаць афарыстычна. У першую чаргу гэта тычыцца вянка вяноў санетаў Змітрака Марозава «Апакаліпсіс душы». Аўтар

ужывае ў творы не толькі вядомыя прыказкі, але і перасатварае іх. Такім чынам мова вянка вянкаў набывае яшчэ большую вобразнасць, сцісласць у змесце і глыбіню думкі. Сапраўды, прыказка і прымаўка – таксама сэнсава завершаная цвёрдая міні-форма. Паэт смела эксперыментуе з ёю: то ўводзіць прыказку ці прымаўку ў першы катрэн, дзе яны пачынаюць тэму – як у другім і чацвёртым санетах адзінаццатага вянка («Пакуль карэнне ў доле не змарнее, / Датуль і дрэвы кронамі шумяць»; «Калі баліць – людзей не вінаваць»), то працягвае імі тэму ў другім катрэне, напрыклад, у пятым санеце трэцяга вянка («Трымай, казак, мацней каня за грыву»), чацвёртым санеце адзінаццатага вянка («Лягчэй ад веку браць, чым аддаваць»), то стварае аўтарскае выслоўе, як у трынаццатым санеце шостага вянка («Плуг не раўня гулліваму пярэ»).

Але найчасцей прыказкі і прымаўкі сустракаюцца ў тэрцэтах: першы санет адзінаццатага вянка («Хто на кані, той едзе і кіруе»), чацвёрты санет гэтага ж вянка («Жыццё пражыць – не поле перайсці») і г. д. Іншым часам прыказка, прымаўка ці аўтарскі афарызм уведзены ў санетны замок. Гэта тычыцца другога, дзясятага, адзінаццатага, восьмага і пятага санетаў адпаведна адзінаццатага, дзясятага, сёмага, трэцяга, другога вянкаў. У другім санеце адзінаццатага вянка прыказкі і выслоўі зніталі ў адно цэлае тэму першага катрэна і выснову апошняга тэрцэта, чым сцверджана класічная закончанасць думкі ў санетным творы. Таму ў развазе аб стане маральнасці грамадства і асобы аўтар не мог пазбегнуць вопыту папярэднікаў і звярнуўся да прыказак і прымавак, якія і па ўнутраным філасофскім змесце, і па форме дакладна пасуюць санету. Іх шматлікае выкарыстанне Марозавым хутчэй наватарства, чым кампенсацыя недахопу ўласных думак. Ды і ўводзяцца яны аўтарам у тэкст не фармальна, а з'яўляюцца стрыжнем глыбіннага роздому паэта над сэнсам жыцця.

Калі працягваць развагу пра экспрэсіўныя сродкі сінтаксічнага ўзроўню, то адразу ўспамінаецца паэтычны досвед нашага сучасніка Міхася Башлакова і яго майстэрства ўдала выкарыстоўваць *гемінацыю*. Дадзеная сінтаксічная фігура заснавана на шматразовым паўторы словазлучэнняў або сказаў, што надае маўленню велічна-спакойны, але ўзвышана-патрабавальны тон. А як інакш, калі гаворка ідзе пра жыццё да Чарнобыля і пасля? Калі душа паэта засмучана лёсам роднага Палесся? А развагі настойліва вяртаюць ў басаногое дзяцінства і шчаслівае юнацтва, мілы куточак – родную вёску Церуху, але там ужо ніхто не чакае паэта. Эмацыйнае сэнсавае напauненне беларускай паэзіі

спрадведу ішло праз перадачу сакральных пачуццяў. Таму кніга вершаў носіць назву «Палын. Чарнобыль». Выйшла яна ў свет у 1995 годзе на трох мовах – беларускай, рускай і англійскай.

Яшчэ больш вытанчана Міхася Башлакоў падае прыём гемінацыі ў паэтычным зборніку «Пяро зязюлі падніму», які працягвае тэму фізічнага і маральнага Чарнобыля. Напрыклад, у другой частцы паэмы «Лілея на цёмнай вадзе» паэт расказвае пра імкненне жыхароў адселеных вёсак трапіць на Радаўніцу на могілкі, а іх не пускаюць у зону адчужэння:

Засумую
Па родных мясцінах,
Белым лебедзем
Закрычу...
На Радзіму сваю,
На Радзіму сваю,
На Радзіму сваю
Палячу... [2, с. 86].

Гемінацыя – адзін з любімых прыёмаў Анатоля Вярцінскага. У вершы «Плач спаленай вёскі» з дапамогай паўтораў адных і тых жа словазлучэнняў і сказаў аўтар акцэнтуюць увагу на значнасці вялікага гора, якое нясе вайна:

Людзі добрыя, рады прывесіць бы вас,
Ды прыйшлі мы ў нядобры час,
у нядобры час,
у нядобры час,
у нядобры час.
Рады сустрэць бы вас хлебам да соллю,
Ды вось сустракаем смяротным болям,
смяротным болям,
смяротным болям,
смяротным болям. [6, с. 102].

І ў першым, і ў другім выпадках гемінацыя набліжае паэтычныя казанні сучасных аўтараў да старажытных плачаў.

У першае дзесяцігоддзе новага веку творцы прыгожага слова пачалі актыўна ўжываць такі мастацкі прыём, як *хіязм*. Гэта люстраное размяшчэнне частак паэтычнага выказвання, калі інтанацыйна і візуальна падкрэсліваецца паўтор адпаведнага слова. У рускім паэтычным сінтаксісе хіязм пачаў ужывацца значна раней, чым у беларускай версіфікацыі. Майстрам хіязму можна лічыць І. Севяраніна. У беларускай паэзіі ўдалыя прыклады хіязму паказаў Анатоль Вярцінскі ў вершы «Гора – не бяда»:

Гора – не бяда,
бяда – не гора,
пабыла-сплыла,
нібы вада.

Няма праўды –
гэта ўжо горай,
гэта ўжо цэлая бяда.
Гора – не бяда,
бяда – не гора... [13, с. 29].

Умаўчанне (недаказ, абрыў) – раптоўны перапынак у маўленні, інтанацыйна падкрэслены і графічна абазначаны шматкроп’ем. Гэты прыём разлічаны на здагадку чытача, своеасаблівае аднадушша з творцай. Умаўчанне будзіць фантазію рэцыпіента. Гэта адна з найбольш важных стылістычных фігур, паколькі, паводле Юрыя Лотмана, роля невядомага тэксту (любога ў семантычных адносінах), уведзенага ў перапынну канструкцыю вершаванага ці празаічнага твора, непарыўна мацнейшая за ролю звычайнага тэксту.

Майстрам розных відаў умаўчання лічыцца Янка Купала. У вершы «Перад будучыняй» (1922) ён падае гэту стылістычную фігуру ў трэцім радку катрэна:

У вершы «...О так! Я пралетар!» Янка Купала ўжыў надзвычай рэдкі ў літаратурнай практыцы від умаўчання – на пачатку твора. Тым самым паэт адразу ўпісаў верш у ідэалагічны кантэкст свайго часу, калі сярод бальшавікоў распачалася вострая палеміка паміж «нацыяналістамі» (нацыял-патрыётамі, нацыянал-дэмакратамі) і «інтэрнацыяналістамі» (шавіністамі, касмапалітамі). Умаўчанне яшчэ больш падкрэслівае горкую іронію свайго часу.

Умаўчанне ўжывалі Якуб Колас, Максім Танк, Пімен Панчанка, Уладзімір Караткевіч.

Якуб Колас, напрыклад, выкарыстаў здольнасць умаўчання не толькі абрываць слова, асобны вершаваны радок альбо знаходзіцца ўнутры радка, але займаць сабой цэлы радок ці некалькі радкоў. У гэтым выпадку умаўчанне інтанацыйна ўвасабляецца ў працяглай паўзе, а на пісьме паказваецца суцэльным шматкроп’ем. Так, у паэме «Рыбакова хата», напісанай 12-радкоўямі, у трэцім страфе XI раздзела чатыры апошнія радкі заменены шматкроп’ем.

Умаўчанне, або недаказ, – гэта адна з самых улюбёных сінтаксічных фігур паэтычнага маўлення Ніны Мацяш. Прычым паэтка выкарыстоўвае розныя па месцы ў паэтычным радку і па графічным афармленні віды фігуры:

а) традыцыйна ставіць шматкроп’е ў канцы паэтычнага радка, як у вершы «Лаўцам чорнага ката ў чорным пакоі»:

О, як дажыць хацела б я
Да дня, калі магу без болю
Аб Беларусі запяць!.. [4, с. 436].

б) у пачатку і ў канцы сказа ў вершы «Свяціся»:

...Не іду па вадзе,
А лячу над лядзянай балотнай вадою...
...Не сцяжынка вядзе –
Над густой збажыною крыляю... [4, с. 391].

Тут думка нібы бярэцца ў кольца разваг. Таму такі від фігуры можна кваліфікаваць як кольца ўмоўчвання, ці недаказ-кольца.

в) радок перарываецца недаказам. Паказальным з’яўляецца верш «Маналог каханай Кастуся Каліноўскага»:

«...галубка...чарнабровая мая...мая галубка...
...галубка...чарнабровая мая...мая галубка...»
О Божухна неміласэрны!..
Костусь!.. [4, с. 422].

г) значна радзей недаказ сустракаецца ў пачатку радка:

...І прыпасе нялёгкае імгненне:
Зноў змрочна, глуха.
А ты не маеш права на сумненне,
На стому духу [4, с. 195].

Даволі часта умаўчанне ўжываецца ў вянках вянкаў санетаў. Гэта даволі своеасаблівае і адмысловая разнавіднасць спалучэння цвёрдай вершаванай санетнай формы, якая складаецца з чатырнаццаці асобных вянкаў санетаў і пятнаццатага «Вянка магістральнага». Кожны з наступных вянкаў санетаў пачынаецца радкамі папярэдняга вянка санета, а вянок магістральны ўбірае ў сябе першыя радкі ўсіх папярэдніх двухсот дзесяці санетаў і складаецца з пятнаццаці санетаў. Мікалай Віняцкі у вянку вянкаў санетаў «Загойвай боль, сінь яснавокай зоркі...» нават ужывае умаўчанне ў загалюку.

Заклучэнне. Такім чынам, выкарыстанне разнастайных сінтаксічных фігур надае беларускай паэзіі своеасаблівую рытмічнасць і адпаведную ідэі твора танальнасць, пэўны зарад экспрэсіўнасці і эмацыянальнасці, якія адыгрываюць значную ролю ў плане адэкватнага ўспрымання кантэксту паэтычнага твора.

Літаратура

1. Колас Я. Збор твораў у 20 т. Мінск: Беларуская навука, 2007. Т. 1. Вершы 1898. 1910. 622 с.
2. Башлакоў М. Пяро зязюлі падніму: паэма і вершы. Мінск: Маст. літ., 2001. 271 с.
3. Бурдэўкін Г. Чытаю тайнапіс вачэй...: вершы пра каханне. Мінск: Юнацтва, 2001. 158 с.

4. Мацяш Н. Душою з небам гаварыць: выбраная лірыка. Мінск: Маст. літ., 1999. 462 с.
5. Танк М. Збор твораў у 13 т. Мінск: Беларуская навука, 2008. Т. 5. Вершы (1972–1982). 448 с.
6. Вярцінскі А. Жанчына. Мужчына. Каханне...: лірыка. Мінск: Чатыры чвэрці, 2003. 64 с.
7. Колас Я. Збор твораў у 20 т. Мінск: Беларуская навука, 2007. Т. 1. Вершы 1911. 1938. 440 с.
8. Танк М. Збор твораў у 13 т. Мінск: Беларуская навука, 2007. Т. 3. Вершы (1954–1964). 447 с.
9. Зуёнак В. Сяліба: вершы. Мінск: Маст. літ., 1973. 96 с.
10. Танк М. Збор твораў у 13 т. Мінск: Беларуская навука, 2008. Т. 6. Вершы (1983–1995). 454 с.
11. Лужанін М. Вярнуся ветрам: вершы, сатыра, гумар. Мінск: Маст. літ., 1987. 126 с.
12. Вярцінскі А. Святло зямное: выбр. вершы, паэмы. Мінск: Маст. літ., 1981. 430 с.
13. Вярцінскі А. Выбраныя творы. Мінск: Кнігазбор, 2009. 528 с.

Паступіў 13.03.2014

УДК 882.6

І. Л. Шаўлякова-Барзенка, дацэнт (Нацыянальны інстытут адукацыі)

**МАСТАЦКАЯ (САМА)ІДЭНТЫФІКАЦЫЯ:
ТЭАРЭТЫЧНАЯ ЛЕГІТЫМАЦЫЯ ПАНЯЦЦЯ
Ў КАНТЭКСЦЕ РАЗВІЦЦЯ НАЙНОЎШАЙ
БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ**

Артыкул прысвечаны праблемам актуалізацыі і легітымацыі паняццяў «ідэнтычнасць» і «ідэнтыфікацыя» ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве. Акрэсліваюцца змест, структура, функцыянальнае прызначэнне паняцця «мастацкая (сама)ідэнтыфікацыя». Яго патэнцыял (канцэптуальны і метадалагічны) раскрываецца ў кантэксце тэарэтыка-літаратурнага асэнсавання заканамернасцей і тэндэнцый развіцця нацыянальнага мастацтва слова.

The article is devoted to problems of updating and legitimating of the concepts «identity» and «identification» of modern Belarusian literary criticism. The contents, structure, functionality of the concept «art (itself)identification» are outlined. Its potential (conceptual, methodological) reveals in the context of theoretical research of regularities and tendencies of development of national art literature.

Уводзіны. Беларускі літаратуразнаўчы дыскурс 2000–2010-х гг. у метадалагічным і тэрміналагічным аспектах нагадвае своеасаблівы рэзервуар (камору), дзе захоўваецца ўсё, што ў розны час туды трапіла – незалежна ад функцыянальнага стану. Калі цягам апошняй трэці ХХ ст. тэарэтыка-метадалагічны падмурак даследаванняў нацыянальнага мастацтва слова ўмацоўваўся пераважна за кошт уласных рэсурсаў (канцэпцыі і ідэі В. Каваленкі, У. Конана, М. Тычыны, Л. Сіньковай, І. Жука), то з канца 1990-х гадоў папаўняецца згаданы рэзервуар, як правіла, за кошт запазычанняў. Найчасцей мае месца своеасаблівая «міждысцыплінарная экстрапаляцыя», калі тэрміны, паняцці і метадалагічныя ідэі, распрацаваныя ў сістэме каардынат філасофіі, псіхалогіі, сацыялогіі, антрапалогіі, этналогіі, а таксама матэматыкі, фізікі, кібернетыкі і да т. п., пасля нязначнай «каліброўкі» пачынаюць выкарыстоўвацца як інструменты літаратуразнаўчага (гісторыка- альбо тэарэтыка-літаратурнага) аналізу. Аднак, на думку сучаснага расійскага філалага, гісторыка культуры І. Сандамірскай, «міждысцыплінарнасць мае на ўвазе не толькі свабоду, але і вялікія страты ведаў... Наогул жа кірунак міждысцыплінарнасці залежыць ад таго, як вы фармулюеце праблему і як канструюеце катэгорыі для аналізу, апарат» [1].

Асноўная частка. Больш ці менш выразнае артыкуляванне праблемнага поля «ідэнтычнасць – ідэнтыфікацыя – самаідэнтыфікацыя» ў сучасным беларускім гуманітарным досведзе ажыццяўляецца прыкладна з канца 1980-х. З другой паловы 1990-х побач з мастацка-публіцыстычнымі (паводле пафасу і стылю) артыкуляцыямі з'яўляюцца спробы сфакусаваць увагу зацікаўленай супольнасці на *ідэнтычнасці* як на аб'екце ўласна навуко-

вай рэфлексіі, мэтава арыентаваныя на аксіялагічныя запыты тагачаснага беларускага грамадства. «Сучасны беларускі інтэлектуалізм (найперш філасофія і культуралогія)», паводле прызнання саміх яго рупліўцаў, «па вялікім рахунку, ёсць плёнам... уласна беларускай літаратуры (дакладней, плёнам яе найноўшай мадыфікацыі» [2]. Згаданая вышэй праблематыка не ёсць вынаходніцтва канструктараў найноўшай літаратурнай сітуацыі. Так, у кантэксце ўласна філасофскага аналізу стану беларускай самасвядомасці ХІХ – першых дзесяцігоддзяў ХХ стст. У. Абушэнка вызначае праблемы нацыянальнай, этнічнай і культурнай ідэнтыфікацыі (актуалізаваныя як спробы асэнсавання ўласнай ідэнтычнасці і аўтэнтычнасці праз пошук адрознасці і спецыфічнасці) у якасці своеасаблівага канстытутыўнага пачатку, падмацоўваючы меркаванне ўказаннем на Ф. Багушэвіча, Я. Купалу, А. Цвікевіча і інш. [3, с. 402].

Здавалася б, найкарацейшая траекторыя руху *ідэнтычнасці* ды *ідэнтыфікацыі* (як паняццяў) у найноўшы беларускі літаратурны дыскурс мусіць пралягаць праз філасофскія росшукі і культурасофскія праекты А. Анціпенкі, В. Акудовіча, даследаванні У. Абушэнкі, І. Бабкова, П. Садоўскага, праз культуралагічную эсэістыку Ю. Барысевіча і С. Дубаўца. На справе адпаведныя ідэі аказаліся найбольш запатрабаванымі літаратурна-публіцыстычнай і калялітаратурнай эсэістыкай. Але ў ёй яны, па сутнасці, і лакалізаваліся. Пры гэтым за два дзесяцігоддзі змены закранулі не столькі ўласна *модус*, колькі *мадальнасці* канцэптуальнага асэнсавання («прысваення») праблем ідэнтычнасці. Мадальнасць другой паловы 1990-х г. найбольш яркава ўрэчавілася ў экзістэнцыйна-трагічных, часам трагедыйных паводле праблематыкі эсэ

Я. Рагіна. З другой паловы 2000-х г. трэндавыя адзнакі набывае татальна-іранічная (з выхадам у прастору брутальнага сарказму) мадальнасць, узорам якой з канца 2000-х і да пачатку 2010-х гг. застаецца віртуальная (электронная, сеткавая) калумністыка А. Бахарэвіча.

Літаратуразнаўцы звяртаюцца да ідэй сучасных айчынных інтэлектуалаў, як правіла, «кропкава», прычым найчасцей у намінатыўным ключы (у аглядавых пераліках). Падчас даследаванняў аксіялагічнага грунту мастацкай славеснасці альбо маральна-этычных пытанняў у гісторыка-літаратурным ключы праблематыка ідэнтычнасці актуалізуецца праз непасрэдны зварот да літаратурна-мастацкага матэрыялу, то бок – без пасрэдніцтва сучасных культурасофаў, а часам – і ў паслядоўнай палеміцы з імі. Згадаем, напрыклад, артыкулы А. Сідарэвіча і Л. Сіньковай, дзе лейтматывам гучыць думка пра тое, што ўся новая і найноўшая беларуская літаратура прасякнута пафасам аднаўлення нацыянальнай ідэнтычнасці: «...беларуская культура штораз, са сваіх патрэб зыходзячы, асвойваецца ў больш развітых культурных кантэкстах праз дынаміку арыгінальных мастацкіх структур. Так, наша класіка XX ст., ад Купалы і Гарэцкага да Танка і Быкава, наша выбітная літаратура ў кожным таленавітым творы вырашае адраджэнцкую задачу – задачу сцвярджэння беларуса, беларускага светабачання – як задачу кожны раз мадэрную (сучасную)» [4, с. 398].

Аднак у сферы тэарэтычных росшукаў перавага аддаецца першакрыніцам. Зрэшты, гаварыць пра заўважную даследчыцкую актыўнасць у гэтым кірунку пакуль не выпадае: у айчынным дыскурсе апошніх пятнаццаці гадоў мы здолелі адшукаць адну больш ці менш акрэсленую спробу актуалізаваць паняцце ідэнтычнасці ў дачыненні да тэарэтыка-літаратурнай праблематыкі. С. Калядка, разглядаючы ў адным з артыкулаў «жаночае пісьмо» Вальжыны Морт у сувязі з праблемай ідэнтычнасці мастацкага тэксту, абірае шлях наўпроставых тэрміналагічных запазычанняў: «Ці магчыма ідэнтыфікаваць структуру твора ў сукупнасці фармальных і змястоўных складнікаў? Так – па крытэрыях літаратурнага роду, жанру, метра, стапы і г. д., якія характэрны кожнаму мастацкаму твору. І калі запазычыць філасофскія тэрміны, то тут дарэчы будзе паняцце «калектыўная ідэнтычнасць»... У дачыненні да мастацкага твора «калектыўная ідэнтычнасць» азначае, па-першае, аднесенасць да народнай творчасці (народ як калектыўны аўтар); па-другое, атаясамліванне твора з іншымі падобнымі па

ўстаялых характарыстыках, адпаведных пэўнай групе твораў (напрыклад, гэты твор – элегія, якая суадносіцца з іншымі элегіямі па прыкмеце наяўнасці жалобнага, сумнага гучання); па-трэцяе, наяўнасць найбольш распаўсюджаных прыёмаў, спосабаў апісання «Я» аўтара і свету і падача гэтага матэрыялу з дапамогай часцей сустракаемых стылістычных сродкаў» [5, с. 95]. Указваючы на ўмоўнасць прапанаванай класіфікацыі, даследчык паслядоўна трымаецца ў рэчышчы згаданай вышэй міждысцыплінарнай экстрапаляцыі: «Філасофы вылучаюць індывідуальны і сацыяльны ўзроўні ідэнтычнасці, тое ж характэрна і мастацкаму твору – індывідуальны (тое ж, што і «рэальны») узровень арганізацыі тэксту – гэта набор аўтарскіх характарыстык, які робіць дадзены тэкст унікальным; сацыяльны ўзровень звязаны з ідэнтыфікацыяй твора з літаратурнымі напрамкамі, моднымі ўплывамі і г. д., якія выкліканы чаканнямі сацыяльнага асяроддзя, у які ён пагружаны» [5, с. 96]. Бадай, аўтар цытаванага артыкула не можа не адчуваць відавочнай хісткасці выніковай – літаратуразнаўчай – канструкцыі, дзе адзін з узроўняў ідэнтычнасці («індывідуальны») – гэта «набор... характарыстык», а другі («сацыяльны») апісваецца праз працэсуальную па сваёй сутнасці намінацыю. Нездарма даследчык указвае на неабходнасць «размяжоўваць паняцці «ідэнтыфікацыя» і «ідэнтычнасць» як працэс і вынік гэтага працэсу. Ідэнтыфікацыя – працэс пабудовы ідэнтычнасці» [5, с. 96].

Своеасаблівым апраўданнем збыткоўнага цытавання адносна невялікай працы С. Калядка з'яўляецца тое, што яны яскрава сведчаць пра імкненне даследчыка запачаткаваць арыгінальны метадалагічны падыход да асэнсавання розных аспектаў так званай «аўтарзнаўчай паэтыкі». Разам з тым іх аналіз падводзіць да высновы наконт непрадуктыўнасці міждысцыплінарнай экстрапаляцыі тэрмінаў ды паняццяў для рашэння тэарэтыка-літаратурных праблем. Але найбольш істотна тое, што відавочнай становіцца недаацэненасць канцэптуальнага патэнцыялу праблематыкі «ідэнтычнасць – ідэнтыфікацыя» для абнаўлення не толькі тэрміналагічнай сістэмы, але і метадалагічнага інструментарыю айчыннай тэорыі літаратуры.

Зварот да паняцця «ідэнтычнасць», яго «натуралізацыя» ў літаратуразнаўчым дыскурсе маглі б мець цікавы плён для беларускай тэорыі літаратуры. Вядома, што гэта паняцце нельга не толькі механічна пераносіць з адной навуковай тэрмінасістэмы ў іншую, але і аўтаматычна (без удакладнення зместа вага напаўнення) выкарыстоўваць у розных

сегментах тэарэтыка-літаратурнага доследу, (напрыклад, у абсягах жанралогіі ці гендэрнай праблематыкі – і для высвятлення заканамернасцей развіцця літаратурнага працэсу).

Нягледзячы на тое што канцэптамтопасам літаратуразнаўчых прац, прысвечаных нацыянальнаму мастацтву слова памежжа XX – XXI стст., стаўся крызіс ідэнтычнасці, у дачыненні да ключавых пытанняў тэорыі літаратурнага працэсу актуалізацыя паняцця «ідэнтычнасць» нам падаецца менш прадуктыўнай, чым легітымацыя паняцця «(сама)ідэнтыфікацыя».

Паняцце ідэнтычнасці ад пачатку звязана з семантыкай выніковасці, устойлівасці, бо ідэнтычнасць – гэта форма існавання ўстойлівага вобразу Самасці. Інакш кажучы, у літаратуразнаўчай прасторы ідэнтычнасць будзе ўспрымацца як паняцце, тэмпаральна і кантэкстуальна абмежаванае: ад некалькіх год ці дзесяцігоддзяў (літаратурны перыяд) да стагоддзя(ў) (эпоха). Да таго ж у сучасным тэарэтыка-літаратурным дыскурсе (пад відавочным уплывам сінергетыкі, агульнай тэорыі сістэм) мастацкая славеснасць усё часцей разглядаецца як складаная сістэма, якая валодае ўсімі ўласцівасцямі адкрытых нераўнаважных сістэм, схільных да перапыннай самаарганізацыі. Таму даследаванне ідэнтычнасці як *набору* тэарэтыка-літаратурных *характарыстык* (устойлівых параметраў) падаецца задачай «дэкаратарскай»: па сутнасці, размова ідзе пра замену паняцціна-катэгарыяльнага апарата літаратуразнаўства (паэтыкі ў шырокім сэнсе) на сукупнасць паняццяў, запазычаных з іншых навуковых дысцыплін (філасофіі, псіхалогіі, сацыялогіі і інш.). Гэта пытанне мэтазгоднасці, эрганамічнасці літаратуразнаўства як навуковай дысцыпліны: навошта выштуркоўваць, напрыклад, паняцце жанравай ідэнтычнасці, калі ў літаратуразнаўстве развіваюцца ўяўленні пра літаратурны жанр і сістэму літаратурных жанраў?..

Любая спроба прапанаваць дэфініцыю *ідэнтычнасці літаратуры* (як мастацтва слова) вядзе да неабходнасці звязаць (структураваць) у сістэму «набор ідэнтычнасцей» (аксіялагічную, эстэтычную, выяўленча-стылявую і г. д.). Пры гэтым найбольш інструментальным у аспекце вывучэння актуальных праблем беларускага літаратурнага працэсу нам падаецца паняцце *мастацкай ідэнтычнасці*.

Тэзаўрус найноўшай беларускай літаратуры (як і колісь новай беларускай літаратуры) структуруецца вакол ідэі адраджэння (аднаўлення) *нацыянальнай самасці*. У літаратурнай прасторы першага дзесяцігоддзя XXI ст. згаданая ідэя набывае рознафарматнае мастацкае ўвасабленне. Для найноўшага літаратуразнаўства по-

шукі мастацтвам слова нацыянальнай самасці (своеасаблівай «інтэгратыўнай» мадэлі нацыянальнага быцця, што паўстае гарантам *нацыянальнай анталогічнай перспектывы*) праблематызуюцца і як пошукі адэкватных сродкаў мастацкага аднаўлення (урэчаўлення) гэтай самасці (праз мастацкія сэнсаформы). На наш погляд, вызначальнай характарыстыкай мастацкай ідэнтычнасці літаратуры як паняцця з'яўляецца яе гістарычнасць (дакладней, гістарычная рухомасць, дынамічнасць). Пад *мастацкай ідэнтычнасцю* літаратуры пэўнага перыяду прапануем разумець *комплекс анталогічных, экзистэнцыйных, аксіялагічных, эстэтычных, стылявых ідэй, арыенціраў і ўстановак, увасабленне якіх у літаратурным працэсе абумоўлівае дамінаванне пэўнага тыпу (ці суіснаванне шэрагу тыпаў) літаратурнай творчасці*.

Сучасныя ўкраінскія, беларускія, расійскія літаратуразнаўцы для асэнсавання таго ці іншага літаратурна-мастацкага феномена ў гісторыка-літаратурным аспекце актуалізуюць паняцці «тып мастацкай (літаратурна-мастацкай) свядомасці», «тып літаратуры», прычым у некаторых выпадках тэрміналагічныя палі згаданых паняццяў як бы накладваюцца адно на адно [6]. Філасофы, спецыялісты ў галіне эстэтыкі, мастацтвазнаўцы досыць неадназначна ставяцца як да самога тэрміналагічнага наймення «тып мастацкай свядомасці», так і да яго канкрэтызацый у тэарэтыка-літаратурным дыскурсе. У сувязі з гэтым найбольш мэтазгодным нам падаецца зварот да паняцця «тып літаратурнай творчасці». Мы разумеем *тып літаратурнай творчасці* як своеасаблівую стратэгію мастацкага спасціжэння і аднаўлення быцця, што паўстае вынікам дынамічнага ўзаемадзеяння шэрагу эстэтычных, уласна мастацкіх, духоўна-маральных, сацыякультурных ідэй, уяўленняў, фактараў, арыенціраў і вызначае спецыфіку «інтэгратыўнай» мадэлі літаратуры пэўнага перыяду, вектар і асаблівасці развіцця літаратурнага працэсу.

Супярэчлівасць сацыякультурных умоў і аксіялагічных фактараў развіцця беларускай літаратуры на мяжы XX – XXI стст. (у чарговай «пераходнай» фазе) у значнай ступені абумоўлівае складанасць працэсаў мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі нацыянальнага прыгожага пісьменства як рэакцыі на маштабны крызіс комплексу ідэнтычнасцей (сацыяльных, культурных, этнічных, аксіялагічных і г. д.). Менавіта з пачатку 2000-х гадоў складваюцца ўмовы для паўнаважнай легітымацыі паняцця «*мастацкая (сама)ідэнтыфікацыя*». У тэарэтыка-літаратурным сэнсе кантэкстам актуалізацыі паняцця мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі стано-

віцца аналіз беларускага літаратурнага працэсу як дыялектычнай змены ўстойлівых і пераходных перыядаў: «...для ўстойлівых, ці, як іх яшчэ называюць, стабілізацыйных, перыядаў, уласцівая пэўная сістэматызацыя літаратурных тэндэнцый, пэўная замкнутасць межаў, дамінаванне цэнтральнай ідэі, на якую арыентавана большая частка творча настроеных людзей. Наадварот, для пераходных перыядаў характэрна незвычайная разнароднасць літаратурных з'яў, шматстайнасць кірункаў, без перавагі якога-небудзь пэўнага, адкрытасць межаў мастацкіх сістэм, эксперыментаванне з мастацкім тэкстам і з уласнай свядомасцю» [7].

Канструкт «(сама)ідэнтыфікацыя» дазваляе, на наш погляд, занатаваць узаемасувязь двух вектараў унутры маштабнага працэсу: умоўна «вонкавага», «знешняга» ў дачыненні да літаратурна-мастацкіх практык – і «ўнутранага».

Вектар *ідэнтыфікацыі* аб'ядноўвае ўласна літаратуразнаўчыя доследы айчынных і замежных даследчыкаў, літаратурна-крытычную рэакцыю на бягучы літаратурны працэс, кантэкстуальнае асэнсаванне літаратурных з'яў, феноменаў, падзей у дыскурсах іншых навуковых дысцыплін, спецыфіку актуалізацыі нацыянальнай мастацкай славеснасці ў сучаснай інфармацыйнай прасторы і да т. п.

Вектар *самаідэнтыфікацыі* дазваляе трымаць у фокусе ўвагі самарэфлексію мастацтва слова над уласнымі пошукамі і набыткамі. Спецыфіку і вынікі гэтай самарэфлексіі можна рэканструяваць, з аднаго боку, на падставе аналізу мастацкіх твораў: найбольш рэпрэзентатыўнымі менавіта ў гэтым сэнсе ў абсягах апошніх двух дзесяцігоддзяў нам падаюцца проза А. Федарэнкі, Л. Рублеўскай, І. Бабкова, У. Сцяпана, А. Глобуса, А. Аркуша, В. Мудрова, Н. Бабінай, а таксама творы А. Разанава, «вялікафарматная» паэзія (паэмы) Л. Дранько-Майсюка і А. Бадака. З другога боку, надзвычай інфарматыўным складнікам мастацкай самаідэнтыфікацыі найноўшага нацыянальнага мастацтва паўстае пісьменніцкая эсэістыка: тут у якасці своеасаблівых полюсаў мы б вылучылі творы Л. Галубовіча і тэксты А. Бахарэвіча.

Заклучэнне. Такім чынам, вывучэнне спецыфікі, кірункаў, дынамікі мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі беларускай літаратуры можа ажыццяўляцца ў дачыненні да розных гістарычных (часавых) кампанентаў літаратурнага працэсу (ад перыядаў да эпох). Грунтам для тэарэтычнай распрацоўкі гэтага паняцця ў літаратуразнаўчым дыскурсе павінен, на наш погляд, стацца падыход да мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі як да рухомага адзінства мэ-

тавых, структурных, метадалагічных (аналітычных і сінтэтычных), экзістэнцыйных (унутраны патэнцыял) кампанентаў. Дзеля таго каб мастацкая (сама)ідэнтыфікацыя сталася эфектыўным інструментам аналізу літаратурных практык, яе варта легітымаваць у літаратурна-мастацкім дыскурсе: прадставіць тэарэтычную мадэль, атрыбутаваць паняцце, акрэсліць функцыянальныя магчымасці і сферу прымянення, выніковасць і г. д. Даследаванне структурных і змястоўных асаблівасцей мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі беларускай літаратуры пачатку XXI ст., напрыклад, вынікамі можа мець і верагоднаснае апісанне найноўшай нацыянальнай мастацкай славеснасці як складанаарганізаванай сістэмы, і шэраг менш маштабных структурна-функцыянальных мадэлей розных яе сегментаў (напрыклад, гісторыяцэнтрэчнай прозы, жанравай сістэмы паэзіі, канцэптасферы эсэістыкі і інш.). Акрамя таго, легітымацыя згаданага паняцця ў тэарэтыка-літаратурным ключы надае адмысловую рухомасць, унутраную дынамічнасць і паняццю ідэнтычнасці: іманентная працэсуальнасць мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі вымагае скаардынаванага асэнсавання розных ідэнтычнасцей, іх асэнсавання як ансамбля «дынамічнасцей», здольных да самаразвіцця. Урэшце, канцэптuallyны і метадалагічны патэнцыял паняцця мастацкай (сама)ідэнтыфікацыі звязаны з тым, што на грунце дыяхранічных (гістарычных, рэтраспектыўных) ці сінхранічных даследаванняў адпаведнай праблематыкі могуць быць акрэслены найбольш верагодныя перспектывы (вектары) развіцця нацыянальнага мастацтва слова. З пэўнай асяржонасцю можна гаварыць пра магчымасць стварэння верагоднаснай прагнастычнай мадэлі развіцця беларускай літаратуры як мастацкай сістэмы ці (што больш рэальна) мадэлей развіцця яе падсістэм (напрыклад, жанравых, стылявых, канцэптасфер і г. д.) – выразна ўяўляючы, што гаварыць варта пра кароткатэрміновую перспектыву (у суадносінах з маштабамі нацыянальнага літаратурнага працэсу як складніка сусветнага).

Літаратура

1. Ларионов Д. Ирина Сандомирская: «Блокада явилась мощнейшим биополитическим полигоном для испытания технологий власти». Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/literature/1823>. Дата доступа: 29.01.2014.
2. Акудовіч В. Сучасная беларуская філасофія: праблемы і героі. Рэжым доступу: <http://bk.baj.by/lekcyji/litaratura/akudovicz04.htm>. Дата доступа: 29.01.2014.

3. Абушенко В. Л. Идентичность // Новейший философский словарь; сост., гл. науч. ред. А. А. Грицанов. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

4. Сінькова Л. Д. Тэрміны «паскоранасць», «паскоранае развіццё» ў апісаннях славянскіх і неславянскіх літаратур // Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка: XIII Міжнар. з'езд славістаў (Любляна, 2003): дакл. бел. дэлегацыі / НАН Беларусі. Беларускі камітэт славістаў. Мінск: Бел. навука, 2003. С. 388–399.

5. Калядка С. У. «Жаночае пісьмо» Вальжыны Морт: праблема ідэнтычнасці мастацкага тэксту // Міжнародныя Шамякінскія чытанні «Пісьменнік – Асоба – Час»: матэрыялы

III Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 27 верасня 2013 г. / УА МДПУ імя І. П. Шамякіна; рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) [і інш.]. Мазыр, 2013. С. 95–98.

6. Черноіваненко Є. М. Тип літератури і тип художньо-літературної свідомості в літературному процесі: автореф. дис... д-ра філол. наук: 10.01.06; 10.01.02; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. К., 2002. 35 с.

7. Савельев К. Н. Литература английского декаданса: истоки, становление, саморефлексия: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.01.03 / Мос. пед. гос. ун-т. М., 2008. Режим доступа: <http://refdb.ru/look/1074161.html>. Дата доступа: 12.02.2014.

Паступиў 13.03.2014

УДК 82.09-1+82.0

Я. А. Гарадніцкі, вядучы навуковы супрацоўнік

(ДНУ «Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі»)

ПРАБЛЕМА АЎТАРА Ў БЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ

Праблема аўтара з'яўляецца адной з самых актуальных і шырока дыскутуемых у сучаснай літаратуразнаўчай навуцы. У дадзеным артыкуле яна разглядаецца ў тэарэтычным і гістарычным аспектах. Для беларускага літаратуразнаўства важнасць вырашэння гэтай праблемы абумоўлена спецыфікай гістарычнага развіцця нацыянальнай літаратуры, яе цеснай сувяззю з фальклорам. Аўтарскае самаўсведамленне фарміравалася ў беларускай літаратуры новага часу паступова, ва ўзаемадзеянні з традыцыйнымі формамі калектыўна-масавай мастацкай свядомасці.

Як важнейшая антытэза калектыўна-масаваму тыпу мастацкага выражэння ў беларускай літаратуры на пачатку XX ст. і ў пазнейшы час узнікае даволі вялікая колькасць твораў з пэўнымі прыкметамі аўтабіяграфізму. Ступень аўтабіяграфічнасці твора па-свойму вызначаецца аўтарам і чытачом. У наш час, калі ўзрастае роля чытача як інтэрпрэтатара мастацкага свету літаратурнага твора, аналіз успрымання менавіта чытачом аўтабіяграфізму ў творы мае істотнае значэнне. У артыкуле таксама разглядаюцца аўтарскія жанры як адзін са спосабаў выяўлення аўтарскага светабачання.

The problem of the author is one of the most actual and widely discussed in modern literary science. In this article it is considered in theoretical and historical aspects. For the Belarusian literary criticism importance of the solution of this problem is caused by specifics of historical development of national literature, its close connection with folklore. The author's consciousness was formed in the Belarusian literature of modern times gradually, in interaction with traditional forms of collective and mass art consciousness.

As the major antithesis to type of collective mass art expression in the Belarusian literature at the beginning of the XX century and at the latest time there is quite large number of works with certain signs of an autobiographism. Degree of autobiographism of work in its own way is defined by the author and the reader. Presently, when the role of the reader as interpreter of the art world of the literary work increases, the perception analysis of autobiographism in work by the reader has essential value. In article author's genres as one of ways of manifestation of an author's world outlook also are considered.

Уводзіны. Роля аўтара як суб'екта творчага працэсу, формы яго прысутнасці ў літаратурным творы, спосабы выражэння аўтарскай пазіцыі – гэта праблемы, якія звязаны самым непасрэдным чынам з вызначэннем асноўных метадалагічных падыходаў літаратуразнаўчай навуцы на працягу апошніх некалькіх стагоддзяў. Асабліва ўзрастае цікавасць да іх у наш час, калі атрымалі распаўсюджанне тэорыі, паводле якіх у сучасным літаратурным працэсе адбываецца пераакцэнтацыя ўвагі з аўтара на тэкст, узрасце роля чытача як удзельніка творчага працэсу засваення і інтэрпрэтацыі твора.

Праблема аўтара ў беларускім літаратуразнаўстве ў тэарэтычным аспекце з'яўляецца маладаследаванай. Яна ўтрымлівае ў сабе шмат момантаў, якія патрабуюць далейшай распрацоўкі, вызначэння пэўных метадалагічных прынцыпаў і падыходаў. Неабходнасць актывізацыі даследчай працы ў гэтым напрамку абумоўлена тым, што гісторыя беларускай літаратуры, таксама як і сучасны яе стан, дае надзвычай багаты і шматстайны матэрыял для раскрыцця нацыянальнай спецыфікі творчага працэсу і ролі ў ім аўтара.

У беларускай літаратуры новага часу, якая развівалася, пачынаючы з XIX ст., у паскораным алгарытме, даволі своеасабліва паяднаў-

валіся калектыўна-надасабовае мастацкае ўсведамленне і індывідуальна-аўтарскае самавыражэнне. Калектыўна-надасабовае ў мастацкім светабачанні, якое вынікала з цеснай сувязі нацыянальнай літаратуры з фальклорнымі вытокамі, не толькі пераадолювалася ў нейкай ступені ўзмоцненым выяўленнем аўтарскіх інтэнцый, але пэўным чынам трансфармавалася, уступаючы ў інтэгрэтыўныя сувязі з індывідуальнымі творчымі ўстаноўкамі.

Пры звароце да даследавання праблемы аўтара ў шматстайнасці яе аспектаў мэтазгодна прымаць пад увагу дадзеную спецыфіку ўзаемаадносін калектыўнага і асабовага тыпаў светаўспрымання ў нацыянальнай мастацкай традыцыі.

Асноўная частка. Праблема аўтара надзвычай складаная, шматаспектная, звязаная з многімі бакамі літаратурнай творчасці. Яе першапачатковае фарміраванне ўзыходзіць, па сутнасці, наогул да часу ўзнікнення літаратуры як своеасаблівага феномену эстэтычнай дзейнасці чалавека. З першымі творами ўзнікае і праблема аўтара, стваральніка гэтых твораў.

Аднак на пачатковых этапах развіцця слоўнага мастацтва, у самыя старажытныя часы, а затым і ў Сярэднявеччы, яшчэ не праводзілася мэтакіраваных даследаванняў феномена аўта-

ра, паколькі і само аўтарства разумелася і ўспрымалася тады своеасабліва. У тых часы пераважала ўспрыманне літаратуры як віду творчасці, у якім першаснае значэнне мае наследаванне пэўным узорам, стварэнне твораў паводле загадзя прадвызначаных патрабаванняў.

Аўтары фундаментальнай працы «Катэгорыі паэтыкі ў змене літаратурных эпох», вызначаючы гістарычную адметнасць развіцця слоўнага мастацтва на працягу ўсяго часу яго існавання, вылучаюць «тры найбольш агульныя і ўстойлівыя тыпы мастацкай свядомасці: 1) архаічны, або міфапаэтычны, 2) традыцыяналістычны, або нарматыўны, 3) індывідуальна-творчы, або гістарычны (які абапіраецца на прыцып гістарызму)» [1, с. 3]. На іх думку, толькі для трэцяга тыпу мастацкай свядомасці, які пачаў фарміравацца ў канцы XVIII ст., характэрны фронтальны зварот да аўтарскага самавыяўлення. Аўтарская індывідуальнасць пачынае ўспрымацца з гэтага часу як неабходная ўмова ажыццяўлення мастацкага акту, як галоўны складнік творчага працэсу.

Гэтыя тры асноўныя тыпы мастацкай свядомасці і адпаведна ім тры галоўнейшыя эпохі ў духоўным і інтэлектуальным развіцці чалавецтва хоць і не маюць паміж сабой кантрасна акрэсленай мяжы, аднак падзяляюцца «двума важнейшымі сацыяльна-культурнымі паваротамі ў сусветнай гісторыі» [1, с. 3]. Паводле аўтараў «Катэгорыі паэтыкі...», першы з такіх паваротаў – гэта так званы «восевы час» (VI – V стст. да н. э.), які характарызаваўся глабальнымі зрухамі ў арганізацыі сацыяльных адносін, кардынальнымі зменамі формаў дзяржаўнага ўладкавання. Другі паварот, які адносіцца да канца XVIII ст., звязаны з надыходам індустрыяльнай эры. Менавіта ў гэты час раскрываецца на поўную моц індывідуальны, асабовы патэнцыял як у навукова-тэхнічнай, эканамічнай сферах, так і ў сферы гуманітарнай.

У наш час, у постіндустрыяльную, інфармацыйную эпоху, мае месца новы паварот у развіцці сучаснай цывілізацыі. Вызначэнне ролі ў гэтай новай цывілізацыі індывідуальнага, асабовага, аўтарскага пачатку – адна з надзённых і неабходных задач першаступеннага значэння.

Праблема аўтара, яго месца і ролі ў творчым працэсе стала ў другой палове XX ст. – на пачатку XXI ст. адной з найбольш актуальных і дыскутуемых у літаратуразнаўчай навуцы і ў іншых блізкіх ёй, антрапалагічна арыентаваных дысцыплінах. Некаторыя тэарэтыкі, у прыватнасці прадстаўнікі постструктуралізму, дэканструктывізму, канстатавалі значнае паніжэнне ролі аўтара як стваральніка тэксту. Французскі культуралаг і семіётык Р. Барт наогул абвясціў пра так званую «смерць аўтара».

З актуальнага чынніка творчага працэсу аўтар, паводле тэорый падобнага кшталту, ператвараецца, па сутнасці, у фікцыю, або, карыстаючыся тэрміналогіяй постмадэрністычных даследаванняў, у сімулякр. Месца аўтара-крэатара, паўнаўладнага распараджальніка ўсім, што адбываецца ў творы і з творам, займае пісьмо, якое разумеецца як самарэгулюемы і самаабумоўлены працэс.

Разам з тым варта адзначыць, што ў гэты ж час значна ўзмацняецца ўвага да аўтара як суб'екта творчага працэсу і стваральніка літаратурнага твора, узнікаюць даволі шматлікія тэорыі і канцэпцыі, у якіх асноўным аб'ектам увагі і шматбаковага аналізу прадстае якраз аўтар. Тут варта згадаць у першую чаргу даследаванні ў гэтым напрамку рускіх вучоных, сярод якіх вылучаюцца распрацоўкі суадносін аўтара і героя ў працах М. Бахціна, праблема вобраза аўтара, вылучаная В. Вінаградавым, тэорыя суб'ектнай арганізацыі літаратурнага твора Б. Кормана.

Адным з найважнейшых аспектаў разглядаемай намі праблемы з'яўляецца вызначэнне суадносін аўтара і характару ўзаемадзеяння ў беларускай літаратуры, пачынаючы з XIX ст. да нашага часу, праяў калектыўна-масавай і індывідуальна-асабовай мастацкай свядомасці.

Праявы калектыўнай мастацкай свядомасці даследчыкі слухна звязваюць перш за ўсё з фальклорам як своеасаблівым відам эстэтычнай дзейнасці. Як вядома, для беларускай літаратуры новага часу характэрна самая цесная сувязь з фальклорнымі традыцыямі, паколькі яе стваральнікі абапіраліся ў сваёй творчасці на вопыт народнага мастацтва, зыходзілі з асаблівасцей народнага эстэтычнага светаўспрымання.

Фальклорнай творчасці наогул не ўласціва аўтарызацыя тэкстаў, якія бытуюць да свайго магчымага запісу ў выглядзе артэфактаў у вуснай форме. Фальклор, як самы старажытны від слоўнага мастацтва, ведаў толькі калектыўнага творцу. У сферу фальклорнай творчасці ў часы яе найбольш актыўнага развіцця былі ўцягнуты самыя шырокія слаі насельніцтва, асабліва тыя, што не валодалі пісьмовай культурай. Праўда, уяўленні пра фальклорнага калектыўнага творцу як пра нейкую аднародную і невыразную масу, па меркаванні сучасных даследчыкаў, далёкія ад сапраўднасці. Мабыць, на ўсім працягу развіцця фальклору з агульнага фальклоратворнага асяроддзя вылучаліся ўсё ж такі найбольш актыўныя творчыя адзінкі, якія былі ў большай ступені за астатніх набліжаны да «эпіцэнтру» фарміравання жанравых і сюжэтных структур.

Фальклор і літаратура з'яўляюцца відамі творчай дзейнасці, якія ў значнай ступені адрозніваюцца сваімі падыходамі да ўвасаблення рэчаіснасці, спосабамі і прыёмамі ідэйна-мас-

тацкага выражэння. Гэта, несумненна, два асобныя віды слоўнага мастацтва, сутнасная размежаванасць якіх праходзіць па лініі супрацьпастаўлення вуснага і пісьмовага функцыянавання твораў, калектыўнай і індывідуальнай творчасці, генералізацыі традыцый і, з другога боку, настроенасці на наватарскія пошукі, творчы эксперымент у галіне мастацкай формы.

Пры тым што літаратура і фальклор аперыруюць, па сутнасці, аднымі і тымі ж паняццямі (такімі, як *твор, герой, сюжэт, кампазіцыя* і г. д.), цалкам відавочна, што агульнасць гэта толькі частковая. Кардынальнае адрозненне заключаецца ў метадах мастацкага асваення рэчаіснасці, спосабах і прыёмах мастацкага выражэння, выяўленні творчага патэнцыялу індывідуума. Менавіта катэгорыя аўтарства выступае як адна з самых паказальных пры вызначэнні спецыфікі кожнай з гэтых галін творчай дзейнасці.

З таго часу, як пачалася практыка запісу фальклорных твораў, з узнікненнем фалькларыстыкі становяцца больш інтэнсіўнымі стасункі паміж фальклорам і літаратурай, вуснай і пісьмовай формамі культуры. Беларускі фальклор пачаў актыўна запісвацца з XIX ст. Прасочваецца, як нам уяўляецца, несумненная сувязь паміж даволі імклівым развіццём у гэты час беларускай фалькларыстыкі, актыўнай збіральніцкай дзейнасцю фалькларыстаў і станаўленнем новай беларускай літаратуры. Уплыў фальклору на беларускую літаратуру даследаваны наогул падрабязна і грунтоўна. Аднак некалькі ў баку засталася пры гэтым якая праблема суаднесенасці ў часе гэтых дзвюх важнейшых працяў культурнага жыцця XIX ст. Гэта асаблівасць гістарычнай эпохі патрабуе спецыяльнага вывучэння, паколькі ёю шмат у чым вызначаецца характар творчага працэсу ў беларускай культуры новага часу ў перыяд фарміравання яе светапоглядных і эстэтычных асноў.

У XIX ст. дыстанцыя паміж прафесійным і народным мастацтвам была самай мінімальнай, магчыма, за ўвесь час іх сумеснага развіцця. Літаратура, безумоўна, не «вырасталала» з фальклору. Але яна адчувала на сабе яго велізарны ўплыў, для яе стваральнікаў атмасфера фальклорнага, народна-паэтычнага светаадчування была не чужой, блізкай і зразумелай. Выхадцы з таго ж самага сацыяльнага асяроддзя, якое з'яўлялася спараджальнікам фальклорнай творчасці, пачынальнікі новай беларускай літаратуры выкарыстоўвалі ў сваіх творах фальклорныя тэмы, вобразы, матывы, тропіку і прыёмы. Аднак пры гэтым, што важна падкрэсліць, яны, несумненна, вылучалі сябе як творцаў з агульнай масы. Для іх фальклор у многім быў ужо спецыфічным *матэрыялам*, які падлягаў далейшай творчай апрацоўцы. Фальклор для яго літа-

ратурных інтэрпрэтатараў быў у той жа час і своеасаблівай *мовай*, на якой можна было найбольш лёгка параумецца з чытачом, звыклым да традыцыйных форм бытавання вуснага слова.

Адрасавацца да шырокай дэмакратычнай аўдыторыі не толькі на *мове* ў прамым сэнсе гэтага слова, г. зн. на той «тутэйшай», «простай» мове, на якой гэты чытач размаўляў штодзённа на побытавым узроўні, але і на *мове мастацтва*, зразумелай яму, – менавіта такой задачай кіраваліся тыя літаратары, якія рабілі першыя крокі на ніве нацыянальнага пісьменства ў XIX – пачатку XX ст. Таму тыя іх творы, якія ўяўляюць сабой, па сутнасці, фальклорныя стылізацыі, ёсць падставы разглядаць як выяўленне пэўнага *коду*, мэта якога заключаецца ў тым, каб абазначыць перш за ўсё намеры аўтара дзея ўзаемаразумення карыстацца адной мовай мастацтва са сваім адрасатам. На карысць такой версіі сведчыць тое, што праз зусім невялікі адрэзак часу або і ўвогуле адначасова з паяўленнем твораў падобнага тыпу ў пісьменнікаў узніклі творы іншага кшталту, у якіх сувязь з фальклорнай традыцыяй была даволі аддаленай або не адчувалася наогул.

Зацікаўленасць прадстаўнікоў маладой беларускай літаратуры фальклорам можа тлумачыцца, вядома, не толькі аўтарскімі стратэгіямі пошуку «мовы», адпаведнай інтэлектуальнаму і эстэтычнаму ўзроўню рэцыпіентаў. Зварот да фальклорнай паэтыкі быў, несумненна, абумоўлены не ў апошнюю чаргу тымі высокімі эстэтычнымі якасцямі, якімі характарызуецца народнае мастацтва. Аўтары-прафесіяналы (калі гэта азначэнне можна дастасаваць да пісьменнікаў XIX – пачатку XX ст.) усведамлялі прыналежнасць фальклору да сапраўднага мастацтва, высока цанілі яго велізарны духоўны і эстэтычны патэнцыял. Блізкая сувязь літаратуры з фальклорам тлумачылася тым, што яе прадстаўнікі бачылі ў гэтым шлях не толькі да эстэтычнага параўмення са сваім адрасатам, але і да вытокаў мастацкай свядомасці ўвогуле, да першаасноў народнага светабачання і светаадчування.

Своеасаблівасць дачыненняў літаратуры і фальклору ў XIX – пачатку XX ст. заключалася ў тым, што яны былі двухбаковымі, узаемнымі. Гэта быў шлях у абодва канцы. Літаратура ў імкненні спасцігнуць і адэкватна выразіць актуальны сучаснасці ішла ў глыб вякоў, звярталася да народнага духоўнага і мастацкага вопыту, выкарыстоўвала ў сваёй мастацкай сістэме архетыпы і канцэпты старажытнага светапогляду, адметныя рысы нацыянальнага менталітэту. У той жа час назіралася пэўнае набліжэнне носбітаў традыцыйнай фальклорнай свядомасці да кніжнай культуры. Гэта адбывалася разам з пашырэннем адукацыі сярод народных мас,

распаўсюджаннем асветы хаця б пакуль што пачатковага ўзроўню.

У асяроддзі, якое складала аснову ўзнікнення і распаўсюджання фальклорных твораў, вылучаліся асобы з большым запасам кніжных ведаў, у большай ступені схільныя да засваення пісьмовай культуры. Менавіта на іх былі арыентаваны ў першую чаргу адаптаваныя формы літаратурнай творчасці, у якіх улічваюся адпаведны ўзровень успрымання. З гэтых шэрагаў з цягам часу пачала фарміравацца асобная крэатыўная група – творцаў так званага *інсітнага мастацтва*. У перакладзе на звычайную мову гэты тэрмін азначае паўпрафесійны, прамежкавы стан мастацтва. У гэтым паняцці няма нічога зняважлівага ў адносінах да падобнай разнавіднасці мастацкай дзейнасці і яе прадстаўнікоў. Увядзенне ў шырокі ўжытак гэтага тэрміна лацінскага паходжання якраз надае дадзенай з’яве больш рэспектабельны статус.

Інсітнасць стала абазначэннем асобнай сферы творчай дзейнасці, якая характарызуецца стыльвай адметнасцю, выяўленнем своеасаблівага светаадчування. Часта пры характарыстыцы дадзенага напрамку, асабліва ў адносінах да выяўлення мастацтва, выкарыстоўваецца і такое азначэнне, як *наіўнае мастацтва*. Тым самым вызначаецца характэрная прыкмета стылю, які выяўляе асаблівы стан творцы, яго індывідуальнае светаадчуванне праз мастацкія формы абагульненага характару. У інсітным, наіўным стылі праяўляюцца асаблівасці паэтыкі народнага мастацтва – схематызм вобразаў, замкнёнасць мастацкай прасторы, рознамаштабнасць кампазіцыйнай пабудовы і г. д. Адметнасцю выражанага ў іх светаадчування і паэтыкі інсітных твораў прыцягваюць увагу прафесійных мастакоў. Прыёмы калажу і мантажу, якія паспяхова выкарыстоўваюцца ў сучасным мастацтве, несумненна, генетычна звязаны з тэхнікай інсітнага пісьма.

У беларускай літаратуры XIX ст. – пачатку XX ст. не можа не звярнуць на сябе ўвагу такая адметная рыса, як масавае карыстанне псеўданімамі. Многія пісьменнікі пачатковай пары, у тым ліку і класікі літаратуры, абіралі сабе ў якасці літаратурнага імя пэўны псеўданім. Гэта з’ява была не выпадковай. Такім чынам, на думку У. Каленіка, пісьменнікі, на якіх ускладаўся вялікі груз адказнасці як пачынальнікаў новага перыяду ў развіцці нацыянальнай культуры, імкнуліся псіхалагічна адаптавацца да новых умоў, у нейкім сэнсе падзяляючы гэту адказнасць з калектыўным творцам – народам.

У сувязі з гэтым У. Калеснік заўважае: «У святасці пачынальнікаў новай беларускай літаратуры пэўны час пераважала імкненне схвацца ў гушчу народа, растварыцца ў масе, яны

і назвы кніжкам сваім давалі надсабовыя: «Дудка беларуская», «Смык беларускі», «Скрыпка беларуская», «Вязанка», а літаратурныя імёны падбіралі таксама ў стылі абшчыннай безыменнасці: Мацей Бурачок, Сымон Рэўка з-пад Барысава, Гаўрыла з Полацка, Янка Лучына, Цётка» [2, с. 200]. Цікавыя назіранні слыннага літаратуразнаўцы. Асабліва каштоўнымі ўяўляюцца нам у ракурсе разглядаемай праблемы яго развагі наконт магчымасцей выяўлення асабовага пачатку ў назвах твораў. Назва, як вядома, мае надзвычай вялікае значэнне пры выяўленні тэматычнай і змястоўнай накіраванасці твора, аўтарскіх інтэнцыў. Творы без назвы – даволі рэдкая з’ява ў прозе, у адрозненне ад лірыкі, дзе верш называецца часта па першым радку. Безназоўнасць лірычных твораў – з’ява спецыфічная, ёю выражаецца не безасабовасць, а якраз наадварот, такая ступень канцэнтрацыі індывідуальнага, уласцівага суб’екту творчасці, яго ўнутранаму душэўнаму стану, якая прыводзіць у выніку да фактычнай тоеснасці аўтарскай пазіцыі і светаадчування героя.

Паколькі ў беларускай літаратуры на ўсіх этапах яе развіцця аўтарская прысутнасць у творы выяўлялася часта праз увядзенне аўтабіяграфічных дадзеных, праблема аўтабіяграфізму таксама цесна звязана з раскрыццём ролі аўтара ў творчым працэсе.

Меркаванні аб ступені выяўленасці аўтарска-асабовага ў тэксце твора маюць заўсёды ўскосны характар і абгрунтоўваюцца часцей за ўсё спасылкамі на зафіксаваныя пэўнымі крыніцамі дадзеныя біяграфічнага характару. У гэтым выпадку размова ў асноўным вядзецца пра аўтабіяграфізм тых або іншых сюжэтных фрагментаў твора пісьменніка. Аўтабіяграфізм можа вызначацца большай або меншай ступенню верагоднасці. Варта, аднак, заўсёды мець на ўвазе яго адноснасць і абавязковую трансфармаванасць, якой ён падвяргаецца ў мастацкім творы. Нават у творах мастацкай дакументалістыкі немагчыма дасягнуць адэкватнага ўзнаўлення рэальных жыццёвых фактаў з-за ўплыву фактара аўтарскага вымыслу.

Пры аналізе праблемы аўтара неабходна, з аднаго боку, улічваць рэальнае прататыпнае ўвасабленне аўтара ў героях твора, якое можа з большай або меншай доляй верагоднасці выяўляцца даследчыкам, з другога – суб’ектыўнае ўспрыманне аўтабіяграфічнасці твора чытачом, які кіруецца сваімі ўласнымі ўяўленнямі і адчуваннямі.

У сучаснай літаратуры назіраецца тэндэнцыя да большай жанравай свабоды, утварэння шматлікіх новых жанравых мадыфікацый, у якіх асобныя жанравыя прыкметы спалучаюцца ў своеасаблівым, індывідуалізаваным выглядзе.

У беларускай літаратуры значнае пашырэнне атрымалі так званыя *аўтарскія жанры*. У прозе гэта перш за ўсё аўтарскія мадыфікацыі традыцыйнага для нацыянальнай літаратуры жанру *абразка*. Ужо на пачатку станаўлення гэтай жанравай разнавіднасці творы беларускіх аўтараў вызначаліся індывідуальнымі характарам, мастацка-стылявой своеасаблівасцю. У гэтым плане плённым уяўляецца параўнанне жанрава-стылявой адметнасці малафарматных празаічных твораў Ядвігіна Ш., К. Каганца, Я. Коласа, З. Бядулі, М. Гарэцкага.

Унікальнай жанравай з'явай у гісторыі беларускай прозы XX ст. з'яўляюцца «Казкі жыцця» Я. Коласа, прытчывасць і алегарызм якіх паяднаны з выразна выяўленай аўтарскай пазіцыяй.

У другой палове XX ст. яшчэ больш узрасла папулярнасць жанра празаічнай міціяцюры, чаму ў значнай ступені садзейнічала актыўная і плённая праца ў гэтым кірунку Я. Брыля. Услед за прызнаным майстрам празаічнага слова да гэтай жанравай разнавіднасці звярнуліся іншыя сучасныя пісьменнікі, у тым ліку і паэты: К. Камейша, Л. Галубовіч і інш.

Адметнасць і прыцягальнасць дадзенай адносна свабоднай, не рэгламентаванай строгімі жанравымі рамкамі формы празаічнага дыскурсу заключаецца якраз у лірыка-эпічным узаемапрацікненні, прыкметнай лірызацыі празаічнага тэксту праз суб'ектывізацыю аўтарскага выражэння.

Блізкай па сваіх жанрава-стылявых характарыстыках да гэтай традыцыйнай для беларускай літаратуры «дзённікавай» формы дыскурсу з'яўляецца эсэістыка. Гэта сапраўды адзін з самых суб'ектывізаваных і аўтарскіх жанраў, хоць яго асаблівасць заключаецца ў тым, што якраз жанравыя прыкметы праяўляюцца тут у аслабленым выглядзе. У беларускай прозе ўжо склалася класіка эсэістыкі, прадстаўленая творамі У. Караткевіча, М. Стральцова, В. Карамазова і інш.

У паэзіі тэндэнцыя да стварэння аўтарскіх жанравых мадыфікацый найбольш выразна выявілася ў творчасці А. Разанава, аўтара, схіль-

нага да мастацкіх пошукаў і эксперыментатарства. Аўтарскія жанравыя формы А. Разанава вызначаюцца сваёй шматстайнасцю, рознай ступенню суаднесенасці ў іх адзнак верша і прозы, медытацыі і наратыву, унутранай формы і падтэксту. Гэта формы, якія па сваёй стылявой характэрнасці, па выяўленым у іх светаадчуванні менавіта індывідуальныя, непаўторныя, напоўненыя асабовым зместам. Разам з тым варта адзначыць і тое, што А. Разанаў, ствараючы ўласныя жанравыя мадыфікацыі, абапіраецца таксама і на жанравую традыцыю. Так, напрыклад, яго *версэты* маюць адчувальную сувязь з рытміка-інтанацыйнай структурай біблейскага тэксту.

Заклучэнне. Праблема аўтара з'яўляецца шматаспектнай і надзвычай складанай, яна прадстае ў сучасным літаратуразнаўчым дыскурсе як адна з найбольш актуальных. Важнасць яе пастаноўкі і вырашэння ў беларускай літаратуразнаўчай навуцы абумоўліваецца ў першую чаргу тым, што для нацыянальнай літаратуры характэрна цеснае ўзаемадзеянне калектыўнага і індывідуальнага спосабаў мастацкага выражэння. Другім істотным аспектам выяўлення аўтарскага пачатку ў літаратурнай творчасці з'яўляецца аўтабіяграфізм многіх твораў беларускай літаратуры. На вызначэнне ступені аўтабіяграфічнасці таго або іншага твора аказвае ўздзеянне ўспрымання чытача, суаднясенне апошнім мастацкай рэальнасці з прататыпнымі вобразамі. Характэрнай асаблівасцю выяўлення аўтарскага мастацкага светабачання з'яўляецца тэндэнцыя да пашырэння ў беларускай паэзіі і прозе аўтарскіх жанраў.

Літаратура

1. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев [и др.] // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.
2. Калеснік У. Тварэнне легенды: Літаратурныя партрэты і нарысы. Мінск: Маст. літ., 1987. 431 с.

Паступіў 11.03.2014

УДК 81'282.2(476.7)

В. М. Босак, доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар (БДТУ);**А. А. Босак**, кандыдат філалагічных навук, дацэнт (БДЭУ);**Ф. Д. Клімчук**, кандыдат філалагічных навук

АСАБЛІВАСЦІ ІНАВАЦЫЙНЫХ З'ЯЎ У ГАВОРКАХ ВЕРХНЯГА НАД'ЯСЕЛЬДЗЯ

Верхняе Над'ясельдзе (Пружанскі раён Брэсцкай вобласці і сумежжа) з'яўляецца ўскраінай інавацыйных з'яў, якія пашыраліся ў гэты рэгіён з двух цэнтраў: паўночнага, ці гродзенска-баранавіцкага, і паўднёвага, ці брэсцка-пінскага. Існуюць яшчэ інавацыі ўласна палескія, якія супрацьпастаўляюцца як гродзенска-баранавіцкай (панямонскай) поўначы, так і брэсцка-пінскаму (ўласна загародскаму) поўдню.

The article presents the results of studies of innovation in the dialects of Verkhnyaye Nadyaseldze (Pruzhan district of Brest region and its boundary territory). Verkhnyaye Nadyaseldze is the outskirts of expansion of innovation that extends into the region from two centers: northern (Grodna-Baranavichi) and southern (Brest-Pinsk). There are also just Palesian innovations.

Уводзіны. На тэрыторыі Верхняга Над'ясельдзя праходзіць мяжа паміж Брэсцка-Пінскім Палессем і Беларуска-Панямоннем, што дало падставу вылучыць тут 7 груп гаворак: гродзенска-баранавіцкія – на поўначы, паўночнабрэсцкія акаючыя – на захадзе, паўночнабрэсцкія акаючыя – у цэнтры, верхнясельдскія – у цэнтры, на ўсходзе і паўднёвым усходзе, малецкія – на паўднёвым усходзе, паўночназагародскія – на паўднёвым захадзе, сярэднезагародскія – на поўдні [1–3].

У кожнай мове на працягу пэўнага часу адбываліся і адбываюцца тыя ці іншыя змены, з'яўляюцца новыя рысы (інавацыі). Яны выцясянялі і выцясяняюць рысы ранейшыя, архаічныя, або архаізмы. Звычайна інавацыя карэлюе з пэўным архаізмам. Фарміраваліся так званыя інавацыйныя цэнтры, дзе ўзніклі інавацыі і адкуль яны пашыраліся, выцясяняючы архаізмы. Інавацыі, якія ішлі з пэўнага цэнтра, пашыраліся на гаворкі пэўнай тэрыторыі не адначасова, а праз нейкія прамежкі часу. Таму на ўскраінах межы арэалаў інавацыйных рыс часта не супадаюць. Існуе думка, што сярод інавацый, якія пашыраюцца з пэўнага цэнтра, чым старажытнейшая інавацыя, тым большую прастору яна ахоплівае. Такім чынам, калі ўзяць шэраг інавацый, якія пашыраліся з пэўнага цэнтра, і размясціць іх у рад у адпаведнасці з той тэрыторыяй, якую кожная інавацыя ахоплівае, у залежнасці ад велічыні гэтай тэрыторыі, то, відаць, можна ўстанавіць адносную храналогію гэтых інавацый [4–6].

Асноўная частка. Верхняе Над'ясельдзе вылучаецца тым, што яно з'яўляецца ўскраінай інавацыйных з'яў, якія пашыраліся ў гэты рэгіён з двух цэнтраў. Першы цэнтр – паўночны, ці гродзенска-баранавіцкі, другі цэнтр – паўднёвы, ці брэсцка-пінскі або ўласна загародскі. Існуюць яшчэ інавацыі ўласна палескія, якія супрацьпастаўляюцца як гродзенска-баранавіц-

кай (панямонскай) поўначы, так і брэсцка-пінскаму (ўласна загародскаму) поўдню.

У гэтым плане мы разгледзім некалькі фанетыка-марфалагічных з'яў, межы якіх перацінаюць Верхняе Над'ясельдзе ці яго сумежжа.

1. Рэфлекс галоснага ***о** ў перадаціскных складах. У гаворках гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх акаючых ён перайшоў у [a] («паўночная» інавацыя), у іншых гаворках рэгіёна ***о** захаваўся (архаізм).

2. Рэфлекс галоснага ***о** ў новых закрытых складах пад націскам у гаворках сярэднезагародскіх перайшоў у [i] («паўднёвая» інавацыя), у гаворках верхнясельдскіх і малецкіх – перайшоў у дыфтонг [yo] («палеская» інавацыя), у паўночназагародскіх гаворках – перайшоў у [y] («палеская» інавацыя), у гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх гаворках на месцы ***о** вымаўляецца [o]. Праўда, існуе думка, што ў адзначаных гаворках ***о** перайшоў у [ô], а затым [ô] пад уплывам больш паўночных гаворак зноў перайшоў у [o].

3. Рэфлексы ***Ѣ** (яця) у націскным становішчы. Вымаўляўся гэты гук ва ўсходнеславянскіх гаворках прыкладна [ê] або дыфтонг [ie]. Дыфтонг [ie] (архаізм) захаваўся ў верхнясельдскіх і малецкіх гаворках. У гродзенска-баранавіцкіх гаворках, пашыраных у Верхнім Над'ясельдзі, у разглядаемай пазіцыі на месцы ***Ѣ** вымаўляецца [e] («паўночная» інавацыя), у гаворках сярэдне- і паўночназагародскіх – [i] («паўднёвая» інавацыя).

4. Рэфлексы былых «паўмяккіх» губных (***б**, ***в**, ***п**) і пярэднеязычных (***д**, ***т**, ***з**, ***с**, ***н**) перад ***е**, ***і**. На Палессі «паўмяккасць» гэтых зычных у разглядаемай пазіцыі захавалася толькі ў асобных рэгіёнах [79]. У абсалютнай большасці гаворак Палесся гэтыя зычныя вымаўляюцца або мякка, або цвёрда:

а) былыя «паўмяккія» губныя перад ***е** вымаўляюцца мякка («паўночная» інавацыя)

у гродзенска-баранавіцкіх гаворках, цвёрда («паўднёвая» інавацыя) – у гаворках паўночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх, малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх;

б) былыя «паўмяккія» зычныя *д, *т, *з, *с, *н перад *е вымаўляюцца мякка («паўночная» інавацыя) у гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх гаворках, цвёрда («паўднёвая» інавацыя) – у гаворках верхнясельдскіх, малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх;

в) былыя «паўмяккія» зычныя губныя і *д, *т, *з, *с, *н перад *і вымаўляюцца мякка («паўночная» інавацыя) у гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх гаворках, цвёрда («паўднёвая» інавацыя) – у гаворках малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх.

5. Рэфлексы мяккіх і «паўмяккіх» *д’/*д, *т’/*т:

а) мяккі *д’ (архаізм) у гаворках сярэдне- і паўночназагародскіх, малецкіх захаваўся, у смалянцкай падгрупе верхнясельдскіх гаворак перайшоў у мяккі [д’] («палеская інавацыя»), у гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і большай частцы верхнясельдскіх – перайшоў у [дз’] («паўночная» інавацыя);

б) мяккі *т’ (архаізм) у гаворках сярэдне- і паўночназагародскіх і малецкіх захаваўся, у гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх – перайшоў у [ц’] («паўночная» інавацыя);

в) «паўмяккія» *д, *т перад *е ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх перайшлі адпаведна ў [дз’], [ц’] («паўночная» інавацыя), у гаворках верхнясельдскіх, малецкіх, сярэдне- і паўночназагародскіх ацвярдзелі («паўднёвая» інавацыя);

г) «паўмяккія» *д перад *і ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх і большасці верхнясельдскіх перайшоў у [дз’] («паўночная» інавацыя), у смалянцкай падгрупе верхнясельдскіх гаворак перайшоў у мяккі [д’] («палеская» інавацыя), у малецкіх, сярэдне- і паўночназагародскіх – ацвярдзеў («паўднёвая» інавацыя);

д) «паўмяккія» *т перад *і ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх перайшоў у [ц’] («паўночная» інавацыя), у малецкіх, сярэдне- і паўночназагародскіх ацвярдзеў («паўднёвая» інавацыя);

6. Этымалагічны мяккі *ц’ у большасці гаворак Верхняга Над’ясельдзя ацвярдзеў поўнасцю («паўночная» інавацыя). У гаворках паўднёвых ускраін рэгіёна ён ужываецца спарадычна. Сітуацыя больш складаная ў асноўным арэале брэсцка-пінскіх гаворак. Ва ўсходняй частцы арэала, пачынаючы з цэнтра Іванаўскага раёна і далей на ўсход, а зрэдку і на паўночным захадзе этымалагічны мяккі *ц’ абмежаваны пазі-

цыйна. У цэнтральна-заходняй частцы арэала брэсцка-пінскіх гаворак, пачынаючы з заходняй часткі Іванаўскага раёна і далей на захад, уключаючы раён Брэста і сумежнага Падляшша, этымалагічны мяккі *ц’ пераважна захаваўся (архаізм).

7. Этымалагічны мяккія шыпячыя і *р’ у большасці гаворак Верхняга Над’ясельдзя ацвярдзелі поўнасцю («паўночная» інавацыя). У гаворках паўднёвых ускраін рэгіёна ўжываюцца спарадычна. У асноўным масіве брэсцка-пінскіх гаворак мяккія шыпячыя і *р’ пазіцыйна абмежаваны, у некаторых гаворках ацвярдзелі поўнасцю.

8. Формы тыпу «*ідут, несут /нэсут/, ходзят /ходят/*» («палеская» інавацыя) характэрны для гаворак паўночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх і малецкіх. Гаворкам гродзенска-баранавіцкім, сярэдне- і паўночназагародскім гэтая рыса не характэрна.

9. «Саканне» (формы тыпу «*купніца, умываюса, упрэвіласа*») («палеская» інавацыя) характэрна для гаворак паўночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх і малецкіх. Гаворкам гродзенска-баранавіцкім, сярэдне- і паўночназагародскім гэтая рыса не характэрна.

Такім чынам, на тэрыторыі Верхняга Над’ясельдзя магчыма вылучыць тры асноўныя ачагі інавацый: «паўночны», «паўднёвы», «палескі».

«Паўночны» ачаг інавацый:

1. Этымалагічны мяккія шыпячыя і *р’ у большасці гаворак Верхняга Над’ясельдзя ацвярдзелі поўнасцю. У гаворках паўднёвых ускраін рэгіёна ўжываюцца спарадычна. У асноўным масіве брэсцка-пінскіх гаворак мяккія шыпячыя і *р’ пазіцыйна абмежаваны, у некаторых гаворках ацвярдзелі поўнасцю.

2. Этымалагічны мяккі *ц’ у большасці гаворак Верхняга Над’ясельдзя ацвярдзеў поўнасцю. У некаторых гаворках паўднёвых ускраін рэгіёна ён ужываецца спарадычна. На значнай тэрыторыі асноўнага арэала брэсцка-пінскіх гаворак мяккі *ц’ пазіцыйна абмежаваны. У цэнтральна-заходняй частцы арэала брэсцка-пінскіх гаворак этымалагічны мяккі *ц’ пераважна захаваўся.

3. Былыя «паўмяккія» зычныя губныя і *д, *т, *з, *с, *н перад *і вымаўляюцца мякка ў гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх гаворках.

4. Мяккі *т’ у гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх перайшоў у [ц’].

5. Былы «паўмяккія» *т перад *і ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і верхнясельдскіх перайшоў у [ц’].

6. Мяккі *д’ у гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і большай частцы верхнясельдскіх перайшоў у [дз’].

7. Былы «паўмяккі» *д· перад *і ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх, паўночнабрэсцкіх і большасці верхнясельдскіх перайшоў у [дз’].

8. Галосны *о ў пераднаціскных складах у гаворках гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх акаючых перайшоў у [а].

9. Галосны *Б у націскным становішчы ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх (пашыраных у Верхнім Над’ясельдзі) і паўночнабрэсцкіх перайшоў у [е].

10. Былыя «паўмяккія» зычныя *д, *т, *з, *с, *н перад *е вымаўляюцца мякка ў гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх гаворках.

11. Былыя «паўмяккія» *д·, *т· перад *е ў гаворках гродзенска-баранавіцкіх і паўночнабрэсцкіх перайшлі адпаведна ў [дз’], [ц’].

12. Былыя «паўмяккія» губныя перад *е вымаўляюцца мякка ў гродзенска-баранавіцкіх гаворках.

«Паўднёвы» ачаг інавацыі:

1. Былыя «паўмяккія» губныя перад *е вымаўляюцца цвёрда ў гаворках паўночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх, малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх.

2. Былыя «паўмяккія» зычныя *д, *т, *з, *с, *н перад *е вымаўляюцца цвёрда ў гаворках верхнясельдскіх, малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх.

3. Былыя «паўмяккія» зычныя губныя і *д, *т, *з, *с, *н перад *і вымаўляюцца цвёрда ў гаворках малецкіх, паўночна- і сярэднезагародскіх.

4. Галосны *Б (яць) у націскным становішчы ў гаворках паўночна- і сярэднезагародскіх перайшоў у [і].

5. Галосны *о ў новых закрытых складах пад націскам у гаворках сярэднезагародскіх перайшоў у [і].

«Палескія» інавацыі:

1. Галосны *о ў новых закрытых складах пад націскам у гаворках верхнясельдскіх і малецкіх перайшоў у дыфтонг [yo]. Роднасны яму гук [ô] пашыраны на значнай тэрыторыі арэала паўднёва-заходніх беларускіх гаворак.

2. «Саканне» (формы тыпу «*купáціса, умыв-áюса, упрáвіласа*») характэрна для гаворак паў-

ночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх і малецкіх. Пашырана на Палессі і ў некаторых сумежных абласцях (Случчына, Заходняя Гродзеншчына).

3. Формы тыпу «*ідúт, несúт /нэсúт/, хó-дзят /хóдзят/*» характэрны для гаворак паўночнабрэсцкіх, верхнясельдскіх і малецкіх.

4. Галосны *о ў новых закрытых складах пад націскам у гаворках паўночназагародскіх перайшоў у [у].

5. Мяккі *д’ у смалянiцкай падгрупе верхнясельдскіх гаворак перайшоў у мяккі [д’].

6. «Паўмяккі» *д· перад *і ў гаворках смалянiцкай падгрупы верхнясельдскіх гаворак перайшоў у мяккі [д’].

Заклучэнне. Верхняе Над’ясельдзе (Пружанскі раён Брэсцкай вобласці і сумежжа) з’яўляецца ўскараінай пашырэння інавацыйных з’яў, якія пашыраліся ў гэты рэгіён з двух цэнтраў: паўночнага, ці гродзенска-баранавіцкага, і паўднёвага, ці брэсцка-пінскага. Існуюць яшчэ інавацыі ўласна палескія, якія супрацьпастаўляюцца як гродзенска-баранавіцкай (панямонскай) поўначы, так і брэсцка-пінскаму (ўласна загародскаму) поўдню.

Літаратура

1. Босак А. А., Босак В. М. Дыферэнцыяцыя гаворак Верхняга Над’ясельдзя. Мінск: БДТУ, 2010. 160 с.

2. Босак В. М., Босак А. А. Даследаванне гаворак Верхняга // Труды БГТУ: Історыя, філосафія, філалогія. 2013. № 5. С. 161–163.

3. Клімчук Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 127 с.

4. Цыхун Г. Арэальныя аспекты фарміравання славянскіх літаратурных моў. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 24 с.

5. Цыхун Г. Пытанне інавацыйных цэнтраў у славянскім мовазнаўстве // Prace Slawistyczne. Nr. 114. Warszawa, 2003. С. 25–33.

6. Ossowski L. O chronologii «ciekania» i «dziekania» // Studia Slawistyczne. Wrocław-Warszawa-Kraków: Ossolineum, 1992. Z. 120–123.

Паступілі 13.03.2014

УДК 811.161.3:003.081.4

Г. Ф. Швед, старшы выкладчык (БДТУ)

Ў – ЛІТАРА СУЧАСНАГА БЕЛАРУСКАГА АЛФАВІТА

У артыкуле даследуецца ўнікальная літара беларускага алфавіта – у нескладовае. Вырашаны наступныя задачы: раскрыта паходжанне «ў», прааналізаваны змены ў правапісе, даследавана затрабаванасць гэтай літары. Работа паказвае арыгінальнасць і непаўторнасць адзінай літары не толькі ў лінгвістыцы, але і ў культурным жыцці беларусаў.

«Ў» – літара, якая ўшаноўваецца як сімвал, як своеасаблівы апазнавальны знак беларусаў.

In this article, explore the unique letter of the Belarusian alphabet «ў». The following tasks were solved: origin of «ў» was disclosed, changes in spelling were analyzed, the relevance of this letter was investigated. Work shows originality and uniqueness, the only letter in linguistics, but also in the cultural life of Belarusians.

«Ў» – letter, which is felt as a symbol, as a kind of identification sign of the Belarusians.

Уводзіны. Кожны народ мае сваю мову. Родную мову часта называюць душой народа, таму што менавіта мова, асабліва ў сучасным свеце, з'яўляецца першаснай і найбольш яркай прыметай нацыі. У мове і праз мову выяўляюцца такія важныя асаблівасці і рысы народа, як нацыянальная псіхалогія, характар, склад мыслення, маральны стан і духоўнасць, самабытнасць і непаўторнасць мастацкай творчасці і інш. Мова ў пэўнай ступені – гэта сімвал нацыі, сродак аб'яднання, кансалідацыі народа. Народ як нацыя існуе, пакуль існуе нацыянальная мова. «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не умёрлі!» – пісаў Ф. Багушэвіч.

Для папулярызацыі і пашырэння сферы выкарыстання беларускай мовы ў жыцці грамадства даследуецца ўнікальная літара беларускага алфавіта – у нескладовае.

Асноўная частка. У аснове сучаснага беларускага пісьма ляжыць кірыліца-старажытная славянская азбука.

На Русі кірыліца пачала пашырацца ў Х–ХІ стст. у сувязі з прыняццем хрысціянства і з'яўленнем богаслужэбных кніг на стараславянскай мове. З ХІІІ–ХІV стст. кірыліца выкарыстоўваецца і ў беларускім пісьменстве.

Да ХVІ ст. кірылаўскае пісьмо ў Беларусі было толькі рукапісным. Эпоха кнігадрукавання ва ўсходніх славян пачалася з 1517 г. Вядомы вучоны-асветнік, усходнеславянскі першадрукар Ф. Скарына, стварыў на аснове кірыліцы шрыфт і з 1517 па 1519 г. пераклаў на беларускую мову і надрукаваў 23 кнігі «Бібліі рускай». Так з ХVІ ст. у беларускім пісьменстве сталі ўжывацца і рукапісныя, і друкаваныя літары.

Кірылаўскім пісьмом карысталіся ў Беларусі да канца ХVІІ ст. У 1696 г. сейм Рэчы Паспалітай прыняў пастанову, паводле якой у справядстве Вялікага Княства Літоўскага павінна была выкарыстоўвацца толькі польская мова. З гэтага часу пісаць па-беларуску пачалі лацінскімі літарамі (лацінкай).

Пісалі па-беларуску і арабскімі літарамі.

У 1708 г. па загадзе Пятра I была праведзена рэформа рускай графікі. Рэфармаваная кірыліца атрымала назву «грамадзянская азбука» («грамадзянка»). Узоры літар грамадзянскага алфавіта стварыў беларус Ілья Капіевіч.

Пасля падзелу Рэчы Паспалітай у другой палове ХVІІІ ст. беларускія землі ўвайшлі ў склад Расійскай імперыі. З гэтага часу і аж да пачатку ХХ ст. беларускі народ карыстаўся дзвюма графічнымі сістэмамі: лацінкай і кірыліцай.

Існаванне дзвюх графічных сістэм стварала пэўныя цяжкасці, таму, пачынаючы з 1913 г., большасць беларускіх выдавецтваў перайшла на грамадзянскі шрыфт. А ў 1926 г. на Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і графікі было вырашана выкарыстоўваць у якасці графічнага сродку беларускай літаратурнай мовы толькі кірыліцу. Літарны склад кірыліцы адпавядаў гукавой сістэме стараславянскай мовы. З 1708 г. у кірыліцкім алфавіце ўзаконены літары *э, я*, з 1735 – *й*, з 1797 – *ё*. У беларускім варыянце кірыліцы паступова замацаваліся літары *і, ў*, выпалі *н, ш, ь*, у выніку сфарміраваўся алфавіт, якім мы карыстаемся ў наш час.

Упершыню ў сучаснай беларускай мове літара «ў» з'явілася ў канцы ХІХ ст.

Яна была ўжыта ў 1981 г. Франішкам Багушэвічам у кракаўскім выданні «Дудка беларуская». А перад Багушэвічам яе выкарыстоўвалі Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч і Ян Чачот. Мы знаходзім гэтую літару ў вершаванай брашуры Яна Чачота, якая была выдадзена ў 1846 г., але ў гэтым выданні літара ў выглядала як *н* з рыскай *й*. І толькі ўжо ў Багушэвіча яна набывае свой сучасны выгляд «ў».

Гук [ў] уласцівы беларусам на працягу ўсёй гісторыі фарміравання, а затым функцыянавання роднай мовы. Іншая справа, што яго пазначэнне літарай было непазаслядоўным або зусім адсутнічала, як гэта назіралася ў старабеларускім пісьменстве. Паводле энцыклапедыі «Беларуская мова» (1994), літара ў была прапанавана

ў 1870 г. рускім філолагам Пятром Бяссонавым, які з'яўляўся старшынёй Віленскай археаграфічнай камісіі (1865–1866). Доўгі час па тэхнічных прычынах пісалася як літара у. Больш паслядоўна ў беларускім пісьме выкарыстоўваецца з 1890-х гг. У лацінскай форме беларускага пісьма гук [ў] абазначаўся літарай й.

З 1 верасня 2010 г., калі запрацавалі новыя правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі, гэтую літару «ў» пачалі пісаць яшчэ часцей. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» ад 23 ліпеня 2008 г. – гэта не рэформа існуючага беларускага правапісу. Новая рэдакцыя накіравана на яго карэкціроўку, памяншэнне колькасці выключэнняў, падпарадкаванне большасці напісанняў агульным правілам і заканамернасцям. Яна з'яўляецца аптымальнай у сучаснай моўнай сітуацыі ў краіне і будзе садзейнічаць стабілізацыі правапісных нормаў беларускай літаратурнай мовы, што будзе спрыяць павышэнню прэстыжу беларускай мовы ў грамадстве як дзяржаўнай мовы нашай краіны і мовы тытульнай нацыі.

Даўно ўзнікала пытанне, чаму нельга пісаць ў (у нескладовае) у словах іншамоўнага паходжання? Калі ж мы кіруемся ў правапісе фанетычным прынцыпам, то не павінна быць розніцы ў напісанні словазлучэнняў «на ўроку» і «ля ўнівермага». Цяпер так і ёсць. У новай рэдакцыі «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» пашыраецца напісанне ў (у нескладовае) у словах іншамоўнага паходжання, якія паводле правіл 1959 г. былі выключэннямі.

Згодна з новай рэдакцыяй правіл адбываецца чаргаванне [у] з [ў] у сярэдзіне слова пасля галосных і ў словах іншамоўнага паходжання, у якіх раней гэта чаргаванне не назіралася, а таксама ў новых запазычаннях, правапіс якіх яшчэ не знайшоў замацавання ў нарматыўных слоўніках беларускай мовы: *раўнд, даўн, фаўна, андэграўнд, саўна, клоўн, шоўмен, ноўтбук, джоўль, ноўмен (наўмен), пакгаўз, каўзалгія, каўлепра, лакаўт, раўт, трэшкоўт, чаўш, скаўт* і інш.

Такім чынам, правілы правапісу ў нескладовага ў сучаснай беларускай мове становяцца фактычна ўніверсальнымі.

Трэба памятаць, што выбар пісаць у ці ў залежыць ад паходжання слоў і пазіцыі у ці ў у слове. Варта ўгадаць, як раней і зараз.

Змены ў правапісе:

так было
ва універсітэце
для уніята
клоун
сауна
пасля урагану
да уролага

так стала
ва ўніверсітэце
для ўніята
клоўн
саўна
пасля ўрагану
да ўролага

здаць ва утыль
гэтая утопія
раўнд
даўн
фаўна
андэграўнд
клоўмен
ноўтбук
джоўль
снаўт

здаць ва ўтыль
гэтая ўтопія
раўнд
даўн
фаўна
андэграўнд
клоўмен
ноўтбук
джоўль
снаўт

Літара ў вылучае беларусаў сярод славян. Менавіта па гэтай прычыне 7 верасня 2003 г. у геаграфічным цэнтры Еўропы – горадзе Полацку – на бульвары К. Маркса быў устаноўлены помнік літары ў.

Незвычайны помнік у старажытным горадзе нагадвае пра ўнікальную літару, якая сустракаецца толькі ў беларускім алфавіце. Скульптура зроблена ў выглядзе стэлы, на гранях якой нанесены рэльефныя малюнкi літары «ў». Помнік адначасова служыць сонечным гадзіннікам. Пры яго адкрыцці, што адбывалася падчас святкавання Дня пісьменнасці, распавядалася пра непаўторную меладычнасць і мяккасць гука.

Аўтары – мастак Ігар Куржалаў і архітэктар Наталля Царык. Зроблены помнік з дэмакратычных матэрыялаў – алюміній, прыродныя валуны, бетон. Твор прыцягвае да сябе ўвагу менавіта арыгінальнасцю ідэі. Неаднаразова прыгаданы сродкамі масавай інфармацыі помнік «ў» трывала існуе ў нацыянальнай культурнай прасторы і правакуе айчынных турыстаў і мовазнаўцаў на візіт у Полацк. У адбітых на вертыкальна ўсталяванай чатырохвугольнай пласціне мадэрнавых абрысах прачытваецца выява віноўніцы манументалізацыі – літары «ў». А знізу змешчаны надпіс:

...АД ЕЎФРАСІННІ, АД СКАРЫНЫ...
АД ПОЛАЦКА ПАЧАЎСЯ СВЕТА.

Заклучэнне. Падсумоўваючы ўсё вышэй сказанае, можна зрабіць выснову, што «ў» – толькі беларуская, выключная, папулярная, крэатыўная, запатрабаваная, як мы даказалі, сапраўды *унікальная літара беларускага алфавіта*.

Літаратура

1. Капылю І. Л., Маракуліна Т. М. Арфаграфічны слоўнік беларускай мовы для школьнікаў. Новыя правілы правапісу. Мінск: сучасная школа, 2010.
2. Валочка Г. М., Зелянко В. У., Бурак І. Л. Практыкум па арфаграфіі і пунктуацыі беларускай мовы. 10–11 класы: вучэб.-метад. комплекс. Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 2010.
3. Сямешка Л. І., Шкраба І. Р., Бадзевіч З. І. Курс беларускай мовы. Мінск: Універсітэцкае, 1996.

Паступіў 13.03.2014

УДК 81'38

О. Н. Гусева, преподаватель (БГТУ)

ФРАЗЕОЛОГИЯ НАУЧНОЙ И ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Статья посвящена устойчивым сочетаниям, употребляемым в научном и официально-деловом стилях, их свойствам, особенностям образования и функционирования в речи. Рассматриваются основные модели образования фразеологизмов, приводится их классификация по соотносительности с той или иной частью речи, по компонентному составу; анализируются свойства устойчивых сочетаний научного и официально-делового стилей сравнительно с фразеологизмами общелитературными. Статья адресована филологам, а также широкому кругу читателей, желающих повысить уровень своей компетенции в области культуры речи, практической и функциональной стилистики.

The article is devoted to collocations, which are used in scientific and official styles, their characteristics, peculiarities of their creation and functioning in speech. The article discusses the main models used to create phraseological units; presents classification of the models according to component composition; analyses the properties of collocations in scientific and official speech styles in comparison with common phraseology.

The article is addressed to philologists as well as to a wide range of readers, who are willing to raise the level of their competence in the fields of speech culture, practical and functional stylistics.

Введение. В лингвистической литературе нет единого мнения относительно того, что следует считать фразеологизмом научного или официально-делового стилей. По мнению одних исследователей (И. Б. Голуб, Н. М. Шанский), фразеологизмом является любое устойчивое сочетание, постоянное по значению и составу и воспроизводимое в том виде, в котором оно закрепилось в языке. Исходя из этого определения, фразеологизмом можно считать любой составной термин: *органическое вещество, периодическая система* (хим.); *постоянная величина, перпендикулярные прямые* (мат.); *вводное слово, сложное предложение* (лингв.); *денежные средства, платежное поручение* (экон.).

По мнению других лексикологов (А. М. Бабкин, В. М. Мокиенко, М. И. Фомина), одним из важнейших отличительных признаков фразеологизма является его образность, метафоричность. М. И. Фомина указывает, что в семантике фразеологизмов, даже тех, которые выполняют исключительно номинативную функцию, всегда присутствует образность и особая экспрессия, пусть даже стертые [1]. Исходя из этого, фразеологизмом следует считать не всякое устойчивое сочетание, а лишь то, компоненты (или компонент) которого обладают переносно-метафорическим значением: *белый гигант, желтый карлик* (астрон.); *точка кипения, абсолютный ноль* (физ.); *глухой согласный, мягкий знак* (лингв.) и пр. Наконец, некоторые ученые, например А. И. Ефимов, Д. Н. Шмелев, выделяют в составе фразеологии идиомы (сочетания, которые «являются своего рода экспрессивными синонимами отдельных слов или словосочетаний») и «составные наименования реалий, для называния которых в языке нет от-

дельных слов» [2]. А. М. Ефимов прямо указывает, что «к фразеологическим средствам языка можно относить не только идиомы, но и ... устойчивые формулы и обороты научно-терминологического характера, некоторые канцелярские штампы, производственно-технические выражения и т. д.» [3].

Таким образом, фразеологизмы научной и деловой речи характеризуются следующими признаками:

- 1) наличие целостного значения;
- 2) постоянство компонентного состава;
- 3) воспроизводимость в готовом виде;
- 4) постоянство синтаксических функций.

От фразеологии других стилей (художественной литературы, публицистического, разговорного) фразеологизмы научного и официально-делового стилей отличаются отсутствием образности и экспрессивности; они, как правило, выполняют номинативную функцию и не имеют синонимов.

Основная часть. По компонентному составу выделяют несколько групп фразеологизмов научной и деловой речи, среди которых наиболее употребительны следующие:

– сочетание прилагательного с существительным (способ связи – согласование): *органическое вещество, щитовидная железа, потребительская корзина, кассационная жалоба, материальные средства, юридическое лицо;*

– сочетание существительного с существительным именительного падежа (способ связи – падежное согласование): *вектор-параметр, ракета-носитель, слово-паразит;* в таких сочетаниях обычно склоняются оба элемента: *слово-паразит, слова-паразита* и т. д.; иногда склоняется только второй (как правило, если первый является заимствованным словом): *киловатт-час, киловатт-часа* и т. д.; в небольшой

группе сочетаний склоняется только первый элемент: *программа-максимум, программы-максимум* и т. д.;

– сочетание существительного с существительным родительного падежа без предлога (способ связи – управление): *точка кипения, полюс холода, сила трения, конфискация имущества, презумпция невиновности*;

– сочетание существительного с существительным в косвенном падеже с предлогом (способ связи – управление): *точка с запятой, подписка о невыезде, уведомление о вручении*;

– сочетание глагола с существительным с предлогом (способ связи – глагольное управление): *принять к исполнению, довести до сведения, вменить в вину, привлечь к ответственности, призвать к ответу*;

– сочетание глагола с существительным без предлога (способ связи – глагольное управление): *оказать содействие, обеспечить сохранность, возложить контроль*.

По соотносительности с той или иной частью речи среди фразеологизмов научного и официально-делового стилей выделяют:

– именные фразеологизмы (имеют общее грамматическое значение предметности и частные грамматические значения рода, числа, падежа): *головной мозг, сверхзвуковая скорость, удельный вес, центр тяжести, непреодолимая сила, исполнительный лист*;

– глагольные фразеологизмы (выражают действие или состояние, имеют частные грамматические значения вида, времени, лица, числа): *достигнуть договоренности, довести до сведения, принять во внимание, оставлять желать лучшего*.

В деловой речи наличие устойчивых глагольных сочетаний (вербономинантов) является стилеобразующей чертой. Вербономинанты представляют собой сочетания глагола, имеющего ослабленную семантику, с существительным. Часто подобные сочетания можно заменить глаголом: *оказать содействие (посредствовать), провести анализ (проанализировать), осуществить выплаты (выплатить)*. Иногда вербономинанты невозможно заменить одним словом: *провести мероприятие, принять меры, занять должность, установить порядок, возложить контроль*. Нередко замена нежелательна, так как значения глагольно-именного сочетания и глагола не совпадают полностью (имеются семантические или стилистические различия): *достигнуть договоренности – договориться, обеспечить сохранность – сохранить, взыскать штраф – оштрафовать*. Некоторые исследователи относят к фразеологизмам только те глагольно-именные сочетания, которые нельзя заменить одним словом.

К фразеологии официально-делового стиля относят так называемые речевые стандарты. Многократно повторяющиеся административно-производственные ситуации находят отражение в стандартных оборотах речи. Наличие стандарта (клише, штампа) значительно облегчает заполнение многих документов, которые оформляются по определенному шаблону, при этом следует учитывать, что злоупотребление подобными оборотами делает речь казенной. Современная наука разграничивает понятия «речевой штамп» и «речевое клише»: «...штампы следует оценивать как негативное явление, в то время как клише помогают при составлении документа, облегчают поиск нужных слов и понимание текста читающим» [4]. Примерами речевых штампов могут служить выражения *в ходе решения задач, в части удовлетворения запросов, на предмет рассмотрения, имеет место рост, в деле повышения качества* и др. Очевидно, что большая часть штампов связана с употреблением отыменных предлогов *в части, в деле, в ходе, по линии* и т. п. Подобные выражения придают речи нежелательную «канцелярскую» окраску. С другой стороны, речевые клише (стандарты) «удобны и для говорящего (пишущего), и для слушающего (читающего)» [5], так как они легко воспроизводимы, экономят усилия и время и облегчают коммуникацию. Примеры клише: *возложить ответственность, оказать содействие, в установленном порядке, наложенным платежом, в соответствии с решением, согласно постановлению* и др. Некоторые клише используются за пределами деловой речи: *погасить ссуду (задолженность), соблюдать права, возместить ущерб, подсудное дело*.

В научном и официально-деловом стилях значительную часть устойчивых сочетаний составляют конструкции с отглагольными существительными: *проведение анализа, ход эксперимента, достижение договоренности, оказание помощи (содействия), взыскание морального вреда, лишение свободы*. В деловой речи выделяется группа сочетаний, в состав которых входят отглагольные существительные с префиксом *не-* (нехарактерные для других стилей): *неисполнение обязанностей, невозвращение средств, недостижение совершеннолетия*. Свойства отглагольных существительных (в частности, соединение в их семантике процессуального и предметного значений) делают их важным компонентом делового текста, «создают нужную деловой речи однозначность и одновременно обобщенность смысла, обеспечивают официальную значимость называемого отглагольным именем понятия, возводят его в ранг константных тематических и ситуационных клише делопроизводства» [4].

Заключение. Таким образом, фразеология научного и официально-делового стилей имеет общие черты и существенные различия с фразеологией общезыковой. Кроме того, нередко составные научные термины и стандартные обороты деловой речи приобретают обобщенно-образный смысл и становятся достоянием общезыковой фразеологии: *абсолютный нуль, выйти на орбиту, наклонная плоскость, сила притяжения, звезда первой величины, точка опоры, выдвинуть аргумент, доводы за и против, в установленном порядке, нести ответственность, обжалованию не подлежит*. Это явление закономерное и объясняется межстилевым взаимодействием, которое является одной из важнейших тенденций развития русского языка на современном этапе.

Литература

1. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: учебник. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2001.
2. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.
3. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969.
4. Основы русской деловой речи: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н. А. Буре [и др.]; под ред. проф. В. В. Химика. СПб.: Златоуст, 2012.
5. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.
6. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Либроком, 2012.
7. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. М.: Рольф, 2001.
8. Васильева А. Н. Основы культуры речи. М.: Русский язык, 1990.
9. Фомина М. И., Шанский Н. М. Лексика современного русского языка: учеб. пособие для студ. вузов / под ред. Н. М. Шанского. М.: Высш. шк., 1973.
10. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет: учеб. пособие. М.: Экономика, 2000.
11. Жуков В. П. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006.
12. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
13. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М.: Высш. шк., 1988.
14. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М.: Высш. шк., 1984.
15. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». М.: Высш. шк., 1989.
16. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Либроком, 2009.
17. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
18. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Якубова М. А. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во УРСС. 2003.

Поступила 11.03.2014

УДК 81'243

Т. А. Козлякова, старший преподаватель (БДТУ)

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ И РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ УМЕНИЙ
ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ**

В статье анализируется лингвистический аспект в обучении иностранных учащихся русскому языку как иностранному. Говорится о важности формирования лексических, грамматических, произносительных навыков. Описываются особенности, характерные для диалогической и монологической видов речевой деятельности. Акцентируется внимание на умениях, которые должны быть развиты при обучении говорению.

In this resume linguistic aspect of teaching international students Russian as a foreign language is analyzed. It says about importance of forming lexical, grammar and pronouncing skills. This article describes specific particular qualities of dialog and monolog types of speech. It pays attention on skills which should be developed in teaching speaking.

Введение. Обучение русскому языку как иностранному – это обучение речевым действиям. Виды речевой деятельности – аудирование, говорение, чтение и письмо – определяются по двум основаниям: форме общения (устной или письменной) и по характеру направленности речевого действия: «от мысли к слову» или «от слова к мысли», – как отмечал В. Гумбольдт. Все виды речевой деятельности взаимосвязаны. Говорение и письмо относятся к продуктивным видам, аудирование и чтение к рецептивным видам речевой деятельности. Говорение и аудирование относятся к видам устной формы общения, а письмо и чтение – к видам письменной формы общения. Поэтому совершенно очевидно, что необходимо обучать речевому общению через комплексное обучение всем видам речевой деятельности.

Следует отметить, что слушание лекций, научных докладов и чтение учебной и научной литературы составляют главное содержание речевой деятельности иностранных учащихся. Вместе с тем в силу жизненных потребностей учащиеся испытывают необходимость в развитии продуктивной стороны своей речевой деятельности, поэтому слушание и чтение сопрягаются в учебном процессе с говорением. Говорение не без оснований называют творческой деятельностью, продуктивным видом речевой деятельности.

Основная часть. Обучение языку как средству общения должно носить целенаправленный и осознанный характер, управляться и направляться в соответствии с задачами развития не только речевой, но и мыслительной активности учащихся [1].

По мнению Е. И. Пассова, никакого речевого умения не будет, если человек не владеет необходимым запасом слов и не умеет правильно их использовать, не умеет грамотно построить несколько фраз, не умеет произнести слово так, чтобы оно звучало правильно, то

есть должны быть сформированы лексические, грамматические, произносительные навыки [2].

При формировании лексических навыков необходимо учитывать, что лексические единицы в языке взаимосвязаны и взаимообусловлены, они представляют собой определенную систему, части которой находятся в органической связи друг с другом. Лексика должна рассматриваться с точки зрения как лексических, так и грамматических свойств слов. Поэтому в практической работе по лексике особое внимание обращается не только на лексическую и грамматическую сочетаемость слов, но и на стилистическую характеристику.

Известно, что слово несет основную коммуникативную нагрузку, поэтому в говорении оно выражает отношение говорящего, его эмоциональное состояние, оно всегда используется для решения какой-то речевой задачи. Безусловно, формирование грамматических навыков возможно лишь на основе тех лексических единиц, которыми учащийся владеет достаточно свободно.

Процесс автоматизации грамматических навыков должен пройти шесть последовательных стадий формирования грамматического навыка: 1) восприятие; 2) имитация; 3) подстановка; 4) трансформация; 5) репродукция; 6) комбинирование.

По определению Е. И. Пассова, навык – это способность совершать относительно самостоятельное действие в системе сознательной деятельности, которое благодаря наличию полного комплекса качества стало одним из условий выполнения этой деятельности [3].

Следует различать термин «навыки устной речи», который объединяет навыки, входящие в устную форму общения (говорение, аудирование), и «речевые навыки» – это принадлежность к речи как к виду деятельности (по аналогии – навыки письменной речи, навыки продуктивно-репродуктивной речи).

При отборе материала, на котором строится работа по развитию навыков говорения, исходными являются следующие требования:

1. Отобранный лексико-грамматический материал должен обладать большой конструктивной весомостью, т. е. быть нужным для построения основной речевой единицы – предложения.

2. Учебный материал, включаемый в работу по развитию речи, должен быть частотным для речевой сферы деятельности учащихся.

3. Отобранный для обучения материал должен обладать высокой общеобразовательной и семантической ценностью.

4. При отборе материала должны быть учтены межъязыковые соответствия и расхождения.

5. В целом отобранный материал должен удовлетворять требованиям методической целесообразности, т. е. быть доступным для учащихся, образцовым, необходимым и достаточным.

Естественно, что умение имеет много общего с навыками, но является все же самостоятельным феноменом. Речевое умение, по определению Е. И. Пассова, есть способность управлять речевой деятельностью в условиях решения коммуникативных задач общения.

В методике различают четыре основных вида речевых умений: 1) умение говорить (излагать свои мысли в устной форме); 2) умение писать (излагать свои мысли в письменной форме); 3) умение аудировать (понимать речь в звуковом выражении); 4) умение читать (понимать речь в ее графическом выражении). Каждое умение состоит из «своих» навыков.

В учебно-методической литературе дается характеристика разных видов речи по коммуникативной направленности – монологической и диалогической речи. Отметим, что монолог и диалог имеют свои особенности. Различия между диалогической и монологической формами речи значительны. По мнению Е. И. Мотиной, информация монологического сообщения представляет собой цепь логически связанных суждений, которые прямо и непосредственно адресованы к сознанию слушающего, призваны воздействовать на его разум [4].

Монологическая речь менее связана временными рамками, говорящий сам определяет темп высказывания, форму и содержание. Монолог обычно заранее продумывается, в нем может проследиться относительная смысловая законченность, тематичность.

Процесс обучения монологу на начальном этапе подразделяют на подэтапы: на первом высказывание произносится на уровне одного или двух предложений при зрительной или слуховой опоре; на втором высказывание носит более развернутый характер с опорой на текст на уровне нескольких предложений; на третьем –

выступает в форме монолога на уровне сверхфразового единства, служит выражению собственной мысли учащегося, ориентируется на определенных слушателей. На данном этапе учебный монолог ограничен тематически. Это рассказ о себе, своей семье, родине, друге и т. д.

Для развития навыков и умений в монологической речи используются ситуативные высказывания по теме, составление монолога по цепочке, беседа, дискуссия и т. п. Особое значение придается упражнениям, направленным на формирование неподготовленной речи. Пересказ не рекомендуется многими методистами в качестве основного средства для развития умений в монологической речи. «Пересказ, безусловно, развивает некоторые механизмы речевого умения: репродукцию, комбинирование, конструирование. Но другие механизмы при пересказе оказываются в невыгодном положении или простаивают», – пишет Е. И. Пассов [5].

Диалог формируется спонтанно, он ситуативно обусловлен. Логика развертывания диалога в некоторых случаях не может быть предугадана, так как зависит от реакции говорящего. Для диалога характерны эмоциональность и экспрессивность, активное использование мимики, жестов, действий партнеров. Диалог в естественном общении всегда проходит в конкретной ситуации. Во время диалога частично накладываются друг на друга восприятие речи, внутреннее проговаривание слышимого и внутреннее проговаривание предстоящего ответа.

К учебному диалогу прибегают в целях большего разъяснения, уточнения, проверки понимания отдельных частей той или иной темы. Учебный диалог – это минимальное речевое единство, состоящее из парных реплик, чаще всего вопросно-ответного характера, так как диалог-побуждение, диалог-приглашение, диалог-характеристика и т. п. требуют расширенного владения лексико-грамматическим материалом и вводятся в речевую практику не сразу. Вначале диалогические единства ограничены темами знакомства: Как вас зовут? Где вы учитесь? Когда вы приехали? Где вы живете? и т. п.

По содержанию на первых порах микродиалоги и микромонологи сходны, но внимание учащихся необходимо обратить на разные нормы оформления этих видов. Оформление речи в диалогической форме отличается от обычного построения повествовательного предложения, для которого не характерна эллиптичность, сжатость структур. Полное включение элементов повествовательного предложения в диалог воспринимается как ошибка.

Как уже отмечалось, при обучении учащихся в равной степени важно развитие разных видов речевой деятельности. Необходимо указать

те умения, которые должны быть развиты при следующих целевых установках:

1. При установке понимать речь на слух, т. е. понимать устное высказывание или устное воспроизведение текста, большое значение имеет:

а) правильность и быстрота речевой реакции на слуховое восприятие слова или высказывания;

б) быстрота воспроизведения отрезков речи, воспринятых на слух;

в) свободное понимание речи как своего преподавателя, так и другого говорящего.

2. При установке уметь говорить, т. е. высказываться и реагировать на речь собеседника, важно выработать для монологической формы речи следующее:

а) правильность употребления изученных, усвоенных речевых единиц;

б) логичность и композиционную законченность высказывания;

в) нормальный темп высказывания.

Для диалогической речи имеют значения:

а) правильность и быстрота реакции на слова собеседника;

б) умение поддержать и продолжить разговор на затронутую тему;

в) владение интонационными и лексико-грамматическими средствами, характерными для построения диалогов разных видов.

Заключение. В процессе обучения русскому языку как иностранному важно определить содержание учебного монолога и учебного диалога и установить целесообразную последовательность введения их в речевую практику.

При определении места и роли диалога и монолога в обучении следует исходить из целей обучения. Оба подвиды речи актуальны и необходимы, функционально и ситуативно обусловлены, а поэтому необходимо формировать,

развивать, совершенствовать соответствующие умения.

Для обучения диалогической речи рекомендуются следующие виды диалога: 1) обмен информацией; 2) запрос информации или ее уточнение; 3) планирование совместных действий; 4) обмен впечатлениями, мнениями; 5) спор, «полемика».

Итак, формирование навыков и умений иноязычного общения возможно лишь через непрерывное общение в ситуациях, моделирующих реальную коммуникативную деятельность, поэтому преподаватель при создании каждого упражнения ставит одновременно несколько как языковых, так и речевых задач, значимость которых меняется в зависимости от цели занятия. Однако упражнения должны быть максимально ориентированы на коммуникативную задачу.

Литература

1. Кудряшов А. И. Обучение говорению. Методика / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. С. 119.

2. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2010. С. 236.

3. Пассов Е. И., Кузовлева Н. Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: метод. пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2010. С. 289.

4. Мотина Е. И. Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. М.: Русский язык, 1988. С. 9.

5. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Русский язык. 1985. С. 144.

Поступила 13.03.2014

УДК 81'246.2

Т. В. Жуковская, преподаватель (БГТУ)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

В данной статье анализируется специфика усвоения русского языка как иностранного в Беларуси. Наличие билингвизма в нашей стране создает некоторые специфические трудности при обучении русскому языку иностранных учащихся, испытывающих интерферирующее влияние белорусского языка окружающей среды. Предлагаются некоторые способы решения проблемы преподавания русского языка, которые позволят организовать целенаправленную работу по осознанию учащимися специфики общерусской национальной и локальной белорусской культуры, что будет способствовать их аккультурации в новой языковой среде.

In this article we will analyze the specifics of learning Russian as a foreign language in Belarus. The existence of bilingualism in our country poses some specific challenges in teaching Russian to foreign students who feel the interfering influence of the Belarusian language environment. We suggest several ways of solving the problem of teaching Russian that will to allow organize the purposeful work of students and their awareness of the Russian national and Belarusian local culture specifics that will contribute to their acculturation in a new verbal environment.

Введение. Коммуникативные ранги языков определяются объемом и структурой коммуникации, осуществляемой на данном языке. Языки всегда функционируют как родные, они также могут использоваться как иностранные и как языки межнационального и международного общения. Русский язык в современном мире – язык русской нации, язык межнационального общения в странах СНГ, один из языков, который изучается во всем мире как иностранный.

Многовековые традиции культурных связей белорусского и русского народов чрезвычайно сильны и плодотворны. В их основе лежит историческое родство наших языков. Бесспорно, русский язык – один из международных языков, и он является языком-посредником на территории нашей страны. Сходства и отношения между белорусским и русским народами наблюдаются в различных аспектах: историческом, языковом, этническом, культурном, географическом, социально-экономическом, государственно-политическом. Эти показатели определяют лингвокультурологическую общность двух языков. Бесспорным представляется и тот факт, что условием естественной коммуникации является знакомство с национальной культурой, выражаемой изучаемым языком.

Тем не менее наличие билингвизма в нашей стране создает некоторые специфические трудности при обучении русскому языку иностранных учащихся, испытывающих интерферирующее влияние белорусского языка окружающей среды.

Основная часть. Уровень владения русским языком иностранными студентами напрямую зависит от того, насколько полно они погружаются в языковую среду, это значит используют совокупность всех источников информации на языке страны, в которой они обучаются.

В какой-то степени иностранец ограничен в возможности слышать только изучаемый язык (русский). Белорусская речь звучит в официальных средствах массовой информации (телевидение, радио), студенческой среде, в учебной аудитории, в транспорте, на улице и в других местах. Кроме того, иностранные учащиеся визуально воспринимают надписи и вывески на белорусском языке в магазинах, в метро, на улицах города. Некоторые бренды таких отечественных производителей, как «Мілавіца», «Слодыч», «Крыніца», традиционно не переводятся на русский язык. Особую трудность вызывают те белорусские лексемы, при восприятии которых у иностранных учащихся не возникает звуковых параллелей с эквивалентными русскими лексемами, например: плошча Незалежнасці – площадь Независимости, станцыя метро «Кастрычніцкая» – станция метро «Октябрьская», праспект Пераможцаў – проспект Победителей, плошча Перамогі – площадь Победы, Дом Урада – Дом Правительства, чыгуначны вакзал – железнодорожный вокзал, цырульня – парикмахерская и т. д.

Таким образом, преподаватель сталкивается с практической необходимостью перевода или объяснения значения того или иного белорусского выражения или слова, что облегчает иностранным учащимся процесс социально-культурной адаптации и коммуникации в Беларуси.

При билингвизме бывает разная степень владения языком, но никогда нельзя говорить о двух родных языках. Преподаватель, имеющий высокий уровень владения русским языком, в полной мере не сформирован как иноязычная языковая личность. Мы не являемся носителями исконно русского языка. Известно, что строй любого языка фиксирует определенную картину мира, соответствующую как познава-

тельным, так и ценностно-оценочным представлениям данного этноса. Сравним: рус. *пожалуйста*, бел. *калі ласка*; рус. *жениться на ком*, бел. *ажаніцца з кім*. В этих выражениях ярко отражен национальный характер. В языке фокусируется, концентрируются опыт национального бытия, память народа, духовная культура и ее самобытность.

Цель обучения иностранному языку – формирование у учащихся компетенций, которые могут в дальнейшем обеспечить использование изучаемого языка в определенных условиях общения. Современная методика преподавания русского языка как иностранного различает три вида компетенций обучаемых: коммуникативную, лингвистическую и социокультурную. В рамках нашей темы акцентируем внимание на содержании социокультурной компетенции, которая имеет две основные составляющие: ее можно рассматривать как постепенно приобретаемую в процессе обучения информацию реалий жизни, быта, истории и культуры страны изучаемого языка и страны пребывания, как постепенное накопление информативных и фоновых знаний; в нее включается формирование в сознании учащихся норм поведения в соответствии с окружающей их действительностью, знакомство с менталитетом, со стереотипом мышления носителей изучаемого языка.

Попытки решить проблему преподавания русского языка в увязке с национальной культурой ярко прослеживаются в лингвострановедении. Это тот аспект преподавания, когда в процессе изучения русского языка иностранные слушатели соизучают особенности русской культуры, а также культуры страны пребывания – Республики Беларусь. Выбор страноведческой информации в нашей ситуации не допускает одностороннего подхода к этой проблеме.

Представляя инофонам сведения о Беларуси, образе жизни белорусов, национально-культурных ценностях белорусского этноса, его традициях, мы должны помочь им адаптироваться в условиях белорусской действительности, посодействовать становлению их коммуникативных умений в различных сферах общения на территории Беларуси, в реалиях конкретного города, в котором им предстоит жить и учиться. Преподаватель должен помочь слушателям осознать, что русский язык – это неотъемлемая часть русской культуры (как и белорусский язык – показатель национальной культуры нашей страны), и потому полноценное владение им без понимания специфики русской национальной среды невозможно. С другой стороны, преподаватель должен приобщать и к культуре страны пребывания, а это осуществляется через лингвострановедческий материал о нашей стране.

При этом особую актуальность проблема эффективного восприятия лингвострановедческих текстов приобретает на начальном этапе изучения РКИ, когда потребность учащихся в получении адекватной страноведческой информации о стране пребывания, стране изучаемого языка максимальна, а их языковые возможности крайне ограничены. В этой ситуации, как показывает практика, достаточно результативным оказывается использование страноведческих национально ориентированных приложений, дополняющих учебные комплексы. Но в связи с этим хотелось заметить, что мы не имеем достаточно полных учебных пособий с лингвострановедческими текстами о Беларуси, а если они и есть, то это тексты эпизодичного характера, которые целю не отображают нашу культуру, историю. В таких приложениях должна быть представлена система упражнений и необходимые комментарии, позволяющие организовать целенаправленную работу по осознанию учащимися специфики общерусской национальной и локальной белорусской культуры, что будет способствовать их аккультурации в новой языковой среде. В целях обучения толерантной межкультурной коммуникации, комментарии должны носить сопоставительный характер, подчеркивать общее в традициях русского и белорусского народов.

Используя в учебном процессе комплекс «Дорога в Россию», который содержит хорошо разработанную лексико-грамматическую программу, современный языковой материал, ориентирует на изучение естественной разговорной речи, а также знакомит учащихся с названиями московских улиц, театров, музеев и т. п., преподаватель вводит дополнительный страноведческий материал по стране пребывания, т. е. Беларуси, что дает возможность обучающимся скорректировать свои знания о настоящем и прошлом города Минска, в котором они живут, и научиться ориентироваться в нем.

В результате такой организации обучения у слушателей повышается интерес к изучаемому языку, улучшаются их коммуникативные способности, происходит аккультурация иностранных слушателей. Соизучение культуры при овладении иностранным языком придает общеобразовательную, гуманистическую направленность всему учебному процессу.

К тому же преподаватель обязан четко представлять себе объем страноведческих сведений, рекомендуемых иностранцам для активного и пассивного усвоения на определенном этапе обучения, презентовать их в учебном процессе системно и многократно.

При обучении иностранных учащихся русскому языку в условиях национальной страны

решается проблема гармоничного сочетания между культурой изучаемого языка, культурой страны пребывания и национальной культурой самого учащегося. Чтобы организовать лингвострановедческое взаимодействие в процессе обучения, необходимо учитывать оптимальный объем страноведческих, этнокультурных и социокультурных знаний, определять культурный минимум на разных этапах учебного процесса.

Страноведческий материал может быть представлен через тексты, высказывания как единицы обучения, в которых присутствуют лингвокультуремы – фразеологизмы, пословицы; заглавия, образы и символы классических текстов белорусской культуры и т. д. Это поможет иностранным учащимся смоделировать концептуальную основу минимального культурного образа белоруса, получить знания, достаточные для того чтобы включиться в сферы коммуникативной и познавательной деятельности во время пребывания в Беларуси.

Важным моментом в организации представления иностранным учащимся белорусских классических высказываний является подборка наиболее частотных и актуальных фразеологизмов, поговорок, пословиц с русскими эквивалентами, что составляет фразеологический минимум для них. При несовпадении структуры и семантики таких языковых единиц делается акцент на яркое отражение характерных черт национальной языковой личности, своеобразия национальной языковой картины мира белорусов и русских. Белорусские тематические тексты с русскими переводами («Обычаи и традиции земли белорусской», «Классики белорусской литературы», «Всемирно известные люди Беларуси», «Земля под белыми крыльями» и т. д.) дают возможность показать историческое развитие страны, которая дает миру талантливых ученых, писателей, поэтов, художников, исследователей, иллюстрируют преемственность традиций белорусов, раскрывают традиционную символику белорусской культуры.

Хорошим подспорьем в изучении РКИ на территории Беларуси является билингвальный лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси, который содержит около ста ключевых единиц и адресован иностранным учащимся, изучающим русский язык в услови-

ях национальной языковой среды. Он включает даты событий белорусской истории; названия национальных и государственных праздников, обычаев, традиций; наименования исторических и архитектурных памятников, музеев, заповедников, научных и культурных учреждений и т. д.; традиционные белорусские обращения; топонимы; антропонимы; названия блюд белорусской кухни; названия флоры и фауны и т. д. Это пособие имеет большое значение в формировании языковой личности с привлечением этнолингвистических знаний и отвечает задачам аккультурации иностранных учащихся в нашей стране.

Немаловажным источником лингвокультурологической информации является телевидение. Оно обеспечивает динамическую наглядность и полисенсорный ввод материала, оптимизирует восприятие и осмысление речи, а также экстралингвистические особенности общения на изучаемом языке. Телевидение стимулирует речевую деятельность учащихся и одновременно расширяет их знания в области истории, политики, культуры страны пребывания.

Заключение. Исходя из практики преподавания русского языка как иностранного на территории Беларуси, проблематика преподавания выстраивается следующим образом:

- адаптация языковой личности инофона не только в условиях преимущественно русской речевой, но и белорусской культурной среды;
- аккультурация в билингвальной культурной среде;
- особенности отбора лингвострановедческих текстов для чтения и пособий для знакомства с русской и белорусской культурами;
- соблюдение пропорций в представлении информации о русской и белорусской культурах.

Таким образом, работая по различным предлагаемым пособиям параллельно с вводимым страноведческим национальным материалом, учащиеся последовательно расширяют свою лингвострановедческую компетенцию. Они получают необходимую страноведческую информацию, которая помогает им избежать ошибок в межкультурной коммуникации с носителями русского языка и облегчает их адаптацию в Республике Беларусь, а конкретно – в городе Минске.

Поступила 11.03.2014

УДК 81'243:811.161.1'373

Р. В. Миксюк, старший преподаватель (БГТУ)

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с изучением лексики иностранными учащимися на элементарном, базовом и продвинутом этапах обучения. Внимание автора обращено на основные методы и приемы при семантизации и активизации лексики, на типы заданий при работе со словом. Широко рассматриваются такие средства семантизации лексики, как антонимия, синонимия, словообразование, степень выраженности признака, лексическая сочетаемость, контекст, стилистическая окрашенность и другие. Большое внимание уделяется работе с терминологией, подчеркивается ее важность для будущей профессиональной деятельности, рассматривается безэквивалентная лексика, играющая важную роль в межкультурной коммуникации.

The article is dedicated to the issues connected with the study process of lexical learning by foreign students on elementary, intermediate and advanced levels. Author's attention is paid to the basic methods used in semantization and activation of lexic, to the types of exercises used in the learning process. The following meanings of lexic semantization are explained in detail: antonymy, synonymy, words formation, lexical compatibility, context, stylistic nuance etc. Also author explains terminology, underlining its importance for the future career growth, and non-equivalent vocabulary, which plays a huge role in intercultural communication.

Введение. Одним из основных аспектов работы преподавателя русского языка как иностранного является лексическая работа. Лексика нужна как для осуществления продуктивной речевой деятельности (говoreния, письма), так и рецептивной (аудирования, чтения). В зависимости от этапа обучения (элементарный, базовый, продвинутый) составляется определенный словарь-минимум и подбираются соответственно упражнения для семантизации и усвоения лексики, разрабатывается определенная техника овладения русской лексикой.

В методике существуют следующие средства семантизации и активизации лексики: наглядность, антонимия, синонимия, степень выраженности признака, состав слова, лексическая сочетаемость, контекст, стилистическая окрашенность (общеупотребительная, научная, официальная, общественно-политическая лексика), перевод на родной язык.

Главная часть. Основная цель работы над лексикой на начальном этапе – это формирование словаря, необходимого для общения в учебной и бытовой сфере, а также для усвоения грамматики. На этом этапе важна строгая минимизация лексики, исключение многозначности, тесная связь лексической и грамматической работы. При работе с лексикой в начале обучения в первую очередь деятельность преподавателя направлена на увеличение словарного запаса обучаемых. Для элементарного уровня лексический минимум составляет примерно 760 слов, для базового – 1300 слов. Значительно увеличивается количество слов на продвинутом этапе и составляет 3000 единиц.

Словарь начинающего должен формироваться тематически. Семантизация лексики

может проводиться с помощью подбора антонимов (*большой – маленький, холодно – жарко*), на основе словообразования (*спорт – спортивный, друг – дружить*), с помощью наглядности, способствующей восприятию образа слова вместе с его предметным значением. При этом перевод на родной язык может быть исключен. Помимо этого, наглядность усиливает ассоциативную фазу усвоения. Почти невозможен подбор синонимов из-за ограниченного запаса слов обучающихся.

Работа по составу слова проводится уже на элементарном уровне владения русским языком как иностранным. Упражнения должны быть направлены на отработку навыков анализа русских производных слов, на ознакомление с основными законами русского словообразования. Обучающиеся должны понимать и проследить системные связи между производящими и производными словами (*стол – столик, Беларусь – белорусский, весело – веселый, работа – работать*). Лексическую работу можно соотносить в ряде случаев с грамматическими темами, например с видами глагола (*учить – выучить, рассказывать – рассказать*). Таким образом различные упражнения дают возможность познакомиться с основными способами словообразования: суффиксацией, префиксацией, префиксацией и суффиксацией, сложением слов, основ, субстантивацией и аббревиацией. Это помогает проводить моделирование некоторых новых слов и составлять с ними предложения. Такой метод наиболее эффективный, потому что позволяет сократить объемы лексических минимумов.

Для активного запоминания лексики необходима ее высокая повторяемость, поэтому одни и те же слова включаются во все упражне-

ния и текст урока. Упражнения должны составляться по принципу нарастающей сложности. По многим из них (антонимы, синонимы) к упражнениям полезнее давать ключи.

На любом этапе обучения работа над лексикой должна быть многоаспектной и регулярной. Существуют общеизвестные методические приемы для запоминания новых слов:

- четкое определение семантики слова через контекст;
- подбор синонимов или антонимов;
- закрепление слова в лексиконе обучающихся посредством языковых и речевых упражнений;
- использование всех видов памяти (слуховой, зрительной, моторной, ассоциативной);
- постоянный контроль знаний лексики и умения ее использовать в устной и письменной речи.

Рассмотрим основные средства семантизации лексики.

Понятие семантизации включает в себя вопросы, связанные с определением значения нового слова посредством сложных мыслительных процессов, включающих анализ семантического поля, ассоциативного поля, внутренней и внешней формы слова, межъязыкового переноса.

Семантическое поле включает в себя анализ вербального (информационного) и невербального контекста (рисунки, схемы, таблицы). Контекстуальное поле может давать основание для определения точного значения слова или только его смысла, а иногда вовсе не несет смысловой нагрузки, особенно когда речь идет о терминологии. В таких случаях семантизация термина проводится посредством нахождения в тексте близких по значению слов и словосочетаний.

Анализ ассоциативного поля менее эффективен по сравнению с контекстуальным, но в некоторых случаях имеет право на существование. Он направлен на припоминание известного.

Выяснение значения слова может происходить за счет общности частей слова, ситуативных моментов, связанных с этим словом по звучанию, а также расположения слова в словаре. Иногда можно определить значение искомого слова в устойчивых словосочетаниях, выражениях.

Анализ внутренней формы слова основан на определении значения корня, а внешней формы – на определении часторечной принадлежности субъекта действия, класса значения, направленности действия.

В случае знания иноязычных корней используется межъязыковой перенос.

Главная трудность в овладении русской лексикой состоит в том, чтобы добиться использования лексических единиц в речи соответственно ситуации. Обучающийся должен научиться вспоминать слово, сочетать его с другими безотносительно к какой-либо ситуа-

ции. Затем эти связи «затренировываются» в различных ситуациях. Для этого нужно подбирать упражнения типа «Составьте...», «Расставьте...», «Сгруппируйте...», которые формируют у учащихся ассоциативные связи между словами, влекут за собой припоминание других необходимых для высказывания слов.

Использование паронимов вызывает трудности из-за частичного совпадения их значений или из-за разной сочетаемости и разного управления. Проблема их усвоения является одной из самых сложных в обучении лексике. Важно, чтобы каждое слово усваивалось учащимися не изолированно, а как системная единица, поэтому необходимо акцентировать внимание на тех связях, в которые данное слово вступает с другими словами.

Следует быть внимательным в отношении омонимов. Часто, услышав омоним, обучающиеся понимают его в ранее известном значении. Например, *лук* (овощ) и *лук* (оружие). Даже если слово было употреблено в точном значении, необходимо обращать внимание на наличие омонима. Нужно развивать языковую наблюдательность.

Особые затруднения при изучении языка вызывают абстрактная лексика и термины.

Внимание обучающихся должно быть обращено на разграничение сферы употребления слова (разговорный, научный, официальный, художественный стили), на многозначность и синтаксическую функцию данных слов.

На подготовительном отделении и продвинутом этапе обучения большое внимание уделяется терминам и профессиональной лексике.

Терминология представляет собой огромный лексический пласт языка науки, насчитывающий десятки тысяч терминов. Терминологическая лексика каждой специальности обозначает специальные научные понятия, концепты, которые формируют профессиональную языковую среду студента-инофона. Терминологическая лексика выполняет смыслообразующую и текстообразующую функцию. Термин выступает как своеобразный интегратор текста, объединяет и структурирует необходимые ему смысловые лексикограмматические единицы, обеспечивая целостность и логическую направленность текста. В этой связи вопросы семантизации терминов приобретают первостепенное значение. Так как термин – понятие точное, однозначное, для его семантизации целесообразно использовать систему терминообразовательных гнезд. Например: *собственность – частная собственность, государственная собственность, кооперативная собственность*. Терминообразовательные гнезда позволяют рассмотреть родо-видовые отношения между компонентами термина. Студенты воспринимают исходный производящий термин, а

затем весь составной термин. В сознании студента закрепляются условия и нормы сочетаемости данного составного термина. Продуктивной формой семантизации термина является словообразовательный анализ, в ходе которого студенты выделяют научный термин в речи, осознают механизм его образования. Эффективным при изучении терминологической лексики является синонимический способ семантизации, а также учет антонимических отношений. Например, можно объяснить значение термина, используя синонимы (*смола – терпентин, упорядоченность – системность*) или антонимы (*конкретный – абстрактный, натуральный – искусственный*).

Лексический материал распределяется по разного рода смысловым группам, охватывающим слова с общим денотативным и сигнификативным значением. На базе тематических групп слов с общим семантическим полем прослеживаются валентные синтаксические связи, выделяется терминологическое ядро семантического поля, подлежащее активному усвоению. При отборе терминологической лексики также нужно учитывать ее лингвистические особенности.

Следует отметить, что введение терминологической лексики в рамках ограниченного программой учебного времени обуславливает необходимость весьма четкого и обоснованного отбора тех групп терминов, которые являются наиболее ценными в овладении русским языком как средством получения знаний по специальности.

Структурный анализ терминологии показывает, что большинство терминов составляют термины-словосочетания, представляющие все структурные типы терминологического образования: двух-, трех-, четырех-, пяти- и более словных терминов.

Преподавателю-русисту необходимо иметь в виду, что термины, представленные словосочетаниями, являются мотивированными названиями единых нерасчлененных научных понятий и обладают всеми признаками отдельной лексемы: воспроизводимостью, целостностью значения, выполнением функции одного члена предложения. Термины-словосочетания могут быть атрибутивными (*банковский кредит*), именными (*продажа активов*) и отглагольными (*аккумулировать денежные средства*). Студенты должны понять механизм словообразования, чтобы в дальнейшем самостоятельно семантизировать терминологическую лексику. Для этого необходима продуманная система упражнений и заданий, направленных на распознавание, понимание и активизацию терминологической лексики.

В процессе овладения русским языком иностранные учащиеся знакомятся с культурой данной страны, ее историей, традициями, бытом. Следовательно, они встречаются с безэквивалентной лексикой, называющей объекты, харак-

терные для жизни одного народа и чуждые другому. Ее характерная черта – непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия. В таком случае семантизация дается в форме историко-страноведческого комментария, который влечет за собой знакомство с общественно-политической лексикой, большим количеством ономастической лексики (топонимов, антропонимов), с экспрессивно-эмоциональной лексикой. Имена и названия всегда играют особую роль. Собственные имена важны для общения. Они становятся опорными точками в межкультурной коммуникации, потому что их неправильное употребление приводит к нарушению взаимопонимания. С первых дней иностранные учащиеся знакомятся с антропонимами и паспортной номинацией, с официальным и уважительным общением. Затруднение вызывают слова с измененной номинацией, т. е. употреблением уменьшительных форм личных имен, обращенных к одному и тому же человеку (*Ольга, Оля, Оленька; Иван, Ваня, Ванечка, Ванюша* и др.).

Большие трудности для восприятия и понимания составляют слова и словосочетания с переносным значением на основе метафоры, метонимии или сходства функций, а также устойчивые словосочетания, пословицы.

Заключение. Хорошо направленная система работы позволит учащимся быстро активизировать и систематизировать свой словарный запас, научиться работе с лексикой, понять, где нужна логика, а где нужно выучить слова, как в математике таблицу умножения.

Осознанное овладение лексикой очень важно для дальнейшей самостоятельной работы с текстами.

Семантизация незнакомых слов может осуществляться различными способами с разной степенью достоверности и определенности.

Следует побуждать учащихся в большей мере к самостоятельному знакомству со словом. И это естественно, потому что всем, кто изучает иностранный язык, приходится постоянно работать над словом. Обучаемых необходимо обеспечить рациональными приемами работы. Они должны знать, что сначала надо исчерпать все указанные возможности текста, использовать анализ слова по составу и др. К переводу слова нужно обращаться в последнюю очередь.

Употребление слова не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей. Конечно, обучающиеся в один момент не в состоянии понять и осмыслить все многомерные слова, существующие в изучаемом языке, но овладение социокультурными языковыми знаниями и умение эффективно их использовать в коммуникации упростит усвоение лексического многообразия языка.

Поступила 07.03 2014

УДК 81'243

Н. Я. Савіцкая, старшы выкладчык (БДТУ)

ФАРМИРАВАННЕ НЕАБХОДНЫХ КАМПЕТЭНЦЫЙ У СВЯДОМАСЦІ ЗАМЕЖНЫХ НАВУЧЭНЦАЎ ПРЫ ВЫВУЧЭННІ РУСКАЙ МОВЫ ЯК ЗАМЕЖНАЙ

У артыкуле разглядаюцца кампетэнцыі, якія неабходна фарміраваць у навучэнцаў. Яны акрэсліваюць, чым трэба авалодаць навучэнцу, каб выкарыстоўваць мову ў якасці зносін, якія веды і ўменні неабходна засвоіць, каб зносіны былі паспяховымі. Зыходзячы з агульнаеўрапейскіх падыходаў, варта адзначыць, што ў сучасную методыку ўключаюцца новыя стратэгіі навучання, а ў практыку навучання – вынікі даследавання кагнітыўнай (пазнавальнай) лінгвістыкі, моўнай карціны свету, узаемадзеяння мовы і культуры.

The article dwells on competences which are necessary to be formed in consciousness of foreign students when studying Russian as a foreign language.

Competences describe the knowledge foreign students should have to use the language for successful communication. Under European approaches, it should be noted that modern language teaching methods comprise new strategies of teaching, and teaching practice should include results of investigations of cognitive linguistics, language picture of the world, interrelation of language and culture.

Уводзіны. У сувязі з развіццём сусветных інтэграцыйных працэсаў канцэпцыя шматмоўя становіцца ўсё больш важнай і актуальнай, а імкненне жыхароў планеты авалодаць адной або некалькімі замежнымі мовамі, каб выкарыстоўваць іх для камунікацыі і ўзаемадзейнага разумення, праяўляецца ўсё актыўней.

Вывучэнне любой мовы ў Еўропе звязваецца зараз з вывучэннем культуры. Прадметам навучання ў праграмах называецца не мова, а міжкультурная камунікацыя, а паняцце камунікатыўнай кампетэнцыі як канчатковай мэты навучання было пашырана: «камунікатыўная кампетэнцыя абавязкова ўключае здольнасць да разумення абмежаванасці сваёй уласнай культуры і сваёй уласнай мовы і ўменне пераключыцца пры сустрэчы з іншай культурай на іншыя моўныя і нямоўныя нормы паводзін» [1].

Асноўная частка. Пры навучанні рускай мове як замежнай, як і любой іншай замежнай мове, важна ведаць, якія кампетэнцыі варта фарміраваць у свядомасці навучэнцаў.

У найбольш поўнай форме акрэслены кампетэнцыі, якія неабходна фарміраваць у навучэнцаў, ў манаграфіі «Агульнаеўрапейскія кампетэнцыі валодання замежнай мовай: вывучэнне, выкладанне, ацэнка». Яна падрыхтавана пры падтрымцы Дэпартамента па моўнай палітыцы Генеральнага дырэктарата па адукацыі, культуры, спадчыне, моладзі і спорце, выдадзена ў Страсбургу ў 2001 г., перакладзена на рускую мову спецыялістамі Маскоўскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта ў 2003 г. і перададзена ў 2005 г. [2]. Гэтым дакументам пры навучанні замежным мовам кіруюцца ва ўсіх еўрапейскіх краінах, у тым ліку ў Расіі і ў Беларусі.

Манаграфія знаёміць выкладчыка з сістэмай навучання замежным мовам і шасціўзроўневай сістэмай ацэнкі авалодання мовай. Тут таксама

сфармуляваны асноўныя кампетэнцыі, якія неабходна фарміраваць ў працэсе навучання. Рэкамендацыі манаграфіі прапануюць аснову для распрацоўкі вучэбных праграм, экзаменацыйных матэрыялаў і інш. у рамках агульнаеўрапейскай моўнай прасторы.

Кампетэнцыі акрэсліваюць, чым неабходна авалодаць навучэнцу замежнай мовай, каб выкарыстоўваць яе ў мэтах зносін, якія веды і ўменні неабходна засвоіць, каб камунікацыя была паспяховай.

У манаграфіі выдзяляюцца агульныя кампетэнцыі і камунікатыўная моўная кампетэнцыя. Агульныя кампетэнцыі ўключаюць веды, уменні і экзістэнцыяльную кампетэнцыю, а таксама здольнасць вучыцца. Камунікатыўная моўная кампетэнцыя ўключае ўласна лінгвістычную (лексічную, граматычную, семантычную, фаналагічную), сацыялінгвістычную, прагматычную кампетэнцыі [3].

Разгледзім, што з'яўляецца зместам агульных кампетэнцый навучэнца.

Агульныя кампетэнцыі навучэнца ўключаюць дэкларатыўныя, сацыякультурныя і міжкультурныя веды, а таксама ўменні (практычныя і міжкультурныя).

Дэкларатыўныя веды

Агульныя веды пра свет

Карціна свету, якая сфарміравалася ў дарослага чалавека, адрозніваецца складанай арганізацыяй як у канцэптuallyным, так і ў моўным плане і дакладна суадносіцца са слоўнікам і граматыкай роднай мовы. Вывучаючы замежную мову, навучэнец павінен ведаць: пра населеныя пункты, грамадскія інстытуты і арганізацыі, прадметы, падзеі і інш.

Сацыякультурныя веды ахоплваюць *паўсвядзённае жыццё, умовы жыцця, асобныя адносіны, сістэму каштоўнасцей, пераканан-*

няў і адносін, мову жэстаў, правілы этыкету, звязаныя з аказаннем гасціннасці і нанясеннем візітаў: прыход, віншаванні, пунктуальнасць, падарункі, частаванне, правілы паводзін і размовы, забароненыя тэмы, працягласць візіту, развітанне і адыход.

У лік сацыякультурных ведаў уваходзіць і выкананне рытуалаў: рэлігійныя абрады; нараджэнне, уступленне ў шлюб, пахаванне; паводзіны ў грамадскіх месцах падчас цырымоній і прадстаўленняў; забаўляльныя відовішчы, танцы, фестывалі, дыскатэкі.

Міжкультурныя веды

Пад міжкультурнымі ведамі падразумяваюцца веды і разуменне падабенстваў і адрозненняў паміж культурай роднай для навучэнца краіны і краіны мовы навучання, а таксама веданне і разуменне рэгіянальнай і сацыяльнай разнастайнасці абедзвюх краін. Узбагачэнню міжкультурных ведаў навучэнца таксама садзейнічае веданне больш шырокага кола сусветных культур. Акрамя аб'ектыўных ведаў, міжкультурныя веды ўключаюць уяўленні адзін аб адным, якія традыцыйна існуюць у носьбітаў абедзвюх культур і часта працягваюцца ў форме нацыянальных стэрэатыпаў.

Зыходзячы з гэтых патрабаванняў да міжкультурных ведаў, выкладчык рускай мовы як замежнай, прыступаючы да заняткаў у групе, павінен адказаць на наступныя пытанні:

– якімі сацыякультурнымі ведамі і вопытам павінен валодаць навучэнец, які прыступае да вывучэння мовы?

– якімі новымі сацыякультурнымі ведамі пра сваю краіну і краіну мовы навучання павінен авалодаць навучэнец для ажыццяўлення камунікацыі на мове навучання?

– што неабходна ведаць навучэнцу пра адносіны паміж роднай і іншамоўнай культурамі для развіцця адекватнай міжкультурнай кампетэнцыі?

Уменні і навыкі

Практычныя ўменні і навыкі ўключаюць навывкі грамадскага жыцця: уменне дзейнічаць у адпаведнасці з традыцыямі дадзенага культурнага кантэксту і выконваць стандартныя для дадзенай сітуацыі працэдуры ў адпаведнасці са сваім статусам прадстаўніка іншай культуры; навыкі і ўменні паўсядзённых паводзін: уменне паспяхова ажыццяўляць звычайныя паўсядзёныя працэдуры (выкананне асабістай гігіены, прыгатаванне і прыём ежы і г. д.); прафесіянальныя навыкі і ўменні і г. д.

Міжкультурныя навыкі і ўменні абазначаюць: здольнасць суадносіць сваю ўласную і іншамоўную культуры; успрымальнасць да розных культур; уменне выступаць у ролі пасрэдніка паміж прадстаўнікамі сваёй і іншамоўнай культур і эфектыўна ліквідаваць недастатковае

разуменне і канфліктныя сітуацыі, выкліканыя міжкультурным адрозненнем; уменне пераадолюваць сфарміраваныя стэрэатыпы.

У гэтым выпадку варта адказаць на наступныя пытанні:

– якія ролі і функцыі міжкультурнага пасрэдніцтва прыйдзеца выконваць навучэнцу ў будучым?

– якія асаблівасці роднай і іншамоўнай культуры павінен ведаць навучэнец?

– якімі спосабамі можна далучыць навучэнцаў да іншамоўнай культуры?

– ці будзе ў навучэнца магчымасць выступаць у ролі міжкультурнага пасрэдніка? У якіх сітуацыях?

Экзістэнцыяльная кампетэнцыя

Камунікатыўная дзейнасць навучэнца залежыць не толькі ад атрыманых ведаў, уменняў і навыкаў. Яна таксама знаходзіцца пад уплывам асобных фактараў, якія вызначаюцца індывідуальнасцю чалавека. Індывідуальнасць чалавека характарызуецца яго поглядамі, матывацыямі яго ўчынкаў, каштоўнасцямі, перакананнямі, тыпам пазнавальнай здольнасці, тыпам асобы.

Усё гэта ў цэлым складае экзістэнцыяльную кампетэнцыю, а іменна:

– *погляды і адносіны прадугледжваюць:* адкрытасць для ўспрыняцця новых уражанняў, новых людзей, ідэй, грамадстваў, культур і цікавасць да іх; гатоўнасць некалькі змяніць сваё культурнае ўспрыняцце і ўласную сістэму каштоўнасцей; здольнасць і гатоўнасць адысці ад стэрэатыпаў у адносінах да культурных адрозненняў;

– *матывацыя:* інтуіцыя / абдуманасць; мова як сродак / мова як аб'яднальны фактар; патрэбнасць у зносінах;

– *каштоўнасці,* напрыклад, эстэтычныя і маральныя (духоўныя);

– *перакананні,* напрыклад, рэлігійныя, ідэалагічныя, філасофскія;

– *тып пазнавальнай здольнасці:* канвергентны / дывергентны; цэласны / аналітычны / сінтэтычны;

– *асобныя якасці:* гаварлівасць / стрыманасць; прадпрымальнасць / нясмеласць; аптымізм / песімізм; інтравертнасць / экстравертнасць; імкненне падтрымліваць / супрацьстаяць новым ідэям; крытычныя адносіны да сябе / да навакольных / пачуццё беспакоранасці; бескампраміснасць / падатлівасць; адкрытасць / скрытасць; раскаванасць / самакантроль і інш.

Пазнавальныя здольнасці

У найбольш шырокім сэнсе пад здольнасцю вучыцца разумеецца ўменне ўдзельнічаць у новых відах дзейнасці і інтэграваць новую інфармацыю ва ўжо набытую сістэму ведаў, мадыфікуючы апошнюю ў выпадку неабходнасці. Здольнасць вучыць мову развіваецца ў працэсе на-

вучання і дазваляе індывіду больш эфектыўна і самастойна пераадолюваць цяжкасці, якія ўзнікаюць у працэсе навучання, ведаць спосабы іх вырашэння і паспяхова выкарыстоўваць магчымасці, якія маюцца. Здольнасць вучыцца ўключае:

– *разуменне механізмаў мовы і працэсу камунікацыі і агульныя фанетычныя навукі і ўменні;*

– *вучэбныя ўменні:* уменне эфектыўна выкарыстоўваць магчымасці, якія ўзнікаюць у працэсе навучання, напрыклад: уважліва ўспрымаць дадзеную інфармацыю; усведамляць канчатковую мэту пастаўленай задачы; эфектыўна працаваць парамі і ў групах; выкарыстоўваць наяўныя матэрыялы для самастойнай работы; выкарыстоўваць на практыцы вивучаны матэрыял; уменне падбіраць і выкарыстоўваць матэрыялы для самастойнага навучання; веданне сваіх моцных і слабых бакоў і інш.;

– *эўрыстычныя ўменні:* здольнасць навучэнца пазнаваць новае (новых людзей, новую манеру паводзін і г. д.) і выкарыстоўваць іншыя кампетэнцыі ў вучэбных сітуацыях; уменне карыстацца новымі інфармацыйнымі тэхналогіямі (напрыклад, працаваць з базамі даных, з сістэмай інтэртэкст і г. д.).

Сацыялінгвістычная кампетэнцыя

У сацыялінгвістычную кампетэнцыю ўваходзяць веды і ўменні, неабходныя для эфектыўнага выкарыстання мовы ў сацыяльным кантэксце.

Паколькі мова адносіцца да сацыякультурных з'яў, сацыякультурны аспект мае немалаважнае значэнне.

Сюды можна аднесці лінгвістычныя маркеры сацыяльных адносін, нормы ветлівасці, выражэнні народнай мудрасці, рэгістры зносін, дыялекты і акцэнты.

Ва ўсіх мовах ёсць выразы, якія абагульняюць шматвекавы вопыт народа і з'яўляюцца важнай часткай яго культуры. Яны часта выкарыстоўваюцца або абыгрываюцца ў маўленні (напрыклад, у газетных загаловах). Такія выразы з'яўляюцца важным моўным кампанентам сацыякультурнай кампетэнцыі. Сюды адносяць прыказкі, ідыёмы, крылатыя выразы, прыкметы, графіцы, надпісы на футболках, запамінальныя фразы з тэлеперадач, розныя плакаты і інш.

Надзвычай важна пазнаёміць замежніка з рэгістрамі зносін, такімі як нейтральны, нефармальны, размоўны, інтымны, афіцыйны, урачысты.

На ранніх этапах навучання рэкамендуецца выконваць нейтральны рэгістр (адхіленне магчыма ў выпадках крайняй неабходнасці). Менавіта ў нейтральным рэгістры звычайна праходзяць зносіны паміж носбітамі мовы і замежнікамі або незнаёмымі людзьмі. Знаёмства з больш

фармальнымі або больш фамільярнымі рэгістрамі можа адбывацца на больш позніх этапах.

Сацыялінгвістычная кампетэнцыя таксама ўключае здольнасць распазнаваць моўныя асаблівасці чалавека з пункту гледжання яго сацыяльнай прыналежнасці, месца пражывання, паходжання, этнічнай прыналежнасці, роду заняткаў і г. д.

Заклучэнне. Як бачна з вышэй адзначаных кампетэнцый, сучасны этап развіцця метадыкі характарызуецца тым, што «чыстая» метадыка адыходзіць у мінулае поруч са з'яўленнем новых стратэгий навучання, такіх як камунікатыўна-дзейнасны, асобасна-арыентаваны, сацыякультурны і інш. падыходы. У практыку выкладання рускай мовы як замежнай уключаюцца вынікі даследаванняў кагнітыўнай лінгвістыкі, моўнай карціны свету, узаемадзеяння мовы і культуры.

Пры вызначэнні моўнай палітыкі ўлічваецца ўсе тры іпастасі: гісторыя, цяперашні час і будучыня. Выдзяленне ж толькі адной з іх, на думку спецыялістаў, парушае саму сутнасць мовы, якая захоўвае ў сабе гісторыю. Таму літаратура і культура краіны мовы навучання з'яўляюцца неад'емнымі часткамі зместу навучання замежным мовам у Еўропе на ўсіх узроўнях.

У сувязі з гэтым у цяперашні час гаворка ідзе пра посткамунікатыўную фазу развіцця ў метадыцы навучання замежным мовам, для якой характэрна кагнітыўная (пазнавальная) арыентацыя. У якасці мэты навучання вылучаецца не столькі камунікатыўная, колькі сацыяльная, міжкультурная кампетэнцыя, якая, несумненна, уключае у сябе і камунікатыўную. Такім чынам, робячы праекцыю на вивучэнне ў Беларусі рускай мовы як замежнай, можам сказаць, што гаворка ідзе пра пашырэнне мэтай навучання, якія ўключаюць у сябе не толькі мову, але і культуру Беларусі і Расіі ў шырокім сэнсе слова.

Літаратура

1. Бердический А. Л., Соловьёва Н. Н. Говорите и пишите стильно!: учеб. пособие для иностранных учащихся / под общей ред. А. Л. Бердического. М.: Русский язык. Курсы, 2011. С. 7.

2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Страсбург, 2001 (французская и английская версии). – МГЛУ, 2003, 2005 (русская версия). С. 3.

3. Крючкова, Л. С. Мощинская Н. В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 37.

Пастуніў 11.03..2014

УДК 37.091.39

Д. В. Старченко, старший преподаватель (БГТУ)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Вопросы коммуникативного обучения иностранному языку в системе профессионального образования приобрели особое значение в условиях возрастания значимости иностранных языков, вызванных тенденциями глобализации и интернационализации в последние десятилетия. Ориентация на новые цели образования требует изменения методов и форм организации учебного процесса. Преподаватель иностранного языка должен владеть современной технологией преподавания, используя интерактивные технологии, которые особенно целесообразны при ускоренном обучении студентов иностранному языку. Сочетание традиционных интенсивных методик обучения и современных интерактивных методов является важным условием эффективного обучения иностранному языку в вузе.

Problems of communicative teaching in vocational education have gained prominence in the conditions of growing importance of foreign languages in recent decades as a result of globalization and internationalization. Orientation to new goals in education requires the change of methods and forms in academic activity. A language teacher should master modern methods of teaching, using interactive technologies, which are particularly suitable for intensive teaching of students. The combination of the traditional intensive teaching technology and modern interactive methods is important for the effective teaching of foreign languages in higher schools.

Введение. Интерактивный метод («inter» – это взаимный, «act» – действовать) – означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо. Другими словами, в отличие от активных методов интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие обучаемых не только с преподавателем, но и друг с другом и на доминирование активности учащихся в процессе обучения. Место преподавателя в интерактивных занятиях сводится к направлению деятельности студентов на достижение целей занятия.

Занятия, проведенные в интерактивном режиме, позволяют включить всех учащихся в активную работу, обеспечить каждому студенту посильное участие в решении проблем. В результате слабые обретают некоторую уверенность в собственных силах, сильные ощущают пользу, помогая товарищам понять материал. Если при традиционной системе обучения преподаватель и учебник были основными и наиболее компетентными источниками знаний, то при новой парадигме преподаватель выступает в роли организатора самостоятельной познавательной деятельности учащихся, компетентным консультантом и помощником, знания же студенты получают в результате своей активной познавательной деятельности. В процессе работы в интерактиве у них формируются коммуникативные навыки, способность к сотрудничеству и взаимодействию, развивается критическое мышление, что является необходимым для их будущей профессиональной деятельности.

Основная часть. Современная педагогическая наука богата целым арсеналом интерактивных подходов, среди которых можно выделить следующие: творческие задания; работа в малых

группах; обучающие игры (ролевые игры, имитации, деловые игры и образовательные игры); проектная методика (социальные проекты, соревнования, радио и газеты, фильмы, выставки, представления); разминки; изучение и закрепление нового материала (интерактивная лекция, работа с наглядными пособиями, видео- и аудиоматериалами, «студент в роли преподавателя», «каждый учит каждого», мозаика (ажурная пила), использование вопросов, Сократический диалог); обсуждение сложных и дискуссионных вопросов и проблем («Шкала мнений», ПОПС-формула, проективные техники, «Один – вдвоем – все вместе», «Смени позицию», «Карусель», «Дискуссия в стиле телевизионного ток-шоу», дебаты, симпозиум); разрешение проблем («Дерево решений», «Мозговой штурм», «Анализ казусов», «Переговоры и медиация», «Лестницы и змейки»); кластер, сравнительная диаграмма, пазл, целенаправленное чтение и ряд других. [1]

Остановимся подробнее на некоторых методических приемах.

Прием «**Фишбоун**» (в переводе «рыбный скелет»).

Студенты передают содержание прочитанного или изученного материала по следующему образцу: голова – вопрос темы, верхние косточки – основные понятия темы, нижние косточки – суть понятия, хвост – ответ на вопрос. Записи должны быть краткими, представлять собой ключевые слова или фразы, отражающие суть.

Прием «**ПОПС-формула**». По-английски он пишется следующим образом: PRES-formula (Position-Reason-Explanation-Example-Summary). В результате перевода получилась аббревиатура *ПОПС*. Ценность этого технологического приема заключается в том, что он позво-

ляет учащимся кратко и всесторонне выразить собственную позицию по изученной теме. В данном случае студентам предлагается написать четыре предложения, отражающие следующие четыре момента ПОПС-формулы: **П** – позиция; **О** – объяснение (или обоснование); **П** – пример; **С** – следствие (или суждение). При оценке данного метода отмечается, каким критериям соответствует или не соответствует выступление того или иного студента. Например, позиция сформулирована ясно, кратко, доступным для понимания аудитории языком и т. п. В объяснении имеются ссылки на общественные ценности, законы и т. п. Объяснение поддерживает заявленную позицию, является убедительным. Пример вызывает всеобщий интерес, является общественно значимым. В нем есть ссылки на источники – газеты, мнения экспертов, личный опыт. Пример дает достаточное, но не избыточное количество деталей. В суждении кратко повторена суть позиции, подведен итог выступлению, предложены конкретные действия для решения проблемы.

Прием «**INSERT**» (в переводе «интерактивная размечающая система эффективного чтения и размышления»). При работе с текстом студенты разбиваются на группы. Каждый получает для разработки подтему или часть текста. Предлагается сделать пометки на полях («V» – уже знал, «+» – новое, «←» – думал иначе, «?» – не понял, есть вопросы). Затем идет обмен информацией и обсуждение в группе. По пройденной теме отчитывается вся команда.

Прием «**Каждый учит каждого**». Студенты учат друг друга в парах сменного состава. Преподаватель заранее готовит карточки по количеству участников. На них пишутся определение понятий, описание концепций, факты и т. д. (до 5 предложений). Каждый участник получает карточку, которую он должен внимательно прочитать. Преподаватель, со своей стороны, должен убедиться, что всем понятен смысл текста. Принцип проведения: каждый попеременно является преподавателем и обучаемым. Каждый участник должен объяснить другому ту информацию, которая содержится в его карточке, а также убедиться, что собеседник понял и запомнил новый материал (спросить, что непонятно, попросить пересказать суть новой информации). Каждый участник свободно передвигается по аудитории. Затем студенты меняются ролями. Беседа каждой пары продолжается 2–3 минуты, затем участники расходятся, образуя новые пары. Задача студента – обучить как можно больше людей и самому усвоить как можно больше информации.

Прием «**Идейная карусель**». Каждому члену микрогруппы (4–5 человек) раздается чис-

тый лист бумаги и всем задается один и тот же вопрос. Без словесного обмена мнениями все студенты записывают на своих листках бумаги формулировки ответов. Затем они обмениваются листами. При получении листка с записями каждый участник группы должен сделать новую запись, не повторяя имеющиеся. Затем студенты обсуждают ответы между собой и выделяют наиболее важные или точные формулировки. В заключение все микрогруппы обмениваются между собой результатами в пленуме.

Прием «**Диктант значений**». Описание: прием экстраактивного обучения. Интересный способ словарного диктанта, когда преподаватель диктует не слова, а их значения. Студенты должны по значениям определить слова и написать их. Этот прием требует от студентов наличия определенного словарного запаса и выполнения разнообразных лексических упражнений на подготовительном этапе.

Прием «**mindmap**» (в переводе памятка, ассоциограмма). К основному понятию темы студенты добавляют различные пояснения, определения, детали, составные части таким образом, чтобы получилась развернутая схема с указанием взаимосвязи между различными элементами схемы. Возможности использования данного приема: при систематизации, повторении пройденного; при работе с текстом; при введении в тему; при контроле.

Нужно помнить о некоторых правилах организации интерактивного обучения.

1. В работу должны быть вовлечены в той или иной мере все участники образовательного процесса. С этой целью полезно использовать технологии, позволяющие включить всех участников семинара в процесс обсуждения.

2. Надо позаботиться о психологической подготовке участников. Речь идет о том, что не все, пришедшие на занятие, готовы к непосредственному включению в те или иные формы работы. Сказывается известная закрепощенность, скованность, традиционность поведения. В этой связи полезны разминки, постоянное поощрение студентов за активное участие в работе, предоставление возможности для самореализации.

3. Правило третье. Обучающихся в технологии интерактива не должно быть много. Количество участников и качество обучения могут оказаться в прямой зависимости. Важно, чтобы каждый был услышан, каждой группе была предоставлена возможность выступить по проблеме.

4. Правило четвертое. Относитесь со вниманием к подготовке помещения для работы. Аудитория должна быть подготовлена с таким расчетом, чтобы участникам было легко пересаживаться для работы в больших и малых группах. Для студентов в помещении должен

быть создан определенный комфорт. Столы лучше поставить так, чтобы каждый студент имел возможность обращаться к малой группе. Хорошо, если заранее будут подготовлены материалы, необходимые для творческой работы.

5. Правило пятое. Проговорите со студентами процедуру проведения занятия и регламент выступления. Полезно напомнить о том, что все участники должны проявлять терпимость к любой точке зрения, уважая право каждого на свободу слова.

6. Правило шестое. Поделите участников семинара на группы. Первоначально его лучше построить на основе добровольности. Затем уместно воспользоваться принципом случайного выбора. [2]

В последние годы наиболее универсальным техническим средством обучения стали электронные интерактивные доски. Интерактивные доски – это эффективный способ внедрения электронного содержания учебного материала и мультимедийных материалов в процесс обучения, обеспечивающий мотивацию учащегося на активную плодотворную деятельность. Заранее подготовленные тексты, таблицы, картинки, музыка, карты, тематические видеофрагменты позволяют эффективно подать материал, проводить занятие динамично, используя различные стили обучения, развивают творческую активность, увлечение предметом, что в конечном счете обеспечивает эффективность усвоения иностранного языка.

Интерактивная доска позволяет осуществлять:

- активное комментирование материала: выделение, уточнение, добавление информации посредством электронных маркеров с возможностью изменить цвет и толщину линии;
- одновременную работу с текстом, графическим изображением, видео- и аудиоматериалами;

– стимулирование развития мыслительной и творческой активности студентов и работу всей группы при существенной экономии времени.

Значительную помощь преподавателям иностранного языка в подготовке интерактивных заданий оказывают учебные материалы, имеющиеся на сайте www.youtube.com.

Заключение. Использование интерактивной модели обучения предусматривают моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, совместное решение проблем. Исключается доминирование какого-либо участника учебного процесса или какой-либо идеи.

Из вышеизложенного следует, что использование интерактивных методов обучения позволяет сделать обучающегося активным участником педагогического процесса, формировать и развивать познавательную активность студента. Применение интерактивных методов содействует формированию творческой, активной личности, способной меняться в меняющемся мире.

В ходе подготовки занятия на основе интерактивных форм обучения перед преподавателем стоит задача выбора наиболее эффективной формы обучения для изучения конкретной темы, открывается возможность сочетать несколько методов обучения для решения проблемы, что способствует лучшему осмыслению материала студентами.

Литература

1. Щукин А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: учеб. пособие. М.: Филоматис, 2008. 188 с.
2. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения. Минск: Белорусский верасень, 2005. 176 с.

Поступила 15.03.2014

УДК 378.147:811

О. А. Рогова, заведующая сектором международной деятельности,
старший преподаватель (БГТУ)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается академическая мобильность как часть интернационализации образования и интеграции университета в мировое образовательное и научное пространство. Описаны аспекты международной деятельности БГТУ, способствующие интернационализации университета, а также участие преподавателей, магистрантов и студентов в программах академической мобильности. Подчеркивается важность владения иностранными языками для данного вида деятельности. Подробно рассмотрены виды мотивации к изучению иностранных языков, способы ее повышения, а также факторы, повышающие и понижающие мотивацию. Сформулированы рекомендации по построению учебных курсов и занятий по иностранному языку с целью повышения эффективности языковой подготовки.

The article focuses on academic mobility of university students and teachers as an integral part of globalization of education and integration of the university into the world education and research area. It describes the aspects of the BSTU international activity which encourage its globalization. Academic mobility of teachers and students is outlined as well as their participation in international programs and projects. Special emphasis is placed on foreign language proficiency of the actors of academic exchange programs. The article gives the description of motivated language learning, types of motivation and ways of improving the motivation to language learning as well as main positive and negative factors affecting it. Some recommendations are given as to the foreign language classroom management in order to increase the efficiency of language learning.

Введение. Интеграционные процессы, происходящие в мировом сообществе во всех сферах человеческой деятельности, затронули также систему высшего образования. В настоящий период формируется единое мировое образовательное пространство, которое предполагает рост мобильности студентов и сотрудничества преподавателей университетов разных стран, что будет способствовать достижению успехов в выбранной профессии, улучшению системы трудоустройства выпускников университетов, повышению статуса этих стран в сфере образования.

Соответственно одним из основных условий организации мобильности студентов наряду с учебно-организационными мероприятиями, партнерскими вузами, осуществлением информационной поддержки является обеспечение адекватной языковой поддержки. При этом в рамках интенсификации межкультурных связей особое значение приобретает развитие межкультурной коммуникативной компетенции, включающей в себя не только базовые языковые и речевые навыки, но и знакомство с нравами и обычаями страны изучаемого языка.

Основная часть. Белорусский государственный технологический университет ставит перед собой большие цели в плане развития международного сотрудничества. Так, в программе развития университета планируется к 2015 году увеличение количества иностранных студентов в 2,2 раза по сравнению с 2011г., постепенное увеличение студентов, участвующих

в программах академической мобильности на протяжении курса обучения, увеличение количества преподавателей и административных работников, владеющих иностранными языками. Направленность на достижение таких серьезных целей подтверждает приверженность университета интернационализации образования.

Под интернационализацией образования понимается включение различных международных аспектов в научно-исследовательскую, преподавательскую и административную деятельность образовательных учреждений различных уровней.

Процесс интернационализации затрагивает:

– студентов: набор иностранных студентов, организация обменных программ, а также индивидуальной студенческой мобильности;

– профессорско-преподавательский состав: обмен преподавателями, совместные научно-исследовательские программы, стажировки в зарубежных университетах, создание совместных учебных программ;

– вопросы сертификации, признания и оценки: выдача «двойных» дипломов, система зачетных единиц, международное признание документов об образовании, оценка качества образования;

– международное сотрудничество: заключение двусторонних договоров о сотрудничестве в сфере образования, науки и инновационной деятельности, реализация совместных научно-исследовательских проектов в сотрудни-

честве с зарубежными партнерами, участие студентов, профессорско-преподавательского состава и администрации университета в международных проектах в рамках программ Horizon 2020, Erasmus+, DAAD, Baltic Sea Region, Cross-Border Cooperation Programmes, консультационные и информационные службы.

За последние годы возросло количество студентов БГТУ, принимающих участие в академической мобильности. Так, начиная с 2012 г., студенты лесохозяйственного факультета регулярно проходят включенное обучение в течение одного семестра в Каунасском университете прикладных наук по лесному хозяйству и инженерии окружающей среды. Кроме того, студентам предоставляются стипендии Чунцинского технического университета (КНР) на изучение китайского языка в течение одного года, стипендии Фонда образовательных программ Литовской Республики на обучение в университетах Литвы. При финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь магистранты БГТУ, демонстрирующие высокую академическую успеваемость и навыки научно-исследовательской работы, ежегодно проходят стажировку сроком от одного до трех месяцев в ведущих вузах России, Украины, Польши, Литвы, Латвии и других стран. Непосредственными участниками академической мобильности являются также магистранты, обучающиеся в дистанционной форме по программе «Управление недвижимостью», реализуемой Белорусским государственным технологическим университетом совместно с Вильнюсским техническим университетом имени Гедиминаса (Литва), где обучение реализуется на базе обоих университетов на русском и английском языках одновременно с последующей выдачей двух дипломов – белорусского, признаваемого в том числе в странах СНГ, и литовского, признаваемого в странах ЕС.

Международная мобильность профессорско-преподавательского состава обеспечивается за счет того, что организуется обмен преподавателями для чтения лекций и проведения семинарских занятий. Наряду с этим существует также и межвузовская мобильность. Для проведения лекционных и практических занятий в институт приезжают профессора ведущих зарубежных вузов. Кроме того, преподавателями БГТУ ежегодно совершается более 200 зарубежных поездок с целью участия в международных научно-технических мероприятиях (форумы, конференции, семинары, симпозиумы, круглые столы), для обмена опытом, проведения консультаций, прохождения стажировок, участия в культурно-образовательных поездках и др.

Одной из самых серьезных причин, тормозящих интернационализацию образования в целом и развитие академической мобильности в частности, признается недостаточный уровень иноязычной коммуникативной компетенции: критическое число студентов и преподавателей имеют уровень владения иностранным языком, достаточным для участия в программах академической мобильности и других международных проектах; недостаточное число дисциплин и образовательных программ реализуется на иностранных языках.

Дисциплина «Иностранный язык» обязательна для студентов всех специальностей университета. Кроме того, в БГТУ создан и работает Центр языковой подготовки, приглашаются специалисты соответствующего профиля, носители языка. Студенты могут повышать уровень владения иностранным языком, посещая языковые курсы для общих и специальных целей. Мотивация студентов к изучению иностранного языка резко возрастает в процессе вовлечения их в различные межкультурные мероприятия. Встречи с иностранными студентами на молодежных научно-практических конференциях, в процессе реализации социально значимых проектов не только расширяют кругозор и открывают мир по-новому, но и раскрывают потенциал интернационализации для развития профессиональных компетенций.

Преподаватели, в свою очередь, улучшают уровень владения иностранным языком, посещая языковые курсы для общих и специальных целей и работая с консультантами, которые помогают им переводить содержание дисциплины на английский язык.

Процесс обучения предлагается строить на основе интеграционной модели курса языковой подготовки с учетом мотивации данной целевой аудитории.

Существуют первичная и вторичная мотивации при изучении иностранного языка, причем необходимо проводить оценку уровней мотивации и анализировать комплекс факторов, повышающих мотивацию участников программ академической мобильности к изучению иностранного языка. Академическая мобильность имеет различные краткосрочные и долгосрочные формы, и, как следствие, на практике требуются различные по интенсивности, длительности и содержанию программы обучения иностранному языку.

Одним из наиболее важных стрессовых или деструктивных признаков на занятиях по иностранному языку является отсутствие мотивации и интереса к занятию. Причина, как правило, кроется в отсутствии мотивированного напряжения внимания во время занятия. Традиционно под мотивацией понимают процесс дей-

ствия мотивов, где мотив есть побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей человека; совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность к определенным ценностям, интересам и идеалам.

Мотивацию к освоению предмета, в том числе иностранного языка, определим как успешную реализацию / активацию внутренних мотивов обучаемого к освоению знаний и к получению компетенций. При изучении иностранного языка весьма показательной является разница между оперативной мотивацией (первичной) и функциональной (вторичной) мотивацией. Данные разновидности мотивации по-разному проявляются у каждого конкретного учащегося и должны быть проанализированы в каждом случае индивидуально.

Рассмотрим далее факторы, которые создают или повышают мотивацию, а также факторы, которые в равной степени могут стать причиной потери мотивации на занятиях иностранного языка.

Кроме способности к изучению иностранного языка, ключевой составляющей при обучении является мотивация, которая по своей сути всегда целенаправленна. Срок ее действия истекает, когда цель будет достигнута, или уменьшается, когда цель становится труднодостижимой. Следовательно, учебные цели в изучении иностранного языка должны быть прозрачными и практически осуществимыми, к тому же при частых переживаниях неудач первоначально имеющаяся оперативная мотивация будет сведена к нулю. Заниженные или повышенные требования могут негативно отразиться на мотивации, вплоть до ее уничтожения.

Для освоения определенных речевых конструкций часто требуется продолжительный период. Допускается, что грамматические (структурные) и лексические компоненты учебных курсов не должны быть слишком сложными. Редко употребляемые структуры могут быть пропущены. Занятия по иностранному языку должны быть разбиты на замкнутые в себе отдельные учебные цели (задачи), которые легко достичь в короткий срок. Более частый успех в обучении повышает мотивацию. В итоге можно избежать потери мотивации благодаря преимуществу реалистичных, дифференцированных заданий.

Эффективность учебной деятельности учащихся тем выше, чем большее место в структуре мотивов занимает познавательный интерес и

практическая значимость учебного материала. В связи с этим для повышения и сохранения мотивации обучения в условиях языковой подготовки к иноязычной коммуникации для участия в программах академической мобильности определены следующие факторы: постановка реалистичных учебных целей, использование учебного материала по выбору обучаемого, внедрение интерактивных методов обучения, активное использование информационных технологий, создание оптимальных педагогических условий. Учет факторов, повышающих вторичную (функциональную) мотивацию, позволяет достичь положительных результатов и эффективности языковой подготовки участников академической мобильности при обучении иностранному языку.

Заключение. Академическая мобильность является неотъемлемой частью интернационализации образования в современных условиях и важным аспектом развития международной деятельности университета и повышения его конкурентоспособности в международном образовательном и научном пространстве. Участие в программах академической мобильности и международных проектах требует языковой подготовки, поэтому на вузовском уровне организуются курсы иностранного языка, которые способствуют улучшению языковых умений и преодолению языкового барьера как у студентов, так и у преподавателей, а также развитию мотивации к изучению иностранного языка и языковых компетенций на профессиональноориентированном уровне.

Литература

1. Маслова Г. Г. Языковое пространство вуза как фактор эффективности академической мобильности // Вестник Псковского государственного университета. Псков: ПГУ, 2013. Выпуск № 3. С. 177–182
2. Арсеньев Д. Г., Богданова Н. В., Назарова А. В. Формирование профессионально-ориентированных программ в рамках международного образования // Труды СПбГТУ. СПб., 2009. № 509. С. 3–8.
3. Gardner R. C., Lambert W. E. Attitudes and motivation in Second Language Learning / Newbury House, 1972. P. 40–48.
4. Kron Friedrich W. Grundwissen Didaktik / Auflage. Ernst Reinhardt Verlag, München, Basel, 2008. S. 135–141.

Поступила 15.03.2014

УДК 37.091.64

Т. С. Коженец, преподаватель (БГТУ)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ЦЕНТРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ БГТУ
И АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО РАБОТЫ**

В статье рассматривается проблема обеспечения эффективного обучения иностранному языку, которое является сегодня актуальной задачей высшей школы. Организация обучения студентов и преподавателей иностранному языку в Центре языковой подготовки направлена на повышение качества языкового образования в БГТУ. Автор статьи формулирует цели и задачи работы Центра языковой подготовки, а также подробно останавливается на главных аспектах перспективных направлений его деятельности. Автор аргументирует необходимость использования эффективных коммуникативных методик преподавания и активного внедрения инновационных технологий в процесс обучения, освещает подходы к оценке уровня иноязычной коммуникативной компетенции слушателей Центра. Отдельное внимание уделено содержанию программ обучения и вопросам расширения спектра предлагаемых курсов.

The article touches upon the problem of providing effective teaching of foreign languages, which is an urgent task of higher education today. Organization of training of students and teachers of foreign languages in Language Training Center aims to improve the quality of language education in BSTU. The author of the article formulates the goals and objectives of the Centre of language training, as well as provides the details of the key aspects of perspective directions of its activity. The author explains the necessity of usage of effective communication techniques of teaching and active implementation of innovative technologies in the process of teaching, highlights approaches to assessing the level of foreign language communicative competence of students of the Centre. Special attention is paid to the content of training programs and how to increase the spectrum of courses offered.

Введение. В эпоху глобализации всех сфер общественной жизни изучение иностранных языков представляется чрезвычайно актуальным. Иностранные языки стали одним из главных факторов как социально-экономического, так и общекультурного прогресса общества. Иностранный язык выполняет огромную роль в формировании личности и повышении образования, ведь с помощью него можно получить непосредственный доступ к духовному богатству другой страны, получить возможность непосредственной коммуникации с представителями других народов. Поэтому неудивительно, что в последнее время в нашей стране существенно вырос интерес к иностранным языкам, главным образом – к английскому. Теперь знание двух и более языков – это несомненный атрибут любого современного высокообразованного человека. Владение иностранным языком стало настоящей потребностью, без него уже невозможно устроиться на высокооплачиваемую работу и построить успешную карьеру. Расширение международного сотрудничества и международных контактов требуют сегодня более глубокого владения иностранным языком.

Однако обеспечение эффективного обучения иностранному языку продолжает оставаться актуальной задачей высшей школы. Все вузы нашей страны призваны обеспечить готовность своих выпускников использовать иностранный язык как средство делового и межличностного общения и всестороннего информационного обмена в сфере их профессиональной деятельно-

сти. Сегодня остро стоит вопрос о качественной языковой подготовке специалистов, профессионально владеющих иностранными языками в целях осуществления межъязыковой межкультурной коммуникации.

Основная часть. С целью повышения уровня владения иностранными языками преподавателями, сотрудниками и студентами нашего университета в 2010 году был создан Центр языковой подготовки. Работа Центра направлена на формирование в БГТУ специальной образовательной среды, основанной на интенсификации процесса обучения иностранным языкам с использованием современных активных форм и методов обучения.

Обучение в Центре языковой подготовки направлено на формирование умений пользоваться иностранным языком для повседневного общения и достижения профессиональных коммуникативных целей, совершенствование коммуникативных умений, обогащение словарного запаса и подготовку к межкультурному взаимодействию.

Перспективные направления нашей деятельности по совершенствованию качества языкового образования в БГТУ включают в себя:

- использование новейших эффективных коммуникативных методик преподавания;
- изучение и обобщение отечественного и зарубежного опыта;
- использование новейших учебных пособий издательств Oxford University Press, Cambridge University Press, Hueber, Langenscheidt;

- активное внедрение инновационных технологий в процесс обучения;
- интенсивное погружение в языковую среду;
- активное использование аудио-, видео- и интернет-ресурсов при проведении каждого занятия;
- усиление практико-ориентированной составляющей языковой подготовки слушателей;
- текущая и итоговая оценка уровня иноязычной коммуникативной компетенции слушателей Центра в виде многокомпонентного тестирования и устной беседы;
- мониторинг потребностей потенциальных слушателей и систематическое обновление содержания программ предлагаемых курсов;
- регулярное повышение квалификации и прохождение стажировок преподавателями Центра языковой подготовки;
- сотрудничество с другими языковыми школами и организациями с целью обмена опытом;
- участие слушателей и преподавателей Центра в различных семинарах, тренингах, мастер-классах с носителями языка.

В настоящее время подготовка слушателей осуществляется по следующим программам:

- общий разговорный курс «Современные иностранные языки» (английский, немецкий, французский, испанский).

Данный курс предназначен для слушателей, имеющих различный уровень знаний иностранного языка, от начального до высокого, и желающих его улучшить. Многоуровневая программа курса соответствует международным стандартам и общеевропейской компетенции владения иностранным языком;

- спецкурс «Иностранный язык для специальных целей», предполагающий изучение профессиональной лексики и овладение навыками перевода для специалистов в области химической технологии и техники, лесного хозяйства и лесной промышленности, экономики, полиграфии и издательского дела.

Преимуществом данного курса является то, что его содержание варьируется в зависимости от профиля подготовки конкретной группы и может быть узко специализированным. Курс обучения зависит от общего уровня владения иностранным языком и составляет от 2 до 4 семестров.

В связи с открытием в БГТУ в 2013/2014 учебном году новых специальностей, предполагающих преподавание всех предметов на иностранном языке, остро встал вопрос о языковой подготовке преподавателей, планирующих преподавание дисциплин гуманитарного и естественно-научного циклов на английском языке. Возникла необходимость разработки новых программ, включающих не только аспекты

повышения языковой компетентности, но и методики подготовки и проведения лекций, семинарских и практических занятий на английском языке, проведение мастер-классов и работу с презентациями. Поэтому программа спецкурса «Иностранный язык для специальных целей» была существенно расширена;

- «Деловой иностранный язык».

Данный курс предназначен для слушателей, целью которых является использование иностранного языка в деловой сфере: бизнес-контакты с зарубежными партнерами, ведение деловой переписки и переговоров, участие в конференциях и семинарах, подготовка и проведение презентаций на иностранном языке.

С целью расширения спектра программ обучения в 2013/2014 учебном году были разработаны и внедрены новые учебные курсы;

- «Курс практической грамматики».

Курс позволяет в короткие сроки овладеть практической грамматикой современного иностранного языка, усвоить основные грамматические правила и структуры, научиться грамматически правильно формулировать свои мысли;

- «Интенсивный курс для студентов-волонтеров, принимающих участие в сопровождении туристов во время Чемпионата мира по хоккею 2014».

Разговорный курс для специалистов сферы туризма и гостиничного дела. Курс направлен на подготовку студентов в сжатые сроки к общению с иностранными туристами по следующей тематике: «В городе», «Транспорт», «Спорт», «Экскурсии и достопримечательности», «В гостинице» и т. д.;

- «Летний коммуникативный интенсивный курс для путешественников»

Данный курс предназначен для тех, кто планирует деловые поездки за рубеж или встречи с иностранными партнерами, а также туристические поездки в отпуск.

Все учебные языковые программы соответствуют общеевропейской системе оценки знаний Common European Framework (CEF). Эта система применяется во всех европейских странах для курсов иностранных языков и оценки знаний студентов. Занятия проводятся в студенческих группах численностью 8–12 человек, в преподавательских – численностью 6–8 человек, что, несомненно, является преимуществом нашего Центра. Также следует отметить гибкую систему формирования цен по сравнению с другими языковыми школами города. Формирование групп производится на основе тестирования и собеседования, в ходе которых проверяется уровень владения языком. Кроме того, всем слушателям предоставляется бесплатное пробное занятие.

В 2012/2013 учебном году в Центре языковой подготовки проходили обучение по программе общего курса «Современные иностранные языки» (английский) 37 преподавателей и по программе спецкурса «Иностранный (английский) язык для специальных целей» – 22 преподавателя БГТУ из числа специалистов в области технологии деревообработки, в сфере экономики и менеджмента недвижимости, экономики, бухучета и маркетинга. Всего в 2012/2013 учебном году в Центре языковой подготовки обучалось 59 преподавателей и 83 студента и магистранта БГТУ.

Слушатели, успешно завершившие минимум двухгодичное обучение, получают соответствующий сертификат о прохождении курсов. В 2012/2013 учебном году такие сертификаты получили 18 слушателей Центра языковой подготовки.

В 2013/2014 учебном году на курсах обучалось 90 студентов и магистрантов и 42 преподавателя из числа профессорско-преподавательского состава БГТУ.

Одним из новых направлений работы Центра в текущем году является сотрудничество с базовыми отечественными предприятиями БГТУ по совершенствованию уровня владения их сотрудниками английским языком с целью повышения конкурентоспособности и престижности предприятий на зарубежном рынке.

В декабре 2013 года была подготовлена и распространена рекламная информация среди базовых отечественных организаций с целью их ознакомления с программами и условиями обучения, направлениями работы Центра и привлечения потенциальных слушателей. Было установлено взаимодействие с руководителями предприятий и осуществлен мониторинг потребностей данных организаций в повышении иноязычной и межкультурной компетенции их сотрудников.

В результате была набрана группа слушателей из числа сотрудников института микробио-

логии НАН в количестве 7 человек. На базе института было организовано проведение предварительного тестирования сотрудников и устного собеседования с целью определения актуального уровня владения английским языком. В настоящее время группа уже обучается на курсах английского языка.

В рамках дальнейшей работы Центр языковой подготовки ведет переговоры также с иностранными базовыми предприятиями для организации краткосрочных интенсивных курсов английского языка на базе БГТУ.

Заключение. При организации работы в Центре языковой подготовки мы опираемся на комплексный подход к обучению. Многоуровневые комплексные программы направлены на создание прочной базы знаний, приобретение устойчивых практических навыков, формирование позитивного отношения к изучению иностранного языка. Все это просто необходимо для свободного общения на иностранном языке на любые темы в реальных жизненных ситуациях. Сбалансированная структура занятий, современные учебные материалы и удобное расписание позволяют нашим слушателям достичь желаемого результата, работая в оптимальном для них режиме. Богатый ассортимент учебных программ имеет разную интенсивность, сложность и целевое назначение. Приоритетом нашего Центра является применение современных и эффективных методик: кроме привычных заданий и тестов, мы используем различные инновационные обучающие приемы. При обучении иностранным языкам используются только самые современные учебные пособия, созданные в странах изучаемых языков, аутентичные аудио- и видеоматериалы. В программу включено большое количество дополнительных материалов разной направленности, которые позволяют нашим слушателям получить более глубокую и всестороннюю языковую подготовку.

Поступила 15.03.2014

УДК 81'255.2:6:811.112.2

Н. А. Козловская, преподаватель (БГТУ)**КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ**

Автор статьи констатирует тот факт, что в век высоких технологий технический перевод выходит на лидирующие позиции среди всех лингвистических операций. Требования к качеству такого перевода постоянно растут. Основной стилистической чертой научно-технического текста является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии тех выразительных элементов, которые придают речи эмоциональную насыщенность. Главный упор делается на логической, а не на эмоционально-чувственной стороне излагаемого.

The author of the article states that technical translation occupies a leading position among all linguistic operations nowadays. The quality demands for that translation are constantly increasing. The basic style feature of a scientific text is clear and exact reproduction of the material which lacks the emotionally-coloured elements. The particular stress is put on the logical side of the translation, and not on its emotional sensitive side.

Введение. Компетентностный подход в обучении иностранным языкам позволяет превратить современного студента из пассивного элемента образовательной системы в активного участника образовательного процесса, где он учится формировать свое мировоззрение, постигая накопленный человечеством опыт с помощью традиционных источников информации и новых технологий, а преподаватель выступает в роли помощника, оппонента и консультанта. Именно компетентностный подход не только позволяет получить некий объем знаний, но и обучает студента самому главному – умению самостоятельно мыслить и приобретать знания [1]. Растущие международные связи, обширный двусторонний поток технической информации выдвинул вопрос о конкретизации целей и задач обучения иностранному языку в высших учебных заведениях. В этой связи одно из ведущих мест отводится обучению переводу специальных иноязычных текстов. Каждый выпускник вуза должен уметь с помощью словаря перевести технический текст средней трудности, т. е. инструкцию, описание станка или прибора, каталог, спецификацию и т. п., необходимые ему в работе. Умение справиться с такого рода переводом и будет выполнением одного из требований программы о развитии у студентов умений и навыков практического владения языком.

Основная часть. Перевод технической литературы таит в себе много трудностей. В немецком языке имеются присущие только ему грамматические явления, которые вызывают затруднения при переводе текстов с немецкого языка на русский. Язык немецкой технической литературы существенно отличается от литературного и разговорного языка. Он осложняется наличием развернутых сложных предложений с инфинитивными оборотами, распространенными определениями и вводными конструк-

циями. Кроме того, быстрый темп развития многих областей науки и техники вызывает образование большого количества новых специальных понятий и соответствующих им терминов [2]. Если раньше толковые словари составлялись на основе языка художественной литературы и в меньшей степени публицистики, то сейчас описание развитых языков мира невозможно без учета научного стиля и его роли в жизни общества. Достаточно сказать, что из 600 000 слов авторитетнейшего английского словаря Вебстера 500 000 составляет специальная лексика.

Для словарного состава технической литературы характерно применение большого количества технических терминов, т. е. слов или словосочетаний, обозначающих технические понятия. Провести четкую грань между терминами и словами обиходного языка невозможно вследствие многозначности многих слов. Например, такие общеизвестные понятия, как «ток», «температура», «автомобиль», «атом», «антибиотик», «пластмасса», «витамин», «космос», не являются терминами в обиходном языке, где техническое начало играет второстепенную (подчиненную) роль. С другой стороны, такие простые слова, как «вода», «пламя», «земля», «жидкость», «сила», «глина», «серебро», являются терминами в техническом контексте, когда несут первостепенную (основную) смысловую нагрузку. В терминах мы имеем наиболее точное, концентрированное и экономное определение технической идеи. Например, термин «Wasser» (вода) – это научное определение химического соединения, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода.

К общеупотребительной лексике относятся слова общего языка, которые наиболее часто встречаются в научных текстах. Разумеется, в научно-технических материалах используется

отнодью не только терминологическая и специальная лексика. В них встречается большое число общенародных слов, употребляемых в любых функциональных стилях. В любом научном тексте такие слова преобладают, составляют основу изложения. Благодаря общеупотребительной лексике язык науки сохраняет связь с общелитературным языком и не превращается в язык мудрецов, понятный только посвященным, ученым. В зависимости от состава читателей доля общеупотребительной лексики меняется: она уменьшается в работах, предназначенных для специалистов (может составлять не больше половины всех слов), и возрастает в сочинениях, обращенных к широкой аудитории. Но научный стиль не просто берет слова из общелитературного языка. Он производит тщательный отбор слов – прежде всего тех, которые наиболее оптимально выполняют главную функцию, установку научного стиля. Слово в научной речи обычно называется не конкретный, индивидуально неповторимый предмет, а класс однородных предметов, т. е. выражает не частное, индивидуальное, а общее научное понятие. Поэтому в первую очередь отбираются слова с обобщенным и отвлеченным значением.

Основной задачей технического переводчика является достоверное и грамотное доведение информации, осмысленное, выдержанное в стилистике документа с учетом специфики научно-технической терминологии. Правильный перевод инструкций по эксплуатации или правил безопасности предполагает большую ответственность, так как в любой технике существуют определенные ограничения, несоблюдение которых чревато травмами и даже смертельным исходом. К примеру, неправильный технический перевод с немецкого на русский документов, инструкций к сложному оборудованию может остановить и нарушить деятельность целого огромного предприятия. Немалые трудности при переводе технической документации возникают, когда слово может иметь несколько значений. Настоящим мастерством переводчика является грамотный выбор того или иного термина, не искажающего смысл перевода для каждого технического случая. Термином называют эмоционально-нейтральное слово (словосочетание), передающее название точно определенного понятия, относящегося к той или иной области науки или техники. Терминологическая лексика дает возможность наиболее точно, четко и экономно излагать содержание данного предмета и обеспечивает правильное понимание существа трактуемого вопроса.

Одной из проблем технического перевода является необходимость совмещения знания иностранного языка со знанием техники. Пере-

вод текстов профессиональной направленности предполагает использование стандартизированного языкового оформления. Научно-технический перевод не терпит двойственности смысла и искажения используемых понятий и терминов. Поэтому перевод технического текста требует, прежде всего, ясности в изложении при максимально полном соответствии перевода оригиналу.

Часто при переводах приходится учитывать региональные смысловые различия, так как для разных стран перевод одного и того же слова может звучать по-разному. Еще одной немаловажной проблемой в технических переводах является проблема сокращений и аббревиатур, которые могут быть непонятны даже техническим специалистам.

Так, работа по переводу технических текстов проводится поэтапно: от простого к сложному. Упражнения, которые проводятся в процессе работы над текстом, можно разделить на подготовительные, собственно чтение (исполнительские) и контролирующие.

Подготовительные упражнения направлены прежде всего на предварительное снятие лексических и грамматических трудностей:

- чтение слов и словосочетаний, снабженных переводом;
- подбор предложенных эквивалентов к новым неизвестным словам;
- перевод сложных грамматических конструкций;
- «распутывание» сложной структуры предложений.

Большую роль играет при этом принцип опоры на родной язык, который обретает более широкий диапазон действия. Например, более последовательно используется выборочный перевод с немецкого языка на родной как важный прием выявления понимания при чтении, как способ сопоставления явлений иностранного и родного языков для лучшего их осмысления. Такие упражнения обычно нравятся студентам, так как многие уже знают, что такие задания помогут им при переводе текста.

При непосредственном переводе текста студентам приходится задействовать весь арсенал усвоенных ими знаний, навыков и умений. Большинство студентов переводят при помощи словаря, опираясь на предтекстовые упражнения. Есть студенты, которые используют программу перевода в сотовых телефонах. При этом они консультируются с преподавателем, так как доверяют его опыту и знаниям. Такое взаимодействие помогает создать обстановку доверия и сотрудничества [3].

После проверки понимания содержания текста проводятся обычно контролирующие уп-

ражнения. Они, как правило, содержат поисковые задания, требующие повторного обращения к тексту, нахождения в нем той или иной информации, формулировки основного содержания. Такие упражнения подготавливают студентов к передаче содержания текста в форме монолога или диалога.

Целесообразно рассмотреть четыре этапа работы по выполнению технических переводов. Первый этап включает знакомство с текстом и оценку его сложности. Следует обратить особое внимание при переводе на научную или практическую ценность. Первый этап является весьма важным, так как, если он отсутствует, технический перевод выполняется формально, без понимания ценности получаемой информации.

Второй этап включает собственно технический перевод, выполняемый студентом под руководством преподавателя. На этом этапе должен быть получен адекватный тексту перевод, разобраны встретившиеся языковые трудности, уточнены варианты возможных трактовки текста, выделены моменты, требующие разъяснения специалистов. Критерием окончания второго этапа является готовый черновой вариант перевода.

Третий этап включает редактирование чернового варианта перевода, а также подготовку к его окончательному оформлению. На этом этапе должны быть выполнены следующие работы: устранение терминологических и смысловых неточностей; собственно техническое редактирование, направленное на экономное изложение содержания первоисточника средствами русского языка, оформление необходимых примечаний переводчика; определение необходимого объема иллюстрационного материала; обсуждение особенностей оформления перевода; уточнение ценности полученной технической информации. Третий этап должен заканчиваться представлением окончательного варианта технического перевода, выполненного в соответствии с установленными требованиями. Последний, четвертый, этап включает детальное обсуждение технического перевода с преподавателем профилирующего предмета, изы-

скание способов использования технического перевода в научной и практической работе [4].

Заключение. Анализ переводов с немецкого языка на русский со словарем и без словаря показывает типичные ошибки: неправильный перевод причастных оборотов и инфинитива в начале предложения, незнание основ словообразования, неумение переводить так называемые «терминологические цепочки слов». В результате подобных ошибок искажается смысл подлинника, теряется информация. Психологически это отрицательно сказывается на студентах, которые теряют веру в себя, у них пропадает интерес к изучению иностранного языка. Анализ в тексте изолированных лексико-грамматических явлений, который обычно проводится на занятии, дает возможность объяснить какое-то явление, сконцентрировать на нем внимание студентов.

Однако такой анализ еще не создает навыка и умения вычленять определенную лексико-грамматическую конструкцию. Нельзя забывать, что работа требует особенно тщательного и ответственного отбора текстов предлагаемых студентам для перевода. Тексты должны быть выбраны с учетом специальности студента, соответственно его научно-техническим интересам и производственному опыту.

Литература

1. Маскин В. В., Петренко А. А., Меркулова Т. К. Алгоритм перехода образовательного учреждения к компетентностному подходу. М., 2008.
2. Мильруд Р. П. Компетентность в изучении языка // Иностранный язык в школе. 2004. № 7. С. 30–36.
3. Хайт Ф. С. Пособие по технике перевода специальных текстов с немецкого языка на русский. М., 1981.
4. Самосудова Л. В. Критерии отбора текстов при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Международный научно-практический интернет-семинар: Новое в преподавании иностранных языков, 2010.

Поступила 03.03.2014

УДК 37.091.33:159.9

Н. В. Теплова, преподаватель (БГТУ)**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ**

Статья затрагивает проблемы психологической готовности студентов к изучению иностранного языка в технических высших учебных заведениях. Автор подробно описывает основные методы повышения уровня языковой подготовки студентов на занятиях, учитывая их социально-психологические аспекты. Знание психологических особенностей современного студента помогает преодолеть барьеры, ведущие к нежеланию изучать иностранный язык. Активное использование иностранного языка в профессиональной деятельности будущих инженеров остается сегодня одной из основных задач.

This article deals with issues of psychological readiness of students to learning of the foreign language in the technical higher educational institutions. The author in detail describes the main methods of increasing the level of the students' language training, considering the social and psychological aspects. The knowledge of psychological features of modern students helps to break the barriers leading to the unwillingness to learn the foreign language. Active use of foreign languages in the professional activities of future engineers remains today one of the main objectives.

Введение. В техническом вузе языковая подготовка является одной из основных задач, так как помогает стать более конкурентоспособными специалистами, готовыми без посредников решать свои профессиональные проблемы на международном уровне. Именно поэтому общеобразовательная дисциплина «Иностранный язык» играет особую роль в достижении такой современной цели высшего инженерно-технического образования, как гуманитаризация. Гуманитаризация образования, особенно технического, направлена на повышение общегото культурного уровня студентов.

Преподаватели гуманитарных дисциплин в технических вузах хорошо знают, что знания, имеющиеся у студентов технических специальностей к моменту их поступления в университет в сфере как родного, так и иностранного языка, гораздо хуже, чем у студентов-гуманитариев. Для студентов инженерных специальностей характерна низкая культура речи, неумение четко, грамотно формулировать свои мысли, работать с научной литературой, слабо развита потребность в самообразовании и самовоспитании [1]. Именно поэтому процесс обучения студентов-инженеров языковым дисциплинам протекает гораздо тяжелее и результаты его гораздо менее значительны, чем результаты студентов гуманитарных факультетов. В целом такие студенты плохо знают и осваивают языки из-за такого психологического момента, как сугубо технический склад ума, и отсутствия языкового чутья, без которого сложно воспринимать чисто языковые реалии.

Основная часть. Для студентов технических вузов характерны такие свойства личности, как сдержанность, сухость, робость, замкнутость и напряженность, которые являются большой помехой на занятиях по иностранно-

му языку. Так, например, фонетическая зарядка, диалоги, ролевые игры вызывают у них смех, стеснение, они боятся выглядеть смешными в глазах одногруппников. А личностные качества, такие как застенчивость, отчужденность, глубокая интровертированность, аутичность, повышенная сенситивность, препятствуют общению и обучению. Внутренняя скованность, страх перед возможностью быть непонятым или отвергнутым, безынициативность затрудняют обучение и изучение иностранного языка.

В зарубежной и отечественной психологии разработан ряд психологических теорий и концепций, касающихся психологических особенностей процесса овладения иностранным языком, и важная роль в процессе освоения языка отводится мотивации. Понятно, что для всех студентов доминирующими являются мотивы, связанные с профессиональной деятельностью и учебной, например, найти достойную, интересную работу, быть хорошим специалистом, сдать успешно сессию, найти высокооплачиваемую работу. К сожалению, у студентов технических специальностей мотивация, связанная с познанием вообще и изучением иностранного языка в частности, достаточно низкая. Очень часто можно услышать от будущих инженеров такие фразы: «Зачем механику английский?» или «Я не собираюсь никуда уезжать». Будущий инженер пришел в вуз, чтобы получить техническую специальность для дальнейшей работы, и изучение иностранного языка в его планы зачастую не входит. Психологический аспект этой проблемы связан, прежде всего, с особенностями учащихся, в том числе с различным отношением к учебной деятельности, которое обуславливается тем, что учение имеет для них различный «личностный смысл».

Студенты технических вузов часто относят иностранный язык к «второстепенным», «не основным» дисциплинам и поэтому не уделяют ему должного внимания. Настроившись таким образом, студент проявляет интеллектуальную пассивность при изучении языка, что в конечном счете сказывается на уровне владения иностранным языком. Повидимому, все, что находится вне рамок будущей профессии, будущего инженера почти не интересует. Это можно объяснить в данном случае тем, что студенты видят свою задачу в овладении специальными техническими дисциплинами – на них и направляется основное внимание и силы. Значительная часть студентов убеждена в том, что общенаучные и общественно-образовательные дисциплины не приближают, а наоборот, удаляют их от овладения профессионально важными навыками и знаниями [2].

Таким образом, преподавателю иностранного языка нужно сначала разрушить сложившееся мнение о ненужности этого предмета, создать положительное эмоциональное отношение к нему, помочь осознать всю необходимость изучения иностранного языка. И только потом приступать к практическим занятиям, на которых следует упоминать как можно чаще о практическом владении иностранным языком как средством получения специальной информации по профилирующему предмету. Формированию позитивного отношения способствует социально-психологическая подготовка студентов, которая будет не только помогать эффективному усвоению предмета, но и снимать психологические барьеры, снижающие готовность субъекта к эффективному освоению языка. И только тогда иностранный язык будет сопутствовать профессиональному росту будущего специалиста.

Кроме того, в обучении иностранному языку в техническом вузе существует недооценка эмоционально-ценностного фактора в учебной деятельности. Эффективность обучения, заинтересованность в высших достижениях возникают тогда, когда деятельности сопутствует успех, когда учение вызывает положительные эмоции, осознание своего роста и развития. Очень важными для успешного освоения иностранного языка являются хорошее настроение, ощущение радости, успеха. Положительные эмоции облегчают постоянные усилия, направленные на запоминание, удержание в памяти разнообразных мелких явлений, постоянную смену видов деятельности и мыслительных операций.

Основной целью обучения иностранному языку в техническом вузе является формирова-

ние коммуникативной компетенции в профессиональноориентированной деятельности. Обучение направлено также на развитие познавательной самостоятельности будущих специалистов на основе формирования лингвопрофессиональных ориентаций в процессе работы с литературой по выбранной специальности. Поэтому большинство уроков иностранного языка представляет собой однообразную и монотонную работу с аутентичными текстами, освоение студентами общей и специальной лексики и заучивание диалогов по тем или иным ситуациям. Хотя следует включить в работу и больше коммуникативных упражнений, ролевых игр, связанных с будущей профессиональной деятельностью.

Студенту технического университета объем лингвистических знаний зачастую представляется «беспредельным» из-за их специфической сложности и отсутствия у него необходимых умений и навыков. Иногда это приводит к пессимизму и отказу от попыток усвоить лингвистические знания. А низкая самооценка также отрицательно сказывается на изучении иностранного языка. Им кажется, что они никогда не будут говорить на языке хорошо, что они никогда не выучат столько правил и т. д. Вероятно, такие чувства вызваны отчасти тем, что методика преподавания иностранного языка в вузе отличается от школьной методики преподавания, имеет другие цели и задачи. При этом достаточно часто возникают трудности, связанные с использованием лексики и грамматических конструкций для построения устных высказываний, с пересказом выученного текста или переводом статьи по специальности. В итоге сначала появляется состояние эмоционального дискомфорта, который позже перерастает в психологический барьер, и, как следствие, возникает нежелание дальше заниматься иностранным языком.

Изучение иностранного языка начинается в вузе с первого курса, это всегда продолжение начатого в школе, лицее, колледже. Предполагается, что студенты получили основы знаний в школе и средних специальных заведениях, поэтому на первом курсе им предлагается так называемый корректировочный лексико-грамматический курс, а на втором – уже даются основы профессионального иностранного языка. К сожалению, на практике ситуация немного другая. Студенты-первокурсники, поступившие в вуз с целью получить техническую специальность, имеют различную базовую подготовку по иностранному языку. Кто-то закончил спецшколу с углубленным изучением иностранного языка, а кто-то – сельскую школу, где его даже не научили читать. В итоге они попадают в од-

ну группу, где через некоторое время оба студента теряют интерес к изучению языка – один из-за того, что это все слишком сложно и непонятно, другой – из-за того, что все это он уже давно изучил, а никаких новых знаний не получил. И, как правило, студенты начинают испытывать негативные эмоции, пессимизм и растерянность. Преподаватель иностранного языка также часто приходит к осознанию безуспешности и неэффективности своей деятельности, так как продолжение занятий крайне затруднено. Именно поэтому основная задача преподавателя на первых порах – продиагностировать языковую подготовку студента и помочь ему организовать дальнейший процесс обучения иностранному языку. В этом поможет дифференцированный подход к учащимся и учет предпочитаемых ими стратегий познавательной деятельности [3].

Заключение. Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что специфика обучения иностранному языку достаточно сложна и многогранна, поэтому преподавание должно основываться на законах и закономерностях психологии восприятия, психолингвистики, педагогической психологии. Психологические

особенности студента технического вуза как субъекта овладения иностранным языком также требуют поиска психологически обоснованных интенсивных технологий освоения языка. Освоение иностранного языка вносит определенные изменения и в индивидуальную психологическую реальность субъекта учебной деятельности: расширяется его кругозор, повышается толерантность и вербальная компетентность. А успешность усвоения иностранного языка определяется совокупностью факторов мотивационного, эмоционального, личностного, психофизиологического и интерактивного порядка.

Литература

1. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 432 с.
2. Якунин В. А., Мешков Н. И. Психолого-педагогические факторы учебной успешности студентов // Вестник ЛГУ. 1980. № 11.
3. Казначеева С. Н. Студенческий возраст и организация познавательной деятельности: дайджест // Психология обучения. 2007. № 5.

Поступила 10.03.2014

УДК 004.0:81'1:27.026

В. В. Царенкова, старший преподаватель (БГТУ);**С. И. Шпановская**, преподаватель (БГТУ)

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА КАК СРЕДСТВО СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ОБОБЩЕНИЯ ЗНАНИЙ

В статье рассматривается оптимизация учебного процесса иноязычной подготовки студентов. Авторы описывают выявленные педагогические условия, оптимизирующие учебный процесс иноязычной подготовки. Показан один из возможных вариантов поэтапной организации учебной деятельности в условиях новых образовательных стандартов. Показывается, что данная технология направлена на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

Optimization of the foreign language teaching process is observed in the article. The authors describe the defined pedagogical conditions which optimize the teaching process of the foreign language learning. One of possible versions of step-by-step organization of educational activity in the conditions of new educational standards is developed. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination, self-organization and self-education of the student in his professional and social activity.

Введение. В настоящее время в связи с проведением эксперимента по обновлению структуры и содержания образования возникли противоречия между увеличением объема учебной информации с одной стороны и фактором ограничения времени обучения с другой стороны.

Было установлено, что сложившаяся практика обучения не способствует формированию структурно-организованного знания, не ориентирована на анализ связей между компонентами, не направлена на упорядочение и «уплотнение» учебного материала вокруг наиболее существенных связей, не использует возможности системно-структурного метода для управления познавательной деятельностью и развитием мышления студентов, не выделяет ориентиры для самостоятельного обновления и пополнения знаний [1].

Основная часть. В психологии систематизация и обобщение относятся к приемам умственной деятельности.

Анализ психолого-педагогической литературы, касающейся понятий «систематизация» и «обобщение», позволяет сделать следующие определения данных понятий.

Систематизация – приведение частей целого в какой-либо определенный порядок, в котором данные части, будучи в известных связях и отношениях друг к другу, составляют единое целое. Систематизация представляет собой один из видов учебной деятельности преподавателя и студента, который находит отражение во всех звеньях процесса обучения и направлен на овладение студентами системными знаниями высокого качества. В таком случае «вид учебной деятельности» можно принять за ближайший родовой признак. Но учебная деятельность непременно включает (предполагает) мы-

слительную деятельность обучаемых, выполнение ими цепочек мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение и абстрагирование) и суждений (индукция и дедукция).

Обобщение – это мыслительный процесс приращения знаний посредством перехода от конкретного уровня к более абстрактному уровню на основе общих существенных черт объектов и явлений.

Создание системной структуры учебного материала выражается в определении системы отношений между понятиями: меронимии, гипонимии, исключения, дополнения, ассоциации, сходства, различия, близости, отдаленности, причины, следствия, до и после и т. д. Связи устанавливаются не только между понятиями, но и между предметами, явлениями. Основной вывод исследований по запоминанию учебного материала тривиален и состоит в том, что структурированный материал заучивается легче, чем бессвязный. Чем больше связей нового материала со старым, тем легче осуществляется процесс запоминания. Одновременно с восприятием информации осуществляется структурирование как информации, так и самой памяти под влиянием воспринимаемой и уже хранящейся информации. Воспринятая информация отображается в структуре памяти.

Содержательная (семантическая) структура учебного материала предполагает смысловое, а не механическое запоминание. Такая структура отражает объективные зависимости, существующие в природе, обществе и между людьми. При механическом запоминании материал заучивается таким, каким он предлагается, при смысловом – происходит организация и упорядочение сообщаемой информации, ее фильтрация. Современный студент должен уметь в дос-

таточной степени систематизировать и обобщать свои знания, знать соотношения и связи между структурными элементами системы знаний.

Структуризация учебного материала позволяет в первую очередь в рамках учебного ресурса связать контент в единую структуру, проследить связи между понятиями, используемыми в различных информационных источниках, которыми постоянно пополняется учебный ресурс.

Методика использования средств структуризации учебного материала включает следующие этапы:

1) автоматизированный поверхностный семантический анализ текста;

2) выделение терминов из текста на основе проведенного анализа;

3) выделение отношений между терминами на основе проведенного анализа;

4) для каждого проанализированного текста – формирование файла с выделенными терминами и отношениями между ними;

5) построение растущей пирамидальной сети, объединяющей термины и связывающей отдельные учебные материалы в единое информационное пространство [2].

При обобщении понятий устанавливаются внутрипредметные связи, благодаря чему знания становятся системными. Обобщение темы или раздела ставит студента в условия, когда необходимо подняться над выученным материалом, обозреть его сверху, выделив самое главное. Одновременно идет повторение учебного материала, знания углубляются, расширяются, доводятся до нужного уровня, вырабатываются интеллектуальные умения и навыки. Параллельно формируются практические умения и навыки (решение задач, примеров, упражнений и т. д.), то есть теоретические знания применяются в прикладной деятельности. Осмысление студентами учебного материала происходит в процессе углубленного раскрытия его содержания. Обобщения происходят в сравнении с помощью выделения сходных свойств их систематизации и классификации. Здесь участвуют все мыслительные процессы: сравнение, сопоставление, анализ и синтез, абстракция и обобщение. Эффективность этапа закрепления обеспечивается тем, что к новому материалу обращаются неоднократно, воспроизводя его буквально, или перекодируют средствами математического языка, включают в систему уже усвоенных знаний. Таким образом устраняются причины появления пробелов в знаниях студентов и создаются благоприятные условия для повышения эффективности изучения программного материала.

Систематизация знаний неотделима от их обобщения: чем шире обобщения, тем больше

отражено между ними связей и отношений, тем более широкий круг знаний объединяется в систему.

В зависимости от роли и места в учебном процессе следует различать следующие этапы обобщения и систематизации знаний:

1. Первичные обобщения, осуществляемые во время восприятия и осознания учебного материала. В результате этого процесса в памяти студентов образуются общие представления о предметах и явлениях.

2. Локальные или понятийные обобщения, осуществляемые на занятии в процессе усвоения новых понятий (на этапе осмысления знаний). Основным направлением учения с целью усвоения понятий является раскрытие причинно-следственных и других связей в изучаемых объектах, выявление их внутренней сущности.

3. Межпонятийные (поурочные) обобщения, заключающиеся в определении между изучаемыми понятиями общих и существенных признаков и свойств, в переходе от менее общих к более общим понятиям, в объединении усвоенных понятий в системы, в раскрытии связей и отношений между элементами системы, размещение их в определенном порядке и рациональной последовательности.

4. Тематические обобщения, обеспечивающие усвоение целой системы или цикла понятий, изучаемых в течение определенного промежутка времени, составляющих содержание обширных разделов программы.

5. Итоговые обобщения, служащие для установления связей и отношений между системами знаний, усвоенными в процессе овладения целым курсом, усвоение целостной системы знаний по отдельным учебным предметам.

6. Межпредметные обобщения, осуществляемые на специальных занятиях межпредметного обобщающего повторения.

Анализ уроков обобщения и систематизации знаний и выявление трудностей, связанных с их проведением, показывают, что нередко такие занятия превращаются в занятия простого повторения (простое воспроизведение материала предыдущего урока). На этих занятиях формированию системы знаний, системности понимания студентами изучаемого материала должного внимания не уделяется. Поэтому нужно сделать так, чтобы обобщение и систематизация знаний студентов стала обязательным компонентом обучения, причем должны использоваться все этапы этой деятельности: первичные, понятийные, межпонятийные, тематические, итоговые и межпредметные [3].

Так, овладение основами иностранного общения предусматривает достижение студентами минимально достаточного уровня коммуни-

кативной компетенции, которую составляют речевые умения, то есть умения в аудировании, чтении, письме, говорении, и речевые навыки (лексико-грамматические навыки письма). Обучение устной речи (говорение) – это сложный процесс, тесно связанный с формированием и усовершенствованием лексико-грамматических навыков, умением использовать их для развития неподготовленной речи.

Процесс формирования механизма воспроизведения речи требует от преподавателя умений дифференцировать приемы и методы, которые обеспечивают результат работы. Обычно методические трудности возникают при систематизации обобщения пройденного материала.

Языковеды Л. С. Панова, В. Л. Скалкин и другие считают, что речевые умения формируются поэтапно:

I этап – формирование лексико-грамматических навыков устной речи;

II этап – совершенствование лексико-грамматических навыков устной речи;

III этап – развитие умений неподготовленной устной речи.

Механизм речи формируется правильно, если преподаватель в процессе обучения придерживается этих этапов, поскольку запуск речевых механизмов невозможен без сформированных на достаточном уровне лексико-грамматических навыков говорения.

Недостатки в обучении на каждом из этапов приводят к тому, что студенты или чувствуют затруднения, включаясь в неподготовленную речь, или вся речь сводится к изучению и воспроизведению готового текста.

Для обобщения и систематизации лексико-грамматических навыков преподаватель может определить набор тренировочных упражнений, использование которых считает наиболее рациональным. Система тренировочных упражнений, которую использует преподаватель, имеет большое значение, потому что их применение должно обеспечивать закрепление в памяти студентов лексики, грамматически правильную связь слов при построении предложений и ситуативно обусловленных связных высказываний.

Тренировочные упражнения должны быть ситуативными, во время их выполнения сту-

денты должны выполнять практические задачи (докажи, возрази, выскажи удивление, спроси).

Для систематизации и обобщения навыков устной речи можно использовать лексико-грамматические структуры (подстановочные таблицы – Substitution tables), которые дают возможность целенаправленно активизировать употребление в речи разговорных клише, комбинировать различные структуры в речи в зависимости от коммуникативной связи.

Практика обучения устной речи показала, что структуры соответствуют характеру навыков, которые формируются и совершенствуются (I, II, III этапы) в обучении устной речи. Они позволяют обеспечить достаточно прочные навыки устной речи, на которые можно опираться, чтобы построить неподготовленное монологическое и диалогическое высказывания. Структуры отрабатываются со студентами в группах, индивидуально, то есть их можно использовать во время организации фронтальной, групповой, парной и индивидуальной форм работы [4].

Заключение. В завершение всего вышесказанного необходимо отметить, что использование подстановочных таблиц не сводится к заучиванию, оно предполагает и самостоятельное открытие, построение и формирование клише, а это и есть творческий процесс. Данные структуры охватывает далеко не весь учебный процесс, а лишь те его компоненты, где они являются целесообразными. Система алгоритмов-программ позволяет в определенной мере автоматизировать и систематизировать учебный процесс и создает широкие возможности для активной самостоятельной работы студентов.

Литература

1. Бабанский Ю. К. Выбор методов обучения в средней школе. М.: Высш. шк., 1981. 176 с.
2. Сохор А. М. Логическая структура учебного материала. Вопросы дидактического анализа. М.: Высш. шк., 1994. 176 с.
3. Пидкасистый П. И. Организация деятельности ученика на уроках. М.: 1995. 145 с.
4. Пастухова Т. М. Обучение устной речи на уроках английского языка (подстановочные таблицы – Substitution tables). М.: 2011. 10–11 с.

Поступила 07.03.2014

УДК 811.161.3(276.3)

Т. А. Ячная, преподаватель (БГТУ)

ВЫБОР СТРАТЕГИИ АССОЦИИРОВАНИЯ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Гендерный аспект является одним из важнейших условий при изучении языкового сознания и национального коммуникативного поведения. Тематическая направленность ассоциирования определяется множеством факторов, игнорирование хотя бы одного из которых может привести к искаженному представлению о языковой картине мира. Ассоциативный эксперимент является своеобразным показателем предречевой способности индивидуума и наглядно демонстрирует наличие гендерных различий в выборе стратегии ассоциирования. Очевидно, что «женское» коммуникативное поведение отличается от «мужского», и изучение этих отличий требует особого внимания.

The gender aspect is one of the most important conditions of the studying of linguistic consciousness and national communicative behavior. The thematic scope of the association process is determined by many factors. The veracious ungarbled linguistic worldview should be had only upon conditions of integrated studies. Association experiment is a kind of indicator of the individual's preverbal ability and demonstrates the presence of gender differences in a choosing of associating strategy. Obviously the «feminine» communicative behavior differs from the «male» one and the study of these differences requires special attention.

Введение. Влияние гендерного параметра на ассоциативное поведение испытуемых оказывается иногда не менее важным, чем влияние возрастного или социального параметра. Не следует забывать, что гендерный фактор, также как и другие факторы, влияет на формирование и развитие «языкового» сознания, а также на выбор языковой или ассоциативной стратегии. Гендерные исследования в современном обществе направлены на изучение различных аспектов жизнедеятельности человека с позиции пола. Среди большого разнообразия вопросов гендерная лингвистика изучает отражение гендера в речи, а также занимается исследованиями в области коммуникативного поведения мужчин и женщин в целом. Прежде всего описывается, при помощи каких средств и в каких контекстах конструируется гендер, а также как влияют на этот процесс социальные факторы и коммуникативная среда. На наш взгляд, при исследовании гендерной составляющей достаточно перспективными являются методики, используемые в психолингвистике. Речь идет о свободном ассоциативном эксперименте. Также нам представляется весьма перспективным создание специальных проектов, предполагающих работу группы исследователей. Интересные результаты может дать сотрудничество специалистов разного профиля, например лингвистов и юристов, лингвистов и экономистов и т. д. Только при комплексном изучении можно получить достоверную картину языковой картины мира. Критики гендерных исследований постоянно указывают на то, что в целом в ассоциативном поведении полов больше сходств, чем различий. И это, конечно же, так. Однако в тех случаях, когда эти различия обнаруживаются, нужно сосредоточить на них все свое внимание, чтобы расширить имеющиеся знания о протекании

ассоциативных процессов и на анализе их отражения в языковом сознании человека.

Основная часть. В проведенном нами эксперименте приняло участие 200 человек в возрасте от 14 до 17 лет (98 юношей и 102 девушки). Испытуемым было предложено заполнить анкету, в которой им следовало назвать максимально возможное количество слов, ассоциирующихся у них с понятием «маральныя каштоўнасці». Время проведения эксперимента не ограничивалось, хотя в среднем анкеты заполнялись не более трех минут. Испытуемых просили реагировать быстро, не раздумывая. Эксперимент проводился на материале белорусского языка, все испытуемые являлись учащимися белорусскоязычных гимназий и школ и свободно владели белорусским языком. Было получено и проанализировано 1063 реакции (461 – юноши, 602 – девушки).

Мы также решили проследить влияние на ассоциативный процесс гендерного фактора и его отражение в языковом сознании. Выявление особенностей мужского и женского языкового поведения за последние десять лет стало обязательным условием проведения лингвистических исследований, поскольку антропоцентрический подход к языку предполагает «усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке... Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен, представляет один из таких параметров...» [2; с. 239].

В итоге, изучив ряд словарных и энциклопедических статей, посвященных определению «высших моральных ценностей», используя метод компонентного анализа, мы выделили в структуре исследуемых слов так называемые архисемы (классификация В. Г. Гака), представленные в семантической структуре полу-

ченных ассоциатов как эксплицитно, так и имплицитно. Как мы и предполагали, большая часть экспериментального материала была разделена на семь групп, названиями которых послужили аристотелевские категории. В данной работе мы приводим лишь наиболее частотные реакции, составляющие ядро ассоциативного поля «моральныя каштоўнасці» (729 реакций): 1. «свобода и ответственность» (совпадение по эксплицитной семе выбор без принуждения): свабода 14; (совпадение по эксплицитной семе понятие о должном, обязанность отвечать за свои поступки и действия): адказнасць 6; спра-вядлівасць 3; 2. «добро и зло» (совпадение по эксплицитной семе оценка): дабро 9; зло 3; (группа «добро и зло» могла бы содержать гораздо больше слов, если бы анализ базировался на эксплицитных семах хорошо и плохо); 3. «долг и совесть» (совпадение по эксплицитной семе регулятив): самасвядомасць 4; сумленнасць 11; сумленне 10; 4. «честь и достоинство» (совпадение по имплицитной семе самоуважение): годнасць 3; гонар 8; 5. «смысл жизни и счастье»: а) (совпадение по имплицитной семе жизнь как целостный процесс): жыццё 13; б) (совпадение по эксплицитной семе радостное состояние): шчасце 3; 6. «любовь»: а) (совпадение по эксплицитной семе привязанность): гуманізм 2; каханне 10; любоў 14; любоў да Радзімы 5; патрыятызм 8; Радзіма 16; родная краіна 2; родная мова 5; спадчына 2; б) (совпадение по имплицитной семе отношения): адносіны 7; адносіны паміж людзьмі 5; добрыя адносіны 3; добрыя адносіны да людзей 2; бацькі 3; выхаванне 6; дзеці; дзіця 2; маці 3; мова 7; дом 4; сяброўства 20; сябар 3; сябры 12; сям'я 33; 7. «добродетель и порок» (совпадение по эксплицитной семе моральное качество (свойство) личности, по имплицитной семе черта характера): адвага 4; адданасць 3; альтруізм 3; бескарыслівасць 2; бескарыснасць 3; ветлівасць 11; дабрыня 55; далікатнасць; добразычлівасць 22; добрасумленнасць 2; духоўнасць 5; міласэрнасць 10; мужнасць 3; праўдзівасць 6; праца 2; працавітасць 2; сардэчнасць 3; спагадлівасць 5; стараннасць 3; талерантнасць 2; цяроплівасць 2; чалавекалюбства 2; чалавечнасць 8; чуласць 4; шчырасць 13; эгаізм 2.

Анализируя «ядерную» лексику, мы обнаружили, что тематика исследуемого ассоциативного поля несколько шире, чем общепризнанные этические категории. Это объясняется и тем, что, во-первых, в современных социогуманитарных дисциплинах «моральные ценности» рассматриваются как динамическое понятие, и хотя моральное сознание является наиболее консервативным из всех видов сознания, все же и оно подвержено изменениям. А во-вторых,

процессу ассоциирования было подвергнуто не отдельное слово, а словосочетание, что несколько усложнило задачу испытуемым. По этой причине часть полученных слов явилась не столько реакцией на устойчивое выражение «моральные ценности», сколько отдельными реакциями на стимулы «мораль» и «ценности». Как следствие этого, в нашей классификации появились новые группы, уже ставшие для испытуемых реальностью и неотъемлемой частью их языкового сознания.

Так, например, одним из наиболее многочисленных стал блок «образование», в который были включены ассоциаты, связанные с процессом обучения и воспитания: грамадазнаўства 11; кнігі 3; добрыя паводзіны 4; вучоба 3; інтэлект 2; розум 12; Цыбульскі Д. Т. (настаўнік) 2; школа 2; адукацыя 9; выхаванасць 9. «Ценность» данного блока для опрашиваемых школьников, на наш взгляд, очевидна.

Достаточно частотными являются группа «уважение», содержащая вторую по частотности реакцию эксперимента: павага 34; павага да дарослых 2; павага да іншых 4; павага да старэйшых 4; и группа «помощь»: дапамога 9; узаемадапамога 8; дапамога іншым 2. Также мы помечали нужным выделить блок «религия»: душа 10; рэлігія 5; духоўныя каштоўнасці 4; верацяроўнасць 2; душэўныя пачуцці 2.

Анализируя тематическое разнообразие полученного в ходе эксперимента языкового материала с учетом гендерного аспекта, можно заключить, что в большинстве случаев реакции, вошедшие в ядро ассоциативного поля (наиболее стереотипные), принадлежали девушкам, в то время как большая часть единичных реакций – юношам. Это может быть свидетельством того, что данный этап концептуализации (этап формирования представления) у девушек протекает несколько быстрее. Практически нет ни одной темы, в которую вошли бы только мужские или только женские ассоциаты. Различным является лишь соотношение количества реакций. Так, например, в группе «образование» из 57 реакций 42 принадлежат девочкам и только 15 – мальчикам. Многие реакции являются одинаково «важными» для представителей как мужского, так и женского пола. Например, реакции каханне, свабода, павага, узаемадапамога, шчырасць, чуласць, добразычлівасць (и некоторые другие) встречаются и в одних, и в других анкетах одинаковое количество раз. Число таких ассоциатов, как Радзіма, мова, гонар, душа, патрыятызм, сумленнасць, сумленне, сяброўства, сябры, сям'я, превалирует в анкетах у ребят, а вот слова любоў, чалавек, міласэрнасць, духоўнасць, дом, дзіця, дапамога, давер, дабрыня по количеству реакций лидируют в анкетах у де-

вушек. Интересно, что иконический знак интернет-смайлик :-)) и название компьютерной игры Call of Duty: modern warfare 1.2 в «женских» анкетах не встречаются вообще.

Выделенная нами в отдельный блок группа «моральные ценности» обращает на себя особое внимание. В нее вошли реакции в той или иной мере повторяющие предъявленный стимул: мараль 16; каштоўнасць 6; маральнасць 2. Этот способ ассоциирования, по нашему мнению, отражает незнание учениками старших классов значения высоко абстрактных лексем, а также является показателем меньшей гибкости психики. В нашем эксперименте этот тип реагирования был свойственен в основном юношам (мараль 11 из 16; каштоўнасць 5 из 6; маральнасць 2).

Также нами было установлено, что при выборе стратегий ассоциирования юноши и девушки действуют по-разному.

Стратегия ассоциирования характеризуется скоростью реагирования, стереотипностью выбора ассоциата, а также характером связи, лежащим в основе ассоциативного биннома.

В ходе эксперимента было зафиксировано, что по первому параметру (скорость реагирования) резких отличий в группах выявлено не было. Как юноши, так и девушки укладывались в отведенный отрезок времени. Однако нулевые ответы (отказы отвечать) чаще встречались у молодых людей.

Анализ результатов эксперимента с учетом второго параметра позволил заключить, что наиболее стереотипные реакции, формирующие ядро ассоциативного поля, принадлежат юношам, а большая часть единичных (периферийных) реакций – девушкам. Также девушки являются более многословными и легче продолжают ассоциативный ряд (дают столько реакций, насколько у них хватает времени), парни же чаще ограничиваются одной реакцией.

Эксперимент выявил, что количество грамматически не связанных ассоциативных бинномов, основанных на парадигматической связи, в большинстве случаев встречается у молодых людей, девушки же чаще реагируют грамматически связанными парами, которые основываются на синтагматической связи. Это значит, что девушки чаще реагируют словосочетаниями или даже целыми предложениями (*духоўнае –*

гэта калі людзі табе дапамагаюць духоўна; калі нешта для чалавека каштоўнае; калі ў чалавека ёсць вельмі яму дарагія рэчы; (10) калі ў чалавека ёсць якія-небудзь прынцыпы; калі чалавек дапаможа першаму сустрэчанаму; мне ўсяго хапае). Юноши же в большинстве случаев дублируют в ассоциате ту часть речи, к которой принадлежит стимул (на существительное реагируют существительным, на прилагательное – прилагательным и т. д.)

Однако следует отметить, что столь заметные отличия в стратегиях ассоциирования встречались нами в экспериментах, где в качестве стимулов выступала «конкретная лексика». При использовании так называемых высоко абстрактных стимулов стратегии ассоциирования по большей части унифицировались.

Заключение. До недавнего времени гендерному анализу в основном подвергались письменные тексты. Ассоциативный эксперимент является своеобразным показателем предречевой способности индивидуума и наглядно демонстрирует наличие гендерных различий в выборе стратегии ассоциирования. Анализ результатов ассоциативного эксперимента дает представление о различиях, существующих в выборе стратегии ассоциирования мужчинами и женщинами. В ходе эксперимента было выявлено, что наиболее яркие различия прослеживаются на уровне выбора типа связи в ассоциативном бинноме. И хотя нельзя сказать, что выбор ассоциативной стратегии обусловлен сугубо гендерным аспектом, очевидно, что «женское» коммуникативное поведение отличается от «мужского», и изучение этих отличий требует особого внимания.

Литература

1. Горошко Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): дис. ... д-ра филол. наук 10.02.19. Москва, 2001. 553 с.
2. Кирилина А. В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции, Иваново, 25–26 июня 2002 г. В 2 ч. Ч. II. История, социология, язык, культура. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 238–242.

Поступила 30.03.2014.

УДК 802/809-07

О. С. Антонова, преподаватель (БГТУ)

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА ЧТЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ С ЦЕЛЬЮ ПОРОЖДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ВТОРИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье рассматривается новая текстоцентрическая методика, цель которой заключается в разработке практических основ обучения перекодированию информации, полученной из текстов по будущей специальности, для построения вторичных высказываний. Результатом перекодирования информации является «вторичный текст». Автор предлагает основные модели «вторичных текстов» и дает подробное описание методов их построения посредством соответствующих упражнений. Особое внимание уделяется графическому изображению текстового материала, предполагающему заполнение ментальных, маркировочных и концептуальных таблиц, кластеров, денотатных граф, схем «Фишбоун».

This article focuses on a new text oriented technique, which aims at developing practical training bases for recoding information derived from special texts in order to build secondary statements. The result of recoding information is a «secondary text». The author proposes the basic model of «secondary texts» and gives a detailed description of the methods for their constructing assisted with appropriate exercises. Particular attention is paid to the graphical representation of the text material, suggesting the filling of mental and conceptual cards, clusters, denotative graphs, schemes «Fishbone».

Введение. Важнейшая цель преподавания иностранного языка в неязыковом вузе – подготовить специалиста к овладению чтением как способом оперативного получения и структуризации профессионально значимой информации.

Эта задача может быть решена только при условии оптимизации обучения различным видам коммуникативной деятельности, связанной с текстом. Однако до сих пор отсутствует единая методика, обеспечивающая в должной мере становление у студентов умения связно и логично говорить на иностранном языке. Назовем это умение текстуральной грамотностью, которая предполагает способность создать устный или письменный монологический текст на иностранном языке.

Основная часть. Постигание скрытых законов лингвистики текста дает возможность студенту строить свой собственный «вторичный текст». Рецептивная часть текстовой коммуникативной деятельности сменяется репродуктивной и продуктивной частями. В вузовской практике трансформация структур, недоступных для понимания студента, дает возможность создать текст, построенный на знакомом языковом материале (адаптация текста). Огромный обучающий потенциал реферирования и аннотирования, суть которых сводится также сначала к информационной оптимизации исходного текста, а затем к порождению монологического высказывания – «вторичного текста». Известно, что подавляющая часть речевой деятельности в процессе овладения иностранным языком строится на основе текста-образца. При нашем подходе текст выступает в качестве языковой единицы обучения при овладении иноязычной речью. Функции текста при обучении языку можно определить следующим образом:

1. Текст выступает в качестве источника информации.

2. Служит базой для изучения программно-го материала на иностранном языке.

3. Используется как содержательная опора для развертывания творческой беседы.

4. Представляет собой образец построения «вторичного текста» с измененной коммуникативной и смысловой структурой [1].

Замечено, что содержание прочитанного при пересказе никогда не излагается слово в слово. При чтении текста мозг «формирует» свою трактовку воспринятого содержания. Результатом перекодирования информации является «вторичный текст». Практика показывает, что у многих студентов отмечается недостаточная самостоятельность речи. Студенты копируют текст, не используя вторичных высказываний, пройденную лексику и грамматику. Высказывания эти однообразны, стилистически невыразительны, в них избыточны лексико-грамматические модели, свойственные родному языку. Даже подготовленная речь зачастую малоинформативна. Для реконструированных вариантов текста характерны деформация логической структуры исходного текста, провалы в передаче фактологической цепочки, произвольная перестановка смысловых звеньев и даже лишенное смысла нанизывание фактов.

В настоящее время при работе с текстом предпочтение отдается новой текстоцентрической методике. Цель данной методики заключается в разработке практических основ обучения перекодированию профессионально значимой информации с целью построения вторичных высказываний как средства фиксации информации, полученной из текстов по будущей

специальности. Следовательно, если при обучении иностранным языкам в вузе проводить целенаправленную работу по усвоению особенностей внешней и внутренней организации текста-образца и его грамматических средств, то процесс осмысления и порождения «вторичного текста» студентами станет процессом управляемым, обеспечивающим овладение умениями создавать «вторичный текст». При этом необходимо учитывать:

1. Лексические и грамматические трудности, возникающие при чтении аутентичных профессионально ориентированных текстов на изучаемом языке.

2. Специфику обучения мыслительным операциям, составляющим основу познавательных стратегий и включенных в комплекс заданий по чтению и перекодированию профессионально значимой информации.

3. Использование приемов по овладению умениями перекодировать данную информацию для продуцирования будущего «вторичного текста».

4. Использование специального комплекса упражнений, направленного на развитие умений перерабатывать и фиксировать информацию разными способами (вербальными, вербально-схематическими).

Таким образом, основное внимание уделяется разработке комплекса упражнений, направленного на формирование навыков и умений извлекать, перерабатывать и фиксировать профессионально значимую информацию в виде «вторичного текста» [3].

Большинство изданных в последнее время учебников и пособий по иностранному языку построено еще на традиционных типах текстовых заданий: подавляющее большинство заданий связано с операциями на уровне слов, словосочетаний и изолированных предложений. Новый текстоцентрический подход обуславливает включение в пособия комплексов упражнений нового типа, предусматривающих работу с отрезками, превосходящими предложение (сверхфразовыми единицами, абзацами, супер-абзацами, целым текстом).

Общая схема методики заключается в переходе от обучения анализу внешней структуры текста к постижению его глубинной структуры и затем к процессам порождения «вторичного текста» на основе оригинала. Краеугольным камнем внешней структуры признается иерархическая природа текстовых предикаций.

Любой отрезок речевой цепи предстает как последовательность теморематических комплексов [2].

Привлечение теории фоновых знаний (информационного запаса) дает возможность оп-

ределить умения строить умозаключения, устанавливать ассоциации на высоком уровне абстракции, проследивать повторы, создающие второй план значений в тексте, распознавать слова, употребленные в расширенном особом смысле, восполнять смысловые лакуны, интерпретировать «закрытый» подтекст и пр. Все перечисленные умения составляют основу специальных упражнений, разрабатываемых на нашей кафедре и включаемых в учебно-методические пособия.

Порождению «вторичного текста» предшествует чтение как первичный этап работы над оригиналом. Предлагаемые комплексы упражнений данного этапа ориентированы на дедуктивный и индуктивный подходы к восприятию текста. Последовательное восприятие текстового материала, предложение за предложением, составляет суть индуктивного процесса его обработки. На каком-то этапе возникает потребность в дальнейшем чтении с установкой на общетекстовый смысл (дедукция). Именно тот факт, что особенности структуры текста определяют характер операций по извлечению его основного смысла, служит основанием для наименования данной концепции текстоцентрическим подходом к обучению иностранному языку.

В процессе осмысления текста происходит перекодировка и компрессия текстового материала. Его главный смысл формулируется в виде краткой свертки текста. В качестве ведущих семантических операций при этом выступают сгущение смысла и перефразирование выражений оригинала. При сгущении смысла, включающем абстракцию, объединение, стяжение и трансдукцию, на выходе получается вариант, не равный исходному тексту в количественном отношении. Методика предполагает классификацию видов перефразирования: лексический (адекватное и эквивалентное), грамматический, лексико-грамматический, в том числе с использованием конверсивных отношений, и смысловой [4].

Формирование умений коммуникативной текстовой деятельности обеспечивается системой подготовительных и речевых упражнений, направленных на осмысление текста, проникновение в его глубинную структуру, овладение текстовыми трансформациями компрессии в ходе создания его сокращенного варианта, формирование умений создавать «вторичный текст».

Основными типами «вторичных текстов» являются реферат (устный и письменный), конспект, аннотация, адаптированный (упрощенный) текст. Составляющей частью общей методики обучения иноязычной речи является адаптация текста как вида учебной деятельности на

текстовом уровне. Процесс адаптации содержит два этапа: а) сокращение объема лингвистики текста; б) языковую обработку текста. Основные приемы адаптации: исключение материала, упрощение грамматических структур и логико-смысловое перефразирование.

Эффективность данной методики работы над иноязычным текстом во многом зависит от упомянутых выше нетрадиционных заданий. Они представляют собой упражнения:

- предусматривающие рационализацию методики проверки понимания при чтении;
- на обучение перефразированию как одному из ведущих методов трансформаций
- направленные на усвоение приемов обобщения, исключения и других видов адаптационных операций, на создание текста путем упрощения и компрессии оригинала;
- на обучение пересказу текста, его реферированию и аннотированию.

Упражнения носят коммуникативный характер и строятся на деятельностной основе. Этому способствуют упражнения, которые помогают студентам:

- антиципировать (прогнозировать содержание текста за счет вдумчивого прочтения заголовка);
- вычленять главное (находить ключевые предложения, ориентироваться в логико-композиционной структуре текста);
- сжимать текст (устранять избыточную, второстепенную информацию; перефразировать информацию на семантическом и структурном уровне);
- интерпретировать информацию (понимать смысловое содержание прочитанного и составлять на его основе «вторичный текст»).

Для обучения построению различных форм вторичных высказываний можно применять следующие приемы:

1. Поиск и выделение знакомой информации с целью составления списка «известной» информации.
2. Поиск и выделение в тексте новых слов.
3. Поиск и использование ключевых слов.
4. В тематических, понятийных рядах слов.
5. С плана или логико-смыслового наброска прочитанного текста.
6. Составление тезисов на основе составленного плана.
7. Сжатие, сокращение текста за счет языковых и/или семантических трансформаций (использование эквивалентных замен).

8. Редактирование «вторичного текста» путем исключения избыточной информации или добавления необходимых фактов.

9. Заполнение ментальных и концептуальных таблиц, кластеров, денотатных граф; схем «Фишбоун».

10. Рассказ по ключевым словам.

«Вторичные тексты» студентов оцениваются с позиции точности передачи содержания первоисточника, а также грамматической корректности, лексической правильности, насыщенности терминами по специальности.

На кафедре теоретически разработана и внедрена на практике методика графического изображения текстового материала при помощи заполнения концептуальных таблиц, ментальных карт, кластеров, денотатных граф, схем «Фишбоун». Она широко используется на факультете ИЭФ при изучении тем «Реклама», «Экология», «Наука и технология», «Маркетинг», «Наш университет», «Политическая система РБ», «Экономика Великобритании», «Экономические законы», «Банковская система».

Заключение. Перспективы данного методического подхода состоят в том, что он нацеливает преподавателей иностранного языка на использование новейших достижений в области лингвистики текста в целях развития методики обучения устной речи на его основе. Основной акцент ставится на обучении студентов неязыкового вуза вербальным и вербально-схематическим средствам фиксации и организации профессионально значимой информации на базе использования стратегий перекодирования.

Литература

1. Бабайлова А. А. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении иностранному языку: социолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
2. Бархударов Л. С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 50–62.
3. Кухаренко В. А. Текстцентрический подход к обучению иностранному языку // Методика обучения иностранным языкам. Минск: Выш. школа, 1986. Вып. 1. С. 42–46.
4. Хенгст К. Языковые средства, сокращающие информацию, и обучение специалистов иностранному языку // Wissenschaftliche Zeitschrift, Pädagogische Hochschule «Ernst Schneller», Heft 1. Zwickau. 1980. S.49–61.

Поступила 15.03.2014

УДК 81'243:316.77

Н. В. Винокурова, преподаватель (БГТУ)

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации в ходе обучения иностранным языкам. В статье затрагиваются вопросы о трудностях межкультурной коммуникации и путях их решения. Автор подробно описывает технологии обучения межкультурной коммуникации.

The article deals with the peculiarities of cross-cultural communication in the process of teaching of foreign languages. In the article the author touches upon the issues about difficulties in understanding while representatives of different cultures build contacts between each other as well as the ways of solving out these difficulties. The author provides us with the methods of teaching of foreign languages in relation to cross-cultural communication.

Введение. 21 столетие – век информации, глобализации, стремительного развития науки и новых технологий. Сегодня ни одна страна не остается изолированной. Основная масса человечества вовлечена в мировой круговорот. Обучение за рубежом, научная деятельность, сфера бизнеса – все это приводит к необходимости общения с представителями иноязычных культур. Для успешной коммуникации человеку в независимости от страны его проживания необходимо не только обладать хорошими знаниями иностранного языка, но и принимать своего собеседника как носителя чужой культуры, имеющего свой духовный мир, свое мировосприятие. Владая одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно различие культур. На первый взгляд, вследствие глобализации и интенсивной миграции различия между культурами должны постепенно исчезать, уступая место так называемой «вселенской» или «мировой культуре». Но данная тема продолжает вызывать живой интерес среди ученых, политиков, переводчиков, бизнесменов и др. Американские бизнесмены причиной 50% своих неудавшихся контрактов считают недостаточное владение межкультурной компетенцией.

Основная часть. Коммуникация – это акт или процесс передачи информации другим людям, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании, сообщении информации одним лицом другому или ряду лиц.

Межкультурная коммуникация – это общение между представителями различных человеческих культур.

Понятие «межкультурная коммуникация» введено в 1950-х американским культурным антропологом Эдвардом Т. Холлом в рамках разработанной им для Госдепартамента США программы адаптации американских дипломатов и бизнесменов в других странах.

Культура – это сущностная характеристика человека, связанная с человеческой способностью целенаправленного преобразования окру-

жающего мира, в ходе которого создается искусственный мир вещей, символов, а также связей и отношений между людьми. Все, что сделано человеком или имеет отношение к нему, является частью культуры.

Коммуникация и общение являются важнейшей частью человеческой жизни, а значит, и частью культуры. Подчеркивая их значимость, многие исследователи приравнивают культуру к общению (коммуникации).

Исходя из такого толкования, многие западные ученые образно изображают культуру в виде айсберга, в основании которого лежат культурные ценности и нормы, а его вершиной является индивидуальное поведение человека, базирующееся на них и проявляющееся прежде всего в общении с другими людьми.

Ни одна культура не существует изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она вынуждена постоянно обращаться или к своему прошлому, или к опыту других культур. Это обращение к другим культурам получило название «взаимодействие культур». В этом взаимодействии очевидным фактом является общение культур на разных «языках».

В культурной антропологии эти взаимоотношения разных культур получили название «межкультурная коммуникация», которая означает обмен между двумя и более культурами и продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Отношения являются межкультурными, если их участники не прибегают к собственным традициям, обычаям, представлениям и способам поведения, а знакомятся с чужими правилами и нормами повседневного общения. Для межкультурной коммуникации необходима принадлежность отправителя и получателя сообщения к разным культурам. Для нее также важно осознание участниками коммуникации культурных отличий друг друга. По своей сущности межкультурная коммуникация – это всегда межперсональная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого. Меж-

культурную коммуникацию следует рассматривать как совокупность разнообразных форм отношений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам.

Почему возникает множество трудностей в понимании, когда представители различных культур строят контакты между собой? И что мешает успешной межкультурной коммуникации?

Большинство людей считают свою собственную культуру центром мира и масштабом для всех других. Данное явление принято называть «этноцентризмом». Как правило, этноцентризм мешает человеку в достаточной мере оценить, адекватно принять и быть толерантным к представителям другой культуры. Встречу двух культур можно сравнить с понятиями «внутреннего» и «внешнего», «своего» и «чужого». «Внутреннее» означает тепло, защищенность, уверенность, «внешнее» – угрожающее, чужое, неизвестное. На психологическом уровне человек, вступая в коммуникативный акт с представителем чужой культуры, настроен заведомо негативно.

Третья причина, которая мешает понимаю двух коммуникантов, – возникновение стереотипов о представителях определенной культуры. Неспособность собеседника выйти за рамки сложившихся образов о данной культуре ведет зачастую к несогласию. Научить людей общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

В ситуации контакта представителей различных культур преодоления языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения. Для этого необходимо преодолеть культурный барьер. Национально-специфические особенности самых разных компонентов культур коммуникантов могут затруднить процесс межкультурного общения.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Необходимо не только обучить человека иностранному языку, но и научить его уважать и ценить культуру данного народа [1].

Язык – это зеркало, показывающее мир в восприятии человека, окружающую человека

реальность. Одновременно в зеркале языка отражается и сам человек, его образ жизни, поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура [1].

Три понятия «терпение», «терпимость», «толерантность» являются, по мнению Тер-Минасовой, универсальной формулой для успешной межкультурной коммуникации [1].

Так как язык и культура взаимосвязаны, нельзя обучать языку в отрыве от культуры страны. Существует несколько путей одновременного преподавания языка и культуры.

Ролевые игры. Очень популярная в наше время методика, когда учащиеся входят в положение представителя другой национальности и, стараясь сохранить особенности его культуры и языка, разыгрывают этюды по теме. Эта форма театрализованного представления нуждается, выражаясь языком актеров, в максимальном проникновении в роль, а значит, требует серьезной подготовки, поиска материалов в книгах и средствах массовой информации. Приятно отметить, что возможности для этого у наших студентов неограниченные: прекрасные специализированные книжные магазины, кинофильмы, телепрограммы, «ток-шоу», интернет, личное общение с носителями определенной культуры и языка (в клубах, барах, на студенческих вечерах и пр.).

Подготовка индивидуальных сообщений, содержащих интересные факты по теме занятий. Например, высшее образование в одной из стран Европы или Азии, особенности национальной кухни стран Европы и Азии, особенности ведения деловых переговоров в различных странах и т. п. в соответствии с текущей темой занятия. Студенты выбирают страну и готовят обзор по теме. Остальная часть группы тщательно конспектирует выступление, чтобы быть готовой к аргументированному обсуждению.

Групповые сообщения или диалоги, в которых сравниваются и анализируются культурные особенности разных стран в определенной области жизни. Студенты готовят дома сообщение, например об особенностях национальной кухни какой-либо страны. Информация должна быть нужной, интересной, красочно преподнесенной, правильно публично представленной и эмоциональной. Студенты используют различные визуальные средства: компьютер, на котором демонстрируют видеоклипы, картинки, элементы фольклора.

Красочные презентации по теме. Поскольку большая часть делового общения в настоящее время проходит в виде различных презентаций, наша цель – научить студентов правильно и грамотно использовать этот вид работы.

Домашнее чтение. Это особый вид домашней работы. Студенты получают задание на месяц, в конце которого на одном из занятий обсуждают особенности менеджмента, описанного в определенном художественном произведении. Студенты обсуждают вопросы менеджмента в сравнении с нашим временем и нашей страной. Этот метод работы помогает учащимся активно пополнить свой вокабуляр, узнать новые реалии, характерные для данной страны, погрузиться в мир другой культуры.

Контакты с представителями других культур (с помощью ВЭБ-камеры, личного общения; приглашение представителей другой культуры на занятие и импровизированная пресс-конференция с ними). На занятиях студенты делятся личным опытом общения со сверстниками.

Игра «Инструктаж туристов перед поездкой в ту или иную страну». Выполняется индивидуально в качестве домашнего задания. Темы предварительно распределяются между студентами, и на занятии каждый «инструктор» рассказывает о выбранной им стране и отвечает на вопросы аудитории. Главная задача «инструктора» – сообщить самую необходимую информацию будущим «туристам», которая помогла бы им с первых дней адаптироваться в стране. Она должна касаться всевозможных сторон жизни страны и быть интересной и полезной.

Общее обсуждение культурных особенностей той или иной страны на базе личного опыта студентов, знаний, полученных из средств массовой информации, книг, журналов. Преподаватель предлагает страну для обсуждения. А студенты должны обменяться информацией так, чтобы сложилось наиболее полное и правильное представление о стране.

Заключение. В процессе выполнения вышеперечисленных видов работы на занятиях и дома студентам приходится активно пользоваться живым разговорным иностранным языком. И, конечно, знакомиться с огромным количеством реалий, присущих обсуждаемым странам. А это значительно обогащает словарный запас молодых людей, развивает их, расширяет круг интересов, помогает лучше узнать жизнь своих сверстников в других странах, их проблемы и нюансы быта. А главное, помогает студентам понять, что там живут такие же ребята. И что различия между «ними» и «нами» не так велики!

Это приводит молодых людей к осознанию собственного места в широком спектре человеческих культур. Им становятся понятны аспекты «общего» и «универсального», того, что существует вне географических границ, что объединяет людей всего мира.

Углубляясь в изучение и понимание других культур, восхищаясь культурой других народов, мы с гордостью осознаем место белорусской культуры, которая нам особенно близка и понятна. Вследствие этого мы стараемся поделиться этим чувством со своими студентами, воспитывая в них глубокую любовь к своей стране и огромное уважение к другим странам и народам.

Литература

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие М.: Слово/Slovo, 2000.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

Поступила 10.03.2014

УДК 338.46:37

Е. И. Янукович, старший преподаватель, декан (БГТУ)**ИМИДЖЕОБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ СОДЕЙСТВИЯ БРЕНДИНГУ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ**

В статье анализируются актуальные вопросы создания имиджа университета и оценка его конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг, а также брендинг образовательных услуг как самый современный и эффективный способ привлечения и удержания внимания потребителей. Проведен анализ факторов, применимых к формированию имиджа университета, а также рассмотрены особенности организации этого процесса на примере БГТУ. Автор рассматривает основные составляющие имиджа высшего учебного заведения, способы его формирования и влияние положительного имиджа и имиджевой идеологии образовательного учреждения на качество обучения в нем. В работе описываются основные подходы к пониманию имиджа, а именно: психологический, импрессионный, схематический – и анализируются две его составляющие – оценочная и описательная.

The article analyzes actual problems of university image making and its competitiveness on international market of educational services as well as their branding as the most actual and effective way to attract and keep customers' attention. The author highlights the factors acceptable for university image making and considers peculiarities of this process on the example of Belarusian State Technological University. There have been emphasized the main components of university image, image making techniques, and underlined the influence of positive image and beneficial effect of university image ideology on the quality of training specialists. The article dwells upon the main approaches to the understanding of image, namely psychological, impressionable and schematic ones and the analysis of its two main components – estimating and descriptive.

Введение. Белорусский рынок образовательных услуг пополнился значительным количеством новых, в том числе негосударственных, высших учебных заведений, что привело к его насыщению со стороны предложения и, как следствие, к повышению уровня конкуренции среди отечественных вузов.

Вышеназванные рыночные условия вынуждают образовательные учреждения использовать весь спектр маркетинговых мер, обеспечивающих их позиционирование на рынке, повышение конкурентоспособности, в том числе за счет неценовых факторов, среди которых ведущую роль играет корпоративный имидж.

Позитивный имидж является также важным фактором высокого рейтинга, что очень важно в насыщенной разнообразной информацией публичной деятельности.

Основная часть. Имидж вуза – это общее представление, состоящее из набора убеждений и ощущений, которое складывается у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг об учебной организации. В рамках рассмотрения имиджа вуза мы можем столкнуться с несколькими подходами к пониманию имиджа. В психологическом подходе, сторонниками которого являются психологи Андерсон, Хоровиц, реципиенты создают имиджи своих собственных наблюдений реальности или символов, данных им другими людьми. Согласно данному подходу, имидж рассматривается как видимый, ощущаемый аналог реальности. Имидж, форми-

руемый вузом, может быть воспринят как часть реальности. В этой связи компоненты имиджа вуза должны опираться на проблемные точки и пути их решения.

Импрессионная теория, основоположником которой является Гофман, рассматривает имидж как впечатление, оказанное индивидом или организацией на кого-либо.

Схематический подход, развиваемый английским исследователем Боулдингом, принимает очень весомое значение среди концепций имиджа, являясь наиболее обоснованным и разработанным. Имидж здесь рассматривается как способность управлять поведением субъектов. В этом случае имидж понимается как совокупность элементов – система, направленная на создание «гештальта» – единого целого образа организации, с помощью которого возможно управлять мнением общественности [1].

По мнению Ю. В. Гладушенко и С. В. Запужалова, понятие имиджа высшего учебного заведения включает две составляющие – внутренний и внешний имидж:

- описательная составляющая (или информационная) представляет собой образ организации, сложившийся в сознании населения;

- оценочная отражает качественную оценку населением деятельности организации и существует в силу того, что любая информация о вузе побуждает оценки и эмоции, которые могут обладать различной интенсивностью, могут приниматься или отвергаться общественностью [1].

Образ и оценка неразрывно связаны между собой. Люди оценивают имидж университета через призму своего прошлого опыта, дальнейших планов на жизнь, ценностных ориентаций, общепринятых норм, принципов, в их сознании формируется определенный образ, который они сопоставляют с университетом.

Таким образом, имидж вуза можно рассматривать как существующую в сознании людей систему образов и оценок. Другими словами, это совокупность представлений об университете и способность человека оценивать существующую ситуацию, объект на основе прошлого опыта [1].

Психологический подход, как и схематический, раскрывает грани имиджа, акцентирует внимание на том, что имидж – целостная структура, система, и для его построения необходимо уметь работать со стереотипами массового сознания.

«Имидж – психический образ, имеющий характер стереотипа», – утверждает Е. Н. Богданов и приводит ряд характеристик, присущих такому имиджу:

- имидж – объект идеальный, т. е. существует в сознании людей, поэтому необходимо постоянно исследовать реакции людей на него;
- в то же время он представляет собой целостную, непротиворечивую структуру;
- имидж неустойчив, а поэтому его необходимо поддерживать.

Таким образом, можно сделать вывод: правильно сложившееся общественное отношение относительно имиджа вуза надолго закрепляется в его сознании, потому что обществу проще воспринимать мир, какую-либо жизненную ситуацию, других людей, а также университет сквозь призму подготовленных схем. Учитывая психические характеристики, нужно стремиться, чтобы положительная информация о вузе становилась позитивными стереотипами, вкрапленными в сознание людей.

Имидж любой организации в целом и вуза в частности есть целостное восприятие (понимание и оценка) оценки различными группами общественности, формирующееся на основе хранящейся в их памяти информации о различных сторонах деятельности вуза: обучающей, научной, воспитательной, общественной и т. п.

Другими словами, содержание понятия имиджа вуза включает в себя две составляющие: описательную (информационную), которая представляет собой образ вуза или совокупность всех представлений (знаний) об организации, и составляющую, связанную с отношением, или оценочную составляющую. Оценочная составляющая существует в силу того, что хранящаяся в памяти информация не воспринимается безразлично, а пробуждает оценки

и эмоции, которые могут обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа организации могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением. Люди оценивают высшее учебное заведение через призму своего прошлого и сегодняшнего опыта, ценностных ориентаций, общепринятых норм и моральных принципов [2].

Выясним, каковы основные составляющие имиджа вуза.

Нельзя забывать, что вся информация, которую вуз посылает во внешнюю среду, в той или иной степени является имиджевой. Эту информацию (вербальную и невербальную, символическую) следует систематизировать. Невербальная, символическая информация – это здания вуза, административный и учебные корпуса, отделка внутренних помещений, стиль одежды преподавателей и студентов, внешние особенности их общения и взаимодействия.

Важными составляющими имиджа вуза являются его миссия и история.

Ректор вуза, его заместители по различным направлениям деятельности – проректоры, сотрудники (их поведение, внешний вид, компетентность, манера общения, стиль одежды) и конечно, студенты, которых можно рассматривать как временный, но очень значимый для имиджа вуза персонал, – все работает на имидж вуза. Каналы доставки информации о вузе – это всевозможные СМИ, разнообразные акции, рабочие встречи, даже слухи, т. н. «сарафанная почта», формирующие устойчивые и неустойчивые мифы и легенды о вузе, его работниках, студентах и т. д.

Если мы обратимся к различным типам информации, которые используются для формирования имиджа и репутации вуза, то станет ясно, что широко применяемые стратегии его формирования, а именно реклама, корпоративная символика сами по себе недостаточны для того, чтобы создать вузу хорошую корпоративную репутацию. Репутация, которую вуз имеет в глазах людей, является прямым результатом. Репутация образовательного учреждения складывается годами, десятилетиями, иногда – столетиями. Чем сильнее становится репутация и чем более уникальные черты она приобретает, тем труднее ее изменить. Если репутация хороша, то она может быть для вуза ценнейшим активом, помогающим гораздо легче приобретать различные ресурсы для себя и тем самым повышать качество своей работы. Когда люди придерживаются высокого мнения о возможностях вуза, у него появляется больше возможностей, его деятельность становится все более эффективной. Плохая же репутация вуза может произ-

водить обратный эффект – потенциальные потребители не доверяют ему, его образовательным товарам и услугам, тому, что говорят его руководители. Тем самым резко снижается и качественный потенциал в деятельности вуза [3].

Имидж вуза формируется для решения тактических задач, он динамичен, должен соответствовать моде. Имидж чего-либо находится в сознании людей, а не является постоянным признаком организации.

Репутация – более устойчивая и консервативная часть имиджа вуза. Это как бы устоявшаяся и разделяемая подавляющим большинством клиентов вуза квинтэссенция их представлений о нем, сформировавшаяся в течение длительного времени и на основе длительного опыта значимых отношений клиента и вуза. При наличии яркого, эмоционально насыщенного мифа, легенды относительно всего образовательного товара (услуги) в целом или его (ее) части мы можем говорить о возникновении брэнда – товара (или услуги), репутация которого высока и устойчива.

Имидж – это инструмент регулирования и формирования поведения персонала вуза. Репутация – это доказавшая свою жизнеспособность норма, которой следует придерживаться и на которую следует четко ориентироваться сотрудникам вуза.

Рассмотрим детально различные элементы структуры имиджа, определяющие восприятие вуза реальными и возможными потребителями его образовательных товаров и услуг.

Структуру имиджа вуза составляют представления людей относительно этой организации, которые можно условно разделить на следующие группы [3].

1. Имидж образовательного товара (услуги). Имидж образовательного товара (услуги) составляют представления людей относительно уникальных характеристик, которыми, по их мнению, обладает товар или услуга, предоставляемая вузом.

2. Имидж потребителей образовательного товара (услуги). Для товаров, подобных образовательному, имидж пользователей (а это студенты, их родители, работодатели, научные работники, государственные и муниципальные органы) включает представление о стиле жизни, общественном статусе и характере потребителей.

3. Внутренний имидж вуза. Под внутренним имиджем вуза понимают представления его сотрудников и студентов о своей организации. Весь персонал вуза рассматривается здесь не только как фактор конкурентоспособности организации, но и как важный источник имиджевой информации о своем вузе для различных внешних аудиторий. То, что говорят о своем

вузе студенты, преподаватели, менеджеры, является очень важным для формирования и поддержания имиджа вуза.

4. Имидж руководителя вуза. Имидж руководителей (речь идет об индивидуальном имидже каждого руководителя) вуза включает представления о намерениях, мотивах, способностях, установках, ценностных ориентациях и психологических характеристиках руководителей на основе восприятия открытых для наблюдения характеристик, таких как внешность, социально-демографическая принадлежность, особенности вербального и невербального поведения, поступки, хобби и другие параметры неосновной деятельности.

5. Имидж преподавателей и студентов вуза. Имидж преподавателей и студентов вуза – это некий собирательный образ, раскрывающий наиболее характерные для него черты, к которым относятся: компетентность, культура, социально-демографический профиль, особенности образа жизни и поведения.

6. Визуальный имидж вуза. Визуальный имидж вуза – представление об организации, субстратом которых являются зрительные ощущения, фиксирующие информацию об интерьере и экстерьере зданий, офисов, аудиторий, вспомогательных помещений вуза, внешнем облике преподавателей и студентов, а также фирменной символике вуза как элементе фирменного стиля организации.

7. Социальный имидж вуза. Социальный имидж вуза – представления широкой общественности о социальных целях и роли образовательной организации в экономической, социальной и культурной жизни города, региона, страны в целом. Социальный имидж вуза формируется прежде всего посредством информирования общественности о важнейших социальных аспектах его деятельности, таких как обучение и воспитание молодежи, осуществление научной деятельности, участие в крупных региональных проектах и т. д.

Для формирования и продвижения имиджа высшего учебного заведения используются самые разные инструменты маркетинга, рекламы, публичных рилейшнз. В том числе речь идет и о визуальной идентичности вуза. Логотип является одной из ключевых составляющих корпоративного дизайна, он используется при оформлении деловой документации, в рекламе, оформлении помещений и т. д. Многие из логотипов не откладываются в памяти, однако некоторые прочно ассоциируются с конкретными товарами, организациями (вузами), впечатлениями. Удачный логотип хорошо запоминается, вызывает ассоциации, подчеркивает оригинальность, передает идею. Известно, что имидж создается

во многом благодаря средствам массовой информации и коммуникации. В работе с прессой вузы должны ориентироваться на масштабы планируемой деятельности, целевые группы. Вуз таким образом достигает своего абитуриента. Однако для улучшения позитивной известности среди работодателей вузу необходимо продумать формы работы с другими средствами массовой информации. Мало используемой является сегодня учительская пресса. Тот факт, что учителя оказывают существенное влияние на решение учеников о выборе вуза, не должен выпадать из области внимания [4].

Важным инструментом и фактором формирования имиджа вуза является интернет. Дизайн интернет-страницы и ее современность оказывают неумолимое эмоциональное влияние на молодое поколение, определяющее выбор вуза. А эмоциональный фактор играет в формировании имиджа основную роль. Интернет-страница не может быть сделана раз и навсегда, ее содержание должно регулярно изменяться, дизайн обновляться и осовремениваться раз в несколько лет. Для увеличения посещаемости страницы на ней размещают расписания занятий, объявления, информацию о культурной жизни студентов, публикуют выдержки научных работ как преподавателей, так и студентов.

Средством формирования и продвижения имиджа являются специальные мероприятия. К ним относятся участие вуза в выставках, проведение дней открытых дверей, игр КВН, спортивные мероприятия, научные конференции. Эти мероприятия обеспечивают имиджевое содержание по отдельным целевым группам (школьники, коллеги, чиновники, ученые, журналисты).

Научный и профессиональный имидж вуза складывается и посредством публикаций его преподавателей в особо признанных отечественных и зарубежных профессиональных изданиях.

Для студентов и их родителей значимым имиджевым моментом является инфраструктура вуза. Наличие качественной студенческой столовой, уровень благоустройства общежития и т. д.

Рассматривая вопрос имиджа, нельзя упустить такую характеристику имиджа, как эффективность. Целью вуза, как и любой организации, является формирование эффективного, благоприятного имиджа, формирующего гармоничные отношения с общественностью.

Эффективный имидж вуза – это имидж, в котором набор положительных характеристик об университете в комплексе способствует достижению основных целей университета, а также повышает конкурентоспособность на рынке образовательных услуг. Он привлекает абитуриентов и профессорско-преподавательский состав, уровень преподавания повышается и соответственно повышается уровень выпускников. Имидж должен быть целенаправленным и соответствующим ожиданиям потребителей образовательных услуг.

Заключение. Таким образом, имидж вуза – это общее представление, состоящее из набора убеждений и ощущений, которое складывается у потребителей (реальных и потенциальных) образовательных товаров и услуг об учебной организации.

Позитивный имидж повышает конкурентоспособность образовательного учреждения на рынке. Он привлекает потребителей образовательной услуги и увеличивает их количество [5].

Имидж вуза – важный элемент коммуникационной среды. Он способствует восприятию организации, в частности вуза, в большом коммуникационном пространстве. Имидж вуза – это визуально-эстетический образ, обладающий рядом индивидуальных признаков, оказывающих с помощью определенных средств воздействие на индивидуальное, групповое и массовое сознание.

Литература

1. Алешина И. В. Корпоративный имидж // Маркетинг. 2003. № 1. С. 14.
2. Антипов К. В., Баженов Ю. К. Пабллик рилейшнз. М., 2002.
3. Имиджелогия-2004: Состояние, направление, проблемы: материалы Второго Международного симпозиума по имиджелогии / под ред. Е. А. Петровой. М., 2004.
4. Красовский Ю. Д. Организационное поведение: учеб. пособие для вузов. М., 2005.
5. Крылов А. Н. Влияние имиджа на качество учебного процесса в вузе // Управление качеством учебного процесса в вузе: Проблемы и перспективы. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2006.
6. Петрова Е. А. Психология имиджа: Наука или искусство? М., 2003.

Поступила 15.03.2014

УДК 802/809-07

Т. А. Сенькова, преподаватель (БГТУ)

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ И ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются основные методы речевых навыков, а также основных принципов преподавания говорения на иностранном языке. Речь идет также о разработке эффективных средств формирования навыков говорения – диалогов и монологов. Упражнения, выполняемые студентами, призваны в конечном итоге сформировать и отшлифовать способность ориентироваться в естественных ситуациях общения, что способствует языковой самостоятельности студентов. В статье также подчеркивается, что основой успешного речевого общения является коммуникативная ситуация и что ситуация и речь тесно взаимосвязаны, язык развивается через ситуации и не может быть отделен от них.

The basic methods of speech skills as well as the basic principles of teaching speaking a foreign language are considered in this article. It is also about the development of effective means of the formation of the skill of speaking – dialogues and monologues. Exercises done by students, are intended eventually to form and polish the ability to navigate in natural communication situations that promotes linguistic independence of students. The article also emphasizes that the basis of successful verbal communication is a communicative situation, and that the situation and speech are closely interconnected, and that language is undergoing development through the situation and can not be separated from it.

Введение. Основное назначение иностранного языка как предметной области вузовского обучения – совершенствование студентами навыков общения на иностранном языке.

Речь идет о закреплении коммуникативной компетенции, т. е. способности и готовности осуществлять как непосредственное общение (говорение, понимание на слух), так и опосредованное общение (чтение с пониманием иноязычных текстов, письмо).

Говорение – это продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого (совместно с аудированием) осуществляется устное вербальное общение. Содержанием говорения является выражение мыслей в устной форме. В основе говорения лежат произносительные, лексические, грамматические навыки. В большинстве методов обучения говорению является одним из важнейших направлений преподавания. По большей или меньшей роли программирования высказывания различают инициативную (активную) речь, реактивную (ответную) речь, репродуктивную (стохастическую) речь.

Психологическая структура акта говорения включает четыре фазы: 1) побудительно-мотивационную, при которой проявляется потребность человека в общении под влиянием определенной цели высказывания; 2) аналитико-синтетическую, представленную в виде свернутых умственных действий по программированию и формулированию мыслей (здесь функционирует механизм внутреннего оформления высказывания, обеспечивающий выбор слов и грамматическое прогнозирование); 3) исполнительную – звуковое и интонационное оформление мысли; 4) контролирующую, задача которой – сигна-

лизировать о возможных ошибках и способствовать их исправлению; контроль предполагает наличие у говорящего эталона, формирующегося в результате языковой практики и сличения собственной речи с эталоном [1].

Основная часть. Навыки и умения подготовленной речи, ее реактивность, спонтанность, тема вырабатываются в диалоге; умения и навыки подготовленной речи с ее инициативностью, логичностью, последовательностью – в монологе.

Одним из наиболее эффективных средств развития и формирования навыка говорения в обучении иностранным языкам по правилу считается диалог. Условия, в которых протекает диалогическая речь, определяют ряд ее особенностей, к которым относятся: краткость высказывания, широкое использование неречевых средств общения (мимика, жесты), большая роль интонации, разнообразие особых предложений неполного состава, свободное от строгих норм книжной речи синтаксическое оформление высказывания, преобладание простых предложений.

При обучении диалогической речи рекомендуется варьировать различные виды диалогов и формы работы с ними: диалог-беседа, диалог-инсценировка, беседа студентов между собой и с преподавателем, парная и групповая. Основным средством обучения диалогической речи являются упражнения. В процессе их выполнения формируются умения: запрашивать информацию, адекватно реагировать на реплику собеседника, употреблять штампы диалогической речи, комбинировать реплики при построении диалога и др.

При обучении монологической речи вырабатываются языковые автоматизмы, т. е. навы-

ки быстрого и безошибочного пользования фонетическим, лексическим, грамматическим материалом. В центре внимания находится также выражение содержания с помощью адекватного лексико-структурного материала, развитие умений инициативной речи [2].

Современная методология обучения иностранному языку различает следующие модели речевой коммуникации: 1) официальный индивидуальный контакт; 2) деловой разговор; 3) свободная беседа; 4) групповая официальная беседа; 5) монолог в групповой беседе; 6) публичное общение.

В свою очередь преподавание иностранных языков базируется на следующих принципах обучения устной речи:

- принцип коммуникативной направленности;
- принцип моделирования типичной коммуникативной ситуации;
- принцип коммуникативной деятельности;
- принцип интенсивной практики;
- принцип поэтапности речевых умений;
- принцип адекватности.

Важность принципа коммуникативной направленности для обучения иностранному языку и особенно устной речи общепризнанна. Рассматриваемый принцип пронизывает все основные этапы организации обучения речи. Его соблюдение ведет к требованию, чтобы отобранный минимум языкового инвентаря обеспечивал уровень коммуникативной достаточности, т. е. возможности участия в реальной коммуникации. При включении речевого материала в программу следует оценивать каждую фразу с точки зрения реальности ее появления в естественных актах устного общения. При следовании принципу коммуникативной направленности вся система работы преподавателя подчинена созданию у студента мотивированной потребности в иноязычно-речевой деятельности. Речевые операции при работе над языковым материалом должны (где только возможно) носить коммуникативный характер.

Основой устного общения является коммуникативная ситуация. Ситуация и речь тесно связаны между собой. Язык развивается через ситуации и неотделим от них [3].

Современная методика преподавания иностранного языка исходит из того, что иноязычной речи следует обучать не как отвлеченному коду, а как специфической психофизиологической деятельности, обеспечивающей производство и восприятие высказываний на иностранном языке, как операционной готовности включения в ту или иную ситуацию реального общения.

Ситуация динамична, меняется вместе с речевыми действиями, в зависимости от них. Каждая реплика продвигает ситуацию. Ситуация

выступает как основа отбора и организации речевого материала. Поэтому представляется методически неверным считать тему некоей «точкой отсчета» и дробить ее на ситуации.

Ситуация «питается» темой, но не одной, а несколькими: комбинации зависят от смысловых отношений. В этом плане предпочтительнее говорить не о тематичности ситуаций, а об их содержательности.

Предметы обсуждения связаны обычно определенными отношениями, существуют вне нас. Но в какой-то момент они «подключаются» к деятельности человека: совершается определенное событие, которое вносит рассогласование в систему взаимоотношений между человеком и средой (другим человеком). Появляется проблема. Ситуация как проблема вызывает речевой поступок, выражающий в отношении человека к рассогласованию системы и в желании снова привести ее в «в норму». Отношение человека к проблеме есть его речевая функция [4].

Таким образом, преподаватель должен добиваться не только умения порождать устные высказывания, но и порождать определенное ролевое поведение в процессе акта общения. Студенты должны владеть ролью как говорящего, так и слушающего. Коммуникативная задача говорящего – завладеть вниманием слушающего, добиться приема своего сообщения, получить на него реакцию, учитывать при производстве высказываний ситуацию общения, личность слушающего. Следовательно, обучение иноязычной речи предполагает также овладение определенной коммуникативной техникой.

Психофизиологической базой речевой деятельности служит навык, или автоматизированное умение, ставшее в результате многократных повторений наиболее экономным и свободным способом исполнения данного действия. Не все языковые элементы даже в родном языке находятся у его носителей на уровне навыков. Иные являются лишь умениями или просто знаниями, часто усвоенными лишь в процессе данного акта общения. Однако владение основным ядром лексических единиц и моделей предложений всегда характеризуется высоким автоматизмом. Отсюда – настоятельная необходимость организации в учебных условиях целенаправленной интенсивной практики использования в речи языковых знаков.

Овладение языковым материалом и операциями с ним в речи осуществляется поэтапно. Это означает решение на каждой данной ступени обучения только одной задачи, развития лишь одной стороны речевого умения. При этом общее направление должно идти от овладения иноязычно-речевой формой к способности выразить с ее помощью некоторого содержания.

Под принципом адекватности понимается такое упражнение, которое содержит в себе либо все формируемое действие, либо его элементы. Так, применяя вопросно-ответные упражнения при обучении диалогической речи, мы как бы моделируем соответствующую форму реального общения. Такие формы работы можно считать адекватными. Следовательно, при отборе или разработке учебных действий для использования на завершающих этапах формирования устно-речевых умений – для развития коммуникативной речи – следует иметь в виду, чтобы как своим содержанием, так и процедурой выполнения упражнения в максимальной степени соответствовали реальным коммуникативным действиям. Эти упражнения призваны в конечном итоге сформировать и отшлифовать способность ориентироваться в естественных ситуациях общения.

Процесс общения характеризуется постоянной сменой темы разговора, обстоятельств, задач и т. д. Новизна обеспечивает гибкость речевых навыков, а также развитие речевого умения, в частности его динамичности (методически не подготовленной речи), способности перефразировать (качество продуктивности), механизма комбинирования, инициативности высказывания, темпа речи и особенно стратегии и тактики говорящего. Для этого необходимо постоянное варьирование речевых ситуаций. Очень хороший контекст деятельности может быть задан специальными фильмами. Это должны быть событийные фильмы, интересные по содержанию (проблеме), коммуникативные по направленности (учет сферы коммуникации), методические по характеру [5].

Заключение. Коммуникация в устной форме (диалог и монолог) является одной из ос-

новных задач обучения иностранному языку в практических целях. В учебных целях могут использоваться также естественные ситуации реальной жизни студентов дома, в вузе, за его пределами, жизненный опыт и любые реальные события, соответствующие осваиваемым темам. В современной методике на смену фронтальной работе на занятии все более активно приходят социальные/интерактивные формы обучения. Выполняя парные и групповые задания, студенты сосредотачивают свое внимание на содержании высказывания. При этом важна цель совместной деятельности: узнать новую информацию, оценить ее, сообща обсудить проблемные задания, сопоставить разные точки зрения, принять участие в дискуссии, совместно сделать проект. В процессе выполнения интерактивных заданий студенты развивают языковую самостоятельность. Основную роль при формировании и закреплении языковых навыков выполняет диалогическая речь.

Литература

1. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
2. Борисова Р. Г. О некоторых приемах обучения диалогической речи. Иностр. языки в школе, 2003.
3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991.
4. Маслыко Е. А. Пути формирования мотивации овладения студентами иностранного языка. М., 1999.
5. Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М., 2002.

Поступила 30.03.2014

РЕФЕРАТЫ

УДК 930:94(470)(476)''17/18''

Крючек П. С., Сергеев В. Н. **Проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX вв.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 3–6.

В конце XVIII века в результате разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. С этого момента перед исторической наукой была поставлена задача научно обосновать законность включения белорусских и украинских земель в состав России. В статье рассматривается вопрос о том, как решалась проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX века.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 930.1 (476)«1917/1918»

Семенчик Н. Е. **Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси (март 1917 – март 1918 гг.) в освещении отечественной историографии** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 7–10.

Статья освещает отечественную историографию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси в период Февральской и Октябрьской революций (март 1917 – март 1918 гг.). Определена историографическая периодизация, охарактеризованы особенности каждого из ее этапов. Названы произведения отечественных авторов, которые внесли наибольший вклад в упрочение концепции о роли Советов как органов диктатуры пролетариата и крестьянства в революционных процессах 1917–1918 гг. Показаны современные состояние и тенденции изучения Советов Беларуси.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 94(476):323.17«1917»

Райченко А. А. **Историография проблемы белорусской государственности после Октябрьской революции 1917 г.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 11–14.

В статье рассматривается историография белорусского национального движения после Октябрьской революции. Анализируются подходы представителей различных политических течений к осмыслению исторических событий, приведших к реализации права белорусской нации на самоопределение. Выделяются основные направления, существовавшие в белорусской историографии в период 1917–1927 гг.

Библиогр. – 25 назв.

УДК 930(470)(476):94(476)''18/19''

Сергеев В. Н., Крючек П. С. **Образ Беларуси и белорусов в трудах российских и белорусских историков во второй половине XIX – начале XX века** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 15–18.

Вторая половина XIX века – это период становления белорусской исторической науки, которое проходило в сложных и противоречивых исторических условиях. Специфику развития белорусской историографии указанного периода в значительной степени определял не столько исследовательский интерес научного сообщества, сколько политические задачи, стоящие перед руководством Российской империи. Под влиянием указанных факторов сформировались три основных течения исторической науки с характерными подходами к оценке белорусской истории и культуры. Характеристике целей и принципов каждого из них посвящена данная статья.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 39(476):94(476)''17/18''(470.62)

Матвеев О. В. **Белорусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII – первой половине XIX в.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 19–21.

Большую роль в складывании этнокультурного пространства на Кубани и Черноморском побережье Северного Кавказа сыграли восточные славяне. В статье рассматривается проблема освоения Кубани и Черноморья переселенцами из белорусских губерний в конце XVIII – начале XX вв., а также процесс интеграции белорусов как в этнически родственное восточнославянское сообщество в рамках региона, так и в состав религиозно-этнической общности русских в рамках Российской империи.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 947.2:323.311

Доморад, А. А. **Особенности деятельности дворянских депутатских комиссий в Беларуси и Украине в первой половине XIX века** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 22–25.

В статье рассматриваются особенности практического функционирования институтов дворянского самоуправления в белорусских и украинских губерниях в первой половине XIX в., проводится сравнительный анализ деятельности дворянских депутатских собраний на территориях бывшей Речи Посполитой и внутренних российских регионов, анализируются особенности процесса выборов кандидатов на должности, отношения должностных лиц органов самоуправления и местной административной власти.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 37(476):94(476)«18/19»

Острога В. М. **История народного образования и учительства Беларуси в исследованиях второй половины XIX – начала XX в.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 26–29.

В статье рассматриваются проблемы истории народного образования и учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв., которые являлись предметом изучения дореволюционных исследователей. В это время сложилось два научных направления: проправительственное и национальное. Труды ученых, известных педагогов, государственных и общественных деятелей носили в основном описательный характер. Вместе с тем ими был собран большой фактологический материал по вопросам организации системы начального (низшего) и среднего образования, проблемам подготовки педагогических кадров, их материального и правового положения, деятельности учительских обществ взаимопомощи и др.

Библиогр. – 24 назв.

УДК 94(476):94(470)«1920/1930»325.11

Козляков В. Е. **К вопросу об организации переселений из Беларуси в южные регионы СССР (20–30-е гг. XX в.)** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 30–33.

В статье анализируются некоторые важные аспекты переселений из Беларуси в южные районы СССР в 20–30-е гг. XX в. Показано, что на переселенческие процессы в указанный период воздействовало несколько факторов: малоземелье крестьянства; урбанизация сельских населенных пунктов, вызванная необходимостью укрепления обороноспособности страны; дальнейшие социально-экономические изменения, обусловленные индустриализацией и коллективизацией. Сделан вывод о том, что государственное регулирование этих процессов не всегда учитывало интересы граждан, тем более конкретной личности. Однако даже в этих условиях русские и белорусы находили взаимопонимание, основой которого являлись уважение друг к другу, трудолюбие и взаимопомощь.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 947.6. «1917»

Рыжанков И. М. **Общественно-политическая жизнь на этапе проведения земских выборов: по материалам белорусских губерний (сентябрь – октябрь 1917 г.)** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, филология, филология. С. 34–36.

В статье освещается проблема проведения земских выборов в сентябре – октябре 1917 года. Отмечается, что избирательная кампания стала для крестьянства как основной части электората этапом политической социализации. Во время выборов крестьяне встретили массу агитаторов и имели возможность ознакомиться с программами их партий, чтобы в дальнейшем сделать сознательный выбор, проголосовав на выборах в Учредительное собрание. Для них это был положительный опыт участия в государственных делах, который свидетельствовал о том, что крестьянство утрачивало черты архаичной общинной ментальности и постепенно втягивалось в русло практического решения не только корпоративных, но и общественных интересов.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 908:06.7(476)323.329«1920»

Денисов А. В. **Влияние европейского регионализма на краеведческое движение в Советской Беларуси в 1920-е гг.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 37–40.

В статье рассматривается степень влияния, которое оказал европейский регионализм на краеведческое движение в Советской Беларуси в 20-е гг. XX в. Несмотря на отсутствие тесных связей у научной среды БССР с регионалистами Западной и Восточной Европы, можно говорить о том, что оба движения имели общие характерные черты. Вклад в изучение идей и методов регионализма для их практического использования принадлежит идеологу белорусского советского краеведения Николаю Касперовичу, который осуществил ряд командировок в Финляндию и страны Прибалтики.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 821.161.3«1920/1930»

Коледа И. В. **Государственная языковая политика и становление советской белорусской литературы в 1920–1930-е годы в БССР.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 41–44.

Публикация посвящена такому направлению политики белорусизации, как расширение сферы деятельности белорусского языка. Акцентируется внимание на тех задачах, которые ставились при его разработке, мероприятиях, проведение которых содействовало их решению. Так, предусматривался перевод на белорусский язык системы школьного образования, среднего и высшего, подготовка соответствующих кадров, создание необходимой научно-технической базы. Прослеживается процесс становления белорусской советской литературы в этот период через деятельность первых литературных объединений.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 325.2:061.213(476)(477)

Коваль О. В. **Особенности сотрудничества белорусской и украинской эмиграции в странах Латинской Америки (1918–1939)** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 45–48.

В статье рассмотрены вопросы политического и культурного сотрудничества представителей белорусской и украинской диаспор в странах Латинской Америки. Анализируется роль Саюза украинских и белорусских рабочих организаций в межвоенный период. Особое внимание уделяется работе библиотеки имени Тараса Шевченко в Буэнос-Айресе и влиянию Культурного центра имени Тараса Шевченко в Монтевидео на развитие культурной жизни белорусской эмиграции.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 378.6(476)«1944/1991»

Острога В. А. **Изучение зарубежной экономической истории в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. 1944–1991 гг.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 49–52.

В статье рассматривается изучение зарубежной экономической истории в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. В. Куйбышева в 1944–1991 гг. На основе архивных источников раскрывается история преподавания и проблемы исследований различных аспектов экономической истории СССР и зарубежных капиталистических и социалистических стран, вопросы развития СЭВ, экономического сотрудничества и др. Экономическим и научным центром стала кафедра экономической истории, созданная в 1968 г., на которой читался курс «История народного хозяйства зарубежных стран».

Библиогр. – 25 назв.

УДК 37(476):331.361:94(476)

Якуш Н. М. **Организация учебной системы повышения технической квалификации рабочих сельскохозяйственного производства БССР в 1976–1985 гг.** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 53–55.

В статье отражены направления работы по созданию возможностей для систематического повышения профессионального мастерства рабочих кадров технических специальностей агропромышленного комплекса. Исследованы вопросы организации специальных курсов при отделениях Госкомсельхозтехники БССР и непосредственно в хозяйствах, изучена стратегия совершенствования форм и методов обучения. Предметом конкретного анализа стали учебно-нормативная база курсов, наставничество, выездное обучение, школы передового опыта, программа технического всеобуча, специализация учебной сети. Сделаны выводы о том, что в 1976–1985 гг. были заложены организационные и материально-технические основы для подготовки и переподготовки технологически и профессионально грамотных сельскохозяйственных рабочих, а сам процесс повышения технической квалификации приобрел черты устойчивости и системности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.015.2.005.32-057.873

Александрович П. И. **Социализация личности студента** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 56–59.

Данная статья раскрывает современные подходы к пониманию социализации личности студента в учебно-воспитательном процессе вуза. Раскрывается сущность социализации, основные определения, а также факторы, влияющие на социализацию личности студента. Особое внимание обращено на студенческую молодежь, феноменам воспитательной деятельности молодежных организаций, системе воспитательной деятельности молодежных организаций. Уделено внимание важнейшей задаче воспитательной деятельности педагогического коллектива вуза, а именно: подготовке студента к выполнению различных социальных ролей – гражданина, семьянина и работника.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 008:316.42

Жарина Л. В. **Проблема сохранения культур в условиях глобализации** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 60–62.

В статье освещается проблема сохранения разнообразия культурного развития народов в условиях стремительно распространяющейся глобализации. Автор отмечает объективность глобализационного процесса, но подчеркивает настоятельную необходимость противостояния необоснованной унификации и стандартизации культурных образцов. Обращается внимание на тот факт, что результатом безудержной глобализации станет появление монокультурного мира, лишенного каких-либо возможностей совершенствования.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 355.42.424

Зайцев А. А. **Развитие взглядов ведущих стран НАТО на применение вооруженных сил** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 63–65.

В статье раскрыто развитие взглядов ведущих государств НАТО на применение вооруженных сил. Основным тезисом, определяющим эти взгляды, является исключение вероятности возникновения крупномасштабной войны в современных условиях мирового развития. Это потребовало изменения подходов военно-политического руководства ведущих стран НАТО на ведение войн, стратегию и тактику, формы и способы применения вооруженных сил.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 378:37:008

Гринева Е. А. **Полиэтническая культура как социокультурный феномен: сущность, генезис, подходы** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 66–68.

Обращенность современного общества к культуре, человеку, его духовному миру поистине становится доминантой цивилизованного развития. Поликультурность выступает в качестве императива развития целостного культурно-образовательного пространства. В статье раскрываются возможности общественных дисциплин для формирования у студентов таких ключевых понятий, как «культура», «диалог культур», «поликультурная среда», «столкновение культур». Автор опирается на работы Н. Бердяева, Э. Гелнера, И. Гобозова, Ю. Лотмана и др.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 113/119:008

Водопьянов П. А. **Становление новой цивилизации в условиях биосферного века** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 69–72.

В статье раскрыты причины кризисных явлений в жизни общества, показано, что одной из основных причин такого рода негативных явлений служит сложившиеся мировоззренческие и ценностные ориентации во взаимодействии общества и природы. Особое внимание уделено раскрытию причин духовного кризиса человека, обоснована необходимость поиска новых путей социально-экономического развития на основе учета закономерностей эволюции биосферы и формирования нравственности нового типа.

УДК 1:572.1.4

Шалаев В. П. **Система «Человек – Человек»: новые вызовы и старые проблемы (несколько тезисов о человеческой сущности): синергетический подход** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 73–77.

В статье на основе широкого круга привлеченных научных источников как отечественных, так и зарубежных, исследуются актуальные глобальные метаморфозы современности в системе «Человек – Человек». Эти глобальные метаморфозы в силу их фундаментального влияния на человека и общество получили в современной науке статус глобальных проблем современности и, несомненно, являются отражением процессов, происходящих с самим человеком, самой человеческой сущностью. Какие конкретно вызовы сложились, каковы их причины и пути дальнейшего развития – таковы основные вопросы исследуемой темы.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 327:316.32

Бурак П. М. **Вызовы и возможные следствия трансформации общества в условиях глобализации** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 78–81.

Статья посвящена интерпретации феномена усталости как вызова потребительского прогрессизма и активизма в современном обществе. С этой целью осуществлен анализ концепций усталости Ж. Бодрийера и О. С. Разумовского. Выявлено, что массовая человеческая усталость, существуя в скрытых формах протеста и явной агрессии, а также в виде состояния неспособности адекватно отвечать на вызовы, сама представляет собой глобализирующий вызов, остающийся без надлежащего ответа. В этой связи усталость рассматривается как задержанный вызов, что, в конечном счете, может стимулировать рост нестабильности в мире.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 004.056.57:316.4

О. П. Пунченко **Защита информации как маркер цивилизационного развития человечества** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 82–86.

В статье обосновывается сущность и жизненно важная необходимость защиты информации как маркера цивилизационного развития социума. Раскрываются основные системы, методы и средства защиты информации – криптографические, технические и социально-психологические. Раскрывается понятие информационной безопасности, которая структурирована по сферам деятельности человечества.

Библиогр. – 3 назв.

УДК: 001+14+397

Шалаева А. В. **Мифология в романтической науке: символика Фридриха Крейцера** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 87–90.

В центре исследования – Георг Фридрих Крейцер (1771–1858), профессор классической филологии Гейдельбергского университета, который первым объявил мифологию дисциплиной и заложил ее теоретические основания. В своем основном труде «Символика и мифология древних народов, в особенности греков» (1810–12, 2-ое изд. 1819, 3-е изд. 1837) он не только выработал теоретические основания мифологии как дисциплины, но и проанализировал большой объем мифологического материала. Исследование посвящено особенностям структуры работы Крейцера, специфике аргументации, способу, каким внешние философские идеи и источники влияли на центральные положения теории Крейцера, а также анализу идейного становления мифологии как дисциплины в этот период.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 124.5

Бурнашев К. Э. **Методологический потенциал хронотопа в вопросах исследования социального пространства** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 91–94.

Данная статья посвящена актуальной проблеме современного социально-философского знания – социальному пространству и вопросам его изучения. Рассматривается генезис представлений о социальном пространстве в зарубежной и отечественной традиции. В качестве наиболее конструктивного методологического принципа исследования социального пространства выдвигается принцип хронотопа (время – пространство). Отмечается недостаточная изученность хронотопа применительно к проблемам социально-гуманитарного знания и его эвристический потенциал при исследовании проблем, связанных с человеком и обществом. В итоге делается вывод о перспективах дальнейшего исследования проблем социального пространства сквозь ворота хронотопа.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 111+152.27

Шалаева С. Л. **Педология в России: историческая судьба и упущенные возможности (социально-философский аспект)** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 95–98.

В статье рассматриваются истоки возникновения педологии, описывается непростая и непродолжительная история ее становления в России, а также анализируются причины, которые привели к официальному ее запрету. С социально-философских позиций анализируются место и роль педологии в системе воспитания в современном обществе.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 316.728:330.58+316.485

Лазаревич Н. А. **Социально-экологические аспекты качества жизни** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 99–101.

В статье рассматриваются содержание и методологическое значение понятия качества жизни, позволяющее охарактеризовать объективные условия жизнедеятельности человека и субъективные оценки этих условий применительно к современным стратегиям социально-экологического развития. Определены базовые ценностные ориентации и ожидания различных социальных групп населения Беларуси в отношении эффективной социальной политики в области экологии. Показано, что в современных моделях социальной модернизации экологическая составляющая качества жизни является определяющей по отношению к другим факторам мироощущения и поведения человека.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 167/168:001:62

Дыдышко И. И. **Развитие технического знания как культурогенного процесса** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 102–105.

В статье исследуется и эксплицируется сущность технического знания. Этапы развития технического знания выделены по типам цивилизационного развития человечества – традиционный, техногенный, инфор-

мационный. Анализ роли технического знания раскрывает процесс раскрепощения технического духа человечества. Объяснено отличие технического знания от технических наук на основе динамики объективного и субъективного.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 1(091); 172.4

Сидоренко И. Н. **Насилие языка** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 106–108.

В статье анализируется проблема вербального насилия и делается предположение о том, что человек способен к насилию именно потому, что способен говорить. Язык осуществляет насилие по отношению к называемой вещи не только посредством разрушения ее единства, но и посредством создания символической реальности существования смысла этой вещи. В статье особое внимание уделяется двум проектам насилия языка, представленным в философских концепциях М. Хайдеггера и В. Беньямина, общим для которых является понимание насилия как онтологического и божественного насилия языка. В итоге делается вывод о том, что западный рационализм создал стерильные зоны ненасилия в символическом пространстве реальности, тем самым столкнув современный мир с тотальностью мифического насилия.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 37.01:15

Цыра А. В. **Инновационность науки как универсальный феномен современного социоэкономического развития общества** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 109–112.

В статье раскрывается сущность инновации как уникального феномена современного научного знания, ее качественное отличие от новаций, сопровождающих весь предыдущий этап развития науки. Инновации рассматриваются как уникальный атрибут науки, имеющий свою смысловую и системную нагруженность. Выделены базовые ценности инновационного развития современной науки. Инновации в современной науке и практике рассматриваются как деятельность, направленная на достижение экономической эффективности.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 1:281.9(476)

Кожич Н. М. **Православное духовное образование в жизни современного белорусского общества** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 113–115.

В статье показано современное состояние православного церковного образования в Беларуси. Освещается процесс реформирования духовной школы. Показано, что задачей православного образования является стремление противостоять явлениям духовного кризиса, способствовать развитию культурного процесса. Делается вывод о том, что церковь стремится к сближению систем богословского и светского образования, утверждает необходимость приоритета религии во всех сферах общественной жизни.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 341

Матусевич О. А. **Мемориальное законодательство: генезис и противоречия** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 116–118.

Статья посвящена анализу мемориального законодательства. Автор анализирует причины возникновения мемориальных законов, особенности мемориального законодательства в различных странах. В статье рассматриваются противоречия данных законов основам правового регулирования и сфере исторических исследований, высказывается сомнение в целесообразности принятия мемориальных законов и возможности их применения в судебной практике без нарушения прав и свобод личности.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 347/214

Сергеева Е. М. **Особенности правового регулирования сделок с недвижимым имуществом. Аренда** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 119–121.

В настоящей статье рассматривается форма гражданско-правовой сделки, определенная законодательством Республики Беларусь обязательным условием действительности сделки. На примере договора аренды анализируются положения Гражданского Кодекса РБ определяющие форму сделки в зависимости от объекта, по поводу которого участники оборота заключают договор.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 342.9:343.351

Зенькович В. А. **К вопросу об изучаемой учебной дисциплине «Основы управления интеллектуальной собственностью» в Белорусском государственном экономическом университете** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 122–124.

В статье обосновывается необходимость изучения студентами понятия терминов в сфере интеллектуальной собственности, основных положений международного и национального законодательства. Доказывается потребность совершенствования законодательства в области интеллектуальной собственности, порядка оформления и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 821.161.3:82-1

Трус Н. В. **Украинский вектор творческих интересов Владимира Жилки** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 125–128.

В статье рассматривается украинская литература как объект внимания Владимира Жилки пражского и минского периодов жизни и творчества. Заинтересованность поэта, продиктованная схожестью исторических путей белорусского и украинского народов, была реализована в стихосложении, переводческой практике, а также общественной и культурной деятельности одного из ярких представителей белорусской литературы 1920-х годов.

Библигр. – 8 назв.

УДК 882.6-09

Федорцова, Т. Н. **Особенности синтаксических средств в поэзии второй половины XX и первой половины XXI столетий** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 129–134.

В художественных текстах существуют специальные художественные приемы, которые активно воздействуют на эмоции и чувства читателей. Безусловно, меняется время, меняется и поэтический синтаксис. Ведь сегодня поэзия стремится избегать описательности и поэтому щедро, но очень вдумчиво вбирает в себя медитативность, ассоциативность мышления, стремление к философским рассуждениям и выводам, чтобы понять закономерности жизни и передать их в живописных, точных или символических образах. Найти не только свое слово, свою тему, неповторимость сюжета, но построить стихотворения на экспрессии художественной речи – творческое кредо каждого поэта, каждой одаренной личности.

В статье показано, как наряду с распространенными стилистическими фигурами (полисендетон, асиндетон, риторический вопрос, риторическое обращение, риторический оклик и др.) создатели поэтических произведений используют анадиплосис, геминацию, хаязм, ретродацию и др. Таким образом, использование разнообразных синтаксических фигур придает белорусской поэзии своеобразную ритмичность и соответствующую идее произведения тональность, должный заряд экспрессивности и эмоциональности.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 882.6

Шевлякова-Борзенко И. Л. **Художественная (само)идентификация: легитимация понятия в контексте развития новейшей белорусской литературы** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 135–139.

Статья посвящена проблемам актуализации и легитимации понятий «идентичность» и «идентификация» в современном белорусском литературоведении. Очерчиваются содержание, структура, функциональные возможности понятия «художественная (само)идентификация». Раскрывается ее концептуальный и методологический потенциал в контексте теоретико-литературного осмысления закономерностей и тенденций развития национальной художественной словесности.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 82.09-1+82.0

Городницкий Е. А. **Проблема автора в белорусском литературоведении** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 140–144.

Проблема автора является одной из самых актуальных и широко дискутируемых в современной литературоведческой науке. В данной статье она рассматривается в теоретическом и историческом аспектах. Для белорусского литературоведения важность решения этой проблемы обусловлена спецификой исторического развития национальной литературы, ее тесной связью с фольклором. Авторское самосознание формировалось в белорусской литературе нового времени постепенно, во взаимодействии с традиционными формами коллективно-массового художественного сознания.

Как важнейшая антитеза коллективно-массовому типу художественного выражения в белорусской литературе в начале XX в. и в позднейшее время появляется довольно большое количество произведений с определенными признаками автобиографизма. Степень автобиографичности произведения по-своему определяется автором и читателем. В наше время, когда возрастает роль читателя как интерпретатора художественного мира литературного произведения, анализ восприятия именно читателем автобиографизма в произведении имеет существенное значение. В статье также рассматриваются авторские жанры как один из способов проявления авторского мировидения.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 81'282.2(476.7)

Босак В. Н., Босак А. А., Климчук Ф. Д. **Особенности инновационных явлений в говорах Верхнего Надьясельдья** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 145–147.

В статье приведены результаты исследований особенностей инновационных явлений в говорах Верхнего Надьясельдья (Пружанский район Брестской области Республики Беларусь и пограничье). Верхнее Надьясельдье является окраиной инновационных явлений, которые расширились в данный регион с двух центров: северного (гродненско-барановичского) и южного (брестско-пинского). Существуют еще инновации собственно полесские, которые противопоставляются как гродненско-барановичскому северу, так и брестско-пинскому югу.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 811.161.3:003.081.4

Швед Г. Ф. **Ў – буква современного белорусского алфавита** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 148–149.

В статье исследуется уникальная буква белорусского алфавита «ў». Решены следующие задачи: раскрыто происхождение «ў», проанализированы изменения в правописании, исследована востребованность этой буквы. Работа показывает оригинальность и неповторимость единственной буквы не только в лингвистике, но и в культурной жизни белорусов.

«Ў» – буква, которая чувствуется как символ, как своеобразный опознавательный знак белорусов.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 81'38

Гусева О. Н. **Фразеология научной и деловой речи** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 150–152.

Статья посвящена устойчивым сочетаниям, употребляемым в научном и официально-деловом стилях, их свойствам, особенностям образования и функционирования в речи. Рассматриваются основные модели образования фразеологизмов, приводится их классификация по соотнесенности с той или иной частью речи, по компонентному составу; анализируются свойства устойчивых сочетаний научного и официально-делового стилей сравнительно с фразеологизмами общелитературными. Статья адресована филологам, а также широкому кругу читателей, желающих повысить уровень своей компетенции в области культуры речи, практической и функциональной стилистики.

Библиогр. – 18 назв.

УДК 81'243

Козлякова Т. А. **Лингвистический аспект проблемы формирования речевых навыков и развития речевых умений иностранных учащихся** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 153–155.

В статье анализируется лингвистический аспект в обучении иностранных учащихся русскому языку как иностранному. Говорится о важности формирования лексических, грамматических, произносительных навыков. Описываются особенности, характерные для диалогической и монологической видов речевой деятельности. Акцентируется внимание на умениях, которые должны быть развиты при обучении говорению.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 81'246.2

Жуковская Т. В. **Особенности изучения русского языка как иностранного в условиях билингвизма** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 156–158.

В данной статье анализируется специфика усвоения русского языка как иностранного в Беларуси. Наличие билингвизма в нашей стране создает некоторые специфические трудности при обучении русскому языку иностранных учащихся, испытывающих интерферирующее влияние белорусского языка окружающей среды. Предлагаются некоторые способы решения проблемы преподавания русского языка, которые позволят организовать целенаправленную работу по осознанию учащимися специфики общерусской национальной и локальной белорусской культуры, что будет способствовать их аккультурации в новой языковой среде.

УДК 81'243:811.161.1'373

Миксюк Р. В. **Лексический аспект при изучении русского языка как иностранного** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 159–161.

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с изучением лексики иностранными учащимися на элементарном, базовом и продвинутом этапах обучения. Внимание автора обращено на основные методы и приемы при семантизации и активизации лексики, на типы заданий при работе со словом. Широко рассматриваются такие средства семантизации лексики, как антонимия, синонимия, словообразование, степень вы-

раженности признака, лексическая сочетаемость, контекст, стилистическая окрашенность и другие. Предметом рассмотрения в статье является безэквивалентная (лингвострановедческая, лингвокультуроведческая) лексика, играющая важную роль в межкультурной коммуникации. Большое внимание уделяется работе с терминологией, подчеркивается ее важность для будущей профессиональной деятельности.

УДК 81'243

Савицкая Н. Е. **Формирование необходимых компетенций в сознании иностранных учащихся при изучении русского языка как иностранного** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 162–164.

В статье рассматриваются компетенции, которые необходимо формировать в сознании учащихся. Они описывают, чем необходимо овладеть учащемуся, чтобы использовать язык в целях общения, какие знания и умения необходимо освоить, чтобы общение было успешным. Исходя из общеевропейских подходов, следует отметить, что в современную методику включаются новые стратегии обучения, в практику обучения включаются результаты исследования когнитивной лингвистики, языковой картины мира, взаимодействия языка и культуры.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 37.091.39

Старченко Д. В. **Интерактивные технологии в обучении иностранным языкам** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 165–167.

Вопросы коммуникативного обучения иностранному языку в системе профессионального образования приобрели особое значение в условиях возрастания значимости иностранных языков, вызванных тенденциями глобализации и интернационализации в последние десятилетия. Ориентация на новые цели образования требует изменения методов и форм организации учебного процесса. Преподаватель иностранного языка должен владеть современной технологией преподавания, используя интерактивные технологии, которые особенно целесообразны при ускоренном обучении студентов иностранному языку. Сочетание традиционных интенсивных методик обучения и современных интерактивных методов является важным условием эффективного обучения иностранному языку в вузе.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 378.147:811

Рогова О. А. **Академическая мобильность как фактор повышения мотивации к изучению иностранных языков** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 168–170.

В работе рассматриваются аспекты международной деятельности университета, связанные с академической мобильностью студентов и преподавателей и непосредственным образом влияющие на процесс интернационализации университета и его интеграции в международное научное и образовательное пространство. Особое подчеркивается необходимость владения участниками программ академической мобильности и других международных проектов иностранными языками. Сформулированы основные факторы, оказывающие воздействие на мотивацию к изучению иностранных языков, а также рекомендации по оптимизации и адаптации учебных курсов и занятий к соответствующим целям и результатам обучения.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37.091.64

Коженец Т. С. **Организация обучения в Центре языковой подготовки БГТУ и актуальные направления его работы** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 171–173.

В статье рассматривается проблема обеспечения эффективного обучения иностранному языку, которое сегодня является актуальной задачей высшей школы. Организация обучения студентов и преподавателей иностранному языку в Центре языковой подготовки направлена на повышение качества языкового образования в БГТУ. Автор статьи формулирует цели и задачи работы Центра языковой подготовки, а также подробно останавливается на главных аспектах перспективных направлений его деятельности. Автор аргументирует необходимость использования эффективных коммуникативных методик преподавания и активного внедрения инновационных технологий в процесс обучения, освещает подходы к оценке уровня иноязычной коммуникативной компетенции слушателей Центра. Отдельное внимание уделено содержанию программ обучения и вопросам расширения спектра предлагаемых курсов.

УДК 81'255.2:6:811.112.2

Козловская Н. А. **Компетентностный подход при переводе технического текста на занятия по немецкому языку** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 174–176.

Автор статьи констатирует тот факт, что в век высоких технологий технический перевод выходит на лидирующие позиции среди всех лингвистических операций. Требования к качеству такого перевода постоянно растут. Основной стилистической чертой научно-технического текста является точное и четкое изложение мате-

риала при почти полном отсутствии тех выразительных элементов, которые придают речи эмоциональную насыщенность. Главный упор делается на логической, а не на эмоционально-чувственной стороне излагаемого.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 37.091.33:159.9

Теплова Н. В. **Психологические особенности изучения иностранного языка студентами технических вузов** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 177–179.

Статья затрагивает проблемы психологической готовности студентов к изучению иностранного языка в технических высших учебных заведениях. Автор подробно описывает основные методы повышения уровня языковой подготовки студентов на занятиях, учитывая их социально-психологические аспекты. Знание психологических особенностей современного студента помогает преодолеть барьеры, ведущие к нежеланию изучать иностранный язык. Активное использование иностранного языка в профессиональной деятельности будущих инженеров остается сегодня одной из основных задач.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 004.0:81'1:27.026

Царенкова В. В., Шпановская С. И. **Логическая структуризация учебного материала как средство систематизации и обобщения знаний** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 180–182.

В статье рассматривается оптимизация учебного процесса иноязычной подготовки студентов. Авторы описывают выявленные педагогические условия, оптимизирующие учебный процесс иноязычной подготовки. Показан один из возможных вариантов поэтапной организации учебной деятельности в условиях новых образовательных стандартов. Показывается, что данная технология направлена на восприятие и усвоение готовых форм социального опыта носителей языка, а также на интеграцию приобретенного социального опыта, его активное воспроизведение и использование для решения социально-коммуникативных задач.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 811.161.3(276.3)

Ячная Т. А. **Выбор стратегии ассоциирования (гендерный аспект)** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 183–185.

Гендерный аспект является одним из важнейших условий при изучении языкового сознания и национального коммуникативного поведения. Тематическая направленность ассоциирования определяется множеством факторов, игнорирование хотя бы одного из которых может привести к искаженному представлению о языковой картине мира. Ассоциативный эксперимент является своеобразным показателем предречевой способности индивидуума и наглядно демонстрирует наличие гендерных различий в выборе стратегии ассоциирования. Очевидно, что «женское» коммуникативное поведение отличается от «мужского», и изучение этих отличий требует особого внимания.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 802/809-07

Антонова О. С. **Методика обучения студентов неязыкового вуза чтению профессиональных текстов с целью порождения различных форм вторичных высказываний** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 186–188.

В статье рассматривается новая текстоцентрическая методика, цель которой заключается в разработке практических основ обучения перекодированию информации, полученной из текстов по будущей специальности, для построения вторичных высказываний. Результатом перекодирования информации является «вторичный текст». Автор предлагает основные модели «вторичных текстов» и дает подробное описание методов их построения посредством соответствующих упражнений. Особое внимание уделяется графическому изображению текстового материала, предполагающее заполнение ментальных, маркировочных и концептуальных таблиц, кластеров, денотатных граф, схем «Фишбоун».

Библиогр. – 4 назв.

УДК 81'243:316.77

Винокурова Н. В. **Особенности межкультурной коммуникации в ходе обучения иностранным языкам** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 189–191.

Статья посвящена проблеме межкультурной коммуникации в ходе обучения иностранным языкам. В статье затрагиваются вопросы: почему возникает множество трудностей в понимании, когда представители различных культур строят контакты между собой, и что мешает успешной межкультурной коммуникации. Автор подробно описывает технологии обучения межкультурной коммуникации.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 338.46:37

Янукович Е. И. **Имиджеобразующие факторы содействия брендингу образовательных услуг** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 192–195.

В статье анализируются актуальные вопросы создания имиджа университета и оценка его конкурентоспособности на международном рынке образовательных услуг, а также брендинг образовательных услуг как самый современный и эффективный способ привлечения и удержания внимания потребителей. Проведен анализ факторов, применимых к формированию имиджа университета, а также рассмотрены особенности организации этого процесса на примере БГТУ. Автор рассматривает основные составляющие имиджа высшего учебного заведения, способы его формирования и влияние положительного имиджа и имиджевой идеологии образовательного учреждения на качество обучения в нем. В работе описываются основные подходы к пониманию имиджа, а именно: психологический, импрессионный, схематический – и анализируются две его составляющие – оценочная и описательная.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 802/809-07

Сенькова Т. А. **Методика формирования речевых навыков и основные принципы обучения говорению на иностранном языке** // Труды БГТУ. 2014. № 5: История, философия, филология. С. 196–198.

В статье рассматриваются основные методы речевых навыков, а также основных принципов преподавания говорения на иностранном языке. Речь идет также о разработке эффективных средств формирования навыков говорения – диалогов и монологов. Упражнения, выполняемые студентами, призваны в конечном итоге сформировать и отшлифовать способность ориентироваться в естественных ситуациях общения, что способствует языковой самостоятельности студентов. Подчеркивается, что основой успешного речевого общения является коммуникативная ситуация и что ситуация и речь тесно взаимосвязаны, язык развивается через ситуации и не может быть отделен от них.

Библиогр. – 5 назв.

RESUME

UDC 930:94(470)(476)''17/18''

Kruchok P. S., Sergeev V. N. **The issue of annexation of Belarusian lands to Russian Empire in historiography during the second half of the 18th – the beginning of the 19th century** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 3–6.

At the end of the 18th century Belarusian lands were annexed to the Russian Empire as a result of the Polish–Lithuanian Commonwealth's partitions. From that time, historical studies were targeted to scientifically substantiate that Belarusian and Ukrainian lands were annexed to Russia legally. The article is devoted to the topic how this problem was solved in historiography at the end of 18th – the beginning of the 19th century.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 930.1 (476) «1917/1918»

Semenchik N. E. **Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies of Belarus (March, 1917 – March, 1918) in native historiography** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 7–10.

Native historiography of Soviets of workers', soldiers' and peasants' deputies of Belarus during the February and October revolutions period (March, 1917 – March, 1918) is discussed in the present article. Historiographic periodization is given and peculiarities of its every stage are described. The works of native authors, who made the most valuable contribution to the strengthening of concept of the role of Soviets as the bodies of proletarian and peasantry dictatorship during revolutionary processes of 1917–1918, are named. Present-day tendencies of studies of Soviet Belarus' history are represented.

Bibliogr. – 15 sources.

UDC 94(476):323.17 «1917»

Raichenok A. A. **Historiography of Belarusian statehood issue after the October revolution of 1917** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 11–14.

Historiography of Belarusian national movement after the October revolution is reviewed in the present article. The author analyzes the approaches of different political movements to interpretation of historical events, which resulted into implementation of right of Belarusian nation to self-determination. Main schools of historiography during the period of 1917–1927 are defined.

Bibliogr. – 25 sources.

UDC 930(470)(476):94(476)''18/19''

Sergeev V. N., Kruchok P. S. **Image of Belarus and Belarusians in works of Russian and Belarusian historians during the second half of the 19th – early 20th century** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 15–18.

The second part of the 19th century was the period when Belarusian historical studies were formed under the influence of hard and contradictory historical conditions. The main features of Belarusian historiography were mostly defined not by research interest of scientific community but by political aims described by the authorities of Russian Empire. Under the influence of these factors, three schools of historical science were created, possessing their own approach to Belarusian history and culture. Characteristics of each school, including its approaches and aims, are given.

Bibliogr. – 8 sources.

UDC 39(476):94(476)''17/18''(470.62)

Matveev O. V. **Belarusians on Kuban and Black Sea coast at the end of 18th – in the first half of the 19th cc.** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 19–21.

The Eastern Slavs played a significant part in forming of ethno-cultural space on Kuban and at the Black Sea coast of the Northern Caucasus. The article deals with the issue of settlement of Kuban and The Black Sea coast by migrants from Belarusian provinces at the end of 19th – early 20th cc., and also the process of integration of Belarusians into both ethnically kindred Eastern Slavonic community within the region and Russian religio-ethnic community within the Russian Empire.

Bibliogr. – 8 sources.

UDC 947.2:323.311

Damarad A. A. **Features of activity of the noble deputy commissions in Belarus and Ukraine in the first half of the 19th century** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 22–25.

The article deals with the features of functioning of noble self-government institutions in Belarusian and Ukrainian provinces during the first half of the 19th century. The comparative analysis of activity of noble deputy assemblies in the territory of former Polish-Lithuanian Commonwealth and inland Russian regions is given, peculiarities of designees' selection and the relations between public officers of self-government bodies and local municipal administration are analyzed.

Bibliogr. – 8 sources.

UDC 37(476):94(476)«18/19»

Ostroga V. M. **The history of public education and teaching in Belarus in studies of the second half of the 19th – early 20th cc.** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 26–29.

The issues of history of public education and teaching in Belarus studied by pre-revolutionary researchers during the second half of the 19th – early 20th cc. are discussed in the present article. At that time two separate schools were formed: pro-government school and national school. The papers of scientists, famous teachers, state and public figures were mostly descriptive. In addition to that, they've collected a lot of scientific matter concerning the organization issues of primary and secondary education, the problems of pedagogical staff training, their financial and legal status, the functioning of teachers' mutual-aid societies, etc.

Bibliogr. – 24 sources.

UDC 94(476):94(470)«192/1930»325.11

Kazliakou V. E. **On the issue of organizing people's migration from Belarus to the southern regions of USSR (1920–30's)** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 30–33.

Some aspects of people's migration from Belarus to the southern regions of USSR during the 1920-30's are analyzed in the present article. It is stated that several factors influenced the resettlement processes: shortage of arable land for peasantry; urbanization of rural communities, caused by necessity of increasing country's defense capacity; further socio-economic developments caused by industrialization and collectivization. It is concluded that governmental regulation of these processes not always have taken interests of citizens, all the more separate individuals, into account. But even under such circumstances Russian and Belarusian people have found mutual understanding, based on respect to each other, diligence and mutual help.

Bibliogr. – 22 sources.

UDC 947.6. «1917»

Ryjankov I. M. **Socio-political life during the stage of holding of Zemstvo elections** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 34–36.

The article deals with the issue of holding Zemstvo elections in September – October, 1917. It's emphasized that election campaign became the stage of political socialization for peasantry being the main part of the electorate. During the elections the peasants met a lot of agitators and had an opportunity to familiarize themselves with party programs in order to make a conscious choice by voting on Constituent assembly elections. For peasantry it was a positive experience of taking part in state affairs, which indicated that peasantry itself was losing the features of archaic communal mentality and was gradually getting accustomed to practical solution of not only corporate, but also public interests.

Bibliogr. – 10 sources.

UDC 908:06.7(476)323.329«1920»

Denisov A. V. **The impact of European regionalism on local history movement in Soviet Belarus during 1920's** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 37–40.

A degree of impact of European regionalism on local history movement in Soviet Belarus during 1920's is considered in the present article. Despite the lack of close connection between the BSSR scientists with the regionalists from Western and Eastern Europe, one can say that both movements had common specific features. Nikolai Kasperovich, an ideologist of Belarusian Soviet regional studies who made several academic trips to Baltic countries and Finland, contributed to the research of ideas and methods of regionalism for practical use.

Bibliogr. – 6 sources.

UDC 821.161.3«1920/1930»

Koleda I. V. **State language policy and formation of Soviet Belarusian literature during the 1920–1930's in BSSR** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 41–44.

The present article deals with such line of Belarusianization policy as expansion of application field of Belarusian language. The tasks, which were set for this policy and steps towards the solutions of those tasks, are emphasized. Thus, the primary, secondary school educational system was planned to function only in Belarusian language. It was also planned to train proper personnel, to create necessary scientific and technological basis. The process of formation of Belarusian literature during this period is retraced.

Bibliogr. – 11 sources.

UDC 325.2:061.213(476)(477)

Koval O. V. **Cooperation between Belarusian and Ukrainian emigrants in Latin America** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 45–48.

The article deals with the issues of political and cultural cooperation between the representatives of Belarusian and Russian diaspora in Latin America. The role of The Union of Ukrainian and Belarusian Workers' Organizations during the interwar period is analyzed. Special attention is paid to the functioning of the Taras Shevchenko Library in Buenos Aires and to the impact of Taras Shevchenko Ukrainian Cultural Centre in Montevideo on the development of cultural life of Belarusian emigrants.

Bibliogr. – 15 sources.

UDC 378.6(476)«1944/1991»

Ostroga V. A. **The study of foreign history in Kuybyshev Belarusian State Institute of National Economy. 1944–1991** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 49–52.

The study of foreign history in Kuybyshev Belarusian State Institute of National Economy during the period of 1944–1991 is discussed in the present article. Using the archival sources of information as the basis, the author reviews the history of teaching and the research issues of various aspects of economic history of USSR and foreign capitalistic and socialistic countries, the CMEA (Council for Mutual Economic Assistance) and economic cooperation development issues, etc. The economic and scientific center of the present research was the Chair of Economic history, founded in 1968, where a course of «The history of foreign countries' national economy» was given.

Bibliogr. – 25 sources.

UDC 37(476):331.361:94(476)

Yakush N. M. **Organization of advanced technical training system of agricultural industry workers in BSSR during 1976–1985** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 53–55.

The article deals with the creation of opportunities for systematic personnel training of agricultural industry workers. The issues of organization of special courses by the Goskomselhoztehnika branches and directly by enterprises, and the improvement strategy of forms and methods of education are studied. The subject of analysis was regulatory base and training facilities, tutorship, on-site training; schools of best practice, the curriculum of mass compulsory education. It's concluded that in 1976–1985 there was created the basis for training and retraining of technically and professionally competent personnel of agricultural industry, and the process of training itself became more stable and systematic.

Bibliogr. – 7 sources.

UDC 378.015.2.005.32-057.873

Aleksandrovich P. I. **Students' socialization** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 56–59.

Modern approach to understanding of students' socialization within the teaching and educational process in institutes of higher education is reflected in this article. The point of socialization and the factors on which it depends, are reflected; the main definitions are given. Special attention is paid to the young students, peculiarities of their socialization and to the most important pedagogical goal – to prepare students for performing various social roles: of a citizen, a family man, a worker.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 008:316.42

Zharina L. V. **The issue of culture saving under globalization** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 60–62.

The problem of saving diversity of nations' cultural development under the circumstances of rapidly spreading globalization is reviewed in the present article. The author notes that globalization is an inevitable process, but emphasizes that it's necessary to oppose ungrounded unification and standardization of cultures. Special attention is paid to the fact, that unchecked globalization would soon result into appearance of monocultural world, devoid of any chance to perfect itself.

Bibliogr. – 2 sources.

UDC 355.42.424

Zaytsev A. A. **NATO leading countries' views on the use of military forces** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 63–65.

The progress of the NATO leading countries' views on the use of military forces is discussed in the present article. The main point, determining those views, is the elimination of large-scale war possibility under the present-day circumstances of world development. This required the change of political and military administration of the NATO leading countries' approaches to the conduct of warfare, strategy and tactics, forms and methods of using military force.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 378:37:008

Grineva E. A. **Polyethnic culture as a socio-cultural phenomenon: main point, genesis, approaches** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 66–68.

Modern society's orientation on culture, human, and his spiritual world is truly becoming a dominating idea of a civilized development. Cultural diversity is now an imperative of the development of integral cultural and educational space. The author discusses the resources of social disciplines for forming such students' notions as «culture», «culture dialogue», «multicultural environment», «collision of cultures». The author relies on the works of N. Berdyaev, E. Gellner, I. Gobozov, Y. Lotman, etc.

Bibliogr. – 7 sources.

UDC 113/119:008

Vodopyanov P. A. **Formation of a new civilization in biospheric century** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 69–72.

The article gives the analysis of the causes of the global society crisis. The fact is that the main cause for such negative trend is the sort of worldview and value orientation in the interaction of nature and society. The author pays special attention to analysis of the causes of humanity value crisis, justifies the necessity of new social and economic development research based on accountment of the laws of the biosphere evolution and foundation of the new kind of moral.

UDC 1:572.1.4

Shalaev V. P. **The «Man – Man» system: new challenges and old issues (a few points on human nature): synergetic approach** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 73–77.

In article, on the basis of a wide range of the involved scientific sources, both domestic, and foreign, actual global metamorphoses of the present in «Man – Man» system are investigated. These global metamorphoses owing to their fundamental influence on the person and a society, have received in a modern science the status global present problems, and, undoubtedly, are reflexion of processes occurring with the person, with the most human essence. What particularly calls have developed, what their reasons and ways of the further development – are that the basic questions of an investigated theme.

Bibliogr. – 18 sources.

UDC 327:316.32

Burak P. M. **Challenges and probable consequences of society's transformation under globalization** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 78–81.

Article is devoted to the interpretation of the phenomenon of fatigue as call progressivism and consumer activism in contemporary society. To this end, a review of concepts of fatigue Jean Baudrillard and O. S. Razumovsky. Revealed that the massive human fatigue, existing in hidden forms of protest and overt aggression, as well as a state of inability to respond adequately to the challenges of the globalizing itself is a challenge that remains without a proper response. Fatigue is considered as a detainee challenge that ultimately can stimulate the growth of instability in the world.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 004.056.57:316.4

Punchenko O. P. **Information security as a marker of civilized humanity development** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 82–86.

The article explains the essence and the vital need to protect the information as a marker of civilizational development of society. In addition, this article reveals the basic systems, methods and means of information protection – cryptography, technical and socio-psychological. Also the concept of information security is revealed, which is structured according to the spheres of human activity.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC: 001+14+397

Shalaeva A. V. **Mythology in romantic science: symbolism of Friedrich Creuzer** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 87–90.

Georg Friedrich Creuzer (1771–1858), who was first to announce mythology as a discipline and to lay theoretical grounds to mythology as a discipline, is in the center of the research. In his main work *Symbolism and mythology of the ancient peoples, particularly the Greeks* (1810–12, 2nd ed. 1819, 3rd ed. 1837) apart from working out theoretical grounds of mythology as a discipline, he also analyzed a great amount of mythological material. The research is dedicated to the specific structure of Creuzer's book, to the peculiarities of argumentation and to the special way in which outer philosophical influences and sources affected Creuzer's general concept.

Bibliogr. – 15 sources.

UDC 124.5

Burnashev K. E. **Methodological potential of chronotype over the research of social space** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 91–94.

This article is devoted to topical issues of contemporary social and philosophical knowledge – social spaces and study of it. The genesis of the concepts of social space in foreign and domestic traditions. The most constructive methodological principle study extends the principle of social space chronotype (time – space). There is insufficient scrutiny chronotype applied to the problems of social and humanities and its heuristic potential in the study of problems related to the individual and society. Finally the prospects for further research on social space through the gates of the chronotope are concluded.

Bibliogr. – 8 sources.

UDC 111+152.27

Shalaeva S. L. **Pedology in Russia: historical fortune and missings (social and philosophical aspects)** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 95–98.

This article discusses the origins of pedology, describes a complex and a brief history of its development in Russia, and analyzes the causes that led to its official prohibition. From socially-philosophical positions the place and the role of pedology in an educational system in a modern society are analyzed.

Bibliogr. – 6 sources.

UDC 316.728:330.58+316.485

Lazarevich N. A. **Social and ecological aspects of life quality** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 99–101.

In the article the content and methodological meaning of the life quality is considered. The life quality provides an opportunity to characterize the objective conditions of human life and the subjective evaluation of these conditions applied to modern strategies of social and environmental development. The basic value orientations and expectations of different social groups in Belarus in relation to effective social policy in the field of ecology have been defined. It is shown that the environmental component of life quality in the modern models of social modernization is a define constant in relation to other factors of man's mental outlook and behavior.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 167/168:001:62

Dydysenko I. I. **Development of technical knowledge as a cultural process** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 102–105.

The article investigates and explicates the essence of technical knowledge. The stages of development of technical knowledge are highlighted by the types of civilization development – traditional, technological and informational. Analysis of the role of technical knowledge discloses a process for the emancipation of the technical spirit of humanity. The difference from the technical knowledge of technical sciences is explained on the basis of objective and subjective dialectics.

Bibliogr. – 7 sources.

UDC 1(091);172.4

Sidorenko I. N. **Verbal violence** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 106–108.

In this article the problem of verbal violence is analyzed and the author makes the assumption that the person is capable to violence just because he is capable to speak. Language realizes violence in relation to a called thing not only by means of destruction of its unity, but also by means of creation of symbolical reality for existence of sense of this thing. In article the special attention is devoted to two projects of violence of the language, presented in M. Heidegger and W. Benjamin's philosophical concepts, the general for which is the understanding of violence as ontological and divine violence of language. In the conclusion it is approved that the western rationalism has created sterile zones of non-violence in symbolical reality artificially, thereby has pushed off the modern world with totality of mythical violence.

Bibliogr. – 1 source.

UDC 37.01:15

Tsyra A. V. **Scientific innovations as a universal phenomenon of society's modern social and economic development** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 109–112.

The article reveals the essence of innovation as the unique phenomenon of modern scientific knowledge, its qualitative difference from the novation that accompany the whole previous stage of scientific development. Innovations are considered as a unique attribute of science, which has its own semantic and system ladenness. The basic values of innovation development of modern science are highlighted. Innovations in modern science and practice regarded as activity directed on achieving economic efficiency.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 1: 281.9(476)

Kozhich N. M. **Orthodox religious education in life of modern Belarusian society** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 113–115.

The article demonstrates the modern state of the Orthodox Church education in Belarus. The article illustrates the process of reforming the spiritual school. It is shown that the task of Orthodox education is the desire to confront the phenomena of the spiritual crisis, promote the development of the cultural process. The conclusion made that the Church seeks proximation of the theological and secular education, asserts the necessity of the priority of religion in all spheres of public life.

Bibliogr. – 6 sources.

UDC 341

Matusevich O. A. **Memorial legislation: genesis and contradictions** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 116–118.

The article is devoted to the analysis of the memorial legislation. The author studies reasons of origin of memorial laws and features of the memorial legislation in various countries. Contradictions of these laws to bases of legal regulation and the sphere of historical researches are considered in the article. The author doubts the expediency of adoption of memorial laws and application of these laws in jurisprudence without violation of personal rights and liberty.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 347/214

Sergeeva E. M. **Peculiarities of legal regulation of real estate bargains. Lease** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 119–121.

In this article the author considers a form of civil transaction defined by the legislation of the Republic of Belarus as a prerequisite of the transaction validity. Lease agreement serves the example on the basis of which the provisions of the Civil Code of Republic of Belarus define form of transaction depending on the subject, about which parties enter into agreement turnover.

Bibliogr. – 2 sources.

UDC 342.9:343.351

Zen'kovich V. A. **On the issue of status of academic subject «Intellectual property management basics» in Belarusian State Economic University** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 121–124.

The article deals with the analysis of the necessity of studying concepts touching with intellectual property, studying the basic statements of international and national law system. Author proves the use of legislation development in problem touching with intellectual property, the protection of rights on intellectual property.

Bibliogr. – 7 sources.

UDC 821.161.3:82-1

Trus N. V. **Ukrainian vector of creative interests of Vladimir Zhilka** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 125–128.

The article deals with Ukrainian literature as an object of attention Vladimir Zhilka Prague period of life and creativity. Interest poet dictated by the similarity of the historical paths of the Belarusian and Ukrainian peoples, has been implemented in prosody, translation practice, as well as social and cultural activities of one of the brightest representatives of the Belarusian literature of the 1920's.

Bibliogr. – 8 sources.

UDC 882.6-09

Fedartsova T. N. **Features of syntactic means in poetry of the 2nd half of the XX – 1st half of the XXI centuries** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 129–134.

There are special artistic techniques in feature texts that actively influence the emotions and feelings of readers. Of course, time changes, so does the poetic syntax. After all, today poetry tends to avoid descriptiveness, in this view it greatly co-opts meditateness, associative thinking, aspiration for philosophic reasoning and conclusions in order to understand life laws and interpret them in the picturesque, exact or symbolic images. To find not only a word, theme, originality of the plot, but to build a verse expression of artistic speech – is a credo of each poet, each gifted person.

The article shows how creators of poetic lines use both anadiplosis, germination, hayazm, retardation and common stylistic figures (polisendeton, asyndeton, rhetorical question, rhetorical appeal, rhetorical call, etc). Thus, the use of various syntactic figures gives Belarusian poetry original rhythm and corresponded style as well as expressiveness and emotionality.

Bibliogr. – 13 sources.

UDC 882.6

Shevlyakova-Borzenko I. L. **Fiction (self-)identification: the legitimation of concepts in the context of the modern Belarusian literature** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 135–139.

The article is devoted to problems of updating and legitimating of the concepts «identity» and «identification» of modern Belarusian literary criticism. The contents, structure, functionality of the concept «art (itself)identification» are outlined. Its potential (conceptual, methodological) reveals in the context of theoretical research of regularities and tendencies of development of national art literature.

Bibliogr. – 7 sources.

UDC 82.09-1+82.0

Gorodnizky E. A. **The problem in the Belarusian literary website** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 140–144.

The problem of the author is one of the most actual and widely discussed in modern literary science. In this article it is considered in theoretical and historical aspects. For the Belarusian literary criticism importance of the solution of this problem is caused by specifics of historical development of national literature, its close connection with folklore. The author's consciousness was formed in the Belarusian literature of modern times gradually, in interaction with traditional forms of collective and mass art consciousness.

As the major antithesis to type of collective mass art expression in the Belarusian literature at the beginning of the XX century and at the latest time there is quite large number of works with certain signs of an autobiographism. Degree of autobiographism of work in its own way is defined by the author and the reader. Presently, when the role of the reader as interpreter of the art world of the literary work increases, the perception analysis of autobiographism in work by the reader has essential value. In article author's genres as one of ways of manifestation of an author's world outlook also are considered.

Bibliogr. – 2 sources.

UDC 81'282.2 (476.7)

Bosak V. N., Bosak A. A., Klimchuk F. D. **Particularities of innovation on subdialects of Verkhnyae Nadyaseldze** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 145–147.

The article presents the results of studies of innovation in the dialects of Verkhnyaye Nadyaseldze (Pruzhan district of Brest region and its boundary territory). Verkhnyaye Nadyaseldze is the outskirts of expansion of innovation that extends into the region from two centers: northern (Grodna-Baranavichi) and southern (Brest-Pinsk). There are also just Palessian innovations.

Bibliogr. – 6 sources.

UDC 811.161.3:003.081.4

Shved H. F. **Ÿ – the letter of the modern Belarusian alphabet** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 148–149.

In this article, explore the unique letter of the Belarusian alphabet «Ÿ». The following tasks were solved: the disclosure of origin «Ÿ», changes in spelling were analyzed, the relevance of this letter was investigated. Work shows originality and uniqueness, the only letter in linguistics, but also in the cultural life of Belarusians.

«Ÿ» – letter, which is felt as a symbol, as a kind of identification sign of the Belarusians.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 81'38

Guseva O. N. **Phraseology of scientific and business speech** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 150–152.

The article is devoted to collocations, which are used in scientific and official styles, their characteristics, peculiarities of their creation and functioning in speech. The article discusses the main models used to create phraseological units; presents classification of the models according to component composition; analyses the properties of collocations in scientific and official speech styles in comparison with common phraseology.

The article is addressed to philologists as well as to a wide range of readers, who are willing to raise the level of their competence in the fields of speech culture, practical and functional stylistics.

Bibliogr. – 18 sources.

UDC 81'243

Kozliakova T. A. **Linguistic aspect of the problem of formation and development of verbal skills of foreign students** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 153–155.

In the resume linguistic aspect of teaching international students Russian as a foreign language is analyzed. It says about importance of forming lexical, grammar and pronouncing skills. This article describes specific particular qualities of dialog and monolog types of speech. It pays attention on skills which should be developed in teaching speaking.

Bibliogr. – 5 sources.

UDC 81'246.2

Zhukovskaja T. V. **Features of Russian as a foreign language study in bilingualism** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 156–158.

In this article we will analyze the specifics of learning Russian as a foreign language in Belarus. The existence of bilingualism in our country poses some specific challenges in teaching Russian to foreign students who feel the interfering influence of the Belarusian language environment. We suggest several ways of solving the problem of teaching Russian that will allow to organize the purposeful work of students and their awareness of the Russian national and Belarusian local culture specifics that will contribute to their acculturation in a new verbal environment.

UDC 81'243:811.161.1'373

Miksyuk R. V. **Lexical aspect in the study of Russian as a foreign language** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 159–161.

The article is dedicated to the issues connected with the study process of lexical learning by foreign students on elementary, intermediate and advanced levels. Author's attention is paid to the basic methods used in semantization and activation of lexic, to the types of exercises used in the learning process. The following meanings of lexic semantization are explained in detail: antonymy, synonymy, words formation, lexical compatibility, context, stylistic nuance etc. Also author explains terminology, underlining its importance for the future career growth, and non-equivalent vocabulary, which plays a huge role in intercultural communication.

UDC 81'243

Savitskaja N. E. **Formation of the necessary competencies in the minds of foreign students in the study of Russian as a foreign language** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 162–164.

The article dwells on competences which are necessary to be formed in consciousness of foreign students when studying Russian as a foreign language.

Competences describe the knowledge foreign students should have to use the language for successful communication. Under European approaches, it should be noted that modern language teaching methods comprise new strategies of teaching, and teaching practice should include results of investigations of cognitive linguistics, language picture of the world, interrelation of language and culture.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 37.091.39

Starchenko D. V. **Interactive methods of foreign languages teaching** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 165–167.

Problems of communicative teaching in vocational education have gained prominence in the conditions of growing importance of foreign languages in recent decades as a result of globalization and internationalization. Orientation to new goals in education requires the change of methods and forms in academic activity. A language teacher should master modern methods of teaching, using interactive technologies, which are particularly suitable for intensive teaching of students. The combination of the traditional intensive teaching technology and modern interactive methods is important for the effective teaching of foreign languages in higher schools.

Bibliogr. – 2 sources.

UDC 378.147:811

Rogova O. A. **Academic mobility as a motivating factor for foreign language learning** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 168–170.

The paper focuses on international activity of the university, i. e. academic mobility of students and teachers, as it has a major impact on the university internationalization and its integration into the international academic and research area. Special emphasis is placed on the foreign language proficiency of those students and teachers who are involved in academic mobility and other international projects and programs. The article considers the most important factors promoting the motivation to foreign language learning. Some recommendations are given as to optimize and adapt curricula and classroom management as well as to achieve learning objectives and outcomes.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 37.091.64

Kozhenez T. S. **Organization of teaching process in foreign training center of BSTU and its core activities** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 171–173.

The article touches upon the problem of providing effective teaching of foreign languages, which is an urgent task of higher education today. Organization of training of students and teachers of foreign languages in Language Training Center aims to improve the quality of language education in BSTU. The author of the article formulates the goals and objectives of the Centre of language training, as well as provides the details of the key aspects of perspective directions of its activity. The author explains the necessity of usage of effective communication techniques of teaching and active implementation of innovative technologies in the process of teaching, highlights approaches to

assessing the level of foreign language communicative competence of students of the Centre. Special attention is paid to the content of training programs and how to increase the spectrum of courses offered.

UDC 81'255.2:6:811.112.2

Kozlovskaja N. A. **Competence approach in translation of technical texts in german language lessons** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 174–176.

The author of the article states that technical translation occupies a leading position among all linguistic operations nowadays. The quality demands for that translation are constantly increasing. The basic style feature of a scientific text is clear and exact reproduction of the material which lacks the emotionally-coloured elements. The particular stress is put on the logical side of the translation, and not on its emotional sensitive side.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 37.091.33:159.9

Teplava N. V. **Psychological features of the foreign language study by the students of the technical higher schools** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 177–179.

This article deals with issues of psychological readiness of students to learning of the foreign language in the technical higher educational institutions. The author in detail describes the main methods of increasing the level of the students' language training, considering the social and psychological aspects. The knowledge of psychological features of modern students helps to break the barriers leading to the unwillingness to learn the foreign language. Active use of foreign languages in the professional activities of future engineers remains today one of the main objectives.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 004.0:81'1:27.026

Tsarenkova V. V., Shpanovskaya S. I. **Logical structurization of the training material as means of systematization and generalization of knowledge** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 180–182.

Optimization of the foreign language teaching process is observed in the article. The authors describe the defined pedagogical conditions which optimize the teaching process of the foreign language learning. One of possible versions of step-by-step organization of educational activity in the conditions of new educational standards is developed. On the basis of this approach lies a complex of reflexive and estimating procedures contributing to conceptual self-determination, self-organization and self-education of the student in his professional and social activity.

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 811.161.3(276.3)

Yachnaya T. A. **Associating strategy choice (gender aspect)** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 183–185.

The gender aspect is one of the most important conditions of the studying of linguistic consciousness and national communicative behavior. The thematic scope of the association process is determined by many factors. The veracious ungarbled linguistic worldview should be had only upon conditions of integrated studies. Association experiment is a kind of indicator of the individual's preverbal ability and demonstrates the presence of gender differences in a choosing of associating strategy. Obviously the «feminine» communicative behavior differs from the «male» one and the study of these differences requires special attention.

Bibliogr. – 2 sources.

UDC 802/809-07

Antonova O. S. **Methodology of teaching students in a non-linguistic high school to read professional texts for the generation different forms of secondary utterances** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 186–188.

This article focuses on a new text oriented technique, which aims at developing practical training bases for recoding information derived from special texts in order to build secondary statements. The result of recoding information is a «secondary text». The author proposes the basic model of «secondary texts» and gives a detailed description of the methods for their constructing assisted with appropriate exercises. Particular attention is paid to the graphical representation of the text material, suggesting the filling of mental and conceptual cards, clusters, denotative graphs, schemes «Fishbone».

Bibliogr. – 4 sources.

UDC 81'243:316.77

Vinokurova N. V. **Peculiarities of cross-cultural communication in the process of teaching foreign languages** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 189–191.

The article deals with the peculiarities of cross-cultural communication in the process of teaching of foreign languages. The article describes the definitions of culture and communication, draws our attention to the fact that there is

no single culture that can exist in isolation. In the article the following issue is touched upon: why are there so many difficulties in understanding while representatives of different cultures build contacts between each other? What prevents a successful cross-cultural communication? The author provides us with the methods of teaching of foreign languages in relation to cross-cultural communication.

Bibliogr. – 3 sources.

UDC 338.46:37

Yanukovich E. I. **Image making factors contributing to branding of educational services** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 192–195.

The article analyzes actual problems of university image making and its competitiveness on international market of educational services as well as their branding as the most actual and effective way to attract and keep customers' attention. The author highlights the factors acceptable for university image making and considers peculiarities of this process on the example of Belarusian State Technological University. There have been emphasized the main components of university image, image making techniques, and underlined the influence of positive image and beneficial effect of university image ideology on the quality of training specialists. The article dwells upon the main approaches to the understanding of image, namely psychological, impressionable and schematic ones and the analysis of its two main components – estimating and descriptive.

Bibliogr. – 6 sources.

UDC 802/809-07

Senikova T.A. **The technique of verbal skills formation and the basic principles of teaching speaking a foreign language** // Proceedings of BSTU. 2014. No. 5: History, philosophy, philology. P. 196–198.

The basic methods of speech skills as well as the basic principles of teaching speaking a foreign language are considered in this article. It is also about the development of effective means of the formation of the skill of speaking – dialogues and monologues. Exercises done by students, are intended eventually to form and polish the ability to navigate in natural communication situations that promotes linguistic independence of students. The article also emphasizes that the basis of successful verbal communication is a communicative situation, and that the situation and speech are closely interconnected, and that language is undergoing development through the situation and can not be separated from it.

Bibliogr. – 5 sources.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	3
Крючек П. С., Сергеев В. Н. Проблема включения белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX в.	3
Сяменчык М. Я. Советы рабочих, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў Беларусі (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) у асвятленні айчыннай гістарыяграфіі	7
Райчонак А. А. Гістарыяграфія праблем беларускай дзяржаўнасці пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г.	11
Сергеев В. Н., Крючек П. С. Образ Беларуси и белорусов в трудах российских и белорусских историков во второй половине XIX – начале XX века	15
Матвеев О. В. Белорусы на Кубани и в Черноморье в конце XVIII – первой половине XIX в.	19
Дамарад А. А. Асаблівасці дзейнасці дваранскіх дэпутацкіх камісій у Беларусі і Украіне ў першай палове XIX ст.	22
Острога В. М. История народного образования и учительства Беларуси в исследованиях второй половины XIX – начала XX вв.	26
Козляков В. Е. К вопросу об организации переселений из Беларуси в южные регионы СССР (20–30-е гг. XX в.)	30
Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычнае жыццё на этапе правядзення земскіх выбараў: па матэрыялах беларускіх губерняў (верасень-кастрычнік 1917 г.)	34
Дзянісаў А. У. Уплыў еўрапейскага рэгіяналізму на краязнаўчы рух Савецкай Беларусі ў 1920-я гг.	37
Каляда І. У. Дзяржаўная моўная палітыка і станаўленне савецкай беларускай літаратуры ў 1920–1930-я гады ў БССР	41
Коваль В. У. Асаблівасці супрацоўніцтва беларускай і ўкраінскай эміграцыі ў краінах Лацінскай Амерыкі (1918–1939).....	45
Острога В. А. Изучение зарубежной экономической истории в Белорусском государственном институте народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. 1944–1991	49
Якуш Н. М. Арганізацыя навучальнай сістэмы павышэння тэхнічнай кваліфікацыі рабочых сельскагаспадарчай вытворчасці БССР у 1976–1985 гг.	53
Александрович П. И. Социализация личности студента	56
Жарина Л. В. Проблема сохранения культур в условиях глобализации	60
Зайцев А. А. Развитие взглядов ведущих стран НАТО на применение вооруженных сил	63
Гринева Е. А. Полиэтническая культура как социокультурный феномен: сущность, генезис, подходы	66
ФИЛОСОФИЯ	69
Водопьянов П. А. Становление новой цивилизации в условиях биосферного века	69
Шалаев В. П. Система «Человек – Человек»: новые вызовы и старые проблемы (несколько тезисов о человеческой сущности): синергетический подход	73
Бурак П. М. Вызовы и возможные следствия трансформации общества в условиях глобализации	78
Пунченко О. П. Защита информации как маркер цивилизационного развития человечества	82
Шалаева А. В. Мифология в романтической науке: символика Фридриха Крейцера	87
Бурнашев К. Э. Методологический потенциал хронотопа в вопросах исследования социального пространства	91
Шалаева С. Л. Педология в России: историческая судьба и упущенные возможности (социально-философский аспект).....	95
Лазаревич Н. А. Социально-экологические аспекты качества жизни	99
Дыдышко И. И. Развитие технического знания как культурогенного процесса	102

Сидоренко И. Н. Насилие языка	106
Цыра А. В. Инновационность науки как универсальный феномен современного социально-экономического развития общества	109
Кожич Н. М. Православное духовное образование в жизни современного белорусского общества	113
Матусевич О. А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия	116
Сергеева Е. М. Особенности правового регулирования сделок с недвижимым имуществом. Аренда	119
Зенькович В. А. К вопросу об изучаемой учебной дисциплине «Основы управления интеллектуальной собственностью» в Белорусском государственном экономическом университете ...	122
ФИЛОЛОГИЯ	125
Трус М. В. Українські вектар творчых зацікаўленняў Уладзіміра Жылкі	125
Федарцова Т. М. Асаблівасці сінтаксічных сродкаў у паэзіі другой паловы ХХ і пачатку ХХІ стагоддзяў	129
Шаўлякова-Барзенка І. Л. Мастацкая (сама)ідэнтыфікацыя: тэарэтычная легітымацыя паняцця ў кантэксце развіцця найноўшай беларускай літаратуры	135
Гарадніцкі Я. А. Праблема аўтара ў беларускім літаратуразнаўстве	140
Босак В. М., Босак А. А., Клімчук Ф. Д. Асаблівасці інавацыйных з’яў у гаворках Верхняга Над’ясельдзя	145
Швед Г. Ф. Ё – літара сучаснага беларускага алфавіта	148
Гусева О. Н. Фразеология научной и деловой речи	150
Козлякова Т. А. Лингвистический аспект проблемы формирования речевых навыков и развития речевых умений иностранных учащихся	153
Жуковская Т. В. Особенности изучения русского языка как иностранного в условиях билингвизма	156
Миксюк Р. В. Лексический аспект при изучении русского языка как иностранного	159
Савіцкая Н. Я. Фарміраванне неабходных кампетэнцый у свядомасці замежных навучэнцаў пры вывучэнні рускай мовы як замежнай	162
Старченко Д. В. Интерактивные технологии в обучении иностранным языкам	165
Рогова О. А. Академическая мобильность как фактор повышения мотивации к изучению иностранных языков	168
Коженец Т. С. Организация обучения в Центре языковой подготовки БГТУ и актуальные направления его работы	171
Козловская Н. А. Компетентностный подход при переводе технического текста на занятиях по немецкому языку	174
Теплова Н. В. Психологические особенности изучения иностранного языка студентами технических вузов	177
Царенкова В. В., Шпановская С. И. Логическая структуризация учебного материала как средство систематизации и обобщения знаний	180
Ячная Т. А. Выбор стратегии ассоциирования (гендерный аспект)	183
Антонова О. С. Методика обучения студентов неязыкового вуза чтению профессиональных текстов с целью порождения различных форм вторичных высказываний	186
Винокурова Н. В. Особенности межкультурной коммуникации в ходе обучения иностранным языкам	189
Янукович Е. И. Имиджеобразующие факторы содействия брендингу образовательных услуг ...	192
Сенькова Т. А. Методика формирования речевых навыков и основные принципы обучения говорению на иностранном языке	196
РЕФЕРАТЫ	199
RESUME	210